
Старинныя
Сказанія Чешскаго Народа
Составилъ
А. Ирасекъ
V. Černý
t.me/BooksLostAndFound

Старинныя
Сказанія Чешскаго Народа

Составилъ

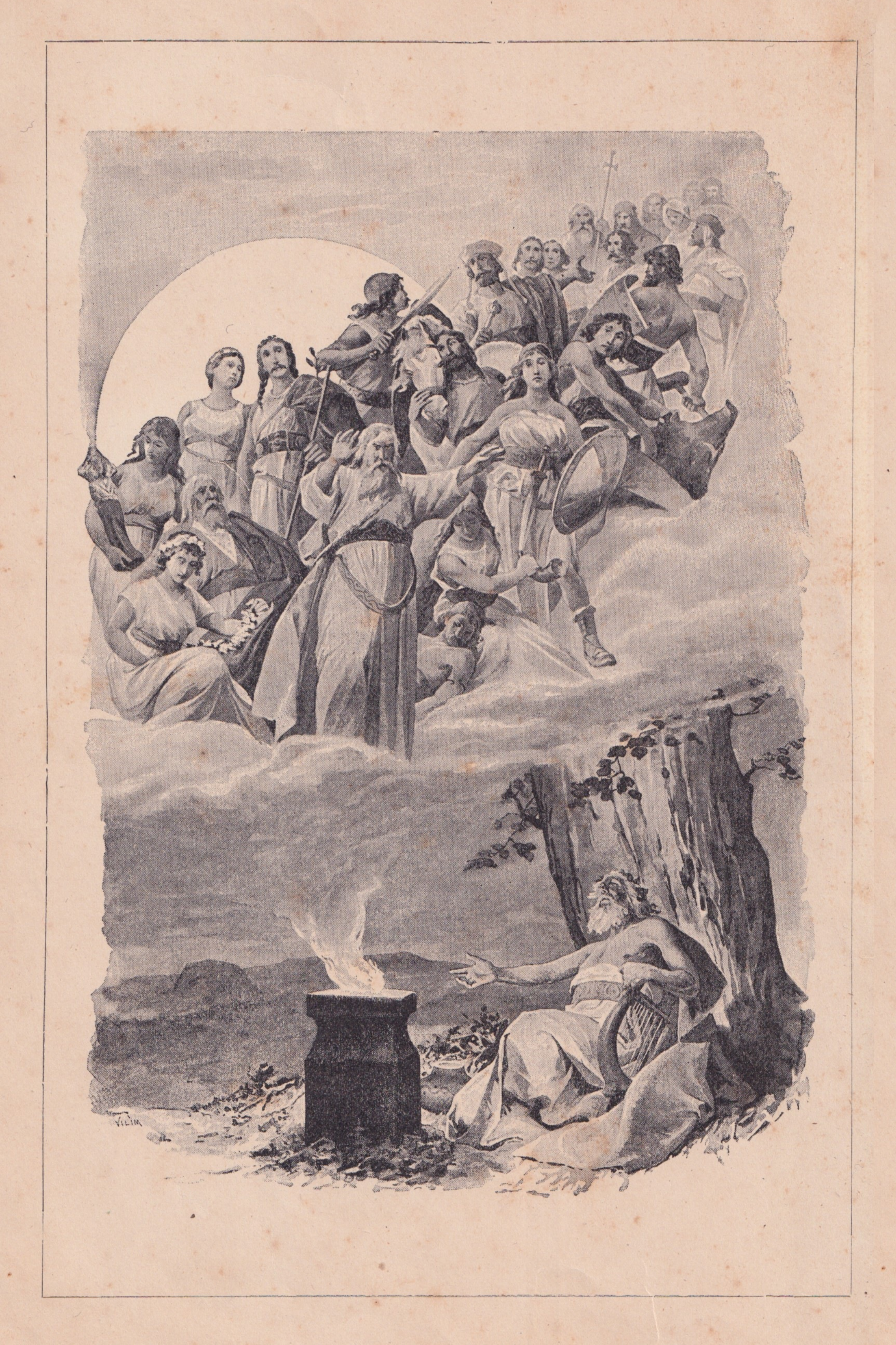
А. Ирасекъ

Изданіе А. Ф. Девріена С. Петербургъ

СТАРИННЫЯ

Сказанія Чешскаго Народа.

VILIM

СТАРИННЫЯ

СКАЗАНІЯ ЧЕШСКАГО НАРОДА.

СОСТАВИЛЪ

А. ИРАСЕКЪ.

Переводъ съ чешскаго **М. А. ЛЯЛИНОЙ.**

Съ 93 иллюстраціями Венцеслава Че́рнаго.

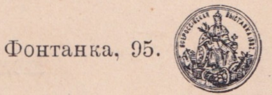
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. ДЕВРІЕНА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Октября 1898 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «В. С. Балашевъ и К°», Фонтанка, 95.
1899.

Предисловіе.

Чехи, народъ соплеменный русскому народу, живутъ на западѣ Европы въ Чехіи, Моравіи и Силезіи, а ихъ вѣтвь, словаки—въ сѣверной Венгріи, гдѣ ихъ болѣе двухъ милліоновъ.

Чехи—народъ образованный. Они имѣютъ славное прошлое, которое питаетъ ихъ литературу, начиная съ среднихъ вѣковъ и до нашего времени.

Чешскаго литературнаго языка держались прежде и словаки, но теперь они пишутъ на своемъ нарѣчіи.

Изъ давнѣйшихъ временъ сохранились у чеховъ сказанія о воеводѣ Чехѣ, приходъ котораго относятъ къ половинѣ V в. по Р. Х., о Любушѣ и Пржемыслѣ, жившихъ въ VII ст. Предпослѣдній языческій князь былъ Неклань, княжившій около 820 г. по Р. Х.

Вѣру Христову чехи приняли отъ Св. Апостоловъ Кирилла и Меѳодія въ IX ст. Въ ту пору народъ чешско-славянскій населялъ два государства: княжество Чешское и королевство Моравское, заключавшее въ себѣ значительную часть нынѣшней Венгріи (Словенскую). Св. Меѳодій проповѣдывалъ христіанское ученіе въ землѣ Моравской въ царствованіе Святополка, о которомъ повѣствуетъ одно изъ нашихъ сказаній. Послѣ смерти Святополка, Моравская земля подпала подъ власть дикихъ мадьяръ (венгровъ); но Чешское кня-

жество уцѣлѣло, а позднѣе къ нему присоединилась и земля Моравская. Словаки же (словенцы) остались во власти венгровъ.

Въ XIII ст. княжество чешское возведено было въ королевство. Тогда нѣкоторые изъ чешскихъ королей возымѣли несчастную мысль пригласить нѣмецкихъ колонистовъ, которые и поселились на границѣ Чехіи и Моравіи съ нѣмецкой землей. Нынѣ ихъ въ Чехіи $^1/_3$, въ Моравіи $^1/_4$ всего населенія. Въ Силезіи же нѣмецкіе колонисты такъ размножились, что чехи остались въ меншинствѣ.

Королевство чешское особенно процвѣтало въ XIV ст. при Карлѣ IV, память о которомъ жива въ сердцахъ народа, такъ же, какъ о несчастномъ сынѣ его Вячеславѣ IV. Въ царствованіе послѣдняго жилъ и дѣйствовалъ въ Прагѣ знаменитый Янъ Гусъ, талантливый писатель и проповѣдникъ. Въ чешскомъ университетѣ онъ отстаивалъ права своего народа противъ нѣмцевъ, а въ проповѣдяхъ смѣло обличалъ пороки владыкъ римской церкви, за что и поплатился жизнью. На Констанцкомъ соборѣ онъ былъ осужденъ и сожженъ на кострѣ (1415) *). Ученіе его распространилось въ чешскомъ народѣ, который продолжалъ горячо отстаивать свою религію и національность, несмотря на сильный отпоръ венгровъ и нѣмцевъ.

Въ началѣ гуситскихъ войнъ прославился чешскій земанъ (помѣщикъ) Янъ Жижка одноглазый, а потомъ и совсѣмъ слѣпой. Это былъ замѣчательный стратегъ, память о которомъ дорога чешскому народу. Онъ изобрѣлъ систему укрѣпленій посредствомъ повозокъ, и эта система, позднѣе, примѣнялась казаками, заимствовавшими ее у гетмановъ и

*) О Вячеславѣ IV и казни Гуса въ книгѣ: «Юрій Збигонь» Соч. М. А. Лялиной. Изд. А. Ф. Девріена.

солдатъ чешскихъ, служившихъ послѣ гуситскихъ войнъ за границей, преимущественно въ Польшѣ.

Послѣ смерти одного изъ славнѣйшихъ королей чешскихъ, Юрія Подебрата, сдѣлался королемъ Владиславъ, королевичъ польскій. При немъ произошелъ случай съ кутногорскими рудокопами. Въ его же царствованіе распространилось ученіе такъ-называемыхъ „чешскихъ (моравскихъ) братьевъ“, возникшее изъ ученія гуситскаго.

Въ началѣ XVII ст. возстало чешское дворянство, большинство коего тогда было не католическимъ, противъ Фердинанда II. Исходъ этого возстанія былъ роковымъ для чешскаго народа. Въ сраженіи при Бѣлой Горѣ (1620) чешское войско было разбито на голову, дворянство потеряло свои помѣстья, вожди возстанія поплатились жизнью; въ то же время пострадалъ и народъ. Въ конфискованныхъ помѣстьяхъ засѣли нѣмцы. Всякіе послѣдователи евангелическаго ученія и чешскіе братья были изгнаны. Въ числѣ послѣднихъ находился старшина братской общины, Янъ Коменскій, извѣстный всему міру реформаторъ школьнаго дѣла, ученый и писатель. Объ этомъ изгнаніи повѣствуетъ трогательное сказаніе: „Розовая лужайка“. Къ этой же эпохѣ относится гоненіе на крестьянъ, обремененіе ихъ непосильною барщиною и закрѣпощеніемъ тѣхъ, которые оставались еще свободными. Притѣсненія сельскаго люда описаны въ сказаніи: „Божій судъ“.

Словаки съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ подпали подъ власть венгровъ, уже не возвращали себѣ своей независимости. За притѣсненіе своихъ сородичей мстилъ Яношекъ, сказаніе о которомъ очень распространено между словаками.

Какъ русскіе чтутъ первопрестольную Москву, такъ чехи чтутъ свою старую королевскую Прагу, называя ее „матушкою“. Прага есть средоточіе всей культурной жизни

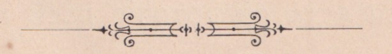
Чехіи. Въ Прагѣ находится старинный чешскій университетъ и много другихъ замѣчательныхъ учрежденій. Тамъ собирается сеймъ королевства Чешскаго; тамъ же находятся Градчаны, королевскій замокъ съ стариннымъ готическимъ храмомъ Св. Вита, въ которомъ покоится прахъ королей чешскихъ.

Неудивительно, что такое старинное мѣсто съ такихъ славнымъ прошлымъ богато разнообразными сказаніями и легендами. Ихъ мы и предлагаемъ въ настоящей книгѣ читателю.

Трудолюбивый, подвижной и впечатлительный чешскій народъ обладаетъ цѣлымъ кладомъ сказаній, пѣсенъ и сказокъ. Каждое сказаніе основано на исторической дѣйствительности, хотя конечно, переходя изъ устъ въ уста втеченіе многихъ поколѣній, подробности его подверглись историческимъ прикрасамъ и нѣсколько видоизмѣнились.

Помимо устной передачи, сказанія дошли до потомства посредствомъ лѣтописей. Старѣйшимъ лѣтописцемъ, писавшимъ по-латыни, былъ Косьма, современникъ русскаго лѣтописца Нестора, славной памяти. Тѣ же сказанія, значичительно разработанныя и писанныя на чешскомъ языкѣ, даетъ намъ хроника Далимилова, въ XIV ст. Сказаніе о Горомірѣ, Карлѣ IV, Вячеславѣ и нѣкоторыхъ другихъ взяты изъ хроники Гайковой XVI ст. Всѣ эти сказанія, такъ-же, какъ и пророчества, помѣщенныя въ концѣ книги, очень популярны въ землѣ чешской.

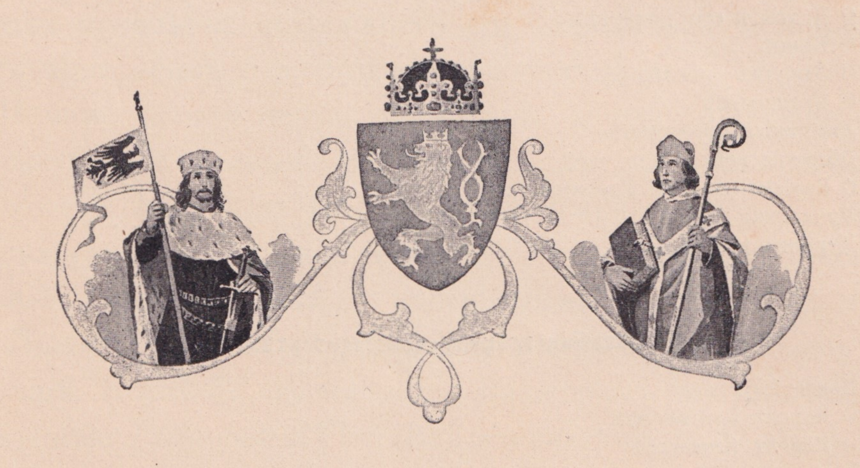
Примите сочувственно сказанія народа, который любитъ и чтитъ русскій народъ, и уже болѣе тысячи лѣтъ, оберегаетъ свою національность противъ напора чужеземцевъ, черпая силу въ сознаніи принадлежности своей къ великой семьѣ славянской.

Содержаніе.

Стран.

Старинныя пророчества.

Сказанія временъ языческихъ.

Сказанія и легенды чешскаго народа, полныя поэтической прелести, дошли до насъ изъ временъ давно минувшихъ, отъ поколѣній, поклонявшихся богамъ въ дремучихъ лѣсахъ и приносившихъ жертвы родникамъ тихихъ долинъ, озерамъ, рѣкамъ и живому огню.

Сказанія эти повѣствуютъ о томъ, какъ пришли чехи и заселили землю по Эльбѣ, Влетавѣ и другимъ рѣкамъ. Земля эта называется Чехія, а у нѣмцевъ зовется Богеміей.

Оглянемся назадъ и посмотримъ, каковъ былъ видъ той земли, въ которой обитаютъ теперь чехи.

Городовъ совсѣмъ не было, а въ немногихъ деревняхъ, отстоявшихъ далеко другъ отъ друга, доживала свой вѣкъ небольшая горсточка древнѣйшихъ обитателей этихъ мѣстъ.

Земля лежала нетронутая плугомъ. Человѣка почти не было видно.

Дремучіе лѣса вѣнчали горы и съ горъ спускались въ долины. Между ними зеленѣли обширные луга съ густою, сочною травою. Вдоволь было болотъ и трясинъ съ бездонными омутами, въ которые смотрѣлись кудрявыя верхушки высокихъ деревьевъ и столѣтніе, поросшіе сѣдымъ мхомъ пни. Въ водѣ плескались безчисленныя водяныя птицы и своимъ крикомъ нарушали тишину пустыни.

Людская нога почти не попирала дѣвственной почвы; зато звѣрямъ здѣсь было полное раздолье. Никѣмъ не потревоженные, плодились они, множились и наполняли землю. Медвѣдь бродилъ по лѣсу, разыскивая дуплистыя деревья, которыя гудѣли отъ роя пчелъ, работавшихъ внутри. Кабанъ рылся въ мягкой лѣсной почвѣ; а въ густой заросли шмыгала лисица и дикая кошка. Въ листвѣ, притаившись, сидѣла рысь, высматривая добычу; издали доносился ревъ зубра, идущаго на водопой. Олени и лани спокойно ходили стадами; на сочныхъ лугахъ паслись серны. Высоко, надъ лѣсомъ, въ солнечномъ воздухѣ, парили цари пернатыхъ—каменные орлы и ихъ сородичи. На скалахъ гнѣздились хищныя птицы: соколы, коршуны, совы и филины.

Рѣки, ручьи и озера кишѣли рыбою; выдрѣ, пріютившейся въ заросли ольхи, оплетенной хмѣлемъ, была хорошая пожива. Бобры сооружали свои замысловатыя жилища и никто не безпокоилъ ихъ.

Подъ стать вѣтру и лѣсному шуму журчали потоки, струились рѣки; на бѣломъ прибрежномъ пескѣ блестѣли на солнцѣ песчинки чистаго золота. Неизвѣданныя нѣдра земли заключали въ себѣ огромныя богатства въ видѣ благородныхъ металловъ.

Жизнь била ключомъ, и природа щедро разсыпала свои дары. Страна ждала только трудолюбиваго человѣка, который могъ-бы за свой трудъ быть вознагражденъ сторицею.

И человѣкъ пришелъ. Пришелъ и вспахалъ дѣвственную почву, окропилъ ее трудовымъ потомъ и освятилъ кровью, пролитою въ безчисленныхъ схваткахъ съ враждебными племенами.

Изъ родной земли славянской пришли эти люди съ вождемъ своимъ Чехомъ. Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ преданіе.

Воевода Чехъ.

За Татрами, въ привислянской равнинѣ, залегала съ незапамятныхъ временъ Хорватская земля, часть великой Славянской земли. Въ той Хорватской землѣ обитали многочисленныя племена, родственныя по языку, нравамъ и обычаямъ

И начались между этими племенами кровавыя расприза границы и угодья. Возсталъ родъ на родъ, и много людей погибло.

Въ тѣ поры два брата изъ могущественнаго рода, Чехъ и Лехъ, сговорились покинуть родину, оскверненную междоусобіями и поискать новыхъ мѣстъ, гдѣ бы можно было спокойно жить и трудиться.

Они издавна привыкли съ любовію воздѣлывать землю, засѣвать ее различными хлѣбами, ковать коней и разводить большія стада овецъ и коровъ.

Какъ сказали, такъ и сдѣлали. Собрали свое племя, принесли жертвы богамъ, вынесли дѣдокъ (домашнихъ боговъ) и, простившись съ землей отцовъ, вышли на западъ солнца и отправились въ невѣдомыя страны. Шли родъ за родомъ, каждый родъ изъ нѣсколькихъ семействъ, все пріятелей или родственниковъ. Впереди шли развѣдчики и вооруженные мужи, потомъ Чехъ, маститый вождь съ сѣдою бородою, полный силы и мужества; его братъ Лехъ и вокругъ нихъ владыки родовъ, всѣ на коняхъ. За ними слѣдовали старики, женщины и дѣти, кто верхомъ, кто на фурахъ, затѣмъ стада и, наконецъ, опять вооруженные мужи, которые замыкали шествіе.

Сперва переселенцы шли по землямъ родственныхъ племенъ. Когда дошли до границы Хорватской земли и перешли рѣку Одеръ, то вступили въ страну гористую, неизвѣстную.

Но и тамъ еще встрѣчали они селенія, гдѣ говорили на ихъ языкѣ; и такъ дальше, до рѣки Лабы *).

По мѣрѣ того какъ переселенцы двигались впередъ, край становился пустыннѣе и пустыннѣе. Далеко другъ отъ друга отстояли селенія, и обыватели, одѣтые въ звѣриныя шкуры, говорили уже на чужомъ языкѣ. Они были немногочисленны, но храбры и встрѣчали чужеземцевъ съ оружіемъ въ рукахъ. Чехъ и Лехъ съ дружиною—этихъ людей побѣдили, жалкія жилища ихъ въ шалашахъ и землянкахъ раззорили и пошли дальше.

Тяжела была дорога черезъ дремучіе лѣса и топкія болота, поросшія камышемъ и осокой. Вечеромъ зажигали костры и поддерживали ихъ до утра, чтобы свѣтъ, проникая въ лѣсную чащу, отгонялъ отъ стана хищныхъ животныхъ.

Такъ дошли они и до третьей великой рѣки, Влетавы, которая текла по дикимъ пустыннымъ мѣстамъ. Перешли на другой берегъ. Тутъ народъ началъ роптать, что не видно конца пути и неизвѣстно, гдѣ придется приклонить голову.

---

*) Эльбы.

Тогда воевода Чехъ, указавъ на высокую гору Рипъ, синѣвшую вдали надъ обширною равниною, сказалъ:

„Пойдемте къ этой горѣ; у подошвы ея пусть отдохнутъ дѣти и животныя“.

Пошли и расположились, какъ указалъ Чехъ, у подошвы горы. Владыки и старшины осмотрѣли окрестную землю, и нашли, что она плодородна. Рано утромъ, едва забрезжила заря, всталъ Чехъ, и одинъ пошелъ на гору лѣсомъ, куда не успѣлъ еще проникнуть дневной свѣтъ.

Съ вершины открылась передъ нимъ страна вольная, широкая, съ лѣсами и рощами, лугами и нивами. Многоводныя рѣки вились среди буйной зелени серебристыми лентами.

И возрадовалось сердце стараго Чеха. Созерцая чудный край, онъ почувствовалъ, что край этотъ предназначенъ богами его племени и потомкамъ ихъ.

Сойдя внизъ, онъ созвалъ владыкъ и сообщилъ имъ, что видѣлъ. Многіе отправились изслѣдовать окрестности и все что видѣли, шибко понравилось имъ: рѣки рыбныя, земля плодородная, угодья богатыя, для поселенія вполнѣ пригодныя.

На третье утро, едва показалось изъ-за лѣса солнце, Чехъ позвалъ брата, владыкъ и старшинъ, и велѣлъ имъ собрать народъ. Взойдя съ ними на гору, откуда открывался обширный видъ, онъ промолвилъ къ нимъ такъ:

„Не будете больше тосковать и роптать. Мы обрѣли благодатный край, гдѣ можемъ остаться и заложить поселенія. Вотъ та земля, которую мы искали. О ней я говорилъ, и ее обѣщалъ вамъ. Земля обѣтованная, звѣрьми и птицей богатая, медомъ сдобренная; станете жить въ довольствѣ, а вонъ тѣ горы будутъ служить вамъ охраною противъ непріятеля. Вотъ она, передъ вами, земля ваша. Только нѣтъ у нея имени. Подумайте и погадайте, какъ ее назвать.

— Твоимъ именемъ; пусть назовется твоимъ именемъ земля наша! воскликнулъ, словно по внушенію свыше, старецъ съ длинной бѣлой бородой, старѣйшій изъ всѣхъ стар-

шинъ. За нимъ всѣ владыки, старшины и весь народъ крикнули въ одинъ голосъ:

— Твоимъ именемъ!

— По тебѣ пусть и зовется земля.

Тронутый единодушіемъ народа, воевода Чехъ преклонилъ колѣна и облобызалъ землю, новую отчизну его племени. Затѣмъ онъ всталъ, простеръ руки надъ землею и, благословивъ ее, сказалъ:

„Привѣтствую тебя, земля святая, намъ предназначенная. Охрани насъ отъ опасностей; да размножится въ тебѣ родъ нашъ, и да будетъ онъ благословенъ отнынѣ и до вѣка".

Съ ликованіемъ поставилъ старый Чехъ на землю дѣдковъ, которыхъ несли отъ самой родины, завернутыми въ бѣлое полотно, и на пылающемъ жертвенникѣ принесъ благодарственную жертву.

* * *

Настала пора хлопотливой тяжелой работы; землю раздѣлили и начали ее обрабатывать. Лѣсъ рубили, или огнемъ сводили, пни корчевали, луга и нивы распахивали.

Рубили бревна и ставили хаты, крытыя соломою. Каждый родъ селился особо на отведенномъ ему участкѣ земли.

Сады, поля и луга были частнымъ владѣніемъ семей одного и того же рода; лѣса, пастбища, рѣки—владѣніемъ общиннымъ. И установилось такъ, что каждая деревня составляла одинъ родъ.

У подошвы какого нибудь холма ставились хлѣвы и конюшни, гумна и клуни, и все это обносилось плетнемъ, либо тыномъ. Съ каждымъ годомъ вокругъ селенія расширялись поля, съ каждымъ годомъ земля давала лучшіе урожаи. Рожь, пшеница, ячмень, овесъ и просо волновались на нивахъ какъ зеленое море. На высотахъ нѣжилась сочная зелень льна, а поля яркаго мака окаймлялись полосами темно-зеленой конопли.

Въ лугахъ и липовыхъ рощахъ гудѣли рои пчелъ, которыя держались либо въ колодахъ, либо въ соломенныхъ

ульяхъ, либо попросту въ дуплахъ деревьевъ. Съ каждымъ годомъ множились стада овецъ и коровъ, а въ загородкахъ рѣзвились буйные жеребята и рѣзвыя кобылицы.

Избранный староста управлялъ всѣмъ родомъ и его владѣніями. Онъ совершалъ публичныя моленія, приносилъ жертвы, принималъ гостей, разбиралъ тяжбы и назначалъ людямъ работу. Каждый имѣлъ свой урокъ, свое дѣло. Женщины занимались домашнимъ хозяйствомъ, пряли и ткали полотна и сукна, шили бѣлье и одежду мужскую и женскую, платья, юбки, плащи и тулупы. Мущины пасли стада, оберегая ихъ отъ хищныхъ животныхъ, работали на поляхъ и въ лѣсу; охотились на звѣря съ лукомъ, стрѣлами и копьями, ставили капканы, устраивали западни и ямы, куда чаще всего попадались волки, жестокіе губители стадъ.

Жизнь кипѣла ключемъ. Съ пастбищъ доносились звуки пастушеской свирѣли, съ полей и садовъ—пѣсни молодыхъ работниковъ. Но въ полуденную пору никому не пришло бы на умъ пѣть пѣсни. Въ этотъ часъ соблюдалась глубокая тишина. Люди словно замирали, а съ полей къ людскимъ жилищамъ скользили, словно легкія тѣни, полуденницы въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, высматривая нѣтъ-ли гдѣ безпризорныхъ дѣтей. Выходили безобразныя колдуньи, большеголовыя съ неравными глазами. Онѣ насылали на людей болѣзнь и горе. Появлялись лѣсныя дѣвы съ золотыми волосами...

Люди боялись этихъ таинственныхъ духовъ; особенно язинокъ, которыя усыпляли людей и вылущивали имъ глаза; боялись блуждающихъ душъ, которыя въ видѣ зеленыхъ огоньковъ появлялись на болотѣ. Со страхомъ обходили люди озера и топи, гдѣ скрывались водяные, куда заманивали прохожихъ блѣднолицыя русалки въ зеленыхъ одеждахъ.

Но больше всего страшились Перуна, владыки грома и молніи, и иныхъ могучихъ боговъ, а также бѣсовъ, которые обезсиливаютъ человѣческое тѣло, ломаютъ кости и затемняютъ разумъ. Чтобы умилостивить ихъ, къ родникамъ приносили дары, черныхъ куръ, либо голубей. Приносили жертвы

могущественному Велесу, хранителю стадъ отъ падежа и иныхъ бѣдствій.

Внутри ограды, въ селеніяхъ, жилось спокойнѣе. Въ домахъ хранились домашніе боги, дѣдки, духи предковъ, изображенія которыхъ стояли на почетномъ мѣстѣ, у огнища. Эти добрые духи оберегали стада, имущества и содѣйствовали процвѣтанію дома.

Когда-же осенью опадали листья и густые туманы клубились въ воздухѣ, когда зимою замерзала земля и покрывалась снѣгомъ, семьи собирались въ просторной горницѣ съ крѣпкимъ потолкомъ и плотно затворенными окнами. Большая, сложенная изъ камней печь нагрѣвала горницу; огонь, горѣвшій на огнищѣ, освѣщалъ ее, и яркій его отблескъ дрожалъ на стѣнахъ, гдѣ развѣшаны были щиты, обтянутые темной кожей, сѣти, луки, деревянные колчаны со стрѣлами, булатные мечи, крѣпкія копья и тяжелые каменные молоты, рога оленей и зубровъ, отъ которыхъ ложились на стѣнахъ причудливыя тѣни.

При этомъ трепещущемъ свѣтѣ семья и челядь занималась работой. Жены пряли, мужи исправляли утварь, готовили оружіе, либо—утомленные послѣ охоты, отдыхали. Немало было говору, разныхъ сказаній и пѣнія старинныхъ пѣсенъ. Охотники разсказывали о борьбѣ съ медвѣдями и зубрами, о продѣлкахъ лѣсныхъ духовъ, которые, будучи невидимы, заводили охотниковъ въ непролазныя чащи, болота и губили ихъ.

Сѣдой старикъ съ бѣлою бородою любилъ останавливаться мысленно на далекой покинутой родинѣ, разсказывалъ о сраженіяхъ и стычкахъ, вспоминалъ храбрыхъ героевъ и какого-то воеводу, который, вставъ въ полночь передъ битвой, отошелъ отъ стана и завылъ волкомъ. Ему отозвался волкъ изъ лѣсу, вслѣдъ за которымъ завыло волковъ множество.

Затѣмъ шла рѣчь о страшныхъ видѣніяхъ во мракѣ ночи на болотахъ, поляхъ и въ густыхъ лѣсахъ; объ огненныхъ змѣяхъ, несущихся по темному небу, о бабѣ-ягѣ, стерегущей живую и мертвую воду; о бѣлыхъ судьбичкахъ, появляю-

Не мало было говору, разныхъ сказаній...

щихся у колыбели новорожденнаго, о колдуньяхъ и вѣдьмахъ, о худыхъ и добрыхъ предзнаменованіяхъ... Съ благоговѣйнымъ страхомъ внимали присутствующіе этимъ таинственнымъ сказаніямъ своего рода и племени.

Догоралъ огонь, и члены семьи, поручивъ себя и имущество свое охранѣ предковъ, ложились на ложа, устланныя звѣриными шкурами. Духи предковъ заботливо охраняли ихъ.

Такъ жила и цвѣла родовая связь и родственная любовь, переходя изъ рода въ родъ, соединяя живыхъ и мертвыхъ и поддерживая связь между настоящимъ и давнопрошедшимъ.

Огражденное тыномъ и занесенное снѣгомъ селеніе затихало во мракѣ ночи; только изрѣдка слышался лай и вой псовъ, почуявшихъ волка, глаза котораго сверкали какъ искры; да съ рѣки порою доносился пискъ выдры.

Въ пору снѣга и льда, сумрака и ночи властвовала Морена, богиня смерти. Но власть ея длилась до тѣхъ поръ поръ, пока по волѣ Божіей не начинало ярче свѣтить солнышко и согрѣвать землю. Растоплялись ледяныя оковы, и народъ во всѣхъ градахъ и вѣсяхъ оживалъ духомъ. Съ пѣснями шла молодежъ къ рѣкамъ и потокамъ, бросала въ рѣку изображеніе зимы и смерти и радостными возгласами славила весну, возлюбленную богиню яра.

А солнце поднималось все выше и выше, освѣщая волнующіяся нивы и цвѣтущіе луга.

Наступалъ праздникъ солнце-поворота. Ночь передъ самымъ длиннымъ днемъ была полна чудесъ. Цвѣты окропленные росою этой ночи, считались одаренными волшебной силой и цѣлебной мощью. Ихъ хранили вмѣстѣ съ корнями чернобыльника, отца всѣхъ кореньевъ, въ огражденіе отъ бѣсовъ и злыхъ духовъ, которымъ приписывалась особая сила въ эту таинственную ночь.

На всѣхъ холмахъ и возвышенностяхъ зажигались огни, бросавшіе свѣтъ на далекое пространство. Разносились по вѣтру пѣсни дѣвицъ и юношей, увѣнчанныхъ цвѣтами. Кружась вокругъ костра, они пѣли, величая великую мощь Божьяго солнца, дающаго жизнь, силу, любовь и радость.

Послѣ лѣтняго солнце-поворота наступало время жатвы. Затѣмъ шла осень и опять зима. Годъ бѣжалъ за годомъ; чешское племя разросталось и множилось.

Молва о немъ доходила до старой родины и побуждала новыя толпы народа слѣдовать по тому же пути. И стало чеховъ несчетное множество. И разселялись они, захватывая все больше и больше земли на полдень и полночь, на восходъ и западъ, вдоль рѣкъ и горъ, залагая новыя вѣси и грады.

Въ городахъ ставили старостъ и леховъ, обязанныхъ охранять обывателей. Въ нихъ же укрывали женъ, дѣтей, старцевъ, скотъ и имущество на тотъ случай, когда непріятель вторгался въ землю. Мѣсто для градищъ, (укрѣпленныхъ городовъ, крѣпостей) выбирали на островахъ, либо на скалахъ, либо въ лѣсахъ, окруженныхъ моховыми болотами, которыя засасывали всѣ тропинки. Казалось, что и дорогъ къ этимъ городкамъ не было; но обыватели умѣли находить ихъ. Вокругъ тѣхъ градищъ насыпали высокіе валы, иногда въ три ряда. На валахъ сооружали изъ толстыхъ бревенъ высокія стѣны съ вышками, и въ одномъ мѣстѣ прорубали ворота.

Родъ Леха, Чехова брата, разросся такъ сильно, что ему стало тѣсно. И задумалъ Лехъ поискать новой земли, на востокѣ. Воевода Чехъ и весь народъ не хотѣли отпустить его; но Лехъ остался непреклоннымъ. Просили его, по крайней мѣрѣ, не уходить далеко, чтобы, въ случаѣ опасности отъ непріятеля, придти къ нимъ на помощь. Лехъ выслушалъ эту просьбу и сказалъ:

„О милые братья, сыны и мужи земли чешской. Никогда не забуду я, что принадлежу къ вашему племени, и не уйду такъ далеко, чтобъ не слыхали вы обо мнѣ и я о васъ. Дамъ вамъ знать, въ какихъ краяхъ осяду я. На третій день по нашемъ выступленіи, прежде чѣмъ засіяетъ денница, поднимитесь на Рипъ и глядите вдаль. Гдѣ запылаетъ большой огонь и вздымутся къ небесамъ столбы дыма, тамъ, знайте, мы осѣли.

Въ назначенный день, передъ разсвѣтомъ, толпы народа взошли на Рипъ. Между восходомъ и полуднемъ, въ туман-

ной дали, они увидали большое зарево, а когда взошло солнце, оттуда же повалилъ густой дымъ. Чехи поняли, что въ той сторонѣ осѣлъ Лехъ и родъ его.

Основавшись, Лехъ построилъ городъ, окружилъ его высокимъ валомъ и назвалъ его Коуржимомъ.

* * *

Минуло 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ воевода Чехъ пришелъ въ землю, названную его именемъ. Когда онъ достигъ 86 лѣтъ, исполнились дни его, и онъ уснулъ навѣки. Народъ совершилъ по немъ тризну и оплакивалъ его какъ родного отца, восклицая:

«Ты былъ воевода и отецъ нашъ! Ты привелъ насъ въ эту прекрасную страну! Ты былъ справедливымъ правителемъ и защитникомъ своего рода и племени! О горе, горе! кто теперь будетъ править нами и оберегать насъ!»

Всѣ до единаго скорбѣли объ усопшемъ, хотя и вѣрили, что душа его вознеслась въ тѣ блаженныя страны, гдѣ цвѣтетъ вѣчная весна и гдѣ она будетъ жить вѣчно, удостоенная такого-же уваженія и почета, какимъ пользовалась на землѣ.

Одѣли умершаго въ новыя одежды, рубаху и богато вышитый плащъ, опоясали широкимъ поясомъ, блестѣвшимъ на солнцѣ отъ металлическихъ цѣпочекъ и кованыхъ украшеній; на ноги надѣли башмаки, а на голову, обрамленную сѣдыми кудрями и бѣлою бородою—дорогую соболью шапку.

Одѣтаго такимъ образомъ воеводу посадили, на склонѣ дня, на высокій костеръ, сложенный изъ толстыхъ деревъ и покрытый вышитыми одеждами, въ тѣнистой рощѣ дубовъ и липъ, вблизи трехъ дорогъ, обыкновенно посвящаемыхъ поминовенію усопшихъ. Принесли меду, плодовъ и благовонныхъ травъ и положили около него. Еще принесли печенаго хлѣба, мяса и луку и положили передъ нимъ. Оружіе усопшаго: копье, мечъ, молотъ и щитъ—лежало по бокамъ. Зарѣзали пѣтуха, курицу и повергли ихъ на костеръ. Затѣмъ ближайшій родственникъ умершаго воеводы взялъ въ

правую руку горящую головню и, повернувшись спиною къ костру, запалилъ его. Пока не вспыхнуло пламя, онъ стоялъ держа лѣвую руку позади себя. Когда же пламя взвилось кверху, подошли остальные съ горящими лучинами и бросили ихъ на костеръ.

Подулъ вѣтеръ, затрещалъ костеръ и выбросилъ снопъ искръ. Черный дымъ окуталъ величавую фигуру усопшаго воеводы, въ послѣдній разъ царившаго надъ сборищемъ своего народа. Воздухъ огласился плачемъ и рыданіемъ. Жены пѣли погребальныя пѣсни.

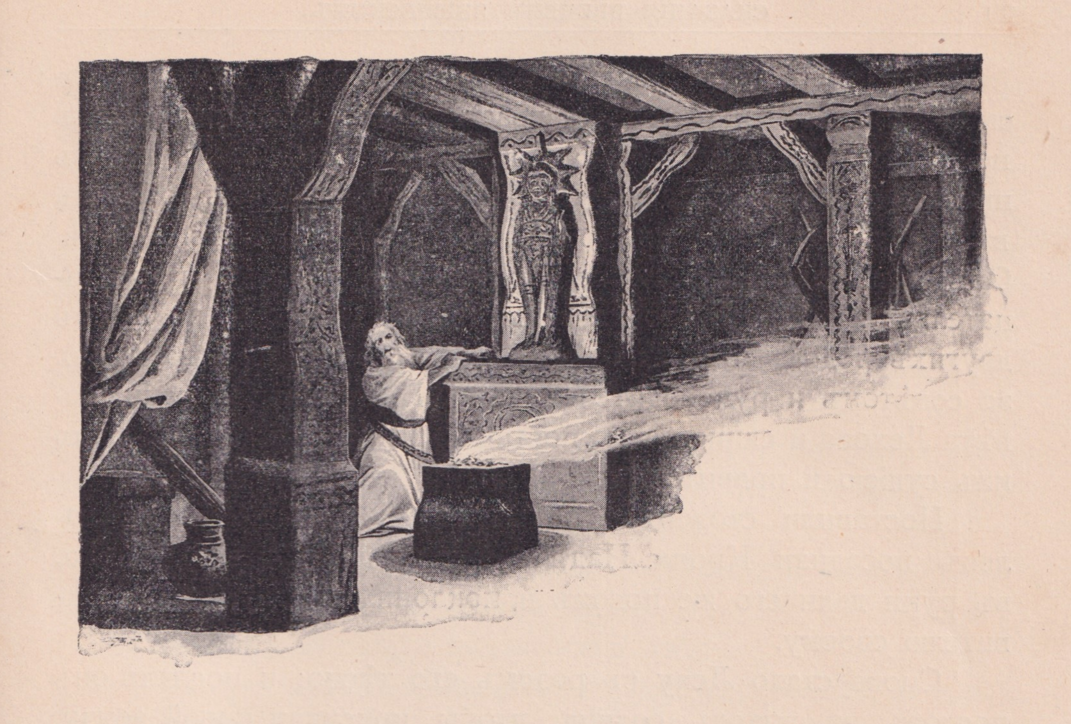
Когда костеръ потухъ, собрали кости и пепелъ въ урну. На мѣстѣ костра насыпали холмъ и положили на него щитъ, оружіе и урну съ останками умершаго. Возвращаясь съ погребенія домой, люди поднимали камешки, вѣточки, листики и бросали назадъ черезъ голову, не оглядываясь.

Долго-долго обитатели чешской земли посѣщали дорогую могилу, преклоняли колѣна, плакали, и славное имя возлюбленнаго воеводы передавалось изъ рода въ родъ.

Близкій родственникъ умершаго взялъ горящую головню......

О Крокѣ и его дочеряхъ.

Въ правленіе Чеха въ народѣ царили совѣтъ да любовь. Люди уважали другъ друга, были честны и обходительны. У хлѣвовъ не было затворовъ, у дверей—замковъ. О грабежѣ да кражѣ не было и помина. Каждый владѣлъ достаткомъ, и бѣденъ былъ только тотъ, кто не хотѣлъ работать. Такихъ тунеядцевъ изгоняли изъ общины.

Послѣ смерти Чеха народъ осиротѣлъ. Не стало надъ нимъ главы, и правда сгинула. Начались между соплеменниками раздоры и ссоры, то объ угодьяхъ, то о межахъ. Стали другъ друга тѣснить и затѣвать драки. Злоба съ каждымъ днемъ разросталась, и когда пришлось больно тяжко, люди собрались на могилѣ Чеха и, потолковавъ между собою, сказали:

— Выберемъ воеводу, который бы правилъ нами, судилъ и рядилъ насъ.

Порѣшивъ такъ, послали къ Леху, брату Чехову, просить, чтобы онъ пришелъ и возстановилъ порядокъ. Лехъ не пожелалъ оставить свой Коуржимъ и посовѣтовалъ Чехамъ просить Крока, владыку сильнаго рода. Крокъ обиталъ въ городкѣ, названномъ его именемъ, въ лѣсу, на рѣкѣ Мжѣ. Онъ былъ очень набоженъ, отличался мудростью и проницательностью, такъ что не только люди его рода, но и изъ другихъ родовъ стремились къ нему, какъ пчелы къ улью, за совѣтомъ и руководительствомъ. Послушались чехи совѣта Лехова и единогласно постановили просить Крока быть ихъ судіею и правителемъ.

Поставили столецъ *) на могилѣ Чеха и на тотъ столецъ посадили Крока. Надѣли ему на голову шапку Чеха, въ руки дали его же посохъ и поклонились ему, какъ правителю своему.

Снова стало Леху съ родомъ его тѣсно; и послалъ онъ пословъ на выходъ солнца, чтобы поискали новой земли. За горами, за рѣкою Одеромъ, послы высмотрѣли землю пространную, плодородную, никѣмъ не занятую. Простившись съ Крокомъ, Лехъ съ своимъ родомъ и челядью отправился на избранныя мѣста. Осѣвъ тамъ, онъ построилъ города: Гнѣздно, названный такъ отъ множества орлиныхъ гнѣздъ, и Краковъ, получившій названіе въ честь Лехова сына.

Крокъ сталъ править чешскою землею, судить, рядить и мудрости учить. Мѣстопребываніемъ своимъ онъ избралъ городъ Будечъ. Тамъ была школа, въ которой обучали языческому богослуженію, стариннымъ напѣвамъ, пророчествамъ и волхвованіямъ. Въ тѣ времена волхвованіе почиталось великою наукою, и человѣкъ, одаренный вѣщимъ духомъ, считался любимцемъ боговъ. Тамъ-то мудрый Крокъ любилъ молиться и погружаться мыслями въ таинственную глубину вѣковъ.

Однажды, чувствуя потребность оглянуться на прошедшее и вдуматься въ будущее, Крокъ приказалъ втеченіе трехъ

*) Тронъ.

дней не безпокоить его. Оставшись одинъ, онъ вступилъ въ просторную горницу самаго большого зданія въ Будчѣ и началъ молиться, принося жертвы богамъ лѣсовъ, горъ и водъ. Было это въ священную, таинственную ночь, когда на всѣхъ возвышенностяхъ горѣли костры и въ ночной тиши раздавались пѣсни дѣвицъ и юношей.

Много дивныхъ откровеній получилъ Крокъ въ эту великую ночь. Откровенія эти записалъ на березовыхъ дощечкахъ и отдалъ на храненіе дочерямъ своимъ.

Потомъ позвалъ леховъ *), старостъ и сообщилъ имъ нѣчто изъ того, что открылось ему въ эту ночь, говоря такъ:

— Не придется мнѣ здѣсь долго оставаться. Не надеженъ Будечъ. Надо поискать другое мѣсто.

И выбравъ пословъ, наказывалъ имъ:

— Завтра передъ восходомъ солнца выступайте, и идите на полдень. Когда придете къ Влетавѣ рѣкѣ, боги укажутъ вамъ мѣсто.

Пошли и точно нашли мѣсто на правомъ берегу Влетавы, на скалистомъ мысу, окруженномъ густыми лѣсами. Въ тѣни этихъ лѣсовъ могучая рѣка катила свои воды. Въ нее, почти отвѣсно, погружалась высокая скала, на которой, передъ заходомъ солнца, остановились послы, взирая на противоположный луговой берегъ и синѣвшіе за нимъ лѣса и горы.

Рѣка заворачивала на востокъ, и въ томъ мѣстѣ, среди лѣсистыхъ береговъ, весело шумѣли ея пороги. Окинувъ взоромъ скалистый мысъ и его окрестности, послы воскликнули вѣщимъ голосомъ:

«Вотъ то мѣсто, которое предзначено намъ».

Крокъ и всѣ старосты, сѣвъ на буйныхъ коней, поѣхали осмотрѣть избранное мѣсто и окрестности его. И поставили тутъ городъ, всѣ строенія изъ толстыхъ дубовыхъ и сосновыхъ бревенъ. Были тутъ обширныя палаты, потолки ко-

*) Воеводы родовъ.

торыхъ поддерживались могучими столбами; были маленькія, уютныя горенки. Были обширные дворы и надворья для народныхъ собраній. Народъ собирался по различнымъ причинамъ: либо на публичное жертвоприношеніе, либо на избраніе воеводы; иногда затѣмъ только, чтобы найти у правителя судъ и расправу. Въ обширномъ городѣ для всѣхъ находилось мѣсто.

Гдѣ позволяла почва, выкопали глубокіе рвы, насыпали валы, на валахъ поставили высокія бревенчатыя стѣны съ вышками. Въ одномъ концѣ установили тяжелыя ворота, которымъ цѣлое бревно сложило затворомъ.

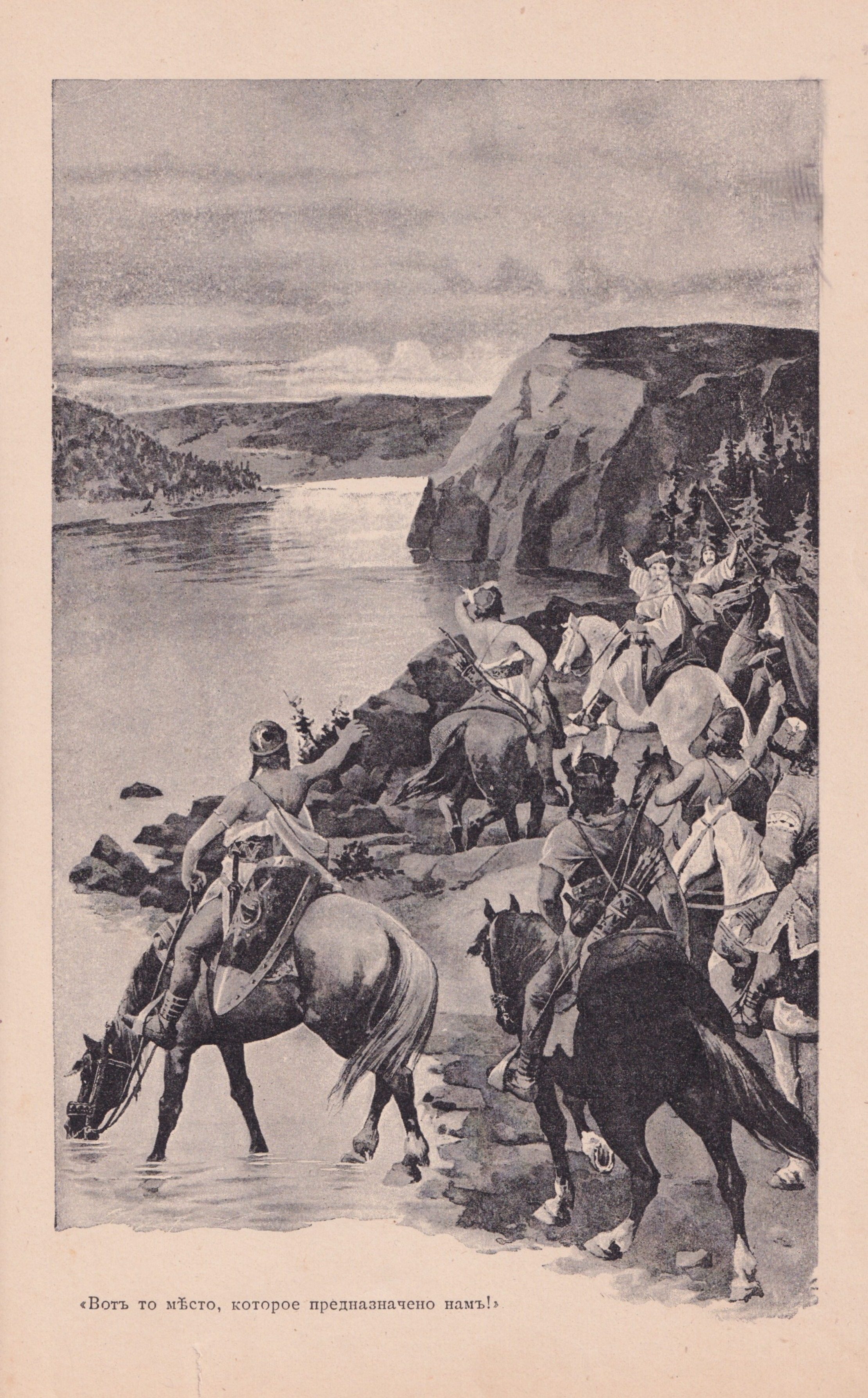
Близъ города, въ буковой рощѣ, билъ сильный ключъ. Изъ него черпали воду чистую, прозрачную какъ кристаллъ. Ключъ тотъ назвали Езерка, а городъ, вздымавшійся высоко надъ Влетавою — Вышеградомъ. И сталъ тотъ градъ славенъ и знаменитъ у всего чешскаго племени. Вѣсть о могуществѣ его дошла до сосѣднихъ племенъ и даже до чужеземныхъ странъ.

Въ этомъ славномъ градѣ поселили Крока и семью его. Великимъ почетомъ и любовью окружили мудраго воеводу, въ правленіе котораго возстановилось въ краю прежнее благоденствіе. Люди могли спокойно трудиться; копья, стрѣлы и иное оружіе служило только для уничтоженія хищныхъ животныхъ. Люди пахали землю, рубили деревья и корчевали пни, расширяя поля и угодья.

Всего было у нихъ въ изобиліи, и стадъ и хлѣба. Миръ царилъ въ чешской землѣ, пока Крокъ правилъ ею, а правилъ онъ болѣе тридцати лѣтъ.

Когда-же онъ отошелъ къ праотцамъ, его оплакивалъ весь народъ. На могилу его, возлѣ могилы воеводы Чеха, поставили урну съ его останками и оружіе.

У мудраго воеводы осталось три дочери: Кази, Тета и Любуша. Юность свою дѣвы эти провели въ Будчѣ, гдѣ учились премудрости вмѣстѣ съ дѣвами и юношами своего рода и тѣми, которые приходили отъ иныхъ родовъ, какъ напр. Пржемыслъ изъ рода Стадицы.

«Вотъ то мѣсто, которое предназначено намъ!»

Между всею молодежью, какъ высокія лиліи между лѣсными цвѣтами, выдѣлялись Кроковы дочери: онѣ отличались ученостью, мудростію, и красотою; ихъ статный высокій ростъ и прекрасныя черты невольно останавливали взоры.

Кази знала цѣлебныя свойства травъ и кореньевъ; ими она лѣчила всякія немощи человѣческія. Иные недуги она заговаривала именемъ боговъ и мощныхъ духовъ. Сила ея волхвованія была такъ велика, что сами судбички являлись къ ней на помощь и больной получалъ исцѣленіе въ такую минуту, когда казалось, что ужъ пробилъ его послѣдній часъ. Послѣ смерти отца, Кази избрала мѣстомъ жительства городокъ, стоявшій у горы Осэкъ близъ рѣки Мжи, и городокъ этотъ сталъ называться ея именемъ: Казинъ-градъ.

Другая дочь Крока, Тета, обучена была всѣмъ тонкостямъ языческаго богослуженія. Въ городкѣ своемъ Тетинѣ, надъ Мжею, она ввела торжественное богослуженіе съ жертвоприношеніемъ и научила обывателей почитать боговъ и бояться бѣсовъ. Сама же она нерѣдко удалялась на гору Погледъ, господствовавшую надъ Тетиномъ и у жертвенника на скалѣ, подъ дубомъ, молилась, воскуряя ѳиміамъ. Уединеніе не пугало ее, ни днемъ,ни въ сумракѣ ночи.

Но наибольшую преданность питали Чехи къ младшей дочери Крока, Любушѣ. Была она красива, стройна, привѣтлива, и въ то же время величава; въ рѣчи—положительна, разумна, такъ что суровые воины невольно сдерживали голосъ и обдумывали выраженія, когда возлюбленная княжна шла мимо; а старцы, умудренные опытомъ, величали ее говоря:

«Прекраснѣе матери и мудрѣе отца», и тихонько сообщали другъ другу, что когда княжна бываетъ въ экстазѣ, то выраженіе лица ея мѣняется, а глаза загораются. Одержимая вѣщимъ духомъ, она проникаетъ въ тьму будущаго и узнаетъ, чему быть надлежитъ.

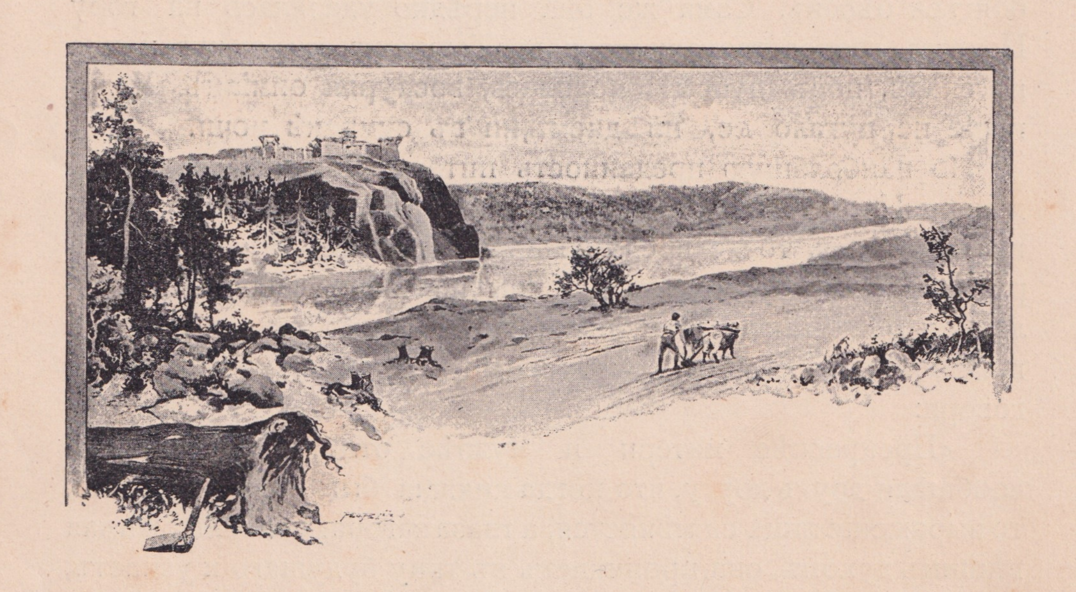
Послѣ смерти Крока сошлись владыки, лехи и множество людей въ священной рощѣ у Езерки, пришли и Кроковы дочери. Въ тѣни старыхъ буковъ, дубовъ и липъ владыки

родовъ держали совѣтъ и единогласно рѣшили избрать правительницей младшую дочь Крока, Любушу. Весь народъ безъ исключенія одобрилъ это рѣшеніе.

Старая роща огласилась радостными кликами, и эхо разнесло ихъ по рѣкѣ до дальнихъ лѣсовъ. Молодую княжну, увѣнчанную и зарумянившуюся отъ волненія, съ торжествомъ повели на священный Вышеградъ. По сторонамъ шли ея сестры, Кази и Тета и ихъ женская свита; впереди и позади выступали лехи и старосты, знаменитые по происхожденію и заслугамъ.

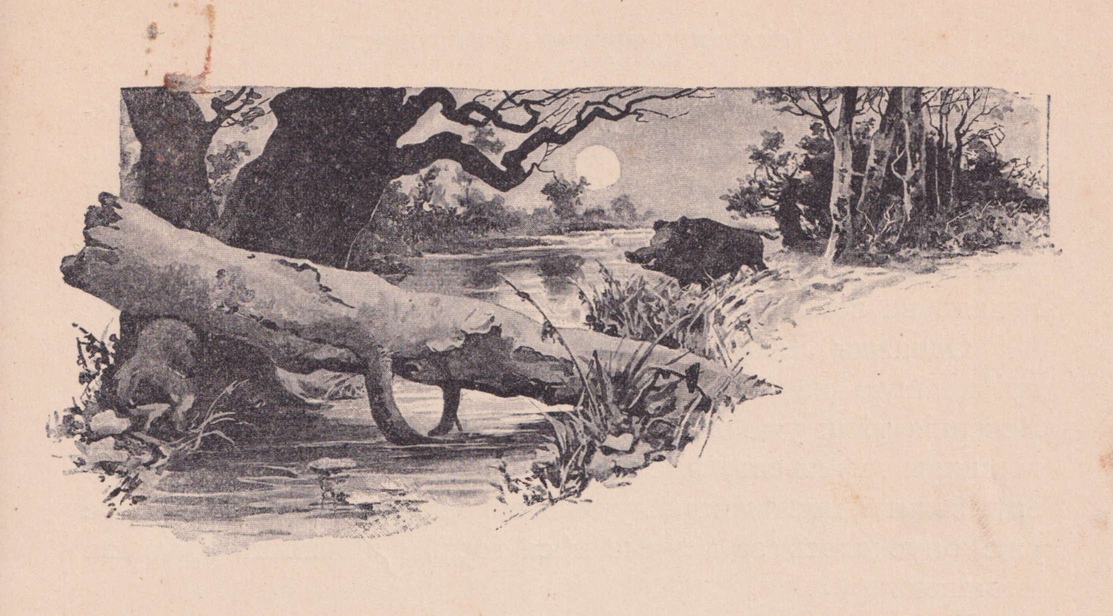
Привели Любюшу на просторное надворье воеводскаго терема и посадили на каменный столецъ подъ кудрявою липою, гдѣ сиживаль ея отецъ, мудрый судья и владѣтель.

У Любуши былъ свой городокъ Любушинъ, но послѣ своего избранія она стала жить въ Вышеградѣ и мудро управлять народомъ чешскимъ.

Несу этого кровожаднаго звѣря съ горы Кавчи.

О Бивоѣ.

Въ княжеской столицѣ находился прекрасный садъ богатый тѣнистыми деревьями, цвѣтущими кустами и благоуханными цвѣтами. Но замѣчательнѣе всего въ этомъ саду были дорожки. Онѣ извивались самымъ затѣйливымъ образомъ, сходились, расходились, переплетались, терялись между деревьями и снова выбѣгали къ цвѣтникамъ и лужайкамъ, и при этомъ такъ походили одна на другую, что постороннему человѣку, попавшему въ этотъ очарованный садъ, ни за что бы не выбраться изъ него безъ посторонней помощи.

Въ этомъ саду любила гулять Любуша со своими дѣвушками, но чаще одна, въ ту пору, когда цвѣты и листья, окропленные утреннею росою, сверкали на солнцѣ тысячью алмазовъ; и еще тогда, когда вечерняя заря отбрасывала красный отблескъ на стволы деревьевъ, а вершины уже погружались въ сумракъ, въ которомъ постепенно терялись бѣловатыя дорожки сада.

Въ эту пору молодая княжна въ бѣлой одеждѣ съ распущенными волосами, подобно свѣтлому видѣнію, скользила легкой поступью по дорожкамъ своего сада, въ задумчивости склонивъ голову; либо поднявъ свои прекрасныя очи къ небу, уносилась мечтами въ таинственное пространство, откуда падалъ на землю ласкающій свѣтъ луны и звѣздъ.

Однажды Любуша привела въ садъ сестру свою Кази, пріѣхавшую на быстромъ конѣ изъ Казина навѣстить ее. Вечернія тѣни уже окутали садъ, цвѣтникъ и дорожки. Только вершины деревьевъ, высокія стѣны ограды, да вышки были еще залиты послѣдними лучами заходящаго солнца, которое уже опускалось за темные лѣса горъ, синѣвшихъ вдали, за Влетавою.

Въ эту минуту тишины и прохлады послышался вдругъ со стороны городскихъ воротъ шумъ и гулъ человѣческихъ голосовъ; чѣмъ дальше, тѣмъ громче и могучѣе. Крикъ множества мужскихъ глотокъ раздавался словно рокотъ приближающейся бури. Слышались радостные возгласы, вскрикиванья и побѣдные звуки роговъ.

Сестры остановились и стали прислушиваться. Къ нимъ подошелъ намѣстникъ города и взволнованнымъ голосомъ сталъ просить, не соблаговолятъ ли онѣ выйти на надворье и взглянуть, что тамъ дѣлается.

По широкому надворью шелъ окруженный стражниками и толпою обывателей, молодой статный мужчина, съ руками, закинутыми за голову; видно было, что онъ несъ тяжелую ношу. Загорѣлое возбужденное лицо его наклонено было впередъ, а изъ-подъ шапки выбивались и падали ему на лобъ густыя темныя кудри.

Съ ужасомъ смотрѣли княжны на этого человѣка и на его ношу. Это былъ живой дикій кабанъ, котораго удалый молодецъ держалъ за щетинистыя уши брюхомъ кверху.

Съ мечомъ у пояса, но безъ копья, въ обуви и штанахъ забрызганныхъ болотной грязью, шелъ молодчикъ, неся свое ужасное бремя словно перышко. Онъ шелъ твердо и истово; ноги его не дрожали и не спотыкались.

Весело покрикивая, толпились вокругъ него мужи и юноши, копьями указывая на стараго сильнаго сѣкача *) съ бурой огромной головой и чернымъ рыломъ, изъ котораго торчали бѣлые страшные клыки. Кабанъ вылъ, скрежеталъ зубами и поводилъ копытами, свирѣпо вращая налитыми кровью глазами. Когда княжны появились на крыльцѣ, толпа притихла. Смѣлый охотникъ, по имени Бивой, Судивоевъ сынъ, остановился у ступеней крыльца.

Не сбрасывая тяжелой ноши, онъ привѣтствовалъ княженъ, и обращаясь къ Любушѣ, сказалъ:

— Несу этого кровожаднаго звѣря съ горы Кавчи. Желаешь ли, чтобъ онъ погибъ на твоихъ глазахъ?

Любуша кивнула головой. Мужчины съ крикомъ обнажили мечи и копья. Но Бивой снова возвысилъ голосъ:

— Я самъ расправлюсь съ нимъ. Я его поймалъ, отъ моей руки онъ и умретъ. А вы составьте кругъ, что бы онъ не вздумалъ удрать, и на всякій случай положите у ногъ моихъ копье.

Такъ и сдѣлали. Мужи образовали обширный кругъ, держа оружіе наготовѣ. Всѣ взоры сосредочились на Бивоѣ. Оглянувшись на толпу, онъ остановилъ огневой взглядъ на Любушѣ и въ особенности на ея сестрѣ. Кази, глубоко взволнованная, глядѣла на статнаго героя, котораго она уже встрѣчала въ священной рощѣ у Езерки и часто о немъ вспоминала. Ей нравилось его мужество, сила, и удаль. Съ сильнымъ біеніемъ сердца смотрѣла она, какъ Бивой, широко разставивъ ноги, перекинулъ сѣкача черезъ голову и съ такою силою швырнулъ его на земь, что земля задрожала. Въ ту же минуту Бивой быстрымъ движеніемъ схватилъ обѣими руками тяжелое копье съ блестящимъ стальнымъ наконечникомъ и приготовился къ защитѣ.

Въ первую минуту старый сѣкачъ казался ошеломленнымъ паденіемъ; но вотъ онъ порывисто задвигался, брюхо его заколыхалось, хребетъ ощетинился, и онъ всталъ на ноги.

*) Семилѣтній самецъ, хозяинъ стада.

Въ одно мгновеніе онъ смекнулъ опасность; глаза его сверкнули... и съ разинутой пастью, съ торчащими клыками онъ бросился на Бивоя.

Толпа затаила дыханіе, стихла—словно пѣна. Сѣкачъ, ослѣпленный бѣшенствомъ, ринулся прямо на копье Бивоя, и изъ пасти его хлынулъ потокъ крови. Поднялись побѣдные крики; кричали мужи, кричали жены, дѣвушки. Еще секунда—и сѣкачъ лежалъ смертельно раненый, истекая кровью.

Бивой вытащилъ копье изъ раны и ступилъ правою ногою на щетинистое тѣло умирающаго звѣря. Вытеревъ потъ съ лица, онъ обратился къ княжнамъ.

— Не будетъ теперь никого пугать, не будетъ дѣлать, зла—и онъ стукнулъ ногою по головѣ звѣря.

Тогда начальникъ города выступилъ впередъ и передъ лицемъ княженъ сказалъ Бивою:

— Да вознаградятъ тебя боги. Ты освободилъ нашъ край отъ лютаго врага. То былъ сильный, семилѣтній сѣкачъ, гроза и страхъ окрестностей горы Кавчи. Много бѣдъ натворилъ онъ: валялся на нивахъ и мялъ хлѣбъ, задиралъ домашній скотъ, лошадей, и въ особенности собакъ. Выѣхалъ, было, на него Святославъ Божоевъ, но сѣкачъ распоролъ его коню брюхо. Не только животныхъ, но и людей губилъ онъ. До того страшенъ былъ этотъ звѣрь, что даже храбрѣйшіе мужи, завидя его, старались спастись бѣгствомъ. А ты Бивой...

Толпа не дала ему кончить. Поздравленія и привѣтствія посыпались на героя. Княжны съ любопытствомъ разглядывали мощнаго звѣря, и Любуша спросила Бивоя, какимъ образомъ онъ его поймалъ. Толпа мгновенно стихла. Кази устремила на сильнаго ловца горящій взглядъ и слушала съ благоговѣйнымъ вниманіемъ его разсказъ.

—Тяжко мнѣ было видѣть, что сѣкачъ этотъ творитъ такъ много зла и такъ пугаетъ людей. Долиною горы Кавчи никто не рѣшался идти. А онъ жилъ себѣ припѣваючи, задиралъ людей, скотъ и собакъ безъ числа. Вотъ и высмотрѣлъ я его

логовище въ темной лужѣ подъ старымъ букомъ, гдѣ онъ любилъ валяться въ полдень. Когда же его одолѣвали комары, онъ, почесавшись о стволы буковъ, выходилъ на поля и бродилъ по открытымъ мѣстамъ безъ всякаго страха. Ни звѣря, ни человѣка не пропускалъ онъ, нападая на каждаго, кто встрѣчался ему.

— Сегодня, наконецъ, я рѣшилъ покончить съ нимъ. Хотѣлъ, было, выждать, когда онъ возвратится съ пастбища, но только-что дошелъ до края долины, какъ и наткнулся на него. Онъ выскочилъ на меня изъ чащи такъ стремительно, что я не успѣлъ насторожить копья. Случилось это на открытомъ мѣстѣ, гдѣ не было ни одного дерева. Отскочить я не могъ, а броситься на землю—не хотѣлъ.

— Скорѣе, чѣмъ я разсказываю объ этомъ, бросился звѣрь на меня, наклонивъ голову. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ сбить меня съ ногъ, я схватилъ его за уши и крѣпко держалъ. Онъ бился, вылъ, скрежеталъ зубами, какъ бѣшеный, а я вскинулъ его на спину и понесъ.

Снова восторженно загудѣла толпа. Когда же все стихло, княжна обратилась къ Бивою:

— Да благословятъ боги тебя и твою силу. Ты освободилъ страну и уберегъ нивы ея. Спасибо тебѣ отъ меня и отъ всего народа. Теперь, храбрый ловецъ, поди, дай покой твоему тѣлу и духу.

По знаку княжны владыки взяли Бивоя подъ руки и повели его по ступенямъ въ просторную горницу, куда за ними вошли старѣйшины города и пригорода и тѣ мужи, которые первые увидали Бивоя съ его живой ношей и привели въ Вышеградъ.

Горница была не высока, но просторна. Потолокъ подпирали толстыя балки, которыя лежали на могучихъ столбахъ, украшенныхъ чудной рѣзьбой и живописью. На столбахъ висѣли лосиные рога, оружіе и щиты, рога зубровъ и медвѣжьи шкуры величины необыкновенной. Мужи усѣлись за тяжелые столы на скамьи изъ досокъ столѣтняго дуба, а Бивоя посадили въ переднемъ, красномъ углу.

На столахъ стояли жбаны, полные меда, и золотистая влага черпалась ковшами и разливалась въ деревянныя и глиняныя чаши. Мужи пили, величая Бивоя. Молодой герой съ радостью въ сердцѣ выслушивалъ привѣтствія, но помыслы его были въ другомъ мѣстѣ. Взглядъ его невольно обращался къ невысокой тяжелой двери съ деревяннымъ замкомъ, за которую скрылись Любуша и ея сестра. О ней-то и думалъ Бивой, и шумъ величавшей его толпы не могъ заглушить этихъ думъ.

Погасла заря на вершинахъ деревьевъ и на кровляхъ вышекъ, но длинныя лѣтнія сумерки еще достаточно освѣщали горницу; только за столбами разлеглись уже густыя тѣни. Изъ-за нихъ, какъ свѣтлыя видѣнія, выступили княжны. Дѣвица изъ ихъ дружины несла нѣчто, завернутое въ выдѣланную кожу. По знаку Любуши развернули кожу и присутствующіе увидали прекрасный мужской поясъ.

Поясъ былъ отороченъ красными ремешками, вышитъ пестрымъ шелкомъ, украшенъ серебряными мелкими гвоздиками, бронзовыми бляшками и цѣпями. Когда поясъ сгибали, металлическія украшенія звенѣли.

Прими его въ награду,—сказала Любуша,—подавая поясъ Бивою. Онъ изъ сокровищницы моего отца; моя сестра Кази для тебя его выбирала.

Въ немъ зашита вѣточка дивнаго дерева и змѣиный зубъ,—тихо прибавила Кази.—Въ этомъ поясѣ ты нигдѣ не заблудишься и огражденъ будешь отъ вѣдьмъ и ночныхъ призраковъ.

Молодой герой кланялся и благодарилъ, и всѣ громко восхваляли княжну, сумѣвшую почтить силу и удаль. Княжны удалились, а мужи продолжали пировать и веселиться до глубокой ночи. Когда же послѣ сытнаго ужина и достаточныхъ возліяній пировавшіе разошлись по домамъ, начальникъ города отвелъ Бивоя въ тихую горенку, на ложе изъ овечьихъ шкуръ, гдѣ и уснулъ молодой герой крѣпкимъ сномъ до утра.

Рано утромъ всталъ Бивой и пожелалъ отъѣхать въ свои владѣнія. Узнавъ объ этомъ, начальникъ города сообщилъ

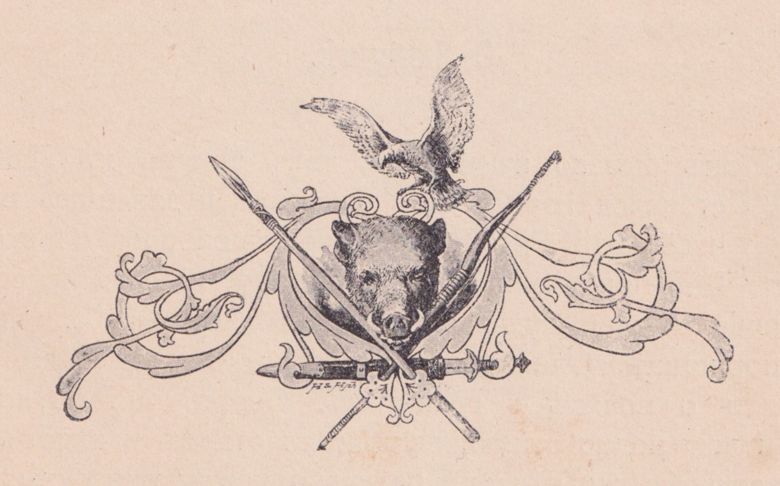
ему, что для него, по приказанію княжны, осѣдланъ конь. Еще прибавилъ онъ, что и Кази собирается въ путь дорогу, въ свой городъ.

Опоясавъ себя драгоцѣннымъ поясомъ, полученнымъ наканунѣ, Бивой, веселый и бодрый, вскочилъ на быстраго Гнѣдко съ лоснящейся шерстью и, откланявшись княжнѣ, присоединился къ дружинѣ ея сестры.

Проѣхавъ городскія ворота, всѣ оглянулись и увидѣли на верхней перекладинѣ голову кабана, убитаго наканунѣ Бивоемъ. Съ чернымъ рыломъ и мощными клыками торчала страшная голова, напоминая объ удали молодаго героя.

Бивой ѣхалъ возлѣ Кази, впереди дружины. Когда же доѣхалъ до перекрестка, съ котораго ихъ дороги расходились въ разныя стороны, онъ, не задумавшись ни на минуту, повернулъ коня въ ту сторону, гдѣ Казинъ городъ съ его высокими валами глядѣлся въ воды Мжи.

Осень еще не минула, какъ Бивой покинулъ свои владѣнія, чтобъ переселиться въ Казинъ. Вскорѣ отпразднована была его свадьба съ Кази.

О Любушѣ.

Какъ бывало къ Кроку, такъ теперь къ Любушѣ стекался народъ изъ близкихъ и далекихъ мѣстъ, чтобъ найти разрѣшеніе своимъ спорамъ и тяжбамъ. Всѣ прибѣгали къ ея мудрости, надѣясь на совѣтъ и поученіе. А она, судья справедливый, судила безпристрастно спорящихъ. Однажды два сосѣда, оба знатнаго рода, заспорили о поляхъ и границахъ. Споря, они бранились, подняли всю подноготную, вспомнили отцовъ и дѣдовъ и до того разсвирѣпѣли, что окончательно между ними угасла сосѣдская любовь и пріязнь, и водворилась ненависть.

Ни одинъ не хотѣлъ покориться; каждый былъ твердъ какъ кремень. Когда насталъ часъ, въ который княжна засѣдала на судбищѣ, передъ нею предстали тяжущіеся.

Подъ развѣсистою липою на высокомъ стулѣ, ковромъ покрытомъ, сидѣла Любуша въ бѣлой дѣвичьей повязкѣ. По правую и лѣвую сторону ея возсѣдали по двѣнадцати кметовъ и господарей сильнѣйшихъ родовъ. Все это были мужи опытные, убѣленные сѣдинами. Передъ ними широкимъ кольцомъ размѣстилась толпа людей всякаго сорта, мужей и женъ, пришедшихъ судиться, либо постоять за близкихъ своихъ.

Вотъ выступили передъ княжною на судъ два враждующихъ сосѣда. Младшій горько жаловался на то, что старшій несправедливо отнялъ у него поля и нарушилъ границы. Старшій, мужъ зрѣлый, съ лицемъ мрачнымъ, окаймленнымъ густою бородою, сурово перебилъ его рѣчь. Кратко, но рѣзко онъ требовалъ удовлетворенія. ни мало не думая о томъ, что такой судъ былъ бы возмутительною кривдою.

Выслушавъ тяжущихся и подумавъ немного, Любуша объявила кметамъ и господарямъ свое рѣшеніе. Кметы и господари, составивъ совѣтъ, нашли рѣшеніе княжны мудрымъ и правильнымъ и объявили его тяжущимся. Потерпѣвшимъ былъ признанъ младшій, и ему присудили поля.

Едва успѣла Любуша кончить, какъ старшій изъ тяжущихся, не помня себя отъ бѣшенства, троекратно ударилъ тяжелой палицею о землю. Лице его потемнѣло, глаза засверкали, слова и ругательства полились изъ устъ его, какъ ливень изъ громовой тучи.

— Такъ вотъ каково здѣсь право! Сейчасъ видно, что судитъ женщина. У женщины волосъологъ, а умъ коротокъ. Прясть бы ей, да шить, а не народъ судить. Стыдъ намъ мужамъ!

Въ ярости онъ билъ себя кулаками въ голову и въ страстной рѣчи оплевывалъ себѣ бороду.

— Стыдъ и срамъ! Есть ли другая такая страна, или племя, гдѣ бы надъ мужами властвовала жена. Мы, только мы одни служимъ посмѣшищемъ всему міру. Лучше намъ сгинуть, чѣмъ сносить такую власть!

Присутствующіе, пораженные этою дикою рѣчью, безмолвствовали. Краска стыда залила лице княжны, и сердце ея

содрогнулось отъ такой возмутительной неблагодарности. Не возражая обидчику, она окинула взглядомъ кметовъ, господарей и толпу. Никто не возразилъ обидчику, никто не остановилъ его. Княжна встала и повела рѣчь истово, съ достоинствомъ, хотя голосъ ея дрожалъ отъ волненія:

— Такъ и есть. Я женщина и дѣйствую какъ женщина. Не сужу я васъ желѣзною палицею, вамъ и кажется, что я мало смыслю. Требуется вамъ правитель съ твердою рукою? Имѣйте его. Желаніе ваше будетъ исполнено. Идите спокойно по домамъ. Народное собраніе изберетъ воеводу. А кого оно изберетъ, тотъ будетъ мнѣ мужемъ.

Окончивъ рѣчь, княжна отошла съ надворья въ теремъ и тотчасъ же послала въ Казинъ и Тетинъ за сестрами. Сама же удалилась въ завѣтный уголокъ въ саду, куда никто, кромѣ нея и сестеръ, не имѣлъ доступа.

Тамъ въ густой заросли кустовъ и липъ, на каменной тумбѣ, отъ времени поросшей мхомъ, сверкала серебряная голова съ золотой бородой Перуна громовержца.

Любуша опустилась на колѣни у подножія идола и погрузилась въ молитвенное созерцаніе. Прошелъ день, закатилось солнце, въ таинственномъ уголкѣ стало совсѣмъ темно, ночной вѣтеръ зашумѣлъ въ вершинахъ деревьевъ—Любуша не двигалась съ мѣста. Она сидѣла въ глубокой задумчивости, припоминая происшедшее и стараясь заглянуть въ будущее: какого-то князя выберетъ народъ, и что скажутъ ея сестры; одобрятъ ли онѣ ея рѣшеніе.

Заслышавъ шаги, Любуша встала и пошла на встрѣчу сестрамъ. Начальникъ города проводилъ пріѣзжихъ отъ городскихъ воротъ до сада и всталъ на стражѣ у входа.

Что говорила Любуша сестрамъ, что прозрѣли вѣщія дѣвы у подножія Перуна, о чемъ онѣ совѣтовались,—того не узналъ никто. Лѣтняя ночь была уже на исходѣ, небо побѣлѣло и изъ-за вышекъ и вершинъ деревьевъ блеснулъ солнечный лучъ.

Въ ту пору, когда подувалъ еще утренній вѣтерокъ, Кроковы дочери возвращались въ теремъ. Посриди сестеръ,

бывшихъ уже въ женскихъ уборахъ, шла Любуша съ дѣвичьей повязкой на челѣ. Взоръ ея былъ задумчивъ и напряженно устремленъ впредъ. Безмолвно, какъ тѣни, промелькнули сестры мимо намѣстника, стоявшаго на стражѣ, какъ тѣни поднялись по ступенямъ, ведущимъ въ теремъ, и исчезли за толстыми деревянными колоннами. Намѣстникъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ.

* *
*

Утромъ Любуша разослала пословъ оповѣстить народъ объ имѣющемъ быть, по окончаніи жатвы, великомъ народномъ собраніи. Въ назначенный день сошлось и съѣхалось множество мужей отъ всѣхъ племенъ чешскихъ. Были тутъ старые и молодые, на коняхъ и пѣшкомъ, въ шапкахъ, кафтанахъ и плащахъ, въ шлемахъ и латахъ, при мечѣ и лукѣ. Въ вооруженіи были тѣ, кому приходилось ѣхать по пустыннымъ горамъ и дремучимъ лѣсамъ.

Многіе прибыли издалека, отъ границъ Зличанскихъ и Пшовскихъ, отъ восхода солнца, иные отъ полуночи изъ сосѣдства гордаго племени Лучанъ. Многіе пришли отъ полудня изъ за обширныхъ лѣсовъ за Кроковымъ городомъ и отъ границъ нѣмецкой и баварской земли.

Въ обширномъ пригородѣ (подъ Вышеградомъ), гдѣ жили ремесленники, дѣлавшіе сѣдла, узды и сбрую, оружіе и щиты съ желѣзною, либо мѣдною оправою, не хватало мѣста для множества прибывшихъ гостей. Коней привязывали просто къ частоколамъ, либо къ деревьямъ. Шумно было въ пригородѣ, шумно на берегу рѣки. Родственники и знакомые привѣтствовали другъ друга, толковали объ охотѣ, объ оружіи, о бояхъ и схваткахъ, а больше всего о томъ, что занимало всѣ умы въ настоящую минуту: о двухъ непокорныхъ сосѣдяхъ, о судьбѣ Любуши и о томъ, какого имъ предстоитъ имѣть воеводу.

Но вотъ наступилъ часъ. Съ Вышеграда затрубили трубы, и народъ могучимъ потокомъ хлынулъ въ гору, остановившись на минуту передъ городскими воротами, чтобъ взгля-

нуть на огромную кабанью голову, прибитую на перекладинѣ, между двумя вышками. Имя Бивоя было во всѣхъ устахъ. Послѣ минутной остановки, снова хлынулъ народный потокъ и разлился по двору передъ княжескимъ сѣдалищемъ. По сторонамъ главнаго сѣдалища были поставлены почетныя сидѣнья для Кази и Теты.

Прибывшіе низко поклонились княжнѣ: она-же, величаво отдавъ поклонъ, повела такую рѣчь:

«Послушайте лехи, владыки и весь народъ, послушайте, зачѣмъ созвала я васъ. Свободы вы уважать не умѣете, познала я это по опыту. По внушенію боговъ рѣшила я не властвовать больше надъ вами, ибо всѣмъ сердцемъ вы жаждете имѣть воеводою мужа. Воевода будетъ брать вашихъ сыновъ и дщерей на свою службу; изъ скота и коней возьметъ въ дань все, что ему полюбится. Служить будете, какъ еще не служили, и дань платить бѣлкою, конями и полотномъ, какъ еще не платили, и будетъ вамъ тяжко и горько.

«Зато не будете имѣть того сраму, что надъ вами властвуетъ женщина. Не ради устрашенія говорю вамъ это, но говорю то, что открылъ мнѣ и моимъ сестрамъ духъ вѣщій. Выбирайте воеводу мудраго и разумнаго, ибо трудно воеводу посадить, но еще труднѣе ссадить. Крѣпки ли вы въ вашихъ мысляхъ и желаете ли, чтобъ я помогла вамъ, указавъ его имя и мѣстопребываніе?

— Помоги! Укажи!— крикнули всѣ какъ одинъ человѣкъ. Толпа, стоявшая неподвижно какъ стѣна и съ почтеніемъ слушавшая рѣчь княжны, вдругъ заволновалась, словно хлѣбная нива, колеблемая порывомъ вѣтра.

И вотъ Любуша въ бѣломъ одѣяніи, съ бѣлою повязкою на челѣ, встала и, объятая вѣщимъ духомъ, воздѣла руки надъ толпою. Все мгновенно стихло. Всѣ взоры устремились на вдохновенныя черты княжны. Указывая на полночныя горы, она вѣщала такъ:

— Вонъ за тѣми горами течетъ небольшая рѣка, Бѣлина называется. Близъ той рѣки есть селеніе рода Стадицы. Недалеко отъ селенія, между полями и лугами находится

мѣсто пространное, никому не принадлежащее. Ширина и длина его 120 шаговъ. Тамъ пашетъ вашъ воевода на двухъ пестрыхъ волахъ. У одного вола голова бѣлая, у другого отъ лба по хребту идетъ полоса бѣлая, и заднія ноги у него бѣлыя. Возьмите одежду княжескую, идите и приведите избраннаго народомъ и мною, вамъ князя, мнѣ—мужа. Пржемыслъ имя ему. Онъ и потомство его будетъ властвовать надъ землею вашею отнынѣ и до вѣка.

Когда выбрали пословъ изъ знатнѣйшихъ родовъ, которые должны были ѣхать въ Стадицы и объявить избранному мужу о рѣшеніи княжны и народа, Любуша продолжала.

— Дороги не ищите и никого о ней не спрашивайте. Мой конь поведетъ васъ, а вы спокойно слѣдуйте за нимъ. Онъ доведетъ васъ куда слѣдуетъ и приведетъ обратно. Передъ которымъ человѣкомъ онъ остановится и заржетъ, тотъ и естъ. Вы мнѣ повѣрите, когда своего воеводу у желѣзнаго стола узрите.

По знаку Любуши выведенъ былъ ея верховой конь, Бѣлошъ, съ широкой шеей, съ которой сбѣгала длинная густая грива. Надѣли на шею коню широкій хомутъ, сверкавшій металлическими бляхами; на спину постлали мѣхъ; поверхъ него—богато убранное сѣдло. Когда на сѣдло положили княжескую одежду, конь выступилъ, а за нимъ и посольство.

О Пржемыслѣ.

ыло это ранней осенью, въ ясный солнечный день Любушинъ конь шелъ шибко, твердыми шагами. Никто его не велъ и ни однимъ словомъ не понукалъ. Онъ шелъ точно къ своей конюшнѣ, такъ что послы удивлялись.

Ни на шагъ конь не уклонялся въ сторону. Ничто не могло сбить его съ пути. Не разъ проѣзжали послы мимо табуна пасущихся коней. Ихъ привѣтственное ржанье встрѣчало и провожало Бѣлоша. Но Бѣлошъ продолжалъ идти впередъ, не поворачивая головы ни вправо, ни влѣво. Когда же послы въ открытомъ полѣ останавливались отдохнуть подъ дикой грушей, либо въ тѣни красной сосны, конь тоже останавливался, и потомъ первый выступалъ въ дальнѣйшій путь.

Такъ ѣхали послы по горамъ и равнинамъ и на третій день были уже близко селенія между холмами въ узкой долинѣ, по которой текла рѣка. Когда вступили въ долину, имъ встрѣтился мальчикъ.

— Эй, милый отрокъ, не это ли Стадицы, и нѣтъ ли тамъ мужа, по имени Пржемыслъ?

— Да, это Стадицы; а вонъ и Пржемыслъ въ полѣ, волами погоняетъ,—отвѣчалъ отрокъ.

Невдалекѣ послы увидали мужа, высокаго роста, въ липовыхъ лаптяхъ. Онъ шелъ бодро, погоняя орѣховой тростью двухъ пестрыхъ воловъ. У одного вола была голова бѣлая, у другого шла бѣлая полоса отъ лба по хребту, и ноги были бѣлыя. Поѣхали къ пахарю широкою межею, и когда подъѣхали, остановился Любушинъ конь и, приподнявшись на заднія ноги, весело заржалъ. Затѣмъ, опустившись на переднія, онъ наклонилъ голову передъ молодымъ пахаремъ, который вытащилъ плугъ изъ земли и остановилъ воловъ.

Послы сняли съ Бѣлоша княжескую одежду: длинную юбку, обшитую дорогимъ мѣхомъ, красный плащъ, богатый поясъ и, приступивъ къ Пржемыслу, низко поклонились ему.

— Привѣтствуемъ тебя, мужъ великій, князь богами намъ суженый. Оставь воловъ, надѣнь одежду, нами предлагаемую, возсядь на коня, и поѣдемъ. Чешскій народъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ тебя. Приди и прими владѣніе надъ нами, тебѣ и твоимъ потомкамъ предназначенное. Будь нашимъ княземъ, судьей и защитникомъ.

Пржемыслъ молча выслушалъ рѣчь пословъ, молча воткнулъ въ землю орѣховый прутъ, который держалъ въ рукѣ, и пустилъ воловъ. Снимая съ нихъ ярмо, онъ сказалъ:

— Идите, откуда пришли.

Въ ту же минуту волы поднялись отъ земли и скрылись въ скалѣ, которая раздвинулась передъ ними и вновь сдвинулась такъ, что и знака не осталось.

Обратившись къ посламъ, Пржемыслъ сказалъ:

— Жаль, что вы рано пришли. Если-бъ я успѣлъ допахать это поле, въ землѣ вашей было бы всегда вдоволь хлѣба.

Но такъ какъ вы поспѣшили и помѣшали мнѣ кончить мое дѣло, знайте, что иногда васъ будетъ посѣщать голодъ.

Въ одно мгновеніе земля дала орѣховой трости жизнь и соки. Словно кустъ весною, трость начала покрываться почками, почки выкинули три вѣтки, на которыхъ зазеленѣли листья, а въ листьяхъ появились молодые орѣшки.

Послы со страхомъ смотрѣли на это дивное явленіе. Пржемыслъ обернулъ плугъ лемехомъ вверхъ и, взявъ съ межи лыковую сумку, вынулъ изъ нея хлѣбъ, сыръ, положилъ на лемехъ, ярко блестѣвшій на солнцѣ, и пригласилъ пословъ раздѣлить съ нимъ трапезу.

— Вотъ онъ желѣзный столъ, о которомъ вѣщала княжна наша,—подумалъ каждый изъ пословъ, невольно содрогаясь въ душѣ.

Пока они съ Пржемысломъ трапезовали и изъ его чаши пили, усохли на трости двѣ вѣточки, а оставшаяся стала буйно разростаться и вверхъ и въ ширь. Послы ужаснулись. Указывая на это диво, они спрашивали Пржемысла, что оно означаетъ, и почему двѣ вѣтки усохли, а одна разрослась такъ буйно.

— Объ этомъ я повѣдаю вамъ,—отвѣчалъ Пржемыслъ.— Знайте, что изъ рода моего многіе будутъ владычествовать, но уцѣлѣетъ только одинъ.

Послы спросили, отчего они трапезуютъ не на межѣ, а на желѣзномъ лемехѣ.

— Затѣмъ, чтобъ вы знали, что родъ мой будетъ править желѣзною рукою. Уважайте желѣзо. Въ мирное время вы имъ поле пашете, въ смутное—обороняетесь отъ непріятеля. Покуда чехи будутъ имѣть такой столъ (престолъ), непріятель не одолѣетъ ихъ. Если же чужеземецъ похититъ тотъ столъ, чехи потеряютъ свою свободу.

Проговоривъ эти вѣщія слова, Пржемыслъ всталъ и пошелъ въ деревню проститься съ своимъ родомъ, отнынѣ столь почтеннымъ и превознесеннымъ. Затѣмъ, одѣвшись въ княжескія одежды, онъ сѣлъ на коня, который подъ нимъ радостно заржалъ. Дорогой послы допытывались у

Пржемысла, зачѣмъ онъ взялъ съ собою лыковую сумку и лапти.

— И вамъ и грядущимъ поколѣніямъ завѣщаю я сохранять эти лапти. какъ свидѣтельство о прошедшемъ,—отвѣчалъ Пржемыслъ.—Пусть потомки мои помнятъ, откуда они пошли, живутъ въ страхѣ божьемъ, не притѣсняютъ ввѣренныхъ имъ людей и не ослѣпляются гордынею, такъ какъ всѣ люди равны.

Когда послы съ княземъ подъѣзжали къ Вышеграду, навстрѣчу имъ вышла Любуша въ блестящемъ головномъ уборѣ и въ богатомъ ожерельѣ изъ янтарей и халкедоновъ на бѣлой шеѣ. Въ бѣлой одеждѣ, зардѣвшаяся отъ волненія, она была прекрасна. Радостью сіяли ея очи, еще издали увидавшія Пржемысла на Бѣлошѣ, во главѣ посольства. За княжною шло ея дѣвичье войско, съ лентами на головахъ, прикрѣпленными позади блестящими заушницами. За ними шли владыки родовъ, которые также, какъ и весь собравшійся народъ, остались на Вышеградѣ ожидать возвращенія посольства съ новымъ княземъ.

И возрадовались всѣ, увидавъ красиваго, статнаго мужа; больше же всѣхъ Любуша, которая уже раньше встрѣчала жениха въ Будчѣ. Подавъ другъ другу руку, князь и княжна вошли въ городъ, и за ними весь народъ въ великомъ веселіи. Съ радостными криками повели и посадили Пржемысла на каменный княжескій престолъ и стали славить новаго князя и союзъ его съ Любушей. Славили ихъ и въ градѣ и пригородѣ, на горѣ и подъ горою. Воеводы и гости *) засѣли за столы на княжескомъ дворѣ и пировали.

Ѣли много яствъ и пили много медовъ разныхъ. Пили и пѣли, либо слушали гусляровъ, которые, перебирая струны, пѣли старинныя пѣсни о герояхъ и битвахъ временъ минувшихъ. Потомъ опять славили, славили до ночи, славили и ночью, при свѣтѣ огней и факеловъ.

Погасли огни, и надъ лѣсомъ уже загорѣлась румяная зорька, а въ городѣ и пригородѣ стоялъ еще гулъ отъ шум-

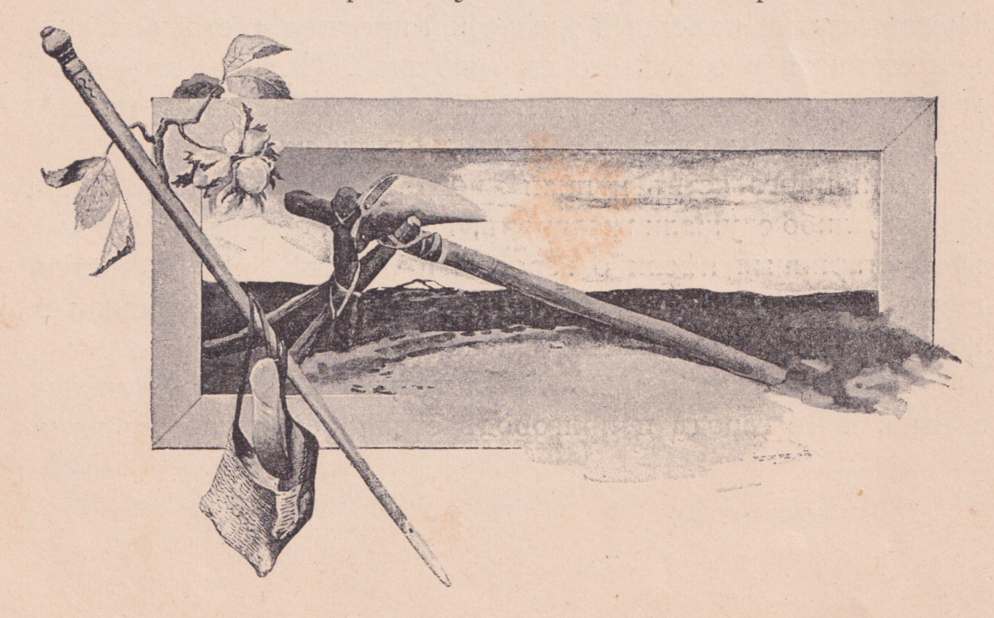
*) Чужеземные купцы.

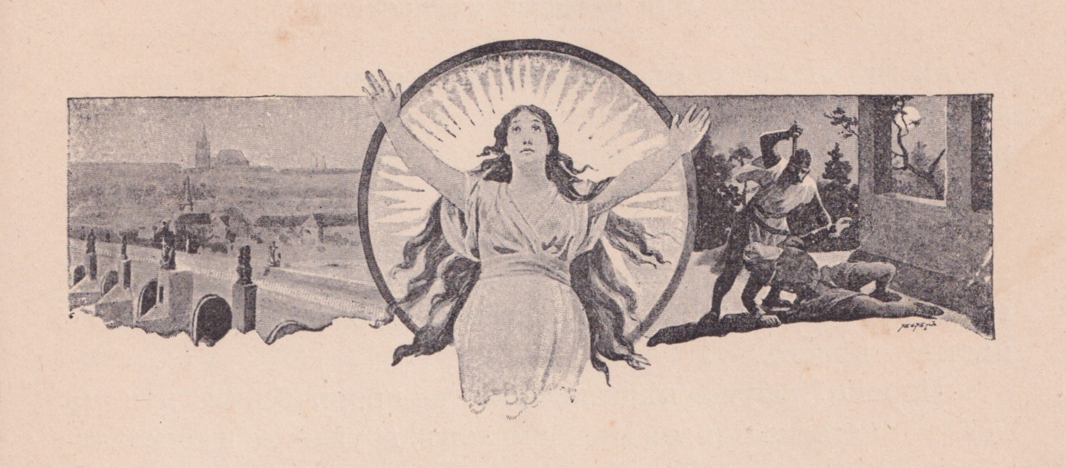
наго веселья. И звуки эти утренній вѣтерокъ уносилъ за рѣку, до темныхъ лѣсовъ, утопавшихъ въ бѣловатомъ туманѣ.

Прим. I. Потомки рода Стадицы жили въ селеніи того же имени до времени короля Вячеслава I, который, устыдившись своего происхожденія отъ поселянина, допустилъ выгнать родъ свой изъ Стадицы и селеніе отдалъ нѣмцамъ. При Карлѣ IV существовалъ въ Стадицахъ «свободный дворъ», такъ-называемое «поле Пржемысла», владѣльцы котораго обязаны были въ день коронованія доставлять къ Пражскому двору орѣхи съ орѣшниковъ Пржемысла. На полѣ Пржемысла, окруженномъ плетнемъ, росли необыкновенные орѣхи. Ни одного не было пустого, ни одного червиваго. Лѣтъ 50 тому назадъ кустъ засохъ, и отводокъ его долго держался въ саду у мельницы на рѣкѣ Белинѣ. Но наводненіе смыло садъ и съ нимъ вмѣстѣ орѣховый кустъ. Въ 1841 г. на полѣ Пржемысловомъ поставленъ памятникъ; на немъ начертано:

«Здѣсь отъ плуга взятъ Пржемыслъ на воеводство».

Прим. II. Историкъ Косьма говоритъ, что Пржемысловы лапти сохранялись на Вышеградѣ, въ княжеской горницѣ. При коронованіи чешскіе короли должны были надѣвать эти лапти. Обычай этотъ былъ отмѣненъ Вячеславомъ I. Лапти были забыты и во время Гуситскихъ войнъ пропали.

Любушино пророчество.

Такъ возвела Любуша Пржемысла на престолъ княжескій. Послѣ свадьбы спустилась она съ нимъ въ обширное подземелье, высѣченное въ скалѣ и запертое тяжелымъ замкомъ. Тамъ на грубыхъ столахъ вдоль стѣнъ лежало многое множество вещей изъ желѣза и бронзы, серебра и золота. Тамъ были булатные мечи, кованные пояса, шлемы съ шишаками, запястья, перстни, діадемы изъ серебряной проволоки, янтари, кораллы, драгоцѣнные каменья, куски серебра возлѣ мисокъ съ заушницами и скрынь съ чистымъ золотомъ. Весь этотъ кладъ потому Любуша указала Пржемыслу, что онъ теперь принадлежалъ и ему.

Часто хаживала Любуша съ Пржемысломъ въ ея прекрасный садъ на священное мѣсто подъ деревьями, гдѣ сверкала серебряная голова мрачнаго Перуна. Тамъ весною и лѣтомъ проводили они время въ серьезныхъ разговорахъ. Посѣщали они священную рощу надъ Езеркомъ и другія

мѣста, гдѣ Любуша съ своими дѣвушками любила бывать до замужества, между прочимъ ея купальню, гдѣ дѣвушки расчесывали ея прекрасные волосы, воспѣвая ея красоту.

Вмѣстѣ съ супругомъ Любуша обдумывала уставы и законы на счастье страны. Много мудрыхъ законовъ установилъ Пржемыслъ. Ими онъ сдерживалъ буйный людъ, ими водворялъ миръ, ими же управляли его потомки втеченіе многихъ вѣковъ.

Порою Любуша вѣщала, объятая пророческимъ духомъ. Однажды стояла она съ Пржемысломъ, дружиною и воеводами на скалистомъ утесѣ высоко надъ Влетавою. Длинныя тѣни уже лежали на цвѣтущихъ буйныхъ лугахъ долины, гдѣ подъ сводами ольхи, ивъ и яворовъ журчалъ потокъ Ботичъ. Роща на «волчьемъ» пригоркѣ и хлѣбныя поля по ту сторону Влетавы залиты были красноватымъ свѣтомъ заходящаго солнца.

Всѣ любовались золотистыми нивами, полосами цвѣтущаго клевера и радовались такой благодати. Одинъ изъ старыхъ владыкъ припомнилъ то время, когда онъ, по приказанію воеводы, блаженной памяти, вмѣстѣ съ другими послами, отправился искать мѣсто для новаго города и впервые ступилъ на эту почву.

— И какая же здѣсь была пустыня! Все лѣсъ да лѣсъ, вонъ какъ тамъ. — И владыка указалъ на лѣсистыя горы за рѣкою.

Изъ гладкой поверхности рѣки выступали острова, покрытые буйной растительностью, огромными деревьями и густымъ подлѣскомъ. Птицы кружились надъ лѣсомъ, а на берегу, гдѣ деревья, обвитыя дикимъ хмѣлемъ, склонялись надъ водою, шумѣли въ густыхъ камышахъ стаи водяныхъ птицъ.

Всѣ устремили взоръ въ ту сторону, куда указывалъ старый владыка. Дальніе лѣса уже начали закутываться въ синеватый вечерній сумракъ. Изъ-за вершинъ вздымался столбъ дыма, освѣщенный лучами заходящаго солнца. Какой-то звѣроловъ зажегъ огонь въ лѣсныхъ глубинахъ.

— Пока не падутъ тѣ лѣса, продолжалъ владыка,—къ намъ будутъ заходить голодные волки. А сколько ихъ тамъ за Страховымъ, Шлаховымъ и во всѣ стороны. Пока не срубятъ лѣса...

Онъ не договорилъ. Никто его уже не слушалъ. Жадно устремивъ взоры на молодую княгиню, всѣ стояли, притаивъ дыханіе, боясь пошевелиться, чтобъ не нарушить очарованія. На скалѣ, впереди всѣхъ, стояла Любуша въ экстазѣ, не замѣчая ни мужа, ни окружающихъ. Лицо ея свѣтилось внутреннимъ свѣтомъ, и глаза сіяли восторгомъ. Благоговѣйный страхъ объялъ присутствующихъ и взволновалъ ихъ сердца. Воздѣвъ руки въ сторону синѣющихъ вдали лѣсовъ и устремивъ на нихъ пылающій взоръ, Любуша вѣщала:

«Вижу великій городъ, слава котораго достигнетъ до звѣздъ небесныхъ. Тамъ есть мѣсто, въ изгибѣ Влетавы, которое на полночь граничитъ съ потокомъ Брезеницей, бѣгущимъ въ глубокомъ оврагѣ, на полдень съ скалистой горой и лѣсомъ Страхова.

«Тамъ, посреди лѣса, найдете человѣка, дѣлающаго порогъ для своего дома. И городъ, который вы выстроите, назовете Прагою *). Какъ князья и воеводы передъ порогомъ дома склоняютъ головы, такъ будетъ весь міръ кланяться тому городу.

«Въ томъ городѣ нѣкогда возростутъ двѣ золотыя оливы. Благоуханіе ихъ вознесется къ самому небу. По всему свѣту будутъ исходить отъ нихъ чудеса и знаменія. Почитать ихъ и молиться имъ будутъ не только всѣ поколѣнія чешской земли, но и чужеземцы. Одна изъ нихъ будетъ называться: «Вящшая Слава», другая—«Воиновъ Утѣха» **).

Любуша умолкла; вѣщій духъ отъ нея отошелъ.

И пошли за рѣку къ старому лѣсу и нашли все такъ, какъ прозрѣла Любуша. На томъ мѣстѣ поставили градъ, оборонивъ его со стороны лѣса Страхова, откуда онъ былъ

*) Отъ слова «prah»—порогъ. По инымъ сказаніямъ Прага получила названіе отъ пороговъ, преграждающихъ Влетаву въ этомъ изгибѣ.

**) Св. Вячеславъ и св. Войтехъ.

наиболѣе доступенъ. Окопали глубокими рвами, насыпали высокій валъ, а на валу сложили высокія стѣны съ вышками. Снаружи стѣны обили соломенными щитами, смазанными глиною, чтобы оградить стѣны отъ пожара и каленыхъ стрѣлъ, а наверху натыкали деревянныхъ клиньевъ.

И былъ городъ Прага, нареченный «великимъ», прекрасенъ. И царилъ онъ возлѣ Вышеграда надъ чешскою землею.

* * *

Однажды пришли въ Вышеградъ владыки нѣкоторыхъ родовъ и иные выборные люди. Пришли они къ Пржемыслу и повели такую рѣчь:

— Княже! Всего у насъ въ изобиліи: и хлѣбовъ, и стадъ, и звѣрей, и рыбъ; только металла не достаетъ намъ. Того, что сами изъ земли добываемъ, не хватаетъ, и мы за металлъ должны платить гостямъ (чужеземнымъ купцамъ) мѣхами, медомъ и конями. Посовѣтуйся, мудрый княже, со своею княгиней. Не откроетъ ли ей вѣщій духъ, въ какихъ мѣстахъ залегаютъ жилы серебра, золота и иныхъ металловъ.

Выслушавъ выборныхъ людей и владыкъ, Пржемыслъ сказалъ имъ, чтобы они возвращались въ свои усадьбы и черезъ пятнадцать дней снова собрались въ Вышеградъ. Тогда получатъ они отвѣтъ.

Въ назначенный день пришли владыки и выборные люди и увидали Пржемысла, сидящаго на своемъ каменномъ сѣдалищѣ, а возлѣ него Любушу, на деревянномъ стулѣ, отмѣченномъ ея знаками.

— Внимайте храбрые воеводы и мужи чешской земли, проговорилъ Пржемыслъ.—Внимайте словамъ вашей матери. Она обогатитъ васъ и потомковъ вашихъ.

Всѣ взоры обратились на княгиню. Объятая вѣщимъ духомъ, она встала, плавно прошла черезъ дворъ за ограду. Пржемыслъ шелъ возлѣ нея, а владыки и дѣвичья дружина поодаль. Остановившись на скалѣ, надъ Влетавой, Любаша вѣщала:

«Что скрыто въ скалѣ и въ земной глубинѣ,
«Богами моими повѣдано мнѣ».

Обратившись къ западу и воздѣвъ руки, она продолжала:

«Вижу я гору Бржезову, и въ ней серебро.
«Будетъ безмѣрно богатымъ, кто сыщетъ его.
«Придутъ отъ запада гости незваные
«Будутъ руду искать, ибо въ ней мощь.
«Вы же храните дары вашей родины,
«Чтобъ чужеземецъ не отнялъ металла
«И изъ него не сковалъ вамъ оковъ»...

Обратившись на лѣвую сторону, къ полудню, говорила такъ:

«Вижу я гору Іелову, и въ ней много злата;
«Сила въ немъ кроется, дивная мощь.
«Сила поблекнетъ, безсилье наступитъ,
«Если угаснетъ святая любовь».

Повернувшись къ востоку, вѣщала:

«Вонъ тамъ гора; на хребтѣ три вершины;
«Въ этой горѣ цѣлый кладъ серебра;
«Цѣлыхъ три раза изсякнетъ та жила,
«Цѣлыхъ три раза окажется вновь.
«Будетъ чужихъ привлекать точно липа,
«Цвѣтомъ манящая пчелокъ къ себѣ.
«Трутни погибнутъ. Лишь пчелокъ работа
«Въ золото можетъ смѣнить серебро».

Указавъ мѣсторожденіе металловъ, Любаша обратилась къ владыкамъ и выборнымъ, слушавшимъ съ глубокимъ благоговѣніемъ, и молвила такъ:

«Блескъ семи металловъ въ почвѣ вашей свѣтитъ;
«Колосомъ тяжелымъ рядятся поля.
«Родъ вашъ будетъ славенъ до кончины вѣка,
«Силенъ, и безстрашенъ, и благословенъ;
«Если вы почтите память вашихъ предковъ,
«Старые завѣты, нравы и языкъ.
«Если чужеземцевъ будете чуждаться
«И въ пріязни братской согрѣвать сердца»...

* *
*

Часто спускалась Любуша къ подошвѣ Вышеградской скалы туда, гдѣ Влетава, на краю глубокой пучины, прорыла въ скалѣ пещеру, служившую княгинѣ купальною гор-

ницею. Тамъ однажды стояла она, объятая вѣщимъ духомъ, и, вглядываясь въ волны, прозрѣвала будущее.

Волна бѣжала за волною и видѣнія смѣнялись видѣніями. Съ волною прихлынули, съ волною и отхлынули. Чѣмъ дальше, тѣмъ смутнѣе, тѣмъ мрачнѣе становились они; мутилась мысль, и болѣло сердце.

Блѣдная, дрожащая, наклонясь надъ рѣкою, Любуша всматривалась въ грозныя видѣнія. Въ страхѣ глядѣла дѣвичья свита на свою княгиню. Печать страданія легла на ея челѣ. Глубоко взволнованнымъ голосомъ она вѣщала:

«Вижу зарево пожара. Въ темной водѣ пышетъ пламя. Въ огнѣ грады, вѣси, села. Ахъ, гибнетъ все, гибнетъ!..

«При свѣтѣ пожаровъ кровавый бой! жестокій бой! Посинѣвшія тѣла, покрытыя ранами, кровью... Братъ убиваетъ брата, а чужеземецъ попираетъ главу ихъ. Вижу бѣду великую, униженіе, позоръ»...

Двѣ дѣвицы подали ей золотую колыбель ея первенца сына. Радость блеснула въ очахъ ея и озарила ея черты. Поцѣловавъ колыбель, она опустила ее въ бездонную глубину и проговорила взволнованнымъ голосомъ:

«Пусть глубоко на днѣ почиваетъ колыбель моего сына, пока не придетъ часъ всплыть ей наружу.

«Не останется она на вѣки въ темной глубинѣ; не будетъ надъ родиною ночь безъ конца. Снова взойдетъ ясный день, снова возрадуется мой народъ.

«Очищенъ страданіями, укрѣпленъ трудомъ и любовью, возрастетъ онъ въ силѣ, исполнитъ свое назначеніе и достигнетъ славы.

«Тогда вынырнетъ колыбель изъ пучины, выплыветъ на свѣтлыя воды, и будетъ почивать въ ней «спасеніе родины» отъ вѣка суженое...

* * *

Минули года, насталъ часъ, и Кази, которая такъ часто врачевала немощныхъ своими благословенными чарами, сама стала жертвою смерти. Въ память о ней близъ Казина, на берегу Мжи, обыватели насыпали высокій могильный холмъ.

Вижу зарево пожара.

Послѣ того перстъ мрачной Морены коснулся чела Теты. По всему краю Тетинскому горевали о Тетѣ, какъ о родной матери. Пепелъ ея погребли на горѣ Погледъ, близъ священнаго мѣста, въ тѣни старыхъ дубовъ, гдѣ она поклонялась богамъ и приносила жертвы.

Втеченіе девяти дней зажигали большіе огни и совершали жертвоприношенія. Къ могилѣ привалили большой камень.

Итакъ, осиротѣла Любуша, переживъ своихъ сестеръ. Но и ея часъ пробилъ. По внушенію боговъ узнала она, что конецъ ея близокъ. Помышляя о вѣчности, о пути въ рай къ отцу и сестрамъ, она позвала Пржемысла и попросила его собрать леховъ и старостъ, чтобы въ послѣдній разъ поговорить съ ними.

Собрались лехи и владыки на широкій княжескій дворъ. Когда принесена была богамъ жертва всесожженія, Любуша, всѣми чтимая княгиня, торжественно вступила въ среду собравшихся. На блѣдномъ лицѣ ея сіяло выраженіе спокойствія, взоръ уже смотрѣлъ въ вѣчность.

Объявивъ владыкамъ и лехамъ, что часъ ея пробилъ и что она въ послѣдній разъ говоритъ съ ними, Любуша завѣщала служить вѣрою и правдою Пржемыслу и его сыну и во всемъ повиноваться князьямъ своимъ. Всѣ слушали съ глубокимъ благоговѣніемъ, тронутые до глубины души. Но когда княгиня стала просить мужа любить подданныхъ какъ дѣтей своихъ и быть къ нимъ снисходительнымъ, на глаза многихъ бѣлобородыхъ старцевъ навернулись слезы.

Воздѣвъ руки, Любуша благословила присутствующихъ; и возвратившись къ себѣ, легла на землю, общую всѣмъ матерь—и почила.

Горько плакали о ней мужъ и сынъ; плакали мужи и дѣвы, плакали плачемъ веліимъ. Снесли и сожгли тѣло ея, а пепелъ схоронили, учинивъ надъ могилою ея великую тризну.

Гдѣ покоится прахъ Любуши, доподлинно никому неизвѣстно. Называютъ градъ Любушинъ и Либецкъ. Есть преданіе, что могила ея находится близъ холма Ошкобра, изобилующаго чудодѣйственными травами.

* * *

Богатства Любуши въ тайникѣ, куда она водила Пржемысла послѣ свадьбы, тамъ и остались. Пржемыслъ не тронулъ ихъ, такъ какъ зналъ, для чего они предназначены.

И до сего дня сокровища эти лежатъ подъ Вышеградской скалой. Проявятся они въ ту пору, когда наступитъ для страны тяжелое время, когда дороговизна припасовъ превыситъ всякое вѣроятіе. Откроется Любушинъ кладъ, и всего будетъ въ изобиліи; нужда исчезнетъ.

* * *

Долго-долго почивала золотая колыбелька на днѣ Влетавы, подъ Вышеградскою скалою. Шла волна за волною, и на чешскую землю—бѣда за бѣдою.

Пожары разрушали грады и вѣси, кровавыя сраженія и схватки уничтожали цвѣтъ чешскаго народа. Кровь залила прекрасный край. Братъ губилъ брата, а чужеземецъ имъ наступалъ пятой на главу.

Но не была та ночь безъ конца.

Насталъ часъ, и золотая колыбель вынырнула изъ темныхъ водъ. Ярко заблистало золото при дневномъ свѣтѣ и опочило въ ней дитя, «спасеніе отчизны» *). Это былъ послѣдній отпрыскъ когда-то мощнаго ствола Пржемыслова.

Колыбель росла вмѣстѣ съ дитятей и выросла въ золотое ложе, какъ дитя выросло въ мужчину и стало отцомъ родины. Въ священномъ Карлстинѣ находилось это очарованное ложе. На немъ отдыхалъ правитель, утомленный государственными дѣлами и заботами о своемъ народѣ. Когда же онъ умеръ, не вынесло другого золотое ложе и исчезло.

Ложе стало колыбелью и снова погрузилось туда, откуда вынырнуло, въ темную пучину, подъ Вышеградскою скалою, и тамъ ждетъ...

---

*) Карлъ IV.

Дѣвичья война.

Вмѣстѣ со смертью Любуши кончились для ея дѣвичьей дружины красные дни. Дѣвицы не замедлили почувствовать, что уже не то стало значенiе ихъ, и очень этимъ опечалились. Съ горечью вспоминали онѣ то время, когда ихъ княжна властвовала надъ мужами и надъ всею землею. Гнѣвомъ распалялись онѣ, когда мужчины говорили имъ съ усмѣшечкой:

— Довольно вы пановали, а мы кланялись. Теперь вы выглядите, какъ заблудшiя овцы.

Дѣвичьи сердца переполнились гнѣвомъ и жаждой мести. Похватали онѣ мечи и луки и, не соразмѣривъ силъ, вступили въ бой съ мужчинами. Всѣхъ вела Власта, когда-то наипервѣйшая въ дружинѣ Любушиной. Она первая подняла боевой крикъ, первая запаслась оружiемъ, собрала единомышленницъ и приступила къ постройкѣ города.

Городокъ выставленъ былъ на высокой горѣ за Влетавою, какъ разъ противъ Вышеграда.

Воинственныя дѣвы повиновались Властѣ, какъ своей княгинѣ и повелительницѣ. По ея приказу многія поѣхали въ разныя стороны и стали собирать женъ и дѣвъ, уговаривая ихъ все бросить и собраться въ городъ Дѣвинъ, чтобъ идти на мужчинъ войною. Пусть-де они намъ служатъ и за плугомъ ходятъ, а мы будемъ властвовать надъ землею.

Вызовъ Власты не былъ празднымъ гласомъ, который уносится вѣтра порывомъ. Онъ, какъ искра, зажегъ женскія сердца. Подобно голубицѣ, вылетающей изъ своего гнѣзда, устремились жены и дѣвы отъ своихъ мужей, отцевъ и братьевъ въ городъ Дѣвинъ. Въ горницахъ, палатахъ, на дворахъ и на валахъ — ими кишмя-кишѣло.

Мужи со стороны Вышеграда, забавляясь и посмѣиваясь смотрѣли, какъ дѣвичье войско упражнялось въ обращеніи съ оружіемъ и верховой ѣздѣ; старые и опытные относились къ ихъ затѣямъ презрительно. Когда при князѣ Пржемыслѣ заходила рѣчь о дѣвичьемъ вооруженіи, воины говорили о немъ съ насмѣшками, собираясь помѣряться съ ними удальствомъ и силою.

— Вотъ-то будетъ потѣха! — говорили они.

Но Пржемыслъ не раздѣлялъ веселаго настроенія своихъ воиновъ. Онъ былъ задумчивъ и казался озабоченнымъ.

— Хотите ли вы знать, почему я не смѣюсь съ вами. И вы не смѣялись бы, кабы имѣли видѣніе, подобное моему, сегодня ночью.

И желая предостеречь ихъ, онъ повѣдалъ имъ, что видѣлъ.

— Была ночь. Воздухъ былъ полонъ густого смраднаго дыма. Въ заревѣ пожара увидѣлъ я дѣву въ шлемѣ, изъ-подъ котораго развѣвались ея густые волосы. Въ одной рукѣ держала она мечъ, въ другой — чашу. На землѣ, въ пыли, лежали окровавленные мужи. Та дѣва, какъ безумная, бѣгала по мертвымъ тѣламъ, собирала кровь въ чашу и, съ жадностью хищнаго животнаго, пила ее.

— Взываю къ вамъ, мужи. Прислушивайтесь къ голосу боговъ и разумѣйте знаменія. Видѣніе то ниспослано мнѣ, чтобы предостеречь васъ. Внимайте мнѣ и будьте осторожны.

* *
*

Между тѣмъ жены и дѣвы въ Дѣвинѣ готовились къ бою. Задушивъ въ сердцахъ своихъ гласъ крови, онѣ твердо объявили мужьямъ, отцамъ и братьямъ:

— Мы вамъ чужія и васъ не знаемъ. Пусть всякъ самъ о себѣ печется.

Сами же, всѣ до единой, поклялись великою клятвою скорѣй погибнуть отъ собственнаго меча, чѣмъ допустить измѣну. Также присягнули въ безусловномъ послушаніи своей предводительницѣ.

Власта назначила для каждой дѣло и мѣсто. Наимудрѣйшихъ призвала въ совѣтъ; благоразумѣйшимъ поручила охрану города; отважнѣйшихъ посылала упражняться въ боевыхъ пріемахъ; чтобы потомъ убивать мужей какъ собакъ; красивѣйшимъ приказывала привлекать мужчинъ и губить ихъ.

Мужи же продолжали упорствовать въ своемъ заблужденіи и на предостереженіе князя не обращали вниманія. Точно на веселый пиръ собирались они на Дѣвинъ. «Лишь появимся», думали они, «да сверкнемъ мечомъ, дѣвичье войско разбѣжится, какъ стая кошекъ, передъ носомъ которыхъ пошуршатъ насыпаннымъ въ пузырѣ горохомъ».

Но случилось нежданное чудо. Дѣвичье войско за стѣнами не спряталось и, подобно кошкамъ, не разбѣжалось. Прямо изъ воротъ, подъ предводительствомъ Власты, выступило оно въ полномъ порядкѣ. Сидя на ворономъ конѣ, Власта, въ чешуйчатой кольчугѣ, шлемѣ и съ копьемъ въ рукѣ, обратилась къ своему войску съ горячей рѣчью, убѣждая его не бояться и мужественно разить враговъ.

— Если дадимъ себя побѣдить, мужи осмѣютъ насъ, говорила она.—Работницами имъ будемъ, или, что еще хуже—невольницами. Лучше погибнуть, чѣмъ отдаться въ ихъ руки.

Идемъ на нихъ. Не щадите никого. Бейте каждаго, кто бы онъ ни былъ: отецъ, мужъ или братъ!

Окончивъ рѣчь, Власта пошевелила уздою и пустила коня вскачь, съ крикомъ махая копьемъ. Дѣвичій крикъ былъ ей отвѣтомъ. Воодушевленныя воительницы ринулись въ бой, а впереди всѣхъ, вслѣдъ за Властой—Млада, Сватава, Ходка, Радка и Частава.

Подобно хлопьямъ снѣга, посыпались на мужей стрѣлы воительницъ. Тутъ ужъ имъ было не до смѣха. Окровавленные падали они, не по одиночкѣ, а цѣлыми рядами, и прежде чѣмъ они успѣли опомниться—воительницы уже летали между ними на своихъ буйныхъ коняхъ—и кололи, и рубили, и топтали непріятеля безъ пощады. Одна Власта заколола семь храбрѣйшихъ воиновъ.

Бой недолго длился. Триста окровавленныхъ мужскихъ тѣлъ полегло на землѣ. Остальные пустились въ бѣгство. Ближайшій лѣсъ сталъ имъ прибѣжищемъ и защитою. Безъ него погибли бы всѣ до единаго.

Дѣвинъ и окрестности его огласились радостными кликами. Побѣда еще больше разожгла воинственный пылъ женскаго войска. Вѣсть о ней разнеслась по всему краю и привлекла новыхъ дружичекъ. Пришли и тѣ, которыя еще медлили.

Тяжко было мужамъ; многихъ находили по утрамъ убитыми или заколотыми, и тотъ, кто дорожилъ жизнью, уходилъ изъ дома ночевать въ лѣса и рощи.

Не везло мужамъ и съ Дѣвинымъ. Никакъ не могли они пробраться въ городъ, ни силой, ни хитростью. Не было въ городѣ ни одного мужчины, и ни одна изъ женщинъ не стала измѣнницею. У многихъ на Вышеградѣ были подруги, которыя въ явѣ не были съ ними, но тайно сообщали имъ обо всемъ, что дѣлали мужчины: къ чему готовились, куда собирались, гдѣ ихъ можно было подкараулить и напасть на нихъ.

Долго длились враждебныя отношенія, въ полѣ—явно, а путемъ хитрости—тайно! Такъ погубила одна красавица

Воодушевленныя воительницы ринулись въ бой.

довѣрчиваго юношу, упросивъ его освободить ее, когда она пойдетъ съ подругами въ Дѣвинъ. Онъ пришелъ съ товарищами въ условленное мѣсто. Явилась дѣвица, которую онъ ждалъ, съ девятью подругами. Въ туже минуту выскочилъ изъ засады цѣлый отрядъ воительницъ,—юноша и его товарищи были перебиты.

Погибъ также мужъ, повѣрившій одной красоткѣ изъ дружины Власты, будто бы она ему сдастъ Дѣвинъ. По уговору, она пустила его тайно въ городъ вмѣстѣ съ многочисленною дружиною. Но ни онъ, ни одинъ изъ его спутниковъ не вернулись домой.

Жертвою хитрости палъ также молодой владыка Цтирадъ, котораго Власта ненавидѣла за то, что онъ въ различныхъ стычкахъ лишилъ жизни многихъ изъ ея воительницъ.

* * *

Однажды въ прекрасный лѣтній день ѣхалъ Цтирадъ съ нѣсколькими мужами изъ своей челяди полемъ, направляясь изъ своихъ владѣній къ Пражскому граду. Молодой владыка и его челядь имѣли мечи у пояса, луки и колчаны за плечами; нѣкоторые прихватили и копье. Въ тѣ времена, когда женская дружина пряталась въ засаду, неблагоразумно было бы выѣхать въ поле невооруженнымъ и безъ свиты.

Солнце пекло, въ воздухѣ стояла невыносимая духота. Ни колосъ, ни листокъ не шевелились на поляхъ и коноплянникахъ. Даже въ лѣсу, куда вела дорога, не было прохлады. Деревья и скалы, которыя торчали по бокамъ глубокаго ущелья, не давали тѣни. Ни малѣйшей вѣточки не колыхалъ вѣтерокъ. Ручей въ чащѣ, кустовъ подъ скалою, беззвучно катилъ свои воды. Казалось,—все замерло: деревья, вода и птицы... Вдругъ человѣческій голосъ нарушилъ эту тишину: послышался не то стонъ, не то призывъ къ помощи.

Цтирадъ и его спутники остановились, и стали прислушиваться. Крикъ раздался за скалою и внезапно умолкъ. Въ это самое мгновеніе надъ головой Цтирада взвился во-

ронъ, и огласилъ воздухъ своимъ зловѣщимъ карканьемъ. Но ни владыка, ни приближенные его не обратили вниманія на предупрежденіе мрачной птицы. Всѣ поспѣшили въ ту сторону, гдѣ раздался крикъ. Обогнувъ скалу, они остановились какъ вкопанные. Вотъ что увидали они:

У подошвы скалы, поросшей ежевикой и малинникомъ, на которомъ бѣлѣли цвѣты и рдѣли ягоды, зеленѣла полянка, покрытая метлякомъ и краснымъ макомъ. Огромный старый дубъ отѣнялъ этотъ уголокъ. Подъ дубомъ полулежала дѣвица, крѣпко привязанная къ стволу. Утомленная крикомъ, она склонила головку. Прекрасные волосы разсыпались по плечамъ. На ремнѣ у пояса висѣлъ охотничій рогъ.

Заслышавъ конскій топотъ, дѣвица подняла голову и, увидавши воиновъ, слезно начала просить ихъ, во имя боговъ, сжалиться надъ нею и освободить ее.

Тронутый красотою и просьбами дѣвицы, Цтирадъ позабылъ всякую осторожность; позабыли ее и спутники его. Быстро соскочивъ съ коня и выхвативъ мечъ, владыка перерѣзалъ веревки и освободилъ дѣвицу. Онъ и не подозрѣвалъ, что Властѣ доставлена была одною измѣнницею вѣсть о томъ, что онъ, въ такое-то время, поѣдетъ на Пражскій градъ. Послѣ этого Властѣ оставалось только помѣшать ему возвратиться. Для этой то цѣли ей и понадобились услуги ея красивой дружички.

Освобожденная дѣвица съ чувствомъ благодарила Цтирада. Она сообщила ему, что ее зовутъ Шарка, что она изъ Окоржина, дочь владыки, что дѣвицы изъ Дѣвина затащили ее въ рощу, связали и влекли уже въ свой городъ, чтобы присоединить къ дружинѣ, но заслышавъ топотъ коней, не успѣли этого сдѣлать.

— Потащили меня къ дереву и такъ привязали, разсказывала дѣвица, что я не могла пошевельнуться. И словно въ насмѣшку привѣсили мнѣ рогъ, а вонъ и кувшинъ съ медомъ поставили, чтобъ я, глядя на него, еще больше мучилась жаждой.

Подъ дубомъ полулежала дѣвица.

Она указала на кувшинъ, стоявшій въ травѣ у ея ногъ, и съ горькими слезами просила, чтобы владыка не оставилъ ее и отвезъ къ отцу, пока тѣ бѣшеныя ратницы не вернулись.

Сѣвъ возлѣ дѣвушки, Цтирадъ началъ ее утѣшать, обѣщалъ исполнить ея желаніе и подалъ ей кувшинъ съ медомъ, чтобы она подкрѣпилась послѣ испытанныхъ ею мученій. Дѣвушка отпила и дала ему пить.

Между тѣмъ дружинники спѣшились, привязали коней, и улеглись въ тѣни. Былъ полуденный часъ. Пряный запахъ богородицкой травы и другихъ цвѣтовъ доносился съ поля вмѣстѣ съ жаркимъ дыханіемъ раскаленнаго воздуха. Все замерло; только мотылекъ порхалъ надъ залитою солнцемъ полянкою. У дружинниковъ слипались вѣки, и сонъ одолѣвалъ ихъ.

А владыка внималъ сладкимъ рѣчамъ красивой Шарки и попивалъ медъ изъ кувшина. Потомъ взялъ рогъ, который она отвязала отъ пояса, и сталъ разглядывать его. Когда Шарка сказала, что сомнѣвается, есть ли у него звукъ, Цтирадъ поднесъ его ко рту и затрубилъ во всю силу своихъ легкихъ.

Среди мертвой полуденной тиши гулко раздался звукъ рога. Эхо ударило его о скалы и разнесло въ глубь лѣсовъ, гдѣ онъ и замеръ.

Вдругъ... словно пробудилась заснувшая буря. Раздался дикій покрикъ; изъ-за деревьевъ, изъ-за скалъ, изъ лѣсовъ, отовсюду, словно рой пчелъ, выбѣжали вооруженныя воительницы. Прежде чѣмъ Цтирадовы дружинники опомнились, прежде, чѣмъ они успѣли вскочить на коней и выхватить мечи, дѣвичья дружина бросилась на нихъ и переколола ихъ. Цтирадъ хотѣлъ бѣжать къ своимъ на помощь, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ взять мечь, лежавшій въ травѣ, воительницы повалили его и связали.

И лежалъ владыка связанный подъ тѣмъ самымъ дубомъ, къ которому прикручена была освобожденная имъ пособница Власты. Страшно онъ злился, призывая на Власту всѣ адскія

силы, а Шарка смѣялась; смѣялись и всѣ остальныя. Съ дикой радостью повели онѣ на Дѣвинъ красиваго плѣнника, который долженъ былъ идти связанный около коня Шарки. Дружина его осталась лежать на полянѣ, на помятой травѣ, залитой кровью. Лежали молодцы на солнцѣ, заколотые до смерти. Рои мухъ садились на ихъ лица, а въ вышинѣ парилъ воронъ, на предупрежденіе котораго не обратили вниманія. Онъ каркалъ, сзывая товарищей на кровавую трапезу.

И такъ погибла дружина Цтирадова и владыка ея, а дикое скалистое ущелье, гдѣ все это случилось, и по сей день называется Шарковымъ по имени той, которая была всѣмъ пагубою.

* * *

На утро стражи и развѣдчики принесли въ Вышеградъ страшную вѣсть. Близъ Дѣвина они видѣли колесо, и на немъ изуродованное тѣло владыки Цтирада. Дѣвичье войско исколесовало его.

Когда страшное извѣстіе это разнеслось по землѣ чешской, со всѣхъ сторонъ вооруженные мужи стали съѣзжаться на Вышеградъ. Возмущенные дѣвичьей жестокостью, они стали просить Пржемысла вести ихъ на отомщеніе за убитыхъ и загубленныхъ братьевъ. У иныхъ не хватило терпѣнья дожидаться распоряженій княжескихъ; они разбрелись по дорогамъ и били воительницъ, гдѣ попало. Многихъ взяли въ плѣнъ и привели въ Вышеградъ.

Власта разсвирѣпѣла какъ львица и, внѣ себя отъ бѣшенства, повела все свое дѣвичье войско на Вышеградъ, чтобы взять его приступомъ и перебить всѣхъ мужей. Но прежде, чѣмъ воительницы успѣли достигнуть стѣнъ города, къ нимъ навстрѣчу выступили мужи боевымъ строемъ, жаждая крови и мести.

Начался жестокій бой. Власта на конѣ, во главѣ своего войска, ринулась на непріятеля. Она летѣла очертя голову, увѣренная, что ея дружина слѣдуетъ за нею. Но не тутъ то было. Дружички не поспѣли за нею, были оттерты, и Власта

очутилась одна среди непріятелей. Сдавленная натискомъ, она не могла свободно дѣйствовать оружіемъ. Ее стащили съ коня и приняли на ножи.

Такъ погибла честолюбивая Власта! Другія тщетно пытались бороться. Когда же увидѣли свою предводительницу, повергнутую во прахъ, воительницы, передъ которыми трепетали мужчины, сами затрепетали отъ страха и бросились въ бѣгство къ Дѣвину, гдѣ надѣялись найти безопасное убѣжище.

Много ихъ осталось на полѣ битвы, много пало на дорогѣ, и тѣ, которыя добрались до Дѣвина, не ушли отъ своей участи.

Мужи погнались за ними, вслѣдъ за ними вступили на мостъ и проникли въ городъ. Тутъ и пришелъ конецъ женской силѣ и молодечеству. Завопили и застонали воительницы чисто по-женски, признали мужей и братьевъ, падали передъ ними на колѣни и съ воздѣтыми къ нимъ руками просили пощады.

Но мужскія сердца окаменѣли. Мужи мстили за Цтирада и за всѣхъ загубленныхъ тайно или явно. Мстили жестоко. Ни одной воительницы не пощадили, всѣхъ умертвили и прекрасныя тѣла ихъ побросали изъ оконъ и съ высоты валовъ. Когда уничтожили все войско, Дѣвинъ сожгли и пепелъ разметали по вѣтру.

О Кржесомыслѣ и Горомірѣ.

При пятомъ, по Пржемыслѣ, воеводѣ исполнилось пророчество Любушино; горы открыли свои нѣдра и засыпали страну металломъ. Люди побросали поля и стада и начали рыться въ глубинѣ земли. При рѣкахъ и потокахъ промывали золото, котораго всюду было вволю. Самъ воевода, Кржесомыслъ, памятуя пророчество праматери своей послалъ рудокоповъ на Іелову и Бржезову гору, гдѣ добыто было серебра многое множество. Со всѣхъ сторонъ люди бросились добывать металлъ; всѣ хотѣли быстро разбогатѣть. О домашнемъ хозяйствѣ и думать забыли. Новинъ никто не вспахивалъ; поля лежали впустѣ; репейникъ и метлякъ разрослись тамъ, гдѣ прежде зрѣли тяжелые хлѣбные колосья, среди которыхъ трещалъ неугомонный коростель.

Люди богатѣли металломъ, но бѣднѣли хлѣбомъ. Земледѣльцы превратились въ золотоискателей и рудокоповъ, а хлѣбъ посылали покупать въ Пражскій край. Многіе владыки и

старшины родовъ съ болью сердца смотрѣли на это запустѣніе и говорили, что въ рудникахъ пагуба полей, что изъ-за дорогого металла люди покидаютъ свои дома, что изъ за жажды къ наживѣ гибнетъ старый патріархальный строй. Нѣкоторые рѣшили поѣхать къ воеводѣ на Вышеградъ и во главѣ всѣхъ Гороміръ, владыка Неуметельскій. Просили владыки Кржесомысла, чтобы онъ требовалъ отъ народа больше хлѣба, чѣмъ серебра, и чтобы рудокоповъ и землекопателей разогналъ по домамъ. Но князь, ослѣпленный блескомъ металла, не внялъ ихъ совѣтамъ, и владыки удалились неудовлетворенные, обиженные, грустные.

Возстали и рудокопы, узнавъ, что противъ нихъ затѣяли владыки. Точно гнѣздо раздраженныхъ осъ, слетѣлись они къ своимъ палаткамъ и шатрамъ, когда посолъ разсказывалъ о томъ, какъ владыки во главѣ съ Гороміромъ Неуметельскимъ ѣздили на Вышеградъ, и что совѣтовали князю.

Зашумѣли, закричали, стали угрожать местью, и болѣе всего Гороміру Неуметельскому. Требовали его крови и не хотѣли слушать голоса разсудка. Иные въ бѣшенствѣ кричали:—Хочется ему хлѣба, такъ напихать его ему въ глотку, пока не подавится.

Грубая шутка понравилась грубымъ людямъ. Какъ спущенная съ цѣпи свора собакъ гонится за оленемъ, такъ погнались рудокопы осеннимъ вечеромъ черезъ поля и луга къ владѣніямъ Неуметельскимъ.

Была уже ночь, когда бѣшеная орда завидѣла изъ за вала, окружавшаго селеніе Неуметельское, крыши хатъ, высокіе стога и овины. Тутъ толпа замедлила шагъ и, подобно хищному звѣрю, начала подкрадываться къ оградѣ. Но одинъ добрый человѣкъ увидалъ злодѣевъ и, сообразивъ въ чемъ дѣло, побѣжалъ разбудить владыку. Раздался дикій крикъ. Для обороны не было времени; толпа была уже въ оградѣ; оставалось только спасаться бѣгствомъ.

Однимъ скачкомъ Гороміръ очутился въ конюшнѣ, гдѣ стоялъ его дорогой конь, Шемикъ. Въ одну минуту онъ его вывелъ, осѣдлалъ, шепнулъ ему что-то въ ухо и вылетѣлъ

изъ воротъ въ поле. Увидали его, кричали, гнались за нимъ, но конь летѣлъ бѣшенымъ галопомъ, грива его развѣвалась по вѣтру, а изъ-подъ копытъ брызгали искры, ярко сверкавшія въ ночномъ мракѣ.

За всадникомъ, словно крылья, развѣвалась его бѣлая одежда. Она-то и выдавала его присутствіе. Вскорѣ конь и всадникъ скрылись во мракѣ ночи.

Доѣхавъ до лѣсу, Горомiръ остановилъ коня и оглянулся. Огромное зарево разливалось по небу, ширясь и разростаясь съ каждой секундой.

„Все сгоритъ!“ въ ярости шепталъ владыка. «Строенія, гумна полныя хлѣба, стога, всѣ плоды нашихъ трудовъ, все!»

И поднявъ грозно руку въ сторону пожара, онъ произнесъ страшную клятву:

„Пусть почернѣю я, какъ уголь, пусть собственный мечъ разрубитъ меня надвое, если я не отомщу злодѣямъ и не заплачу за все сторицею!“

* * *

Неуметельское наслѣдіе погибло. Чего не съѣлъ огонь, то разграбили рудокопы. Съ богатой добычей воротились они домой. Награбленное добро везли на украденныхъ телѣгахъ, запряженныхъ крадеными конями. Увезли массу хлѣба изъ запасовъ Горомiровыхъ и, опьяненные радостью, пѣли по дорогѣ и кричали:

— Боялся голода, пусть-ка теперь поголодаетъ!

Тихо и пустынно было въ выжженномъ селеніи. Пожарище долго дымилось, и осеннiй вѣтеръ разносилъ во всѣ стороны ѣдкiй запахъ дыма.

Не прошло еще двухъ дней, и Горомiръ уже собралъ всѣхъ мужей своего рода. Къ нимъ присоединились и другіе добрые сосѣди, возмущенные гнуснымъ насиліемъ рудокоповъ.

Когда стемнѣло, выступили всѣ, хорошо вооруженные, а во главѣ всѣхъ Горомiръ на своемъ бѣломъ Шемикѣ.

Въ Бржезовскихъ рудникахъ никто и не помышлялъ объ опасности. Рудокопы были увѣрены, что сбѣжавшiй Горомiръ

блуждаетъ далеко, что онъ теперь безсиленъ и имъ не опасенъ. Вполнѣ спокойные, они улеглись, не позаботившись даже поставить стражу. Поздно ночью разбудилъ ихъ удошливый дымъ и яркій свѣтъ. Крыши горѣли надъ ихъ головами. Какъ безумные выбѣжали они вонъ и принялись вытаскивать имущество, орудія и спасать дѣтей.

Тутъ то обрушились на нихъ люди Гороміровы; рубили, кололи... Владыка на бѣломъ конѣ леталъ съ мечомъ въ рукѣ отъ палатокъ къ рудникамъ и разжигалъ своихъ приспѣшниковъ, чтобы все губили, ничего не жалѣя.

Словно ночные призраки, мелькали то тамъ, то сямъ разсвирѣпѣвшіе мстители, разрушая палатки и хаты, заваливая камнями и бревнами шахты, уничтожая все, что было добыто рудокопами.

Прежде чѣмъ дневной свѣтъ успѣлъ озарить мѣсто разрушенія, непріятель уже исчезъ, словно потонулъ въ утреннемъ туманѣ. У Неуметелей разошлись Гороміровы люди, а самъ владыка полетѣлъ дальше. Шемикъ, словно окрыленный, несъ его къ воеводову граду. Когда взошло солнце, Горомірь вполнѣ свѣжій и на видъ нисколько неутомленный появился на своемъ бѣломъ скакунѣ подъ Вышеградскими стѣнами.

На слѣдующій день дошла до княжескаго града вѣсть о томъ, что случилось у Бржезовой. Много рудокоповъ сбѣжалось на Вышеградъ, и всѣ въ одинъ голосъ разсказывали объ ужасахъ прошедшей ночи, и, распаленные гнѣвомъ, винили въ этомъ бѣдствіи Гороміра.

Владыка запирался и доказывалъ, что въ эту самую ночь онъ еще до свѣту былъ въ Вышеградѣ. Но Кржесомыслъ, жалѣя о гибели серебряныхъ рудниковъ, велѣлъ ввергнуть Гороміра въ темницу, откуда его вывели лишь тогда, когда кметы и владыки собрались на судъ по зову княжескому.

И всталъ Горомірь передъ судомъ одинъ противъ толпы свирѣпыхъ рудокоповъ, требовавшихъ, чтобы онъ былъ сожженъ живьемъ. За рудокоповъ стоялъ князь, за Гороміра владыки. Они просили князя пощадить его, но рудокопы

взяли верхъ и князь приговорилъ Гороміра къ смерти. Только въ одномъ онъ уступилъ владыкамъ: онъ измѣнилъ родъ смерти. Вмѣсто костра, Гороміръ долженъ былъ погибнуть отъ собственнаго меча.

Когда это было установлено, Гороміръ обратился къ князю съ такою рѣчью:

— Честный княже! Твоимъ судомъ осужденъ я и долженъ умереть. Прошу тебя, не откажи мнѣ въ послѣдней милости. Дозволь проститься съ конемъ моимъ и послѣдній разъ проѣхаться на немъ. Затѣмъ учини со мной, что пожелаешь.

— Проѣзжайся,—согласился князь съ усмѣшкой.—Конь твой безъ крыльевъ, небойсь, не унесетъ тебя далеко.

По приказу Кржесомысла вывели коня и заперли ворота. Не обращая вниманія на насмѣшку князя, Гороміръ радостно побѣжалъ въ конюшню къ своему Шемику, обнялъ его за шею, прижалъ свое лицо къ его мордѣ, гладилъ его, говорилъ ему что то тихимъ голосомъ, а Шемикъ весело ржалъ, правымъ копытомъ взрывая землю.

Князья и кметы съ владыками, рудокопы, стражники и весь людъ, собравшійся на надворьѣ, подошли къ конюшнѣ, когда Гороміръ вывелъ своего Шемика, держа его подъ уздцы. Всѣ залюбовались красивымъ статнымъ конемъ: грудь широкая, грива волнистая, хвостъ длинный; ноги какъ струнки, съ малыми копытами, какъ у оленя; глаза мечутъ искры, ноздри раздуваются.

Едва успѣлъ Гороміръ вскочить въ сѣдло, конь заплясалъ подъ нимъ. Съ радости, что сидитъ опять на своемъ миломъ Шемикѣ, Гороміръ свистнулъ. Конь приподнялся на дыбы, опустился и пошелъ легкимъ шагомъ по надворью. Гороміръ еще свистнулъ и Шемикъ прыгнулъ отъ однихъ воротъ къ другимъ. Около вала владыка свистнулъ въ третій разъ. Потомъ, сжавъ колѣнями бока лошади, онъ нагнулся къ ея уху и крикнулъ: «Айда, Шемикъ!»

Въ одинъ прыжокъ конь былъ уже на насыпи.... другимъ огромнымъ прыжкомъ онъ перескочилъ чрезъ высокую бревенчатую стѣну.

Шемикъ съ всадникомъ мелькнулъ надъ срубомъ.

Присутствующіе окаменѣли отъ ужаса. Шемикъ съ всадникомъ мелькнулъ надъ срубомъ какъ птица... и оба исчезли.

Толпа рудокоповъ бросилась на валъ въ надеждѣ увидать за стѣною коня и всадника разбившимися вдребезги и плавающими въ крови. Смотрѣли со стѣнъ и вышекъ, поворачиваясь во всѣ стороны и оглашая воздухъ криками радости со стороны друзей и ярости—съ другой стороны. По берегу, низиною, летѣлъ легкой рысью Шемикъ, унося Гороміра отъ лютой смерти.

Еще не успѣлъ всадникъ скрыться изъ вида, какъ принялись владыки усиленно просить за него князя. Къ нимъ присоединились и придворные, убѣждая князя, что ради такого чуда надо помиловать Гороміра, и князь, наконецъ, уступилъ.

Точасъ послали гонца въ Неуметели, за Гороміромъ, чтобы пріѣхалъ и ничего не боялся: что ему все прощено и отпущено. И прибылъ владыка на слѣдующій день, но на другомъ конѣ, не на Шемикѣ. Когда же князь спросилъ о Шемикѣ, Гороміръ печально отвѣтилъ:

— Тамъ дома стоитъ у меня такой смутный. Натрудилъ онъ себя этимъ безумнымъ прыжкомъ.

Гороміру не сидѣлось на Вышеградѣ. Ни пріязнь дворянъ, ни милости князя не могли удержать его. Всѣ помыслы его были около вѣрнаго Шемика. Откланявшись князю, онъ полетѣлъ безъ отдыха домой, въ свое помѣстье, которое начало уже возникать изъ пепла.

Возвратившись, онъ тотчасъ же бросился въ конюшню. Конь уже не могъ встать, и, чувствуя приближеніе смерти, сталъ просить своего господина не давать трупъ его въ добычу звѣрямъ и птицамъ, а похоронить у воротъ селенія.

Глубоко огорченный, Гороміръ обѣщалъ исполнить желаніе своего коня и исполнилъ. Онъ зарылъ его въ Неуметеляхъ, гдѣ и до сихъ поръ показываютъ могилу вѣрнаго Шемика, обозначенную камнемъ.

Лучанская война.

Когда князь Кржесомыслъ отошелъ въ вѣчность, на Вышеградскій престолъ возсѣлъ Неклань. Мудро и мирно было его правленіе; съ лютомиржцами и лемучами онъ дружилъ, и у тамошныхъ воеводъ его совѣты и мнѣнія были въ большомъ почетѣ. На полночь же онъ имѣлъ злого сосѣда въ лицѣ Властислава, воеводы гордаго племени лучанъ при р. Огрѣ (Эгеръ) и верхней Мжѣ. Некланъ былъ кротокъ и благоразуменъ, Властиславъ - свирѣпъ и надмененъ. Некланъ имѣлъ нравъ мирный, Властиславъ—воинственный. Не признавая ни добрыхъ сосѣдскихъ отношеній, ни правъ, ни справедливости, онъ проливалъ кровь безъ милосердія. Онъ жестоко тѣснилъ своихъ сосѣдей и не разъ дѣлалъ набѣги съ своей дикой дружиной на лемучевъ, лютомиржцевъ, чеховъ и бралъ дань. Бралъ по бѣлкѣ и по черной куницѣ съ души, а кто осмѣливался сопротивляться, долженъ былъ платить не только за себя, но и за убитыхъ членовъ семьи.

Уводилъ въ плѣнъ людей, особенно женъ и дѣтей и продавалъ ихъ въ рабство. И столько было у него плѣнниковъ, что отдавалъ ихъ за ничтожную плату франкскимъ гостямъ *) и бородатымъ жидамъ, нуждавшимся въ рабахъ и рабыняхъ.

Гдѣ бы ни появились лучане, огонь слѣдовалъ за ними. Горѣли дома, гумна, хлѣвы, конюшни, и не было селенія, гдѣ бы что нибудь не горѣло. Что щадилъ огонь, то врагъ рубилъ мечемъ. И бѣжали люди изъ селеній, и искали спасенія въ городахъ за валами и стѣнами. Но и тѣ не всегда были въ состояніи охранить ихъ.

Городъ Држевицъ, на границѣ, не устоялъ противъ силы Властиславовой. Палъ Сланецъ, въ пеплѣ лежалъ Будечъ. Оттуда, словно прорвавшаяся плотина, хлынула орда Властиславова на широкую равнину къ Лѣвому Градцу, близъ того мѣста, гдѣ мрачный Ривнакъ торчитъ надъ Влетавою.

Осадили лучане Лѣвый Градецъ, собираясь оттуда обрушиться на Прагу. Никого изъ города не выпускали и продовольствія въ городъ не пропускали. Голодная смерть угрожала осажденнымъ. Весь скотъ поѣли; горсточка муки была рѣдкостью; голая кость считалась лакомствомъ.

Тоскливо смотрѣли осажденные съ валовъ и вышекъ на «Великій путь», который велъ въ Прагу, мѣстожительство княжеское, и въ волненіи ждали, не придетъ-ли войско выручить ихъ. Но увы! Никто не шелъ. «Великій путь» оставался пустыннымъ.

Отчаяніе овладѣло осажденными. Изнуренные голодомъ, съ впалыми щеками и лихорадочно горящими глазами, они сложили на землю оружіе и рѣшили сдаться.

«Все равно умремъ съ голода», говорили они. Помощь не идетъ. Сдадимся лучанамъ. Пусть дѣлаютъ съ нами, что хотятъ; либо губятъ, либо милуютъ».

Уже собирались такъ сдѣлать, какъ вдругъ узнали, что лучане оставили лагерь и отступили. Дошла до нихъ вѣсть, что лемучи и лютомиржцы, а вмѣстѣ съ ними и дечане

*) Иностраннымъ купцамъ.

идутъ къ чехамъ на помощь и собираются имъ, лучанамъ, ударить въ тылъ.

Взбѣшенный Властиславъ поклялся страшной клятвою: пусть не будетъ ему помощи отъ Перуна, пусть тяготѣетъ надъ нимъ проклятіе въ сей жизни и будущей, если онъ уступитъ лемучамъ, дечанамъ и лютомиржцамъ. А чешское племя онъ покоритъ во что бы то ни стало и въ знакъ побѣды повѣситъ свой щитъ на вратахъ Пражскаго града.

И отступилъ отъ Лѣваго Градца, чтобъ не очутиться подобно зерну, между двумя жерновами.

Скоро онъ, дѣйствительно, отмстилъ лютомиржцамъ, выставивъ на ихъ землѣ, между двумя горами, укрѣпленный городокъ, который и назвалъ своимъ именемъ. Въ городокъ посадилъ сильныхъ суровыхъ мужей въ устрашеніе племенамъ, которые осмѣлились помогать чехамъ.

И взмолились лемучи и дечане, и запросили пощады, обѣщая предоставить чеховъ своей судьбѣ и платить дань, какую угодно будетъ назначить Властиславу. Когда о томъ провѣдалъ пражскій князь, онъ сильно омрачился. Слабый духомъ, онъ не считалъ возможнымъ управиться безъ союзниковъ и готовъ былъ скорѣй уступить, чѣмъ довести дѣло до войны.

Снарядивъ посольство изъ нѣсколькихъ владыкъ, Некланъ послалъ ихъ къ лучанскому воеводѣ, чтобы уговориться съ нимъ о мирѣ и о сосѣдскихъ отношеніяхъ. Послы повезли богатые дары: нѣсколько мѣшковъ чистаго золота, два металлическихъ шлема, дорогіе щиты и десять выборныхъ коней чистой породы.

Властиславъ сидѣлъ на высокомъ рѣзномъ престолѣ, пестро раскрашенномъ. На немъ была дорогая соболья шапка съ орлинымъ перомъ и плащъ изъ богатой чужеземной ткани, падавшій тяжелыми складками съ его плечъ. Надменнымъ взглядомъ изъ-подъ насупленныхъ бровей смотрѣлъ онъ на пословъ и, выслушавъ ихъ, сказалъ:

— Теперь я знаю, чего желаетъ вашъ князь. Вижу и дары, которые онъ мнѣ послалъ. Не слишкомъ то благоразумно

онъ поступилъ. Вѣдь онъ не послалъ мнѣ всего своего злата, всѣхъ своихъ коней и всего богатства, а послалъ только часть всего этого, чтобы прельстить меня. Возьмите все это обратно и скажите вашему князю, что я благодарю его и прошу все его добро для меня спрятать и сохранить. Приду къ нему и возьму все, что онъ имѣетъ, а также и то, что теперь возвращаю. А вы убирайтесь отсюда, да поскорѣе, чтобы вмѣсто даровъ, не оставить вамъ здѣсь своихъ головъ.

Владыки испугались и тотчасъ же пустились въ обратный путь, спѣша оставить Лучанскую землю за собою. Когда же они на Пражскомъ градѣ разсказали о сдѣланномъ имъ пріемѣ и о горделивой похвальбѣ Властислава, будто онъ станетъ властвовать надъ чешской землей, какъ надъ своей собственной, Некланъ поблѣднѣлъ и затрясся.

* *
*

Горделивая похвальба лучанскаго воеводы не была рѣчью на вѣтеръ. Онъ тотчасъ разослалъ во всѣ пять округовъ Лучанской земли приказъ готовиться къ войнѣ. Впереди дружины на быстрыхъ коняхъ ѣхалъ посолъ. Одинъ мечъ онъ имѣлъ у пояса, а другой, воеводовъ желѣзный мечъ въ кожаныхъ ножнахъ, держалъ передъ собою остріемъ кверху. Товарищъ его ѣхалъ возлѣ съ арканомъ, скрученнымъ изъ лыка, у пояса. Словно вихрь неслись послы и дружина вооруженнныхъ людей равнинами и долинами, черезъ лѣса и горы (было весеннее время, когда цвѣли хлѣба), отъ рода до рода, отъ деревни до деревни, и въ ясный день, и на разсвѣтѣ, и позднимъ вечеромъ.

На площадяхъ останавливались, сзывали старшинъ и всю родовую челядь, мужей и юнаковъ. Когда всѣ были въ сборѣ, посолъ вынималъ изъ ноженъ воеводовъ мечъ и, взмахнувъ имъ передъ собою вверхъ, объявлялъ воеводовъ приказъ, чтобы каждый, кто превзойдетъ ростомъ воеводовъ мечъ, собирался безъ промедленія на войну, бралъ щитъ и оружіе и спѣшилъ къ воеводову граду, гдѣ собирается войско противъ чеховъ.

Затѣмъ товарищъ посла отвязывалъ арканъ и поднималъ его петлю высоко надъ головою, а посолъ, указывая на петлю, повторялъ страшную воеводову угрозу, что каждый, кто выйдетъ въ поле позже назначеннаго времени, будетъ этой петлей удавленъ. Пусть каждый видитъ и знаетъ, что его ожидаетъ.

Еще наказывалъ посолъ, чтобы каждый, кто имѣетъ сокола, либо кречета, либо иного хищника, бралъ этихъ птицъ съ собою, не оставляя дома ни единаго. Кто же посмѣетъ ослушаться или покинуть поле сраженія, будетъ этимъ мечемъ казненъ.

И махалъ посолъ воеводовымъ мечемъ, который сверкалъ и игралъ на солнцѣ. Потомъ этимъ мечемъ мѣрили мужей и юнаковъ и на палочкахъ по зарубкамъ считали, чтобъ объявить воеводѣ, сколько каждый родъ можетъ выставить въ поле воиновъ.

Потомъ снова садились на коней и, пришпоривъ ихъ, мчались далѣе отъ рода къ роду, отъ округа къ округу. А вѣсть о нихъ летѣла впереди ихъ, и всюду уже ждали воеводовъ побѣдный мечъ. Пастухи со страхомъ глядѣли на дикихъ всадниковъ. Въ селеніяхъ и городкахъ мужи шумно встрѣчали пословъ воеводовыхъ, жены же сумрачно и грустно. Всюду послы приносили смятеніе и тревогу мужамъ, огорченіе и заботу женамъ и дѣвицамъ.

Прекрасна была земля, по которой проѣзжали послы. Богатыя нивы съ тяжелымъ колосомъ, луга — цѣлое море цвѣтовъ отъ золотистаго тюльпана до краснаго мака включительно, по нѣжнозеленому полю. Вездѣ почивала благодать: на поляхъ лугахъ и садахъ; и все это залитое живительными лучами весенняго солнца, радовало глазъ. Ѣздили отъ округа къ округу, и за Брезеницу рѣку и за Огру, туда, гдѣ на горизонтѣ виднѣются очертанія Крушныхъ горъ. Вездѣ мечомъ мѣрили и на зарубкахъ подсчитывали. Прогремѣла грозная вѣсть по равнинамъ и долинамъ, по скаламъ и ущельямъ; пронеслась вдоль рѣкъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ шумѣли пороги; проникла вглубь лѣсовъ и до самыхъ болотъ, на кото-

рыхъ скрывалось селеніе Хлумчанское, пятый округъ Лучанской земли. Едва тамъ услышали хлумчане воеводовъ приказъ, едва увидѣли блескъ воеводова меча, какъ возстали въ дикой радости, всѣ, какъ одинъ человѣкъ. Мечемъ не захотѣли мѣриться, а объявили, что пойдутъ всѣ, кто только въ силахъ, и старъ, и младъ.

И собирался дикій загорѣлый людъ на дикое дѣло. Бросали поля и усадьбы, хватались сильными загрубѣлыми руками за топоры и тяжелые молоты, снимали со стѣнъ тяжелые щиты, крѣпкимъ желѣзомъ окованные; брали съ нашестовъ соколовъ и кречетовъ, привязывали къ ремнямъ свирѣпыхъ псовъ волчьей породы, привыкшихъ къ борьбѣ и крови въ схваткахъ съ лѣсными хищниками.

* *
*

Въ отдаленномъ Хлумчанскѣ, между горами, за обширнымъ болотомъ, поросшимъ сѣдымъ мхомъ и осокою, на опушкѣ большого лѣса изъ липъ и яворовъ, стояло небольшое селеніе, окруженное почернѣвшими стѣнами и бревенчатымъ тыномъ. Слежавшіяся соломенныя крыши его хатъ поросли травою.

Желановъ небольшой родъ давно уже поселился здѣсь. Страба, мужъ молодой и статный былъ въ то время его господаремъ. Ни сестеръ, ни братьевъ у него не было; была только жена, чешка родомъ. Страба привелъ ее въ качествѣ плѣнницы во время послѣдняго набѣга лучанъ на чеховъ. Мало по-малу она овладѣла его сердцемъ, словно опутала чарами, и онъ сказалъ ей: «Ты моя плѣнница и невольница, а теперь будь моею женою».

Чешка покорилась, но не смирилась. Тосковала она и томилась по далекой родинѣ и горько ей было, когда вспоминала, какія ужасныя злодѣянія совершали лучане на ея родинѣ. Но она тщательно хранила ненависть въ сердцѣ своемъ, и мужъ не подозрѣвалъ ея чувствъ.

Послѣ смерти отца жила у Страбы его мачеха, женщина высокаго роста съ мрачнымъ лицомъ и сѣрыми проницатель-

ными глазами, уже не молодая, но и не старуха. Она знала волхвованія и умѣла ворожить.

Лишь только достигъ воеводовъ приказъ до уединенныхъ Желанъ, ихъ господарь началъ собираться на войну: снялъ со стѣны кожаный шлемъ съ желѣзнымъ обручемъ, наточилъ мечъ, натянулъ новую тетиву на упругій лукъ, привязалъ къ сѣдлу молотъ и выбралъ изъ табуна лучшаго коня. Конь былъ не великъ, но статенъ, шерсть его не лоснилась, а висѣла клочьями, но на ходу онъ былъ легокъ и быстръ какъ ласточка, выносливъ на зной и морозъ, на голодъ и жажду, крѣпокъ на ногу по трясинамъ и кочкамъ.

Молодая жена Страбы молча помогала ему снаряжаться: принесла одѣяло и плащъ, кожу для наколѣнниковъ и ремней, харчи въ котомкѣ, хлѣбъ и сыръ, чтобы ему было чѣмъ пропитаться, пока доѣдетъ до воеводова города.

За день до отъѣзда мачеха шепнула Страбѣ: «Приди подъ вечеръ въ ущелье; но никому о томъ ни слова».

Когда наступили сумерки, пошелъ молодой господарь, куда ему указала мачеха. Шелъ онъ вдоль лѣса по краю обширной трясины. Тамъ и сямъ въ ней росла низкорослая ольха и болотный кустарникъ; а между ними отливали стальнымъ блескомъ бездонные омута. На болотѣ вылъ вѣтеръ; но еще грознѣе завывалъ онъ въ глубокомъ ущельѣ, по краямъ котораго торчали, среди негодной травы, въ безпорядкѣ разметанныя скалы. Надъ ними, между ними, отдѣльно другъ отъ друга, росли высокія липы, дубы и ясени. Ихъ раскидистыя кроны опутаны были ползучими растеніями, изъ которыхъ зимою, какъ изъ сѣтки, выглядывали оголенныя вѣтви.

Въ томъ глубокомъ ущельѣ, подъ дубомъ, противъ скалы, на которой пылалъ огонь, сидѣла Страбова мачеха. Волосы ея были распущены, лобъ, щеки, уши и подбородокъ обрамляло бѣлое полотно.

Увидавъ пасынка, она бросила на огонь горсть кореньевъ и начала дѣлать заклинанія:

«Мгла передо мною, мгла за мною. Никто, даже сами бѣсы не видитъ насъ».

Ущелье больше и больше наполнялось бѣловатымъ дымомъ. Дымъ разстилался по низу, несся клубами вверхъ, ползъ по бокамъ ущелья, поднимался до шумѣвшихъ вершинъ деревьевъ; и когда Страба приступилъ къ огню, бѣловатая мгла до того заволокла ущелье, что только кое-гдѣ проглядывали сквозь нее деревья, точно тѣни; освѣщенная яркимъ пламенемъ, стояла мачеха и своими сѣрыми глазами пристально глядѣла на Страбу.

Ты не сынъ мнѣ, но твой отецъ былъ моимъ мужемъ. Призвала я тебя затѣмъ, чтобы дать добрый совѣтъ; но никто не долженъ знать объ этомъ.

— Знай и вѣдай, что противъ васъ строятся великія козни. У чешской колдуньи есть могучія чары; они превозмогли наши; поэтому будете и вы осилены. Вижу великую вашу бѣду! Ахъ горе, горе. Боги васъ бѣдныхъ до битвы допустятъ, и обратятся на помощь вашимъ врагамъ.

«До поля битвы доѣдете, но ужъ оттуда не пріѣдете. Лучане будутъ чешскими данниками. Но тебя минуетъ смерть, если поступишь по моему совѣту. Внимай и помни. Когда начнется бой, стой противъ того, кто первый на тебя нападетъ. Кольни его копьемъ, но жизни не лишай. Отрѣжь оба уха, хорошенько спрячь ихъ, и вскочивъ на коня, лети обратно. Услышишь за собой шумъ и крикъ, не оглядывайся и поспѣшай къ дому; тѣмъ только и можешь сохранить себѣ жизнь.

Заря погасла. На обширныя болота легли ночныя тѣни. Среди нихъ, какъ призраки, торчали корявыя ольхи. На краю болота гнилая верба съ облѣзлою корою свѣтилась страннымъ таинственнымъ свѣтомъ.

Въ глубокой задумчивости, съ тревогою въ душѣ, возвращался Страба изъ ущелья домой. Въ тѣни, между высокими деревьями, стоялъ его теремъ. Огни уже погасли; даже слабаго свѣта лучины нигдѣ не было видно. Кругомъ было темно и тихо; но когда Страба вошелъ въ ворота, онъ услышалъ пѣніе.

Пѣла жена его странную, незнакомую ему пѣсню. Увидавъ выступившую изъ мрака фигуру мужа, она сразу умолкла.

И когда онъ спросилъ, что она пѣла, и почему именно въ такую минуту, она не отвѣтила ему ни слова.

* *
*

Страхъ напалъ на пражскаго князя, когда онъ узналъ, что дѣется въ лучанской землѣ, и какое Властиславъ собираетъ войско. Некланъ страшно трусилъ и даже тогда не ободрился, когда ему было объявлено, что весь народъ чешскій возмушенный дерзостью лучанскаго воеводы, возсталъ и готовится къ бою.

Забряцало оружіе въ Вышеградѣ и на сосѣдней Лѣтенской равнинѣ. Отовсюду раздавался топотъ боевыхъ коней, воинственные крики и пѣсни. Одинъ Некланъ ходилъ съ поникшей головою въ отдаленной горницѣ своего терема и дрожалъ отъ страха. Онъ не вѣрилъ, не допускалъ мысли, чтобы можно было одолѣть Властислава. Напрасно приближенные его уговаривали. Онъ жаловался на сильную немочь, говорилъ, что бѣсы ослабили его тѣло и кости. Когда же Честміръ, его родственникъ, юнакъ красивый и храбрый, сталъ ему горько пенять, говоря, что такое поведеніе недостойно мужа, что войско собралось и ждетъ его, что отсутствіе князя можетъ произвести смятеніе въ умахъ, Некланъ отвѣчалъ:

— Не пойду, не могу. Иди за меня. Возьми мое вооруженіе, моего коня и веди войско. Пусть думаютъ что ведетъ ихъ князь.

И взялъ Честміръ княжеское вооруженіе, кольчатую броню и металлическій шлемъ, подъ него надѣлъ кольчатую маску, прикрывающую уши, бороду, шею и часть лица, большой, окованный сталью щитъ, надѣлъ княжескій плащъ, сѣлъ на Некланова чернаго, какъ уголь, коня, и выѣхалъ, сопровождаемый лехами на Лѣтенскую равнину, гдѣ собралось войско.

Забряцало оружіе, раздались радостные крики; воины привѣтствовали своего князя. Тотчасъ же войско начало строиться: конные и пѣшіе, въ кожаныхъ шлемахъ и косма-

тыхъ шапкахъ съ копьями и пращами, съ луками и колчаными, полными оперенныхъ стрѣлъ.

Замелькали въ воздухѣ мечи и копья; чешуйчатые наушники у нѣкоторыхъ воиновъ переливались на солнцѣ дрожащимъ блескомъ. Честміръ на ворономъ конѣ сдѣлалъ смотръ войску и принесъ жертву богамъ.

Когда все было готово, Честміръ взмахнулъ мечемъ, крикнулъ юнацкимъ покрикомъ, и дружина тронулась въ путь. Земля дрожала отъ топота коней, и воздухъ оглашался воинственнымъ крикомъ и пѣснями. Отрядъ шелъ за отрядомъ; тутъ находились мужи отъ всѣхъ родовъ, по силѣ и количеству каждаго рода.

Роды небольшие соединились вмѣстѣ и составляли одинъ отрядъ. Но роды сильные, богатые и многочисленные, какъ напр., Вршовичи, Муничи и Тептей славный родъ, шли каждый отдѣльно подъ собственнымъ своимъ знаменемъ.

Потянулось чешское войско по великому пути. Лѣвый Градецъ оставили вправо и спѣшили на-встрѣчу лучанамъ, чтобъ остановить ихъ звѣрства.

Когда дошли до равнинъ Турскихъ, Честміръ остановилъ войско, узнавъ, что лучане близко. Расположились на небольшой возвышенности, откуда виденъ былъ непріятель, надвигавшійся какъ черная туча. Не трудно было замѣтить, что непріятель численностью во много разъ превышаетъ чеховъ. Но Пражскій князь не испугался. Стоя на возвышенномъ мѣстѣ, подъ одинокимъ старымъ дубомъ, онъ говорилъ своему войску, а войско слушало, вполнѣ увѣренное, что слышитъ самого князя.

«Вотъ они лучане, гордое племя! — говорилъ Честміръ, Сколько они у насъ мужей сгубили, сколько селеній спалили, женъ и дѣтей въ плѣнъ увели. И продолжаютъ губить и жечь, хотятъ стереть насъ съ лица земли. Волей-неволей мы должны дать имъ отпоръ, чтобъ защитить наши семьи и не посрамить чешской земли. Постоимъ за свободу, отстоимъ свою жизнь, или сложимъ здѣсь свои косточки, но не покроемъ себя стыдомъ, не побѣжимъ съ поля брани.

«Пойдемъ на врага нашего, и я впереди всѣхъ. Если падетъ голова моя, вы не смущайтесь; стремитесь впередъ, пока побѣда не останется за вами. Когда же все кончится, погребите меня на томъ мѣстѣ, гдѣ паду я...

Вздохновленное войско крикнуло какъ одинъ человѣкъ:

— Гдѣ падетъ твоя голова, тамъ и мы сложимъ наши головы!

— Побѣдимъ!

— Лучанъ побьемъ!

Еще минута, и на Турской равнинѣ показалось лучанское войско, конное и пѣшее, хорошо вооруженное, всѣ въ кольчугахъ, либо въ стеганныхъ нагрудникахъ, и все люди сильные, воинственные. Поражалъ дикимъ видомъ своимъ Хлумчанскій родъ: люди одѣты были въ одѣяла, въ звѣриныя шкуры, въ косматыхъ шапкахъ на головѣ, съ грубыми копьями и тяжелыми молотами въ рукахъ. Цѣлыя своры злющихъ псовъ вели они за собою; иные имѣли на рукѣ, или на плечѣ пернатыхъ хищниковъ.

На равнинѣ лучанское войско выстроилось лицемъ на полдень, какъ разъ противъ пражанъ, которые лѣвымъ крыломъ обогнули возвышенность къ западу, правымъ же опирались на лѣсистый холмъ надъ Хейновскимъ селеніямъ.

Со стороны лучанскаго войска было очень шумно. Лай и вой псовъ, ржанье коней, звукъ роговъ, людской крикъ- все это сливалось въ одинъ непрерывный гулъ, подобный громовому раскату, который эхо разносило по всей Турской равнинѣ.

Во главѣ войска ѣхалъ гордый Властиславъ въ блестящемъ шлемѣ, чешуйчатой кольчугѣ и съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ. Увидѣвъ пражанъ, которые стояли стойко и не дрогнули при его приближеніи, онъ остановилъ свое войско, и, обернувшись къ нему, крикнулъ зычнымъ голосомъ.

— Видите этихъ трусливыхъ бабъ? Прикрылись холмиками. Но это не спасетъ ихъ, потому что они слабѣе насъ. Они слабы тѣломъ и духомъ. Видите, какъ они боятся насъ. Не стали, небойсь, на равнинѣ; а потому, что тру-

сятъ. При первомъ вашемъ натискѣ они ударятся въ бѣгство. Бросайтесь на нихъ наскокомъ, и пусть падутъ передъ вами, какъ колосья, побитые градомъ. Спустите псовъ, пусть напьются ихъ крови, и птицъ, пусть ослѣпятъ ихъ.

Какъ стрѣлы изъ луковъ, бросились псы съ дикимъ лаемъ, образуя нестройную пеструю кучу.

Въ то же мгновенье взвилась надъ лучанами черная туча хищныхъ птицъ. Освобожденныя отъ привязи, неслись онѣ выше и выше, то сбиваясь въ кучи, какъ снѣговые хлопья, то разлетаясь въ одиночку, какъ черныя мигающія точки. Слышенъ былъ шумъ крыльемъ, стрекотъ и смѣшанный птичій крикъ.

Тѣнь падала на лучанъ отъ этой живой тучи, которая быстро неслась впередъ, къ пражскому войску.

Въ дикомъ возбуженіи, жаждая крови, летѣли лучане, предводительствуемые своимъ воеводою, по равнинѣ. На конѣ съ развѣвающеюся гривою, возбуждая войско воинственнымъ крикомъ, скакалъ Властиславъ, неистово махая обнаженнымъ мечемъ.

За нимъ и около него неслись его дикіе воины съ воспаленными лицами и налитыми кровью глазами, испуская изъ пересохшаго горла хриплые крики.

Въ это мгновеніе, подобно тому, какъ каменная глыба, сверженная ураганомъ, летитъ съ горы, сокрушая и уничтожая все на пути, ринулся Честміръ съ возвышенности навстрѣчу лучанамъ.

А за нимъ войско, родъ за родомъ, соперничая другъ съ другомъ въ храбрости. Столкнулись, смѣшались непріятели, кололи, рубили другъ друга. Честміръ былъ въ самой жаркой сѣчѣ; рубилъ направо, рубилъ налѣво: словно маковыя головки валились лучанскія головы.

Вдругъ изъ общей свалки выскочилъ Властиславъ и съ быстротой молніи бросился на пражскаго вождя. Въ дикой ярости сцѣпились они, боролись долго и упорно, нанося другъ другу жестокіе удары. Отъ скрещенныхъ мечей летѣли

искры. Но вотъ у лучанскаго воеводы выскользнула изъ рукъ узда, выпалъ мечъ, и онъ, какъ снопъ, свалился на груды раньше его убитыхъ воиновъ, тѣла которыхъ топтали конскія копыта.

Крики ярости съ одной стороны и радости съ другой загремѣли надъ кровавою нивою. Съ новою силою пражане ударили на непріятеля, который уже пошатнулся. Въ эту минуту палъ Честміровъ конь, но всадникъ вскочилъ на быстрыя ноги и продолжалъ рубить и колоть, ограждая себя щитомъ.

Много стрѣлъ завязло въ его чешуйчатой бронѣ, немало копій торчало изъ его щита; и все еще продолжали летать стрѣлы и копья, нанося щиту новыя поврежденія. Утомленная рука сильнаго героя начинала дрожать и замедлять удары. Честміръ закричалъ воинамъ, чтобы ему подали новый щитъ, и въ то время, когда онъ мѣнялъ его, непріятельское копье пронзило его тѣло. Храбрый вождь палъ посреди жестокой сѣчи съ оружіемъ въ рукахъ и щитомъ, изъ котораго, словно щетина, торчали копья и стрѣлы.

Какъ говорилъ онъ передъ битвою, такъ и случилось: воины, огорченные утратою, еще стремительнѣе бросились на врага, кололи, рубили съ ожесточеніемъ и не покладали рукъ, пока не истребили лучанъ всѣхъ до единаго. Хищныя птицы разлетѣлись, псы разбѣжались, или были побиты, а лучанскіе воины полегли на полѣ битвы вмѣстѣ съ своимъ воеводою. Спасся одинъ Страба, какъ и предсказала мачеха.

Сломили пражане кичливость лучанъ и сокрушили ихъ силу. Загремѣли крики радости, но при взглядѣ на убитаго воеводу крики мгновенно стихли. Прикрыли его щитомъ, утыканнымъ стрѣлами, и въ полномъ вооруженіи отнесли на холмъ, гдѣ онъ желалъ быть погребеннымъ. Когда сняли шлемъ и забрало, то увидали, что это былъ не князь, а удалый Честміръ, который принесъ себя въ жертву за отечество. Съ воплемъ и рыданіями оплакивали его воины.

Приготовили ему могилу подъ старымъ дубомъ. Въ ночь, слѣдовавшую за битвою, тѣло героя сожгли, а пепелъ зарыли

Хищныя птицы разлетѣлись, псы разбѣжались......

и насыпали надъ нимъ высокій холмъ. Все войско по павшемъ вождѣ своемъ справляло тризну.

Наготовили меду много, и когда сварили его, прибылъ Неклан, чтобы оплакать гибель Честмірову.

Когда же почести усопшему были возданы, возстало пражское войско и двинулось впередъ, на лучанскую землю.

* * *

На своемъ невзрачномъ, но быстромъ конѣ утекалъ Страба съ поля битвы. Его мечъ дымился еще отъ крови чеха, который первый напалъ на него. Далѣе Страба уже не участвовалъ въ битвѣ. Онъ отсѣкъ уши нападавшему на него, вскочилъ на коня и, не обращая вниманія на шумъ, крикъ и трубные звуки, полетѣлъ во весь духъ, словно призраки гнались за нимъ.

Такъ скакалъ онъ до вечера. Въ ночи, едва давъ коню вздохнуть, онъ скакалъ уже дальше, полями и лугами, минуя жилыя мѣста, чтобы никто не видѣлъ, какъ онъ утекаетъ съ поля сраженія. Минулъ день, минула другая ночь, и на разсвѣтѣ этой ночи достигъ Страба на измученномъ конѣ, измученный самъ, своихъ уединенныхъ владѣній.

Селеніе было погружено еще въ глубокій сонъ. Въ тѣни стояли старыя липы, изъ-за которыхъ едва просвѣчивалъ бѣлесоватый край неба. Когда Страба подъѣхалъ къ своему терему, онъ замѣтилъ женъ, выходившихъ изъ его жилища. Увидавъ его, онѣ вздрогнули и, потупившись, проговорили:

— Не въ добрый часъ ты вернулся.

Соскочивъ съ коня, Страба бросился въ горницу, еще погруженную въ утренній сумракъ. На лавкѣ у окна лежало что-то, покрытое бѣлымъ полотномъ. Судя по очертаніямъ, это было окоченѣвшее мертвое тѣло. Окно было отворено для свободнаго выхода души. Подбѣжавъ къ скамьѣ, Страба сдернулъ полотно и при тускломъ свѣтѣ занимавшагося утра увидалъ посинѣвшее лице своей молодой жены. Очи ея были закрыты, волосы распущены, а на груди зіяла рана съ запекшейся кровью.

Не вѣря своимъ глазамъ, онъ стоялъ, объятый ужасомъ Въ эту минуту появилась мачеха, въ бѣломъ длинномъ одѣяніи, точно призракъ.

Недвижно стояла она, устремивъ на мертвую свои сѣрые глаза.

— Откинь ей волосы,—мрачно сказала мачеха.

Страба откинулъ прядь прекрасныхъ волосъ съ праваго виска своей молодой жены и въ ужасѣ отступилъ. На мѣстѣ уха зіяла окровавленная дыра. Онъ откинулъ волосы съ лѣваго виска; тамъ была такая же дыра.

Дрожа отъ волненія, Страба открылъ сумку и трепещущими руками вынулъ отрѣзанныя уши съ окровавленными наушниками. Это были женины уши; онъ узналъ ихъ. Теперь онъ понялъ, что кинувшійся на него воинъ была жена его. Она хотѣла его убить, но вмѣсто того погибла сама. И припомнилось ему, какова она была передъ его отъѣздомъ и какую странную пѣла въ тотъ вечеръ пѣсню.

— Ты это знала?—спросилъ онъ мачеху.

— Знала, но ты бы все равно не повѣрилъ. Ты былъ весь во власти ея чаръ. Иди и принеси благодарственную жертву богамъ.

Приказавъ, чтобы умершую вынесли за деревню, Страба, сумрачный, послѣдовалъ за мачехою въ ущелье.

Дуринкъ и Некланъ.

Скорбь охватила лучанскую землю. Словно тяжелая, мрачная тѣнь легла она на все племя лучанское. Не было рода, не было семьи, гдѣ не оплакивали бы мертвецовъ. Съ плачемъ и рыданіями вспоминали турское поле, на которомъ полегло столько сильнѣйшихъ и храбрѣйшихъ лучанскихъ мужей. Всѣ сокрушались о нихъ, и особенно о томъ, что тѣла ихъ не преданы сожженію, а остались на полѣ битвы, въ добычу хищникамъ.

Къ горю присоединился страхъ. Разнеслась вѣсть, что чехи двинулись съ Турской равнины и уже перешли границы. Люди отъ границы бѣжали вглубь земли къ городамъ и лѣсамъ и разсказывали, что чехи собираются мстить всему племени.

Рѣчь эта не была сказана на вѣтеръ, или только для устрашенія. О томъ свидѣтельствовали днемъ черные столбы дыма, а ночью зловѣщее зарево, озарявшее небеса на далекое растояніе. Горѣли селенія; поля съ богатою жатвою

представляли огненное море, и вѣтеръ разносилъ смрадный запахъ дыма даже до дальнѣйшихъ концовъ земли.

Ждать помощи было неоткуда. Сила лучанская лежала на Турскомъ полѣ. А непріятель быстро наступалъ и забиралъ округъ за округомъ.

Всюду молили о милосердіи, молили униженно и сдавались пражскому князю. Князь мстилъ жестоко, разрушалъ города и приказывалъ жечь ихъ. Палъ такимъ образомъ Властиславовъ городъ, крѣпкое гнѣздо за Огрою. Но сына Властиславова тамъ, однако, не оказалось.

Услужливые люди сообщили Неклану, что мальчикъ скрывается въ хижинѣ старой женщины, у рѣки, между скалъ. Неклалъ послалъ за нимъ вооруженныхъ воиновъ, и два дня спустя единственный сынъ Властислава, бѣдный маленькій сиротка, стоялъ уже передъ грознымъ княземъ-побѣдителемъ.

Это было прелестное пятилѣтнее дитя съ длинными шелковистыми кудрями, которыя скоро должны были идти подъ постригъ *). Беззаботно, не сознавая своего несчастія, предсталъ мальчикъ передъ лице врага отца своего, вскинулъ на него свои ясные невинные глазки и поклонился, какъ его учили.

И сжалился надъ нимъ Некланъ. Тронутый его молодостью, несчастной судьбою и прелестнымъ личикомъ, Некланъ ничѣмъ его не обидѣлъ; не взялъ даже въ заложники. Онъ оставилъ его въ родной землѣ и велѣлъ ему выстроить городокъ, чтобы сынъ воеводы имѣлъ приличное мѣстожительство. Городокъ, названный Драгушъ, поставили на берегу Огры, нарочно на ровномъ и открытомъ мѣстѣ, чтобы онъ не могъ стать оплотомъ враждебному племени.

Вернувшись въ Прагу со славою и богатою добычею, Некланъ принесъ благодарственныя жертвы милостивымъ богамъ, даровавшимъ ему побѣду. Тотъ врагъ, о которомъ онъ не могъ думать безъ страха ни днемъ, ни ночью, ни утромъ ни вечеромъ, и даже на ложѣ кошмаръ душилъ его и сонъ

*) Старинный славянскій обрядъ. Мальчику, достигшему семи лѣтъ, остригали волосы въ знакъ того, что онъ изъ младенческаго возраста перешелъ въ отроческій.

бѣжалъ отъ глазъ—этотъ грозный врагъ былъ побѣжденъ и уничтоженъ.

Итакъ, гордое племя лучанъ было сокрушено, а тотъ, которому надлежало господствовать надъ нимъ, Збиславъ, сынъ Властислава, жилъ тихо въ своемъ Драгушѣ, на попеченіи воспитателя Дуринка, родомъ серба, пользовавшагося при жизни Властислава полнымъ его довѣріемъ.

И Некланъ довѣрился ему, оставивъ на попеченіе его Збислава и Драгушъ-градъ.

Минуло лѣто, прошла осень, и настала зима, первая зима послѣ турской битвы и смерти Властислава. Дни сократились и стали пасмурны. Пасмурна стала и мысль Дуринка. Тревожно ходилъ онъ по замку, словно нигдѣ не находилъ себѣ мѣста.

Недобрая мысль закралась ему въ голову и преслѣдовала его какъ тѣнь, не давая покоя. Честолюбіе и алчность внушили ее. Словно внутренній голосъ шепталъ ему:

«Убей этого ребенка, убей. Некланъ не можетъ быть покоенъ, пока живъ сынъ Властислава. Удали вражеское отродье, угодишь пражскому князю, и онъ щедро наградитъ тебя. Городъ, которымъ ты теперь управляешь, будетъ твой, и окрестный край тоже. Окажешь князю неоцѣненную услугу, если навсегда избавишь его отъ этого ребенка».

Такъ усердно нашептывалъ ему бѣсъ, такъ упорно сверлила кровавая мысль ему мозгъ, что онъ не въ состояніи былъ отогнать ее. Все чаще и чаще она осаждала его, въ особенности когда онъ оставался одинъ. Въ зимніе сумерки, сидя съ Збиславомъ у пылающаго камина, онъ вдругъ устремлялъ на него изъ-подъ нависшихъ бровей недобрый взглядъ. Ребенокъ дивился, что такое сдѣлалось съ его воспитателемъ, и почему онъ на него такъ странно смотритъ.

Но стоило Дуринку опомниться и, погладивъ русокудрую головку, сказать ласковое слово, мальчикъ тотчасъ же успокаивался.

Однажды Дуринкъ ласково позвалъ Збислава и предложилъ ему идти съ нимъ на рѣку ловить рыбокъ. Быстро

собрался мальчикъ; надѣлъ тулупчикъ, соболью шапочку и выбѣжалъ на улицу.

Затаивъ недобрыя мысли, Дуринкъ взялъ топоръ, какъ бы для того, чтобъ прорубить ледъ. Збиславъ весело прыгалъ около него. Шли къ рѣкѣ тропинкой, вытоптанной въ снѣгу. Было ясно и морозно; кругомъ — тихо и пустынно.

Неподвижно стояли на берегу старыя вербы, клены и мрачныя косматыя ольхи съ оголенными вѣтвями. Кое-гдѣ торчали на нихъ маленькія шишечки, которыхъ много валялось на снѣгу, сверкавшемъ на солнцѣ тысячью брильянтовъ. Высокая поблекшая трава и кусты тоже покрыты были морозными иглами. Рѣка, скованная льдомъ, безмолвствовала. На ея зеленоватомъ льду бѣлѣли комья снѣга, похожіе на пышныя купавки, украшающія ея воды лѣтомъ. Збиславъ сбѣжалъ на ледъ и хотѣлъ перебѣжать на другой берегъ, но воспитатель остановилъ его.

— Погоди, вырубимъ сперва прорубь.

Мальчикъ остановился и съ любопытствомъ сталъ слѣдить за каждымъ ударомъ топора. Ледъ трещалъ, разсыпался и съ шумомъ отлеталъ въ сторону. Наконецъ, зачернѣла вода. Въ широкую прорубь ее хорошо было видно. Тогда Дуринкъ ласково сказалъ:

— Ахъ миленькій мой! Полюбуйся-ка на рыбокъ. Вонъ какъ онѣ плаваютъ подъ водою. Ой, сколько ихъ тутъ; просто кишмя-кишатъ.

И довѣрчивый ребенокъ, ничего не подозрѣвая, подбѣжалъ къ проруби, всталъ на колѣни и, упершись ручонками въ ледъ, сталъ всматриваться въ воду. Кудрявая головка нагнулась, и тонкой бѣлой шейки коснулось лезвіе топора...

Кровь брызнула ручьемъ и обагрила чистый ледъ и дѣвственный снѣгъ. Отбросивъ топоръ, Дуринкъ вынулъ ножъ и, докончивъ свое гнусное дѣло, быстро удалился.

Деревья уже закутались вечернею мглою, но на стволахъ горѣлъ еще послѣдній лучъ заходящаго солнца, когда случайные прохожіе наткнулись на тѣло ребенка безъ головы. По тулупчику и шапкѣ, отлетѣвшей прочь, они приз-

Ахъ, миленькій мой! Полюбуйся-ка на рыбокъ.

нали своего княжича. Съ горькимъ плачемъ взяли они тѣло и отнесли въ городокъ

Тотчасъ же стали разыскивать Дуринка; но оказалось, что онъ только что велѣлъ осѣдлать коня и уѣхалъ; никто не зналъ, куда и зачѣмъ.

⁂

Дуринкъ поѣхалъ прямо на Пражскій градъ. Некланъ съ лехами и старостами сидѣлъ въ совѣтѣ. Дуринкъ, желая передъ всѣми похвастаться своей удалью, не сталъ дожидаться конца; вошелъ, поклонился, и когда князь упрекнулъ его въ самовольномъ вторженіи, онъ заявилъ въ присутствіи всѣхъ.

— Служилъ я вѣрно лучанскому воеводѣ, но тебѣ, князь, хочу послужить еще лучше. Знай, что ударомъ топора я достигъ того, что ты можешь спать спокойно. Тебѣ извѣстно, что тотъ, кто не хочетъ пожара, долженъ гасить искры. Вотъ эту-то искорку я и погасилъ, чтобы ты былъ навсегда обезпеченъ отъ пожара.

Вытащивъ изъ-подъ полы узелокъ и развязавъ его, Дуринкъ досталъ дѣтскую головку, которая выглядѣла какъ живая, только что не говорила. Положивъ ее на столъ передъ княземъ и лехами, онъ воскликнулъ:

— Вотъ онъ, мститель за кровь отцовскую, лежитъ передъ тобою пораженный. Ставъ мужемъ, онъ искалъ бы твоей погибели, а теперь—онъ безвреденъ!....

Князь вздрогнулъ и отвернулся. Вздрогнули и лехи. Крики ужаса, негодованія и презрѣнія огласили палату. Князь всталъ. Лицо его пылало гнѣвомъ, глаза горѣли.

— Возьми долой съ очей нашихъ свой страшный даръ, негодяй!—крикнулъ онъ.— Кому хотѣлъ услужить ты; мнѣ? Неужели ты думаешь, что я не сумѣлъ бы совершить того, что ты теперь сдѣлалъ? Но я бы сгубилъ своего врага, а ты—господина, сына своего благодѣтеля! Неблагодарный! Не губить велѣлъ я тебѣ ребенка, а охранять и беречь. Ты ожидаешь награды? Да будетъ по желанію твоему. Предлагаю тебѣ три рода смерти; выбирай любую: Или ты бросишься

съ высокой скалы головой внизъ, или повѣсишься на любомъ деревѣ, или пронзишь себя собственнымъ мечемъ.

Блѣднѣе снѣга выслушалъ Дуринкъ княжескій приговоръ. Опустивъ голову и глаза долу, онъ вышелъ, дрожа изъ палаты и на ольхѣ, стоявшей у дороги, повѣсился.

Съ тѣхъ поръ ольха эта стала называться Дуринкова ольха.

* * *

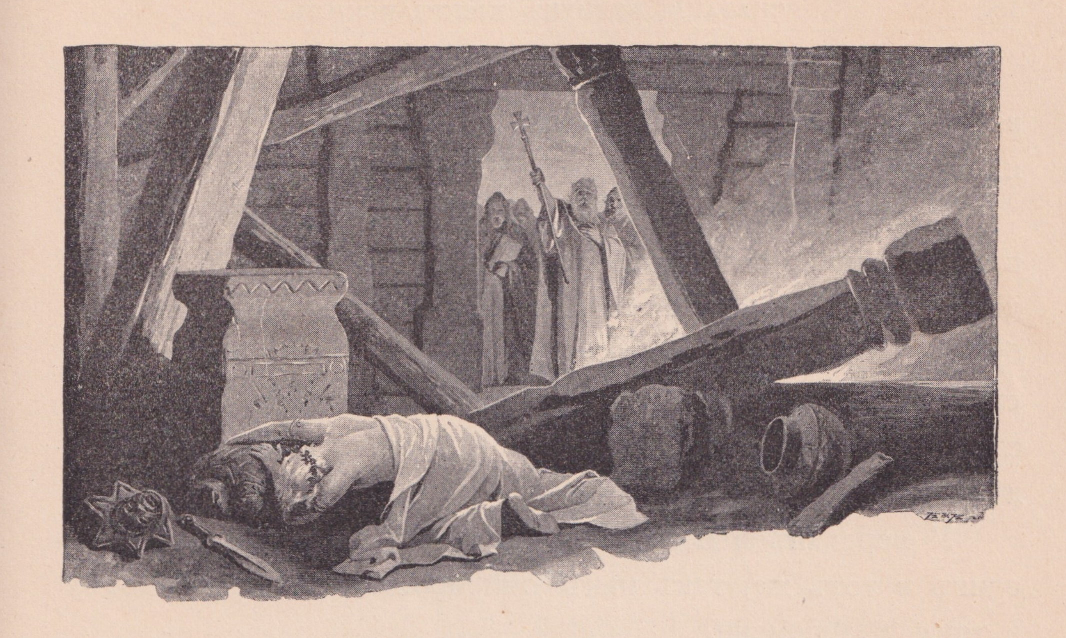
Съ давнихъ временъ зеленѣла „на Скалкахъ“ противъ Вышеграда священная роща. Въ глубинѣ этой рощи, въ тѣни деревьевъ, стояла на камнѣ обросшая мхомъ мрачная богиня Морена, богиня страшная, уносившая людей за грань земного бытія. Рощу окружали мрачныя владѣнія Морены — поля успокоенія. Несчетныя могилы надъ пепломъ усопшихъ поднимались здѣсь изъ высокой травы.

Пониже, на склонѣ, близъ потока Ботича, осѣненнаго густолиственными деревьями, находилось кладбище поменьше, для погребенія лицъ знатнаго рода.

Въ тѣни вѣковыхъ деревьевъ, въ могилахъ, обложенныхъ камнями, подъ высокою насыпью, почивалъ прахъ воеводъ чешской земли. Мудрый Пржемыслъ, давшій странѣ законы и уставы, былъ положенъ тутъ первый, а за нимъ всѣ преемники его на престолѣ княжескомъ. Тамъ же погребли Неклана, когда сердце его перестало биться.

Сказанія временъ христіанскихъ.

молкли повѣствованія о годахъ давно минувшихъ, изсякъ источникъ миѳическихъ сказаній изъ временъ языческихъ.

Наступила другая пора и съ нею другія сказанія, дивныя по смыслу своему. Сказанія эти достойны запечатлѣться въ памяти живущихъ. Новая пора настала, когда пришли предтечи Христова ученія. Явились они какъ утренняя заря, предвѣстница свѣта—свѣта познанія истиннаго Бога.

Чудная пѣснь зазвучала изъ глубины лѣсовъ моравскихъ и на славянскомъ нарѣчіи люди начали славить Бога.

«Пріидите, воспоемъ Господеви, воскликнемъ Богу, твердынѣ спасенія нашего; предстанемъ лицу Его со славословіемъ, въ пѣсняхъ воскликнемъ Ему».

«Воспойте Господеви пѣснь нову; воспойте Господу вся земля. Возвѣщайте въ народахъ славу его, во всѣхъ племенахъ чудеса Его» *).

И вотъ изъ пограничныхъ лѣсовъ моравскихъ Трстеницкою стезею вышли князи единаго Бога, епископъ Меѳодій, и съ нимъ послѣдователи его и ученики. Св. Меѳодій и братъ его св. Кириллъ вспахали словомъ Божіимъ зачерствѣлыя сердца язычниковъ въ землѣ Моравской и Словенской и засѣяли ихъ пшеницею святого ученія и добрыхъ дѣлъ.

У моравaнъ и словаковъ, также какъ и у чеховъ языкъ одинъ и тотъ же, такъ какъ они принадлежатъ къ одному и тому же племени.

Архіепископъ Меѳодій пришелъ со славнаго Велеграда, благословилъ чешскую землю на порогѣ ея и началъ дѣло Божіе съ границъ земли съ Литомышля града и пригорода Оттуда пошелъ далѣе до края земли, всюду проповѣдывалъ и училъ, объясняя священныя книги и смыслъ ихъ.

И радовались чехи, слушая на своемъ родномъ нарѣчіи о великихъ дѣлахъ Божіихъ, стекались къ проповѣдникамъ и Меѳодію, горѣвшему истинной христіанской любовью и милосердіемъ.

— Окроплю васъ—говорилъ онъ,—святою водою и очиститесь отъ служенія идоламъ и отъ другихъ грѣховъ вашихъ. Господь Богъ услышитъ молитвы ваши и помилуетъ васъ.

Нравилась имъ его рѣчь, нравилось ученіе и напѣвы служителей церкви, и крестился народъ, какъ крестились князь Боривой и жена его Людмилла.

Народъ собирался во множествѣ всюду, гдѣ совершалось богослуженіе. И собравшіеся молились съ благоговѣ-

* Псалмы 94 и 95.

ніемъ, повторяя молитву, которой научилъ ихъ Святитель: «Господи, помилуй насъ».

На славянскій языкъ были переведены Евангеліе, Библія и другія богослужебныя книги. На славянскомъ же языкѣ совершалось богослуженіе.

Гдѣ ни проходилъ св. апостолъ, вездѣ онъ закладывалъ храмы. Первый былъ заложенъ въ Литомышлѣ, второй въ Градцѣ надъ Лабой, третій—въ Садскѣ, четвертый—въ Вышеградѣ и пятый—въ Лѣвомъ Градцѣ.

Свѣтъ истины проникъ сквозъ густые лѣса, разлился по всей землѣ и освѣтилъ таинственныя рощи, свидѣтельницы поклоненія языческимъ богамъ. И сгинули боги эти. Приходили люди новой вѣры, поражали ихъ и опрокидывали; рубили священныя деревья въ поляхъ и ущельяхъ и сожигали ихъ.

Уничтожая идоловъ, наказывали, чтобы никто не посвящалъ новорожденныхъ огню, не приносилъ жертвъ духамъ огненнымъ, испрашивая ихъ покровительства новорожденному дитяти. Наказывали еще не приносить жертвъ бѣсамъ и злымъ духамъ, не хоронить мертвыхъ въ поляхъ и рощахъ не совершать по нихъ тризну на распутьяхъ, не устраивать игръ въ маскахъ надъ могилами и изъ загробнаго міра не вызывать тѣней. И низвергнутъ былъ Перунъ съ Вышеграда. Прекратилось почитаніе страшной Морены; мрачная ея статуя въ рощѣ «На Скалкахъ» была опрокинута.

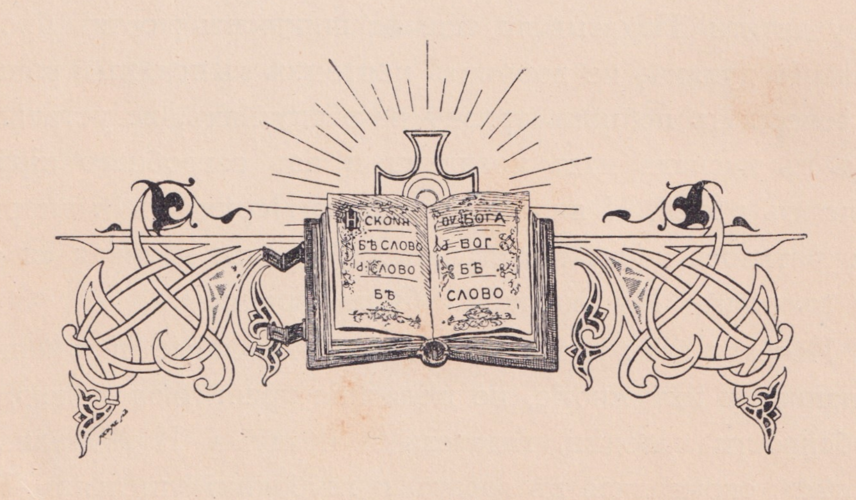
Исчезли боги водяные, лѣсные, вѣтренные и туманные. Оплакивали ихъ многіе, не желавшіе креститься водою, въ особенности чародѣи, гадатели и колдуны. И убѣгали они въ лѣса, скрывались въ горахъ и глубокихъ ущельяхъ. Туда же уносили дѣдокъ и идоловъ, тамъ имъ кланялись, приносили жертвы и кляли новаго Бога.

Но Онъ былъ силенъ. Мощно звучали колокола, и торжественный звонъ ихъ разносился далеко, все дальше и дальше. Громко раздавались пѣснопѣнія въ таинственномъ полумракѣ церквей, и звуки ихъ вмѣстѣ съ голубымъ облакомъ курящагося ѳиміама возносились къ небу. Алтарь, озаренный горящими свѣчами, сіялъ во всемъ блескѣ живописи и позолоты.

И такъ, новая пора настала, а съ нею и новыя сказанія, сказанія глубокія и назидательныя.

Внимайте имъ, братья и сестры, сыновья и дочери, и вы услышите о дѣяніяхъ святыхъ братьевъ, ихъ же величаютъ всѣ племена славянскія.

Услышите вы о князьяхъ и короляхъ чешской и моравской земли, о герояхъ и иныхъ людяхъ, а также о золотой Прагѣ, матери чешской земли. Узнаете то, что записали лѣтописцы, и то, что переходило изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія къ поколѣнію и запечатлѣлось въ живой книгѣ, въ людской памяти.

О королѣ Святополкѣ.

Въ Велеградскомъ храмѣ кончилась проповѣдь. Допѣта была слѣдовавшая за нею молитва, и всѣ взоры устремились къ алтарю. Наступило время божественной литургіи, которую долженъ былъ совершать самъ архіепископъ Меѳодій. Служба полагалось торжественная по случаю великаго праздника въ память апостоловъ Петра и Павла.

Свѣчи у алтаря уже порядочно сгорѣли, а Меѳодій не шелъ. Присутствующіе тихо молились. Минута бѣжала за минутой. Уже солнце стояло высоко; лучи его, проникая въ окна купола разсыпались золотымъ снопомъ по внутренности храма. Отчетливо изъ тѣни выступили образа святыхъ на золотомъ полѣ, головы молящихся женъ, мужей и старцевъ, бѣлокурыя косы дѣвицъ и кудрявыя головки дѣтей.

При яркомъ солнечномъ свѣтѣ потускнѣлъ огонь свѣчъ. Въ храмѣ слышался шепотъ и тихія восклицанія. Головы наклонялись другъ къ другу, спрашивая, что случилось. Разнеслась вѣсть, что архіепископъ потому не служитъ обѣдни, что ожидаетъ короля. Король такъ приказалъ.

— Но гдѣ же онъ, гдѣ?

— Отчего не идетъ?

Отовсюду слышались вопросы, и потомъ сдавленные крики негодованія, когда узнали, что король на охотѣ, рано, передъ разсвѣтомъ, выѣхалъ съ ловчими и собаками.

— На охоту! Въ такой великій праздникъ! Но всѣ разомъ умолкли, когда на порогѣ появился св. Меѳодій. Наступилъ часъ, когда откладывать долѣе служеніе литургіи сдѣлалось уже невозможнымъ. Съ архіереемъ вошло въ алтарь сослужащее духовенство въ богатомъ облаченіи. Задымились кадила, зазвучали священныя пѣснопѣнія.

А моляшіеся, стоя на колѣняхъ и воздѣвъ руки къ небу съ восторгомъ взирали на сіяющій алтарь, на торжественное богослуженіе, и внимали священнымъ возгласамъ и пѣснопѣніямъ. Все понимали они отъ слова до слова. Проникнутые благоговѣніемъ, они вознесли сердца свои къ Богу и позабыли о королѣ и его забавахъ.

Вдругъ до слуха молящихся донесся какой то неясный шумъ, который съ каждой минутою становился яснѣе и слышнѣе. Гиканье ловчихъ, звукъ рога, лай псовъ, ржанье коней слились въ одинъ общій гулъ, который несся къ храму какъ порывъ страшной бури. Отворились двери, и король Святополкъ съ шапкою на головѣ, съ мечемъ въ рукѣ ворвался въ церковь; а за нимъ ловчіе и собаки.

Служба остановилась. Присутствующіе, въ испугѣ, прятались за колонны, жались къ стѣнамъ.

Не обращая вниманія на народъ, король бросился къ алтарю, сталъ кричать на архіепископа и упрекать его, зачѣмъ не ждалъ его, зачѣмъ безъ него началъ службу. Онъ забылся до того, что ступилъ ногою на ступени алтаря; но тутъ онъ очутился лицемъ къ лицу съ архипастыремъ.

Ни шагу далѣе!

— Ни шагу далѣе! воскликнулъ въ священномъ гнѣвѣ архипастырь;—или Господь уничтожитъ тебя на мѣстѣ! Дьявольская гордость овладѣла тобою. Твоего ли произвола я долженъ слушаться, или закона Божескаго? Ты оскорбилъ храмъ Господень и Господомъ будешь отверженъ и униженъ.

Весь красный отъ гнѣва, съ глазами налитыми кровью, Святополкъ былъ страшенъ. Но величавая фигура Св. Меѳодія и его чистый взглядъ обезоружили ослѣпленнаго владыку. Онъ опустилъ мечъ и повернувшись, быстро вышелъ изъ храма; за нимъ вышли ловчіе и собаки.

Но по возвращеніи въ замокъ, Святополкомъ снова овладѣли недобрыя чувства. Ему стало досадно, что онъ поддался вліянію архіепископа и онъ послалъ сказать Меѳодію, чтобы онъ не показывался ему на глаза. Св. мужъ повиновался и оставивъ Велеградъ, выступилъ на поприще апостольское. Онъ отправился въ страны, гдѣ сталъ духовнымъ вождемъ и руководителемъ, проповѣдуя, распространяя Христово ученіе и утверждая людей въ вѣрѣ. И такъ трудился онъ до самой смерти.

Святополкъ продолжалъ злобствовать. Съ постыдной неблагодарностью онъ совершенно позабылъ, чѣмъ обязана Святителю моравская земля. Насаждая въ ней правую вѣру, Св. Меѳодій не жалѣлъ ни себя, ни трудовъ своихъ. Святополкъ, ослѣпленный гнѣвомъ, не только не содѣйствовалъ ему, но всячески старался перечить, разрушая славянскіе уставы на радость врагамъ своимъ нѣмцамъ.

Но не минуло Святополка наказаніе Божіе. Сбылись слова Меѳодія. Отступило счастье отъ мощнаго земного владыки, упорствовавшаго въ заблужденіи. Съ разныхъ сторонъ обрушились на него непріятели: венгры, поляки, нѣмцы. Чехи тоже бунтовались, не желая признать его власти. Всѣ концы моравскій земли враги безжалостно раззоряли и губили.

И прозрѣлъ наконецъ король, и понялъ, что онъ оставленъ Богомъ, что всѣ несчастія постигшія его землю при-

шли черезъ него, черезъ его гордыню и своеволіе. Часто приходилъ ему на мысль Меѳодій, противъ котораго онъ былъ такъ много виноватъ, и раскаяніе овладѣло сердцемъ его.

Смутился духомъ король, когда узналъ, что вражеская сила ростетъ и родная земля погибаетъ. Созвавъ леховъ и земановъ (крупныхъ землевладѣльцевъ), онъ совѣтовался съ ними, и спрашивалъ, что ему дѣлать. Но могли ли помочь ему лехи и земаны, когда Богъ оставилъ его.

Когда совѣтъ, собравшійся въ военномъ лагерѣ, окончился, Святополкъ, задумчивый и грустный отошелъ въ свой шатеръ. Съ тѣхъ поръ его уже никто не видалъ.

Около полуночи, король вышелъ изъ шатра, сѣлъ на коня, привязаннаго къ шатру, и тихо поѣхалъ по спящему лагерю. Никто его не остановилъ и стража, стоявшая у цѣпи, не обозвала его. Только странно казалось ей, зачѣмъ это понадобилось королю въ такую глухую полночь выѣхать изъ лагеря.

Никто не подозрѣвалъ, что владыка земли, при всей своей славѣ и мощи давно уже не зналъ покоя. Крѣпко мучила его совѣсть при мысли, что онъ такъ сильно провинился передъ благодѣтелемъ моравской земли, позволивъ себѣ надругаться надъ его обрядами и уставомъ. Много онъ думалъ объ этомъ въ безсонныя ночи и горько каялся. Въ одну изъ такихъ тяжкихъ минутъ, онъ рѣшилъ бросить все, войско, дворъ, слугъ, любимое оружіе и всѣ свои сокровища, чтобы избавлена была моравская земля отъ тѣхъ бѣдствій, которыя терпитъ изъ за него.

Выѣхавъ изъ лагеря глухой ночью, Святополкъ достигъ до мѣста у горы Заборы, гдѣ въ обширныхъ дѣвственныхъ лѣсахъ незадолго передъ тѣмъ поселились три пустынника и выстроили съ помощью короля небольшую церковь.

Въ мрачномъ лѣсу, среди деревьевъ и густой заросли, Святополкъ пронзилъ мечемъ своего вѣрнаго коня, бросилъ оружіе и углубился дальше въ лѣсъ, моля Бога, чтобы онъ помогъ ему добраться до пустынниковъ раньше разсвѣта.

Пустынники не знали, кто онъ; они никогда не видали короля. Они приняли его, и Святополкъ, бывшій король моравской земли, облекся въ одежду пустынника. До самой смерти его не знали, кто онъ и откуда. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ исповѣдалъ свои грѣхи монахамъ, и тогда только узнали, кто онъ и зачѣмъ пришелъ.

О королѣ Ячменькѣ.

огда король Святополкъ безслѣдно исчезъ, пришлось моравaнамъ позаботиться о новомъ правителѣ. Думали и гадали, подыскивая достойнѣйшаго для вступленія на престолъ королевскій.

Въ то время въ Пржеровскѣ, въ замкѣ Хропинѣ жилъ богатый помѣщикъ, владѣлецъ большихъ имѣній. Сосѣди его уважали, подданные любили. Владѣтель онъ былъ милостивый, умъ имѣлъ обширный, судилъ мудро и справедливо. Тогда сказали паны и земаны:

— На что намъ дальше искать правителя, когда достойнѣшій есть между нами.

И выбрали Хропинскаго пана единодушно, безъ споровъ и пререканій, и этотъ выборъ хвалили по всей странѣ, хвалили и радовались новому королю.

Желая ознакомится со своимъ королевствомъ, новый король поѣхалъ на востокъ и западъ, на полночь и полдень.

Вездѣ его встрѣчали съ великимъ веселіемъ и почетомъ. Паны одинъ передъ другимъ старались понравиться новому владыкѣ: льстили ему, угощали, подносили дары, устраивали пиры и охоты.

Возвратившись въ Хропинскъ, король заскучалъ. Показалось ему слишкомъ пусто и тихо. Ничто его не тѣшило, не радовала даже привязанность милой, кроткой жены. Растужился онъ по шумнымъ забавамъ и приказалъ придворнымъ устраивать пиры и приглашать гостей.

Паны и владыки въ богатыхъ одеждахъ, обшитыхъ дорогими мѣхами, при сабляхъ и мечахъ у кованыхъ поясовъ, въ дорогихъ шапкахъ съ орлинымъ перомъ, съѣзжались въ Хропинскій замокъ на породистыхъ коняхъ съ чеканной сбруей. Съѣзжалось пановъ со всѣхъ концевъ такъ много, что ихъ едва вмѣщалъ замокъ, а челяди и конямъ совсѣмъ мѣста не было. И пошли пиры безъ конца. Королевскіе гости долго не разъѣзжались; устраивались разныя забавы, охоты, турниры; пили, да ѣли, особенно пили....

Когда вечеромъ рабочій людъ возвращался съ полей въ замокъ, его оглушалъ шумъ веселья. Звенѣли струны, раздавались пѣсни, при свѣтѣ свѣчей и факеловъ. А когда рабочій людъ послѣ утомительной дневной работы засыпалъ и, вставъ рано, готовился начать новый рабочій день, въ замкѣ еще было шумно.

Мрачно посматривая на королевскій замокъ, люди озабоченно спрашивали другъ друга, что же это будетъ, и долго ли такъ будетъ продолжаться. Всѣ вспоминали добрую королеву и жалѣли ее отъ всей души. Она была очень добра, часто просила короля за народъ, и всѣ знали, что ей противны эти пиры и гулянки.

Не даромъ сокрушался трудящійся людъ. На подобныя затѣи скоро не хватило у короля ни своей, ни государственной казны. Начались налоги, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Сборщикамъ податей приказано было требовать, а кто уклонялся—карать.

Съ презрѣніемъ и ненавистью смотрѣлъ народъ на Хропинскій замокъ, бранилъ короля и клялъ его. О королевѣ же была совсѣмъ иная рѣчь. Съ большимъ чувствомъ разсказывали, какъ она просила короля о народѣ, чтобы не притѣснялъ его и не разорялъ.

Не даромъ жалѣли королеву. Никто не зналъ, сколько горькихъ слезъ пролила она въ своемъ уединеніи; никто не слыхалъ, какъ кротко и ласково она короля уговаривала. Но король не внималъ рѣчамъ ея, онъ грубо ее отталкивалъ, и несчастная женщина съ поникшей головой, съ горящими отъ негодованія глазами выходила, шатаясь, изъ его покоевъ. Однажды, послѣ новыхъ налоговъ, когда корлева опять заступилась за народъ, король такъ разсвирѣпѣлъ, что выхватилъ мечъ и погнался за женой; едва-едва она успѣла отъ него ускользнуть.

Въ дикомъ бѣшенствѣ король велѣлъ выгнать королеву изъ замка, и чтобы она никогда не показывалась ему на глаза. Пожелавъ посмотрѣть, исполняются ли его приказанія, онъ подошелъ къ окну и, увидавъ несчастную королеву, снова распалился гнѣвомъ, выбѣжалъ изъ замка и погнался за нею съ обнаженнымъ мечемъ, но она во-время увидала его.

Не было у нея ни пристанища, ни защитника. Оглядываясь въ смертельномъ страхѣ, она искала пріюта. У дороги раскинулось поле дозрѣвающаго ячменя. Тяжелые колосья колыхались, сверкая на солнцѣ своими золотистыми остями. Разступилась нива, и надъ колосьями замелькала златокудрая головка королевы. Шла она посреди ячменя и вдругъ исчезла, словно потонула въ золотой пучинѣ. Подулъ вѣтеръ, по нивѣ прошла волна, нива сгладилась, и вѣтеръ мгновенно стихъ. Король осмотрѣлся и подивился, куда это исчезла его жена.

Нашли ее деревенскія женщины, а возлѣ нея новорожденное дитя. Отнесли королеву въ деревню и заботливо ухаживали за ней. Сына королевскаго назвали Ячменекъ, такъ какъ онъ въ ячменѣ родился. Король не замедлилъ узнать объ этомъ происшествіи; но, окаменѣвъ сердцемъ не только къ

женѣ, но и къ родному дѣтищу, велѣлъ удалить ихъ. Жолнеры (солдаты) отвезли далеко мать и дитя, но куда?—никто не зналъ.

Король, однако, недолго оставался спокоенъ. Совѣсть стала мучить его. Ему мерещилось искаженное ужасомъ лицо жены и покинутый сынъ, нѣжность къ которому неожиданно закралась въ его сердце. Пришло время, когда среди пировъ и ликованій онъ сталъ искать уединенія.

Тяжко было королю, чѣмъ дальше, тѣмъ больше; и онъ рѣшился послать разыскивать жену и сына. Послы вернулись, и король съ ужасомъ услыхалъ, что королева съ королевичемъ исчезли, и никто не зналъ, куда они дѣлись. Король велѣлъ продолжать поиски. Первыми пошли всѣ люди Хропинскіе, и пошли съ большой охотою отыскивать любимую королеву Потомъ выѣхалъ самъ король съ дружиною. Ѣздилъ туда и сюда, обшаривалъ всѣ углы своего королевства. Проѣзжалъ долинами, проѣзжалъ горами; искалъ въ городахъ, деревняхъ и хижинахъ, наконецъ доѣхалъ до темнаго лѣса у горы Заборъ.

Тамъ, въ пещерѣ, увидалъ онъ старца-пустынника обросшаго сѣдыми волосами. И спросилъ король благочестиваго старца, не видалъ ли онъ его жену и сына. Всталъ пустынникъ и, какъ строгій судья, устремивъ на Хропинскаго владыку проницательный взглядъ, пророчески вѣщалъ:

— За твои великія прегрѣшенія не достоинъ ты обрѣсти жену и сына. Сыну твоему суждено исправить то, что ты испортилъ. Ты былъ бѣдствіемъ Моравской земли, онъ будетъ благословеніемъ ея и спасеніемъ. Какъ тебя клянутъ, такъ его будутъ благословлять. Знай, что ты его не найдешь, и не увидишь никогда. Онъ явится тогда, когда земля Моравская будетъ наигорше унижена непріятелемъ. Въ самую тяжкую минуту придетъ онъ съ великою силою, прогонитъ непріятеля и освободитъ Моравскую землю отъ чужеземнаго ярма. Ты же иди и покайся.

Убитый горемъ, возвратился король домой. Мучила его совѣсть, и снѣдала тоска по женѣ и дитяти. Словно мрачная

туча ходилъ онъ по Хропинскому замку, не находя нигдѣ покоя. Пробовалъ онъ созывать гостей, пробовалъ забыться въ похмельѣ, но забвеніе не шло къ нему. Среди пира онъ вставалъ изъ-за стола, покидалъ гостей, и какъ тѣнь слонялся по палатамъ и горницамъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ и бросился въ глубокій колодезь.

* *
*

Пророчество пустынника о сынѣ хропинскаго пана облетѣло всю Моравскую землю, и люди не переставали ждать короля Ячменька. Въ Хропинскомъ замкѣ были постоянно прибраны для него покои и готовъ столъ, такъ что онъ могъ придти когда угодно.

Ожидали короля Ячменька вездѣ, во всѣхъ концахъ земли Моравской. Каждый годъ собирались въ городахъ и селеніяхъ и съ оружіемъ въ рукахъ толпами выходили на дорогу встрѣчать ожидаемаго и желаннаго короля Ячменька, надежду лучшей будущности.

Тамъ, гдѣ было всего горше, гдѣ крѣпостной людъ въ позднѣйшія времена изнемогалъ отъ непосильной барщины, утѣшали себя мыслью о королѣ Ячменькѣ и о лучшихъ временахъ. Когда же при королѣ Іосифѣ крѣпостнымъ значительно полегчало, пронеслась вѣсть, что Ячменекъ уже пришелъ, что барщина будетъ совсѣмъ уничтожена и людямъ возвращена полная свобода. Поэтому народъ не хотѣлъ вѣрить, когда пришло извѣстіе о смерти Іосифа.

Въ народѣ жило убѣжденіе, что король живъ, но скрывается отъ пановъ, которые недовольны льготами, данными имъ сельскому люду; вѣрили, что онъ ходитъ по своимъ владѣніямъ переодѣтымъ. Всѣ были убѣждены, что онъ-то и есть Ячменекъ.

Но властямъ такое повѣрье было не по вкусу. Паны боялись фантастическаго короля, подозрѣвая, что подъ его именемъ скрываются безпокойные люди, которые смущаютъ и бунтуютъ народъ. Поэтому неутомимо искали его. Съ стародавнихъ временъ вошло въ обычай искать этого таин-

ственнаго короля во всѣхъ общинахъ, и непремѣнно ночью, и вездѣ въ одно и то же время.

Всѣ, кто находился на панской службѣ: ловчіе, лѣсничіе, писаря, конторщики, привратники, мушкетеры, всѣ вооружались и разбѣгались въ разные концы на поиски. Старосты и бургомистры должны были помогать имъ. Обшаривъ всю деревню и осмотрѣвъ тщательно каждое строеніе отъ подвала до чердака, панскіе слуги отправлялись въ корчму и угощались на панскій счетъ.

Но того, кого искали, Ячменька, не находили. Онъ тайно пребывалъ между людьми: такъ думалъ народъ. Ходилъ и утѣшалъ, что барщина скоро кончится, что всѣмъ полегчаетъ. Въ каждой общинѣ онъ имѣлъ одного или двухъ пріятелей, къ которымъ иногда заходилъ побесѣдовать, но всегда ночью, когда челядь уже спала.

Онъ былъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста, одѣтъ въ синій суконный плащъ, длинный кафтанъ и длинные синіе штаны до сапогъ; на головѣ—шапка. Сапоги его всегда блестѣли какъ зеркало, хотя бы онъ пришелъ въ самый ливень; и самъ былъ всегда сухой; ни на плащѣ, ни на шапкѣ—ни капельки. Онъ не пилъ, не ѣлъ, нигдѣ не оставался на ночь; и никто его не видѣлъ, кромѣ тѣхъ, которые должны были видѣть.

Приходилъ неожиданно, при затворенныхъ дверяхъ, садился за столъ, говорилъ, обо всемъ разспрашивалъ своего пріятеля, а больше о томъ, какъ обращаются съ людьми на барщинѣ. Предрекалъ новые налоги; со всего, говорилъ, станете платить, даже съ метлы, но это будетъ уже послѣдняя тягота

Поговоритъ, посидитъ, но до хлѣба не дотронется и уйдетъ, какъ пришелъ—затворенными дверями, и никогда не скажетъ, куда идетъ. Такъ и ходитъ онъ, одинокій, во мракѣ ночи, закутанный въ плащъ, этотъ утѣшитель, идетъ лѣсами, болотами, дорогою и цѣлиною, спокойно, истово, не страшась преслѣдователей.

Не разъ встрѣчалъ онъ ихъ, когда шли съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы схватить его и связать. А онъ шелъ себѣ

мимо нихъ, своей дорогой, король Ячменекъ, притѣсняемыхъ утѣха, всѣхъ вѣрныхъ воплощенная надежда и вѣра въ лучшую будущность Моравской земли. Эта вѣра, прошедшая черезъ горнило испытаній, не погасла, не дала удушить себя. Да будетъ такъ до скончанія вѣка.

Хоругвь Св. Вячеслава.

Лѣтомъ зима была.

Въ 1125 г. по Р. Х., въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ праздника Св. Духа, напало въ чешской землѣ много снѣга, и наступили такіе лютые морозы, что во многихъ мѣстахъ деревья погибли и горные потоки покрылись толстымъ слоемъ льда. Когда же настала настоящая зима и все занесено было глубокимъ снѣгомъ, лѣтнія бури стали пугать людей. Передъ Рождествомъ Христовымъ недѣли за три и потомъ въ щедрый вечеръ гремѣлъ громъ и блистали молніи. Сильная гроза разразилась также въ ночь на Стефана первомученика.

На другой день Новаго года, передъ разсвѣтомъ, тяжелая туча, висѣвшая низко надъ покрытою снѣгомъ землею, вдругъ разразилась. Небо безпрестанно отверзалось, огненныя стрѣлы летали отъ края до края и такъ часто, что глазъ едва успѣвалъ мигнуть.

Люди набожно крестились и говорили, что эти знаменія не къ добру, что наступаютъ времена тяжкія, будетъ война.

Какъ бы и не быть ей, когда князья жестоко между собою ссорились. Шелъ слухъ по всему краю, по городамъ, городкамъ и пригородамъ, по деревнямъ и селеніямъ, что Ольмюцкій князь Отикъ, по прозванію Черный, уѣхалъ въ Баварію, въ Ржезну, къ нѣмецкому императору, чтобы выпросить себѣ престолъ двоюроднаго брата своего Собѣслава, избранника чешскаго народа.

Всюду разсказывали съ негодованіемъ, что Отикъ, прирожденный чехъ, безсовѣстно измѣнилъ своему племени, что онъ просилъ о помощи императора и нѣмецкихъ князей, обѣщая имъ все, чего бы они ни пожелали, лишь бы чужеземцы ополчились противъ Собѣслава и чеховъ. Всѣ понимали, что нѣмцы долго мѣшкать не станутъ и, прельщенные обѣщаніями Отика и надеждой на богатую добычу, не замедлятъ напасть на чеховъ. Всѣ глубоко возмутились, узнавъ, что императоръ Лотарь дерзкой рѣчью вызвалъ князя Собѣслава на судъ, требуя объясненій, по какому-де праву принялъ онъ княжеское достоинство отъ чеховъ, когда подобное достоинство имѣетъ право даровать только онъ, цезарь Пусть придетъ и дастъ отвѣтъ передъ судомъ нѣмецкимъ, иначе онъ познаетъ силу меча цезаря Священной Римской Имперіи.

У чеховъ глаза загорѣлись отъ радости, когда услышали они объ отвѣтѣ своего князя нѣмцамъ.

«Съ помощью Божіей и Св. Вячеслава и Войтеха», сказалъ Собѣславъ, «никогда земля чешская не будетъ во власти чужеземцевъ».

— Не будетъ! Богъ дастъ, не будетъ!—кричали воодушевленные чехи и съ полнымъ единодушіемъ готовились къ войнѣ. Всѣ они думали, что война вспыхнетъ къ веснѣ, когда сойдутъ снѣга и просохнутъ дороги.

Но не даромъ горѣло на небѣ странное знаменіе. Въ ясную морозную ночь появилась звѣзда съ хвостомъ. Грозно царила она между другими звѣздами, казавшимися такими маленькими съ ихъ трепетнымъ свѣтомъ. Взоры всѣхъ обратились на это явленіе. Всѣ озабоченно спрашивали другъ друга, что несетъ съ собой это знаменіе, что предвѣщаетъ

оно? А на утро прилетѣла вѣсть съ Крушныхъ горъ и ударила, какъ громъ съ чистаго неба: нѣмцы уже собираются въ поле. Цезарь не хочетъ ждать до весны и идетъ на чеховъ.

Заволновалась чешская и моравская земля. Вездѣ гремѣли воинственные крики и дѣлались спѣшныя приготовленія. На морозы и снѣга, завалившіе дороги, никто уже не обращалъ вниманія. Непріятель готовъ былъ вторгнуться въ родную землю; надо было оборонять ее. Князь звалъ на бой, милый, любимый народомъ князь Собѣславъ! Уже онъ шелъ изъ своей родно Моравской земли и всѣхъ призывалъ къ оружію.

Народъ слышалъ, что гдѣ бы ни проѣзжалъ Собѣславъ, онъ заходилъ въ церкви, молился и потомъ говорилъ къ народу, увѣщевая его не бояться, держать себя, какъ подобаетъ мужамъ. Говорилъ, что Богъ не попуститъ гибели праваго дѣла, что онъ, князь, ради чести родной земли и своей собственной, не могъ уступить цезарю. Съ восторгомъ чехи передавали другъ другу слова Собѣслава къ лехамъ и земанамъ:

— Мнѣ легче видѣть гибель всего моего рода,—говорилъ князь, чѣмъ—униженіе и стыдъ моей родины.

Снимали со стѣнъ оружіе—мечи, копья, луки съ колчанами, щиты, шлемы съ наносниками, чешуйчатыя брони, кожаныя одежды, обшитыя бляхами, и торопились въ главный городъ своего округа, подъ окружное знамя, и потомъ въ Прагу. Были тутъ конные и пѣшіе, въ броняхъ и шлемахъ, въ тулупахъ и лаптяхъ, въ бараньихъ, волчьихъ и рысьихъ шапкахъ. Несходно было войско по одѣянію, но сходно по мужеству и воинственному задору.

Когда все войско было въ сборѣ, князь поручилъ духовенству принести копье Св. Вячеслава, хранившееся въ Святовитскомъ (Св. Вита) храмѣ, чтобы на завтра, при выступленіи въ походъ, взять его съ собою, какъ защиту и охрану противъ непріятеля.

На утро, едва разсвѣло, лехи и земаны, войско и народъ, предводительствуемые духовенствомъ, направились въ соборъ,

гдѣ передъ выступленіемъ въ походъ должна была совершиться литургія. Недоставало только князя.

Замѣшкался князь въ бесѣдѣ съ духовникомъ своимъ Витомъ, котораго нарочно вызвалъ. Витъ былъ мужъ сильный, родинѣ своей преданный, набожный, храбрый и очень любимый княземъ.

— Слушай,—сказалъ ему князь, какой странный я нынче видѣлъ сонъ. Показалось мнѣ, что приступилъ къ моему ложу св. Войтехъ и приказалъ взять на поле брани хоругвь его отца, ту самую, которая, по преданію, укрыта въ Вербчанскомъ храмѣ. Дивному этому внушенію надо повиноваться. Меня ждетъ войско, я долженъ спѣшить, такъ какъ время уже намъ выступать. Послѣ литургіи мы выступимъ. А ты, отецъ мой, исполни мою волю. Садись на коня и спѣши въ Вербчанскъ. Не ѣзди одинъ; возьми съ собой вооруженныхъ воиновъ. Когда найдешь св. хоругвь, бери ее моимъ именемъ и спѣши за нами, чтобы во-время догнать насъ.

Храбрый Витъ, взволнованный разсказомъ князя о дивномъ видѣніи, и окрыленный надеждою на помощь Божію, немедленно сталъ собираться въ путь. Не успѣла еще кончиться обѣдня, и не умолкли еще послѣднія пѣснопѣнія, какъ онъ уже выѣхалъ изъ Праги. Съ нимъ были два земана и нѣсколько вооруженныхъ людей. Ѣхали они на быстрыхъ коняхъ безъ отдыха, и не успѣлъ еще погаснуть день, какъ они уже въѣзжали въ тихое, погребенное въ снѣгу селеніе.

На холмѣ, господствовавшемъ надъ селеніемъ, стоялъ скромный сельскій храмъ, окруженный высокимъ валомъ и стѣною. Впереди, словно стражъ, охраняющій святыню, возвышалась высокая башня. Въ ней были ворота, ведущія во внутрь церковнаго двора. Настоятель встрѣтилъ пріѣзжихъ и повелъ ихъ отыскивать тайникъ съ хоругвью св. Вячеслава. День уже угасалъ, и косыя тѣни падали на мѣстную святыню.

Витъ, настоятель и дружина преклонили колѣна передъ алтаремъ и тихо молились объ успѣхѣ ихъ благочестиваго дѣла.

Затѣмъ зажгли восковыя свѣчи и принялись за поиски. Вскорѣ за престоломъ въ стѣнѣ увидали искусно скрытое

Возликовали присутствующіе, и упавъ на колѣна......

углубленіе и въ немъ полосу стараго шелку, до половины раздѣленную на-двое, съ вышитою на цѣльномъ концѣ звѣздою.

Возликовали присутствующіе и, упавъ на колѣни, вмѣстѣ съ Витомъ громко славили Бога, даровавшаго имъ св. знамя, какъ залогъ побѣды надъ врагами.

Едва давъ отдыхъ себѣ и конямъ, посланцы княжескіе вскочили въ сѣдла и, не боясь ночной тьмы, пустились въ путь. Спѣшили они со своимъ сокровищемъ, чтобы во-время догнать войско. Скакали беззвучно по мягкому снѣгу въ тихую морозную ночь, подъ яснымъ небомъ, по которому плыло грозное знаменіе, окруженное сонмомъ трепетно мерцающихъ звѣздъ.

* * *

Такъ летѣли они днемъ и ночью безъ отдыха, по слѣдамъ чешскаго войска. На утоптанномъ снѣгу отпечатались слѣды безчисленныхъ копытъ и вдавленныя полосы отъ полозьевъ тяжело нагруженныхъ саней.

По той дорогѣ войско стремилось на сѣверъ. Передъ нимъ неслось облако пара отъ разгоряченныхъ коней. Морозъ румянилъ лица и серебрилъ усы и бороды вооруженныхъ всадниковъ. Внутренность ушей и гривы коней сдѣлались совсѣмъ бѣлыми.

Когда послы проѣхали Теплицу, на горизонтѣ, въ бѣловатомъ туманѣ, обрисовались очертанія Крушныхъ горъ. Переваливъ черезъ горы, послы догнали свое войско. Соскочивъ съ коня, Витъ побѣжалъ въ княжескій шатеръ. Крѣпко обрадовался Собѣславъ и, возблагодаривъ Господа, велѣлъ возвѣстить войску о привезенномъ сокровищѣ.

Вихремъ пролетѣла вѣсть по лагерю, и всякій, кто только могъ, бросился къ княжеской палаткѣ посмотрѣть на сокровище. У шатра, въ шубѣ, отороченной мѣхомъ, стоялъ статный князь. Онъ стоялъ на саняхъ, чтобы его отовсюду было видно. Подлѣ него находился Витъ, оба съ непокрытыми головами. Поднявъ хоругвь высоко надъ головою, князь воскликнулъ громкимъ голосомъ.

— Вотъ знаменіе милости Божіей: копье св. Вячеслава и на немъ—глядите воины, хоругвь,—явленная намъ св. Войтехомъ.

Всѣ люди, старъ и младъ, воеводы, земаны и простой людъ снимали шапки, преклоняли колѣна, ограждая себя знаменіемъ креста, и крики восторга, радости, надежды и благодарности неумолчно раздавались вокругъ княжескаго шатра.

Радостная вѣсть полетѣла дальше и достигла засѣкъ. гдѣ, стоя въ снѣгу, стражи караулили дороги и ущелья. Отсюда—еще дальше до самыхъ передовыхъ, которые на утро дали знать о появленіи нѣмцевъ.

Приближалась великая сила разнаго нѣмецкаго люда. Тутъ были саксонцы и дуринки, фламандцы, фризы и брабантцы; швабы и баварцы. Безконечные ряды войскъ чернѣли между снѣжными вершинами. Словно исполинскій змѣй, вились они по горамъ, то вверхъ, то внизъ, то опять вверхъ. Утомительно, тяжко было и людямъ и конямъ. Утопая въ снѣгу, спотыкались они, падали и, несмотря на морозъ, люди обливались потомъ. Отъ коней паръ валилъ столбомъ. Тяжелое вооруженіе изнуряло всадниковъ.

Многіе рыцари, снявъ вооруженіе, шли возлѣ коней пѣшкомъ. Пѣшее войско изнемогало и часто останавливалось. Въ передовыхъ рядахъ ѣхалъ статный рыцарь въ кольчатой бронѣ. Это былъ маркграфъ Альбрехтъ, прозванный Медвѣдь, и съ нимъ рядомъ—смуглый черноволосый Отикъ Черный, вооруженный съ ногъ до головы. Онъ поглядывалъ кругомъ и подгонялъ отсталыхъ.

Съ вершины, широкой волной, хлынули нѣмцы внизъ, въ Хлумецкую долину Тамъ стройными рядами стояло чешское войско, надъ которымъ въ мглистомъ морозномъ воздухѣ развѣвались знамена, а надъ ними, какъ знамя всего войска, царила хоругвь Св. Вячеслава. Держалъ хоругвь Витъ, въ кольчугѣ и шлемѣ, а кругомъ него стояло человѣкъ сто знатнѣйшихъ чешскихъ пановъ и духовенство, почетная стража св. знамени.

Взгляды чеховъ устремились впередъ на несмѣтную силу непріятельскую. И конца не видать было этой силѣ. Вся

поляна кишѣла нѣмцами, а надъ ними сверкали на солнцѣ ихъ шлемы и копья. Наступила рѣшительная минута. Передъ тяжкимъ, неравнымъ боемъ у каждаго шибко забилось сердце.

Вдругъ кто-то вскрикнулъ и указалъ вверхъ. Всѣ головы поднялись къ небесамъ. Высоко въ воздухѣ несся орелъ, раскинувъ свои могучія крылья. Онъ пронесся надъ чешскимъ войскомъ и полетѣлъ къ нѣмцамъ. Всѣ притаили дыханіе, словно замерли. Въ водворившейся тишинѣ ясно слышался крикъ орла. Кричалъ онъ надъ нѣмецкимъ войскомъ, словно требуя себѣ добычи.

Еще не успѣло исчезнуть это доброе предзнаменованіе, какъ надъ чешскимъ войскомъ раздался могучій звукъ колокола. Волны торжественныхъ звуковъ, сливаясь съ хвалебнымъ гласомъ, возносившимся къ небесамъ, воодушевили воиновъ. Лица прояснились, глаза загорѣлись священнымъ восторгомъ. Умиленіемъ дышало лицо Вита и слезы струились изъ глазъ. Увлеченный неудержимымъ порывомъ, онъ взглянулъ на небеса и громко воскликнулъ:

— Братья! Господь Богъ съ нами! Будьте тверды и неустрашимы. Глядите! Вонъ Св. Вячеславъ, окруженный сіяніемъ, на бѣломъ конѣ, въ бѣлой одеждѣ, съ копьемъ и хоругвью въ рукахъ. Онъ сражается за насъ. Глядите! Возносится надъ нами! О преблагій Вячеславъ, отецъ чешской земли, помилуй насъ!

Съ глубокимъ благоговѣніемъ, воздѣвъ руки къ небу и проливая слезы, воины, движимые общимъ чувствомъ сердечнаго умиленія, запѣли въ одинъ голосъ: «Господи, помилуй насъ!».. Далеко по долинѣ, покрытой глубокимъ снѣгомъ, прозвучала хвалебная пѣснь, наслѣдіе предковъ. Подъ звуки этой пѣсни, Собѣславъ съ обнаженнымъ мечомъ ринулся на непріятеля, и за нимъ все войско его.

Шумъ боя заглушилъ священную пѣснь. По долинѣ разносился гулъ отъ жестокой схватки. Нѣмцы бились храбро, но не могли выдержать. Словно морской приливъ, валили на нихъ чехи; впереди—главное войско, по бокамъ—запасные отряды. Кололи, рубили непріятеля, крошили его красные

кафтаны и оттѣсняли къ лощинѣ. Сдавленные со всѣхъ сторонъ, нѣмцы встали какъ стѣна, и не могли двинуться ни впередъ, ни назадъ. Падали въ жестокой сѣчѣ. Снѣгъ сталъ красный отъ пролитой крови. Кровь тотчасъ же застывала на снѣгу, на одеждѣ, на оружіи и даже на ранахъ.

Нѣмцы побросали оружіе, и кто могъ, спасался бѣгствомъ. Иные, воткнувъ мечъ въ снѣгъ, сдавались и просили пощады. Между плѣнными оказались: епископы Межиборскій и Гальберштадскій, графъ Лара и самъ маркграфъ Альбрехтъ Медвѣдь. А тотъ, кто былъ причиною неправой войны, Отикъ Черный, лежалъ пораженный на-смерть. Число убитыхъ нѣмцевъ было значительно; пало до пятисотъ именитыхъ воиновъ, а остальныхъ и сосчитать не было возможности.

Въ отчаяніи глядѣлъ съ горы Лотарь на полное пораженіе своего войска, но помочь ему былъ не въ состояніи. Самъ онъ находился не въ безопасности. Онъ подумывалъ уже сдаться съ тѣми, которые у него остались, но было уже поздно. Чехи преградили путь нѣмцамъ, которые были настолько ослаблены, что не могли пробиться. Императоръ былъ окруженъ и со всею своею свитою взятъ въ плѣнъ.

Ничего болѣе не оставалось, какъ просить о мирѣ. Генрихъ Гройскій отправился къ Собѣславу и просилъ его придти къ Лотарю. Чешскій князь пришелъ и поступилъ какъ рыцарь. Когда цезарь призналъ его избраніе и соединенныя съ этимъ права, Собѣславъ отпустилъ его.

Мрачный возвратился Лотарь съ остаткомъ своего войска къ себѣ домой. Съ его пріѣздомъ вся нѣмецкая земля облеклась въ трауръ, особенно саксонцы, которые потеряли на чешской почвѣ цвѣтъ своего родовитаго дворянства.

Съ огромною добычею возвращалось изъ Хлумецъ побѣдоносное чешское войско. Радостная вѣсть о побѣдѣ летѣла впереди ихъ. Всюду съ благоговѣніемъ выслушивали разсказы о дивной помощи Божіей, о хоругви Св. Вячеслава и говорили, что ни отцы, ни дѣды не могли похвастаться такою славою, какую стяжало себѣ чешское войско на Хлумецкомъ полѣ. Несказанная радость охватила всѣ сердца.

Съ торжествомъ и почетомъ встрѣтили въ Прагѣ храбраго князя и его славное воинство.

Въ память славной Хлумецкой битвы Собѣславъ построилъ на горѣ Рипъ храмъ во имя Св. Георгія. Храмъ этотъ былъ освященъ епископомъ Здикомъ, сыномъ знаменитаго лѣтописца Косьмы.

* * *

Преданіе гласитъ еще объ одной славной побѣдѣ при помощи свыше и о дивномъ видѣніи Яна, сына Своиславова.

Это было въ 1260 г., когда чешскій король Пржемыслъ II воевалъ съ венгерскимъ королемъ Бэлой и младшимъ Стефаномъ. Долго стояли два непріятельскихъ войска другъ противъ друга на берегахъ рѣки Моравы: чехи—на правомъ, венгры и ихъ союзники—поляки, русины, хорваты, сербы, валахи и дикіе куманы—на лѣвомъ. А всѣхъ было 140 тысячъ и еще больше,—сила великая, и всего больше коннаго войска.

У чешскаго короля было войска не больше ста тысячъ. Изъ нихъ семь тысячъ всадниковъ, отъ головы до пятъ покрытыхъ бронями; даже кони были въ броняхъ. Пржемыслово войско состояло изъ чеховъ, мораванъ, силезцевъ, немногихъ нѣмцевъ и словенцевъ изъ Хорутанской земли. При королѣ находилось много знатнѣйшихъ пановъ чешскихъ и моравскихъ, нѣсколько нѣмецкихъ рыцарей и князей, епископъ Пражскій и пражскій бургграфъ, Ярошъ изъ Подеусъ, охранявшій священную хоругвь св. Вячеслава.

Такъ стояли войска другъ противъ друга, и рѣка между ними катила свои воды. Никто не рѣшался переправиться первый и очутиться лицомъ къ лицу съ непріятелемъ.

День шелъ за днемъ; минула недѣля. Короли, переговоривъ между собой, рѣшили, чтобы чехи въ назначенный день отступили отъ рѣки, а венгры, на слѣдующій день, перешли бы на другой берегъ; 13-го числа іюля мѣсяца, въ день св. Маркета, оба войска должны были вступить въ рѣшительную битву.

Порѣшили и присягою утвердили съ венгерскимъ королемъ и его вельможами. Но венгры уговоръ и присягу нарушили и, переправившись на другой берегъ, большою силою, не 13-го, какъ было условлено, а 12-го ударили на чеховъ.

Чехи же, полагаясь на уговоръ и присягу, спокойно ждали и не готовились къ бою. Многіе уѣхали на фуражировку. Когда же венгры неожиданно напали на нихъ и съ трехъ сторонъ окружили, чехи очутились въ большой опасности.

Страхъ объялъ чеховъ, когда въ воздухѣ загремѣлъ яростный крикъ дикихъ кумановъ. Подобно тучѣ саранчи скакали куманы на коняхъ своихъ, подъ копытами которыхъ земля дрожала. Но когда среди чеховъ послышалось пѣніе. «Господи, помилуй насъ!» и наивысшій бургграфъ воздвигъ земскую хоругвь, страхъ какъ рукой сняло, и войско мужественно вступило въ бой.

Гдѣ бы ни появлялся панъ Ярошъ съ хоругвью, непріятель отступалъ и обращался въ бѣгство. Ни панъ Ярошъ, ни сопровождавшіе его желѣзные мужи не получили ни одной раны.

Въ самый разгаръ битвы, въ жаркій полдень, когда люди изнемогали отъ зноя, стоявшіе за главнымъ войскомъ, въ запасѣ, увидали дивное зрѣлище: надъ чешскимъ войскомъ, коннымъ и пѣшимъ, надъ моремъ шлемовъ и знаменъ появился громадный орелъ, цвѣтомъ бѣлѣе снѣга, съ золотистой головой и шеей.

Распространяя вокругъ себя яркій свѣтъ, орелъ, широко раскинувъ крылья, парилъ надъ самою хоругвью Св. Вячеслава. Гдѣ бы ни появлялась она, колеблемая вѣтромъ, въ рукѣ бургграфа, среди самой жестокой сѣчи, орелъ слѣдовалъ за нею.

Вдругъ бѣлая сіяющая птица начала увеличиваться; крылья ея росли и ширились съ поражающей быстротой. Тѣнь отъ нихъ, словно отъ гигантской тучи, падала на изнуренныхъ воиновъ и освѣжала ихъ. Хоругвь Св. Вячеслава отчетливо выдѣлялась на этомъ темномъ фонѣ, и ея золотой крестъ горѣлъ яркимъ свѣтомъ.

Потухъ свѣтъ, исчезла птица, и жгучее солнце снова засіяло надъ воюющими. Это было въ послѣобѣденный часъ, когда по моравскому полю гремѣлъ побѣдный крикъ чешскаго войска, гнавшаго венгерцевъ, которые въ безпорядкѣ бѣжали назадъ къ рѣкѣ. Въ паническомъ ужасѣ бросались они въ рѣку, спѣша достичь другого берега, и гибли въ волнахъ кони и люди. Гибли они въ такомъ количествѣ, что запрудили рѣку, и чехи по грудѣ мертвыхъ тѣлъ перешли, какъ по мосту, на другую сторону и завладѣли лагеремъ съ богатою добычею.

* *
*

На войну съ венграми собирался также Янъ, Свояславовъ сынъ. Конь и вооруженіе были уже готовы, но жестокая болѣзнь свалила его на скорбное ложе, гдѣ онъ и пролежалъ нѣсколько недѣль. Очень горевалъ онъ о томъ, что не могъ идти съ королемъ своимъ, и особенно было для него тяжко, что съ поля битвы не доходили до него вѣсти. Вѣстей этихъ онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ.

Однажды, когда весь дворъ спалъ еще крѣпкимъ предутреннимъ сномъ, со больнымъ сдѣлался такой сильный припадокъ, что его близкіе, сидѣвшіе у постели, подумали, что насталъ его часъ. Лицо посинѣло, взглядъ полуоткрытыхъ глазъ померкъ, стѣсненное дыханіе вздымало грудь.

Вдругъ онъ утихъ, и лицо его стало быстро измѣняться. Появился румянецъ, уста улыбнулись, открылись глаза, блестѣвшіе жизнью. Больной сѣлъ на постели, и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Возблагодаримъ Господа и прославимъ Его! Послушайте, что я сейчасъ видѣлъ: я былъ на полѣ брани и видѣлъ, какъ боролись братья наши чехи. Венгры напали на нихъ неожиданно, когда они не подготовлены были къ бою. Тяжко имъ было. Жестоко скорбѣло о нихъ мое сердце. Вдругъ увидѣлъ я... Слушайте, слушайте!—увидѣлъ окруженнаго сіяніемъ Св. Вячеслава въ блестящей бронѣ и шлемѣ. У пояса висѣлъ мечъ въ золотыхъ ножнахъ, украшенныхъ

жемчугами, а въ рукѣ несъ онъ св. хоругвь. Съ нимъ были Св. Войтехъ въ епископской одеждѣ, Св. Прокопъ съ посохомъ въ рукѣ и пять братьевъ мучениковъ *) въ монашескомъ одѣяніи».

— Св. Вячеславъ оглянулся на святыхъ мучениковъ, и сказалъ—я ясно это слышалъ: наше войско изнемогаетъ, идемъ ему на помощь. Сказавъ это, онъ наклонилъ хоругвь въ сторону непріятелей. Всѣ обратились въ бѣгство, а наши погнались за ними, воспѣвая: «Господи силъ, съ нами буди»!..

Янъ Своеславовъ въ молитвенномъ экстазѣ сложилъ руки, а стоявіше кругомъ его ложа преклонили колѣна.

— Видно Богъ далъ сегодня побѣду нашему войску шептали они.

Когда войско вернулось съ поля битвы, то обнаружилось, что Янъ Своеславовъ имѣлъ видѣніе какъ разъ наразсвѣтѣ того дня, когда чехи на моравскомъ полѣ одержали славную побѣду надъ венграми. Случилось это въ двѣнадцатый день Іюля мѣсяца 1260 года по Рождествѣ Христовомъ.

* *
*

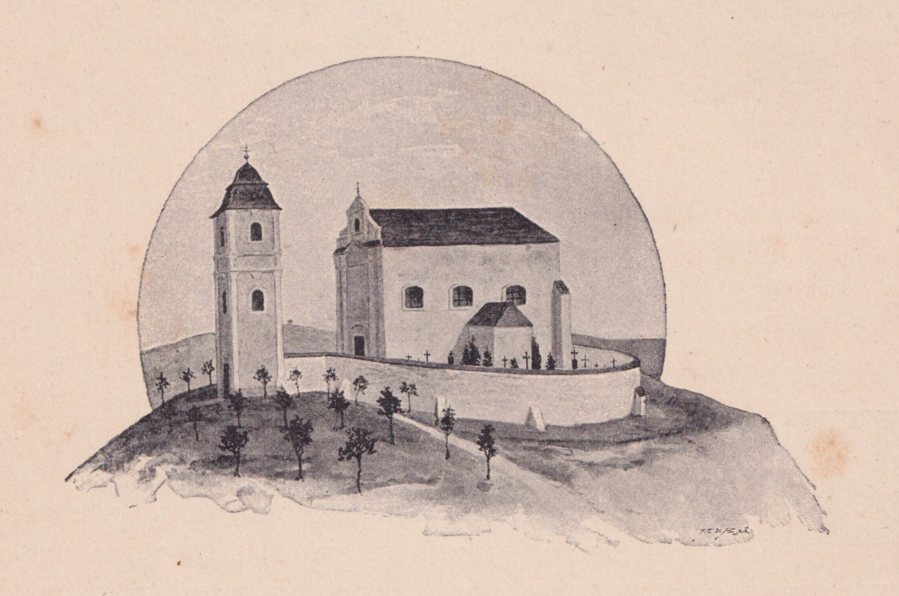
Во время смутъ, потрясавшихъ чешскую землю, исчезла хоругвь Св. Вячеслава, и неизвѣстно какимъ образомъ. Но преданіе гласитъ, что она не была уничтожена дерзкою рукою и не попала во власть чужеземцевъ. Люди вѣрятъ, что хоругвь и теперь находится тамъ, откуда была взята, въ часъ грозной опасности, на защиту чешскаго войска, т.-е. въ храмѣ Вербчанскомъ.

Но не въ томъ мѣстѣ находится она, гдѣ была взята, а еще въ болѣе безопасномъ и недоступномъ—внутри холма подъ церковью въ крѣпкомъ склепѣ, на мраморномъ столѣ. Тамъ тихо. Не бряцаетъ оружіе, не раздаются воинственные крики героевъ. Но во мракѣ подземелья, подобно надеждѣ въ годину бѣдствій, ярко свѣтитъ древко св. хо-

*) Бенедиктъ, Матѳей, Исаакъ, Криштанъ и Янъ, пустынники въ польскихъ земляхъ, замученные разбойниками въ 1004 г.

ругви, а сверху изъ храма раздается возгласъ: «Господи, помилуй насъ! Св. Вячеславъ, воевода земли чешской, защити насъ.

Звуки эти свидѣтельствуютъ, что потомки не забыли славнаго прошлаго, что въ нихъ жива отвага и что они не устанутъ бороться за права своей земли и за языкъ отцевъ.

О Брунсвикѣ *).

После смерти князя Жибрида, его сынъ, Брунсвикъ, сталъ владѣть чешскою землею. Молодой князь былъ благороденъ и справедливъ, но на мѣстѣ ему не сидѣлось. Вспоминая славные подвиги своего отца, онъ также жаждалъ подвиговъ; и на третій годъ своего правленія рѣшился пуститься по бѣлому свѣту и прославить свое отечество.

— Мой отецъ добылъ знакъ орла, а я хочу добыть знакъ льва,—говорилъ Брунсвикъ женѣ, сообщая ей о своемъ намѣреніи. Молодая женщина шибко загрустила и стала упрашивать мужа не ѣздить и не подвергать себя опасности. Но Брунсвикъ не внялъ ея мольбамъ. Тогда Ноеминь заплакала и стала говорить, что онъ покидаетъ ее одну одинёшеньку, въ жертву горю и опасностямъ. Брунсвикъ утѣшалъ ее, го-

---

*) Вымышленный богатырь Бруневикъ олицетворяетъ по мнѣнію однихъ Пржемысла I, по мнѣнію другихъ — Владислава I. Эта легенда встарину была въ большомъ ходу у чеховъ.

воря, что она не будетъ одинока, что ея отецъ останется съ нею и будетъ помогать ей въ управленіи. Снявъ свой перстень, онъ прибавилъ:—Даю тебѣ его въ залогъ, а твой беру себѣ. Не вѣрь никакимъ слухамъ, пока не увидишь этого перстня. Если-же по прошествіи семи лѣтъ не увидишь его, знай, что меня нѣтъ въ живыхъ.

Когда пріѣхалъ отецъ княгини, Брунсвикъ велѣлъ осѣдлать тридцать коней и, простившись съ женою и тестемъ, выѣхалъ съ своею дружиною искать приключеній, какъ настоящій рыцарь.

Ѣхали путники по разнымъ землямъ, все дальше да дальше, наконецъ пріѣхали къ широкому морю. Моря Брунсвикъ не испугался и назадъ не повернулъ. Состроивъ корабль, онъ сѣлъ на него съ дружиною и конями и поплылъ въ невѣдомыя страны.

Когда отошли отъ берега, подулъ благопріятный вѣтеръ и дулъ долгое время. Уже четверть года плавали путники по морю. Однажды ночью вѣтеръ перемѣнился, море забушевало, поднялась буря. Корабль бросало какъ щепку. Огромные валы то вздымали его къ небесамъ, то погружали въ морскую пучину. Пловцы были въ великомъ страхѣ. Но еще больше испугались они, когда увидали среди мрака вдалекѣ желтоватый отблескъ, и когда обоняніе ихъ поразилъ сильный, острый запахъ. Всѣ поняли, что находятся вблизи янтарной горы, о которой было извѣстно, что она на 50 миль кругомъ притягиваетъ къ себѣ все, что попадется въ этотъ заколдованный кругъ. Притянутые предметы остаются у той горы навсегда.

Пловцы плакали и жаловались, а вѣтеръ дулъ себѣ да дулъ прямо къ янтарной горѣ. Напрасно пловцы молились, напрасно они давали обѣты, вѣтеръ не измѣнялся. Онъ шибко гналъ судно, и когда корабль вступилъ въ очарованное пространство, онъ полетѣлъ по поверхности, гладкой какъ зеркало, прямо къ горѣ; летѣлъ освѣщенный желтоватымъ свѣтомъ, бросавшимъ свой отблескъ на большое разстояніе, вплоть до бушующихъ волнъ.

Судно остановилось у острова, посреди котораго возвышалась янтарная гора. Когда Брунсвикъ съ дружиною вышелъ на берегъ, и вывелъ коней, буря утихла. Уже разсвѣтало. При свѣтѣ утренней зари путники увидѣли, что островъ пустыненъ, безлюденъ и лишенъ всякой растительности.

Обходя островъ, они видѣли остатки развалившихся судовъ и кости людей и животныхъ, бѣлѣвшія на пескѣ, опаляемомъ солнцемъ. И затужила дружина Брунсвикова и онъ съ нею. Видѣли бѣдные, что имъ не миновать гибели, и горевали о такой безполезной смерти. Грустные смотрѣли они на широкую водную поверхность, по которой гуляли зеленыя волны, сливаясь на дальнемъ горизонтѣ съ облаками.

Когда злосчастные мореплаватели отдохнули и сдѣлались хладнокровнѣе, они стали подумывать, какъ бы имъ отсюда выбраться. Сѣли на свое судно, распустили паруса, налегли на весла и отчалили отъ берега. Корабль удалялся отъ острова, и пловцы начали тѣшать себя надеждою, что они превозмогутъ могучія чары янтарной горы. Они гребли усиленно, безъ отдыха, даже до седьмого пота.

А корабль плылъ да плылъ и вдругъ остановился словно на якорѣ... опять у острова подъ янтарною горою.

Брунсвикъ и дружина его сильно закручинились. Ясно было, что имъ не выбраться съ острова. Пока имѣли продовольствіе, все еще было сносно. Раза два пробовали отплыть отъ острова, но какъ и въ первый разъ, къ нему же возвращались.

Кончилась привезенная съ собою провизія, принялись за лошадей, и когда съѣли послѣдняго Брунсвикова коня, насталъ настоящій голодъ. Въ отчаяніи осматривались, чѣмъ бы утолить его, но на всемъ островѣ ничего не находилось, годнаго въ пищу.

Убѣдившись, что все напрасно, люди окончательно предались отчаянію, улеглись на берегу и стали ждать смерти, а она, знай себѣ, уносила одного за другимъ.

Остались у янтарной горы только Брунсвикъ и одинъ старый рыцарь Баладъ. Этотъ рыцарь, сидя однажды съ Брунсвикомъ на берегу, сказалъ:

— Дорогой господинъ мой! Если-бъ знала супруга твоя и подданные о твоемъ несчастіи, какъ опечалились бы они!

Слушая такія рѣчи, Брунсвикъ поникъ головой.

— Не печалься, дорогой господинъ мой! Послушайся меня, и ты выйдешь отсюда; но куда—я не знаю.

— А ты-то какже?—спросилъ Брунсвикъ.

— Обо мнѣ не безпокойся. Я старъ, и мнѣ все равно недолго жить; могу и здѣсь остаться. Когда счастье вернется къ тебѣ, вспомни мою вѣрную службу.

— Что же ты посовѣтуешь мнѣ?

— Замѣтилъ ли ты, господинъ и князь мой, что въ первый годъ нашего здѣсь пребыванія прилетала сюда огромная птица. Прилетала и на другой. Думается мнѣ, что у нея въ обычаѣ прилетать каждый годъ. Она-то и можетъ унести тебя отсюда, если пожелаешь.

— Какимъ же образомъ?

Старый рыцарь, указавъ Брунсвику на конскую шкуру, лежавшую на землѣ, предложилъ ему на нее лечь, взявъ мечъ съ собой. Когда князь улегся, старый рыцарь зашилъ его ремнями и положилъ на янтарную гору.

Вскорѣ послѣ того въ воздухѣ зашумѣло, и поднялся вихрь, какъ передъ бурей. Это происходило отъ полета огромной птицы, которая, расправивъ исполинскія крылья, неслась къ янтарной горѣ. Когда же она очутилась надъ горою, то показалось, что надъ нею нависла черная туча. Съ минуту птица парила высоко надъ горою, словно отдыхая. Потомъ спустилась, схватила Брунсвика, словно перышко, и полетѣла прочь.

На островѣ снова водворилась мертвая тишь. Тѣнь отъ развалившихся лодокъ неподвижно лежала на пескѣ, а кругомъ валялись побѣлѣвшія кости людей и животныхъ.

Единственнымъ живымъ существомъ на островѣ—былъ старый Баладъ. Изнуренный голодомъ сидѣлъ онъ на пескѣ, опираясь на развалины вымершаго корабля, и потухающими глазами слѣдилъ за исполинской птицей, уносившей молодого князя невѣдомо куда.

* *
*

Огромная птица летѣла съ Брунсвикомъ надъ широкимъ моремъ три дня и три ночи. Отлетѣла отъ янтарной горы на сто, и еще на сто миль. Далеко на пустынныя горы опустилась она и положила Брунсвика въ гнѣздо къ своимъ птенцамъ. Затѣмъ опять поднялась и полетѣла за новой добычей. Голодные птенцы съ громкимъ стрекотомъ бросились къ огромному свертку и принялись рвать кожу. Когда отверстіе сдѣлалось довольно велико, Брунсвикъ вылѣзъ, выхватилъ мечъ и порубилъ всѣхъ птенцовъ.

Спасшись такимъ образомъ, Брунсвикъ пустился бѣжать отъ опаснаго мѣста. Бѣжалъ вверхъ, бѣжалъ внизъ, перебѣжалъ лѣса, пустыни и, наконецъ, достигъ края глубокой долины.

Едва ступилъ онъ въ долину, какъ услышалъ дикій ревъ и вой. Съ минуту прислушался Брунсвикъ, недоумѣвая, что дѣлать дальше; идти назадъ онъ не осмѣливался. Рѣшилъ идти впередъ на волю Божью; что будетъ, то будетъ. Шелъ, шелъ, пока не уперся въ высокую скалу; тутъ онъ остановился пораженный. Нечаянно наткнулся онъ на бой дракона со львомъ.

Жестоко дрались звѣри,—не на животъ, а на смерть. Ревъ и вой ихъ гудѣлъ по всему ущелью, потрясая деревья и скалы.

«Боже мой, Боже! Кому же я долженъ помочь? думалъ Брунсвикъ, стоя поодаль и наблюдая дерущихся звѣрей... За львомъ я пошелъ и льва нашелъ; долженъ льву помогать. Иначе быть не можетъ».

Порѣшивъ такимъ образомъ, Брунсвикъ обнажилъ мечъ и бросился на покрытаго блестящею зеленою чешуею дракона о девяти головахъ.

Принялся Брунсвикъ отсѣкать одну голову за другой, а левъ, утомленный, весь въ крови, отошелъ и легъ отдохнуть.

Такимъ образомъ, Брунсвикъ остался одинъ противъ дракона. Ударъ за ударомъ сыпался на чудовище, но драконъ не поддавался. Брунсвикъ начиналъ ослабѣвать, и самъ уже не нападалъ, а только оборонялся. Тогда левъ, успѣвшій

отдохнуть, сдѣлалъ огромный прыжокъ, бросился на дракона и, вонзивъ въ него свои зубы, раскусилъ пополамъ.

Теперь Брунсвикъ ожидалъ нападенія льва; но левъ подошелъ и легъ у его ногъ. Брунсвикъ повернулся, чтобы идти, и левъ пошелъ за нимъ. Шелъ, шелъ, не отставая ни на шагъ. Такой спутникъ не слишкомъ-то нравился молодому князю. Онъ не довѣрялъ льву и радъ былъ бы отъ него избавиться.

Насбиравъ желудей и буквицъ, Брунсвикъ влѣзъ на высокій дубъ, усѣлся на крѣпкую вѣтвь, спрятался въ листву и сталъ ждать, когда левъ уйдетъ. Но левъ не уходилъ. Онъ сидѣлъ подъ дубомъ и смотрѣлъ вверхъ, въ густую листву. Брунсвикъ незамѣтно уснулъ, а когда проснулся, то первый предметъ, который увидѣлъ онъ, былъ левъ. Онъ сидѣлъ какъ вѣрный песъ, посматривая вверхъ. Прошелъ день, и опять ночь; левъ не двинулся съ мѣста.

На третій день, видя, что Брунсвикъ не слѣзаетъ съ дерева, левъ зарычалъ такъ громко, что князь вздрогнулъ и свалился наземь. Ошеломленный паденіемъ, онъ лежалъ и не могъ встать, къ тому же онъ былъ страшно изнуренъ голодомъ. Но недолго ему пришлось голодать. Левъ сбѣгалъ въ лѣсъ и скоро воротился съ добычей. Онъ принесъ въ зубахъ молодую серну и положилъ ее у ногъ Брунсвика.

Молодой князь убѣдился теперь, что онъ несправедливъ былъ ко льву и боялся его напрасно. Когда левъ прилегъ и положилъ ему голову на колѣни, князь сталъ гладить его какъ вѣрнаго пса. Съ той минуты онъ полюбилъ льва, который оставался его вѣрнымъ другомъ. Три года они блуждали по дикимъ мѣстамъ, и левъ за княземъ слѣдовалъ по пятамъ, отлучаясь только для охоты и питая добычею своего господина.

Во время одного изъ такихъ странствованій Брунсвикъ взобрался на высокую гору, откуда виднѣлось море и посреди него, на островѣ, какой-то городъ. Возблагодаривъ Господа за то, что онъ видитъ, наконецъ, людское жилище, по которому такъ стосковался, Брунсвикъ поспѣшилъ къ морю.

Пятнадцать дней прошло, прежде чѣмъ онъ, бродя по горамъ, достигъ, наконецъ, морского берега, каменистаго и пустыннаго. Сгорая желаніемъ добраться поскорѣй до берега, Брунсвикъ мечомъ нарубилъ жердей и прутьевъ, сносилъ все это на берегъ, связалъ плотъ и спустилъ его на воду. Это случилось въ отсутствіе льва, который ушелъ въ лѣсъ добывать провизію. Брунсвикъ нарочно такъ поступилъ; ему не хотѣлось брать льва съ собою, чтобы онъ ему не мѣшалъ.

Когда князь отвалилъ отъ берега, вернулся левъ съ добычею въ зубахъ. Увидавъ уплывавшаго господина, онъ бросилъ добычу, заревѣлъ и, сдѣлавъ огромный прыжокъ, доскочилъ до плота, но успѣлъ опереться о него только передними лапами. Такъ плылъ онъ нѣкоторое время, пока Брунсвикъ, тронутый преданностью звѣря, не помогъ ему взобраться на плотъ. Дальше уже плыли они на своемъ утломъ плоту вмѣстѣ; на одномъ концѣ—Брунсвикъ, на другомъ—левъ.

Девять дней и девять ночей плавали они такимъ образомъ. Море коварно заигрывало съ ними и не разъ Брунсвикъ былъ въ водѣ по поясъ, а то и по горло. Небо все темнѣло и темнѣло, и они плыли въ густомъ мракѣ, не вѣдая куда. Одно только замѣтилъ Брунсвикъ, что они уже не въ открытомъ морѣ. Сквозь мракъ, вправо и влѣво, выступали очертанія горъ.

Когда разъяснилось, Брунсвикъ увидалъ, что они подплываютъ къ Карбункуловой горѣ. Та гора свѣтилась яркимъ краснымъ свѣтомъ, сразу разогнавшимъ тьму. Вскорѣ открылся городъ на высокой насыпи, освѣщенный яснымъ солнышкомъ. Это былъ тотъ самый городъ, который Брунсвикъ видѣлъ съ горы.

Приставъ къ берегу, князь, въ сопровожденіи своего вѣрнаго льва, вошелъ въ городъ. Здѣсь царствовалъ Олибріусъ, король удивительный, необыкновенный. У него было двѣ пары глазъ: пара на лицѣ, пара въ затылкѣ. Но его подданные были еще удивительнѣе: которые—съ однимъ

глазомъ и объ одной ногѣ, которые — съ рогами. У иныхъ было по двѣ головы, либо одна — псиная. Нѣкоторые были рыжи какъ лисицы; другіе — наполовину сѣры, наполовину бѣлы. Одни были велики ростомъ, другіе — карлики. Послѣдніе, какъ мыши, шмыгали между ногъ великановъ.

Не понравился Брунсвику этотъ сбродъ, и онъ хотѣлъ, было, плыть обратно, но король Олибріусъ удержалъ его и сталъ разспрашивать, зачѣмъ онъ прибылъ, по волѣ или по неволѣ.

— Родину я оставилъ по волѣ, а сюда прибылъ поневолѣ, — отвѣчалъ Брунсвикъ. — Не можешь ли помочь мнѣ возвратиться на родину.

— Отсюда ты можешь уйти только желѣзными воротами, но я тебѣ не открою ихъ и не отпущу тебя, пока ты не возвратишь мнѣ дочь, которую унесъ драконъ Василискъ.

Такъ какъ Брунсвику предстояло либо остаться среди чудовищъ Олибріуса навсегда, либо освободить его дочь, онъ рѣшился попытать счастья. Олибріусъ велѣлъ приготовить ему корабль, и Брунсвикъ съ вѣрнымъ своимъ львомъ поплылъ къ острову могущественнаго дракона Василиска.

* * *

Къ острову Брунсвикъ причалилъ безъ затрудненія, но попасть въ городъ не такъ-то было легко. Съ ужасными чудовищами, охранявшими городскія ворота, Брунсвикъ долженъ былъ вступить въ бой. Борьба была ужасная; съ каждымъ шагомъ она дѣлалась труднѣе и опаснѣе и Брунсвику не пробить бы себѣ дороги къ городу, если-бъ не было съ нимъ его вѣрнаго льва.

Всякій разъ, когда Брунсвикъ въ борьбѣ съ чудовищами изнемогалъ, являлся левъ и дрался вмѣсто него, пока Брунсвикъ, отдохнувши, не вступалъ въ бой. Когда они проникли въ городъ и во дворецъ, въ одной богато убранной горницѣ Брунсвикъ увидалъ королевскую дочь. Красивая дѣвушка вся была обмотана змѣями.

Увидавъ рыцаря, дѣвушка ужаснулась и невольно подумала, что чудовища, сторожившія ворота, уснули, потому

онъ и пробрался въ городъ. Она умоляла его не подвергать себя опасности и бѣжать, пока есть время. Если же ему удалось одолѣть караульныхъ, то дракона и его дружину ни за что не одолѣть, а они могутъ вернуться каждую минуту.

Брунсвикъ, однако, остался и не выказалъ никакого страха, когда начала въ горницу вваливаться, по одиночкѣ, дружина драконова съ шипѣніемъ и свистомъ. Тутъ были разнообразные змѣи, ящерицы и иныя чудовища. Все это ползало, извивалось, свертывалось клубкомъ, то порознь, то смѣшиваясь въ безобразную кучу. И лѣзли они въ такомъ количествѣ, что обширная горница скоро стала биткомъ набита ими.

Одушевленный желаніемъ освободить бѣдную королевну, Брунсвикъ немедленно вступилъ въ бой съ чудовищами. Перстень, данный ему королевной, удесятерилъ его силы. Левъ значительно помогалъ ему: бросался на чудовищъ, давилъ ихъ лапами, разрывалъ зубами, и вся шипящая и свистящая сила была, наконецъ, уничтожена.

Едва окончилась битва, изъ которой Брунсвикъ вышелъ побѣдителемъ, какъ послышалось страшное рычаніе, и самъ Василискъ, драконъ съ восемьнадцатью хвостами, въ бронѣ переливчатыхъ цвѣтовъ, съ пастью, изрыгающей пламя, бросился на своихъ враговъ.

Вотъ теперь-то настало для Брунсвика настоящее испытаніе. Онъ нападалъ, оборонялся, не одну рану нанесъ дракону, но и самъ былъ покрытъ ранами. Много разъ былъ сбитъ онъ съ ногъ. Ослабѣвшаго князя замѣнялъ левъ. Левъ уставалъ—князь вступалъ въ бой. Бой длился отъ вечера до утра и отъ утра до полудня. Наконецъ, палъ Василискъ; вытянулся и издохъ. Левъ весело зарычалъ, а Брунсвикъ, обезсилѣвъ отъ потери крови, лежалъ безъ движенія, какъ умершій.

Дочь Олибріуса омыла и перевязала раны Брунсвика и такъ усердно ухаживала за нимъ, что на девятый день онъ могъ уже встать съ постели. Взявъ королевну и вѣрнаго льва, онъ отплылъ къ Олибріусу. Король встрѣтилъ его съ

Вотъ теперь-то настало для Брунсвика настоящее испытанiе.

восторгомъ, но о желѣзныхъ воротахъ не упоминалъ и не хотѣлъ даже о нихъ слышать, говоря, что Брунсвикъ долженъ остаться съ ними и жениться на его дочери, которая къ избавителю своему крѣпко привязалась.

Вскипѣлъ гнѣвомъ Брунсвикъ на короля и на его дочь и горько упрекалъ ихъ въ неблагодарности. Но такъ какъ онъ не имѣлъ возможности освободиться, то поневолѣ долженъ былъ взять королевскую дочь въ жены. Но помыслы его были далеко на родинѣ, у Ноемини. Чѣмъ дольше, тѣмъ больше тосковалъ онъ по ней.

Грустно сидѣлъ онъ на берегу и вглядывался вдаль, не появится ли судно, на которомъ онъ могъ бы бѣжать. Но вширь и вдаль море было мертво и пустынно. Не бѣлѣли паруса, не бороздилъ корабль зеленыя волны, которыя играли на солнцѣ и шумомъ своимъ заглушали вздохи молодого рыцаря. Часто блуждалъ онъ по городу, проклиная въ душѣ короля, его дочь и весь ихъ чудовищный народъ.

Въ одно изъ такихъ блужданій пришелъ онъ къ склепу, котораго не замѣчалъ раньше. Въ этомъ склепѣ, на каменномъ столѣ, увидалъ онъ мечъ безъ рукоятки. Обнаживъ его, онъ замѣтилъ, что мечъ отлитъ изъ прекрасной каленой стали и старательно наточенъ. Мечъ понравился Брунсвику. Снявъ рукоятку съ своего меча, онъ надѣлъ ее на новый мечъ, сунулъ его въ ножны, а свой положилъ на его мѣсто.

Встрѣтивъ жену, онъ сталъ допрашивать ее, что за мечъ лежитъ въ склепѣ, не сказавъ ей, что онъ его взялъ. Королевна страшно испугалась, побѣжала и заперла склепъ на девять замковъ. Послѣ этого Брунсвикъ еще настоятельнѣе сталъ допытываться, что это за мечъ, и почему его такъ тщательно охраняютъ.

— Потому что у того меча очень много силы, отвѣчала королевна. Дальше она ничего не сказала, но Брунсвикъ продолжалъ настаивать и пустился, наконецъ, на хитрость.

— Чего же ты боишься, вѣдь я не владѣю этимъ мечемъ.

— Ну, если это тебѣ такъ любопытно, то вотъ какова сила у этого меча: стоитъ выхватить его изъ ноженъ и крик-

нуть: Головы долой! десять, двадцать, сто, тысяча! И всѣ головы разомъ слетятъ долой.

Брунсвикъ улыбнулся, словно не довѣряя такой баснѣ. Но эти рѣчи запали ему въ голову, и онъ ждалъ только случая, чтобы провѣрить ихъ. Когда однажды нѣкоторые изъ придворныхъ уродовъ рыжихъ, сѣрыхъ, горбатыхъ, двуглавыхъ и съ песьими головами вошли въ его комнату, онъ выхватилъ мечъ и крикнулъ:

— Ну-ка мечъ, покажи свою силу. Всѣмъ этимъ уродамъ головы долой!

Со страшилищъ соскочили головы, а Брунсвикъ подобралъ ихъ и бросилъ въ море. Вскорѣ послѣ этого король съ королевною и со своими придворными сидѣли за столомъ, и Брунсвикъ неожиданно выхватилъ свой мечъ:

— Ну-ка, милый мечъ, королю съ королевной и всѣмъ ихъ уродищамъ посѣки головы!

Покончивъ съ своимъ неблагодарнымъ врагомъ, Брунсвикъ поспѣшилъ къ желѣзнымъ воротамъ, отперъ ихъ, набралъ себѣ провизіи, серебра, золота и дорогихъ каменьевъ, и сѣвъ на корабль съ своимъ вѣрнымъ львомъ, отплылъ отъ острова.

* *
*

Вѣтеръ дулъ попутный и корабль плылъ по спокойному морю. Никого по пути не встрѣтилось, ни одного острова не попалось. Только на седьмой день обрисовался островъ, который, издали, показался очень привлекательнымъ. Высоко надъ водою вздымался онъ, увѣнчанный кудрявыми деревьями, среди которыхъ возвышались зданія красоты необыкновенной.

Вѣтеръ приносилъ съ острова звуки музыки, шумъ литавръ и трубъ и мелодическій звонъ бубна. Музыкѣ подпѣвали хоромъ прекрасные мужскіе и женскіе голоса. Сладкіе звуки эти далеко разносились по широкому морю. Заскучалъ Брунсвикъ по людямъ и сладкіе звуки повлекли его къ острову.

Когда онъ вышелъ на берегъ, то увидѣлъ большое сборище народа, конныхъ, пѣшихъ, всѣхъ богато одѣтыхъ въ шелку и бархатѣ яркихъ цвѣтовъ. Мужчины отличались вы-

сокимъ статнымъ ростомъ, женщины—красотою лица, глазъ и волосъ. Всѣ выглядѣли безпечными и веселыми. Одни, на коняхъ, въ богатомъ вооруженіи, упражнялись въ турнирахъ, другіе—на вольномъ просторѣ танцовали; иные пѣли, играли. Едва Брунсвикъ подошелъ и сталъ любоваться изящнымъ обществомъ, какъ толпы мужчинъ и женщинъ окружили его и принялись спрашивать.

— Откуда ты? Ну, все равно, откуда бы ты ни пришелъ, а танцовать будешь.

— У насъ останешься.

— Не отпустимъ тебя; оставайся навсегда съ нами.

Молодые кавалеры и дамы жали ему руку; зрѣлые мужи окружили его. Опомнившись, Брунсвикъ сообразилъ, что въ этой сладкой безпечности, въ этомъ одуряющемъ веселіи заключается его пагуба, онъ выхватилъ мечъ и крикнулъ:

— Самымъ ближайшимъ головы долой!

Головы скатились, но оставшіеся въ живыхъ не испугались.

— Ты отъ нашихъ рукъ не уйдешь, говорили они. Будешь съ нами танцовать и на коняхъ ѣздить. Мы Асмодеи, заклятые духи, и имѣемъ такую силу...

— Всѣмъ Асмодеямъ головы долой!

И поскакали головы, какъ кочни капусты.

Брунсвикъ сѣлъ на корабль и поплылъ далѣе.

Долго онъ блуждалъ по морю, ничего не встрѣчая на пути. Наконецъ увидалъ островъ, и на немъ городъ, живописно вздымавшійся среди водъ. Причаливъ къ берегу, онъ вошелъ въ городъ. Ни внѣ города, ни внутри его не видно было ни одной живой твари. Казалось, что этотъ прекрасный городъ вымеръ. Дома были богато отдѣланы, двери и окна вездѣ отворены. Во всѣхъ домахъ стояли накрытые столы и на нихъ всего вдоволь; яствъ и напитковъ.

Въ то время какъ Брунсвикъ ходилъ отъ дома до дома, дивясь тому, что видѣлъ, послышался звукъ трубъ и литавръ, все ближе и громче. Это было войско Астріоловъ, подъ предводительствомъ короля Астріола, который ѣхалъ впереди на вороном конѣ.

Брунсвикъ, сообразивъ, что ему угрожаетъ опасность, поспѣшилъ было, вонъ изъ города, но не тутъ то было. Астріолы заградили ему путь, спрашивая, какъ онъ тутъ очутился.

— Какъ бы ни очутился, но знайте, что я васъ не боюсь, отвѣчалъ Брунсвикъ.

Тогда они схватили его и повели къ своему королю.

— Обѣщай, что ты останешься навсегда съ нами; нето я велю посадить тебя на огненнаго коня.

— Твоихъ угрозъ я не боюсь. Я надѣюсь на моего Бога, который меня отъ многихъ опасностей уже избавилъ. Онъ и отсюда меня выведетъ.

Астріолъ велѣлъ привести огненнаго коня. Когда четыре стражника потащили Брунсвика къ этому коню, онъ вытащилъ мечъ и крикнулъ:

— Всѣмъ четыремъ головы долой!

Головы слетѣли и левъ, прыгнувъ, растерзалъ тѣла. Астріолъ, взбѣшенный, вызвалъ войско. Пришло ихъ нѣсколько тысячъ, съ крикомъ, гикомъ и трубнымъ звукомъ. Войско обступило Брунсвика. Но онъ стоялъ среди нихъ безъ страха и трепета, и размахивая мечемъ, кричалъ:

— Двадцать, тридцать, сто, тысяча головъ долой!

Головы слетѣли, трупы попадали такъ стремительно, что земля задрожала. Ужасъ объялъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ и самого короля. Дрожа отъ страха, онъ взывалъ къ Брунсвику:

— Опомнись, побойся своего Бога и вложи свой мечъ въ ножны. Обѣщаю проводить тебя до твоей родины цѣлымъ и невредимымъ.

Брунсвикъ вложилъ мечъ въ ножны и король поступилъ какъ обѣщалъ: Брунсвика со львомъ и со всѣмъ его имуществомъ доставилъ цѣлымъ и невредимымъ въ чешскую землю. Въ четвергъ на разсвѣтѣ онъ былъ доставленъ до границы, оттуда пошелъ дальше и благополучно прибылъ въ Прагу.

⁂

Прибывъ въ Прагу, Брунсвикъ переодѣлся въ одежду пустынника, и со львомъ пошелъ въ свой замокъ. Тамъ онъ засталъ великое веселіе по случаю свадьбы жены его Ноемини. Прошло семь лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ Брунсвикъ ушелъ скитаться по бѣлу свѣту. Не получая его перстня, княгиня уступила желаніямъ своего отца и приняла предложеніе храбраго сосѣдняго князя. Когда же Брунсвикъ въ одеждѣ пустынника прибылъ въ замокъ и узналъ что творится, онъ сильно опечалился.

Не говоря ни съ кѣмъ ни слова, изъ опасенія быть узнаннымъ, онъ подошелъ къ чашнику, разливавшему напитки въ золотыя и серебряныя чаши, и незамѣтно опустилъ въ чашу Ноемини перстень, который до тѣхъ поръ не снималъ съ пальца. Потомъ повернулся и вышелъ изъ замка. Уходя, онъ написалъ на воротахъ:

«Тотъ, который болѣе семи лѣтъ отсутствовалъ, пришелъ».

Эта надпись произвела сильное смятеніе въ народѣ. Тѣмъ временемъ и Ноеминь успѣла допить чашу до дна. Увидавъ перстень, она поняла, что случилось, и глубоко взволнованная объявила, что Брунсвикъ вернулся. Женихъ всталъ изъ за стола и, вскочивъ на коня, пустился догонять своего соперника, чтобы уничтожить его. Съ тридцатью всадниками гнался онъ за Брунсвикомъ, и наконецъ догналъ.

Брунсвикъ, видя, что дѣло идетъ о его жизни, выхватилъ свой чудотворный мечъ.

— Жениху и всей его свитѣ головы долой!

Головы слетѣли, тѣла попадали, а кони, освободившись отъ всадниковъ ускакали назадъ, въ городъ.

Явившись въ одинъ изъ своихъ замковъ, Брунсвикъ созвалъ пановъ и земановъ, которые встрѣтили его съ великою радостію и поѣхали съ нимъ въ Прагу. Всѣ обыватели пражскіе, старые и молодые, устроили своему князю пышную встрѣчу. Всѣ радовались, но больше всѣхъ Ноеминь, которая отъ радости проливала слезы.

Народъ, на перебой, желалъ видѣть князя, который не только самъ вернулся благополучно, но еще и льва привезъ.

Князь отдалъ приказъ, чтобы на городскихъ воротахъ и на государственномъ гербѣ изображенъ былъ левъ, бѣлый на красномъ полѣ.

Съ тѣхъ поръ Брунсвикъ жилъ спокойно съ своею Ноеминью и правилъ еще добрыхъ сорокъ лѣтъ. Вѣрный левъ былъ постоянно около него. Когда же Брунсвикъ, достигнувъ глубокой старости, умеръ, оставивъ единственнаго сына Владислава, левъ не захотѣлъ пережить своего господина; онъ скучалъ и худѣлъ. Кое какъ дотащился онъ до могилы Брунсвика, зарычалъ послѣднимъ рычаніемъ... и издохъ.

* * *

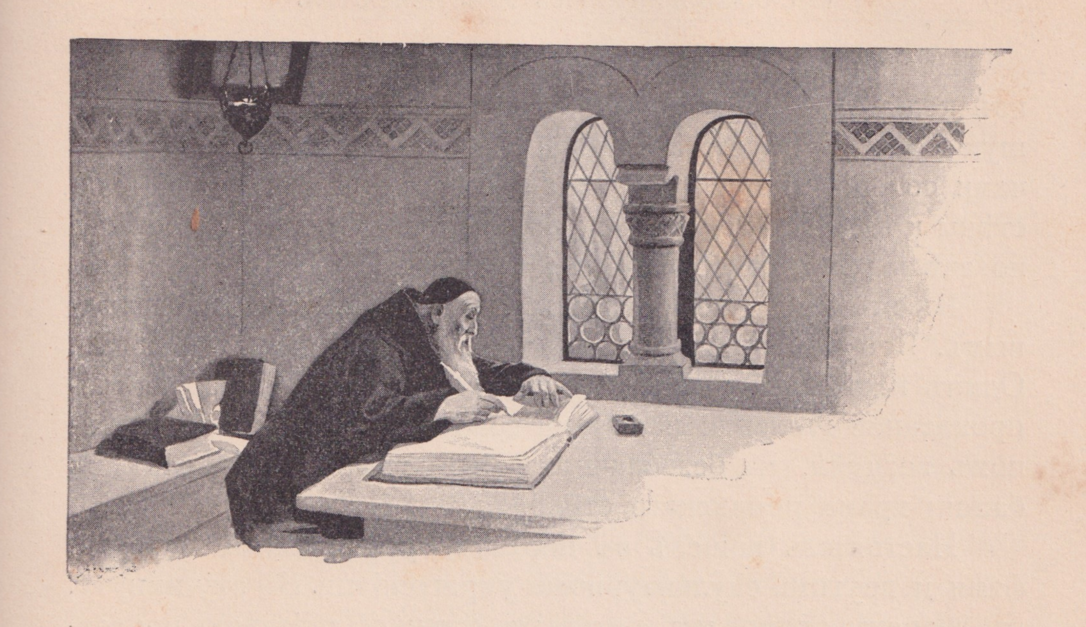
Куда же дѣвался заговоренный Брунсвикомъ мечъ?

На Карловомъ мосту въ Прагѣ, замурованъ онъ въ одномъ изъ пилястровъ, тамъ, гдѣ стоитъ статуя Брунсвика съ фигурою льва у ногъ. Незадолго до смерти, Брунсвикъ отдалъ приказъ замуровать его. Почиваетъ тамъ это заговоренное оружіе уже болѣе ста лѣтъ и объявится тогда, когда чехамъ будетъ всего горше. Придутъ къ нимъ на помощь отъ Бланика рыцари Св. Вячеслава и самъ покровитель чешской земли поведетъ ихъ. Когда поѣдетъ онъ по Карлову мосту, споткнется его бѣлый конь и копытомъ вырветъ Брунсвиковъ мечъ. Схватитъ его Св. Вячеславъ и крикнетъ:

— Всѣмъ непріятелямъ чешской земли головы долой!

Такъ и станется. Врагъ исчезнетъ и благодатное спокойствіе водворится въ чешской землѣ.

Опатовицкій кладъ.

Однажды, передъ полуднемъ, пришелъ къ настоятелю опатовицкаго монастыря Св. Бенедикта—послушникъ, и сообщилъ, что въ монастырь прибылъ неожиданный гость, панъ, повидимому знатнаго рода; при немъ двое конныхъ слугъ. У воротъ перваго двора, пріѣзжій спѣшился и пошелъ въ соборъ.

Настоятель, старикъ величаваго вида, спросилъ, откуда прибылъ незнакомецъ.

— Изъ Грядца.

— Что говорилъ?

— Ничего; ни онъ, ни слуги.

— Какъ выглядитъ?

— Лѣтъ сорока, средняго роста, съ черной бородой. Видъ у него важный. Одѣтъ богато, но въ темные цвѣта и безъ всякихъ украшеній.

Настоятель задумался на минуту; потомъ всталъ, вышелъ изъ кельи, и прошелъ корридоромъ на галлерею, обнимавшую такъ называемый райскій дворъ, залитый жаркими лучами солнца. Лучи проникали и на галлерею, отбрасывая на стѣны и плитяный полъ тѣни отъ столбовъ романскаго стиля; но здѣсь все таки не было такъ жарко.

Въ это время дня монастырь казался тихимъ и безлюднымъ. Всѣ монахи укрывались отъ зноя въ своихъ кельяхъ. Одинъ настоятель мелькалъ то тутъ, то тамъ, переходя изъ прохладной галлереи на самый солнопекъ, гдѣ въ раскаленномъ воздухѣ, на безоблачномъ небѣ вырисовывались двѣ башни храма романскаго стиля.

Настоятель вошелъ въ порталъ, украшенный барельефами и другими скульптурными украшеніями. Въ эту минуту, въ дверяхъ храма, изъ которыхъ пахнуло пріятною прохладою, появился пріѣзжій гость съ непокрытою головою. У него было широкое смуглое лице, лысый лобъ и черная борода. Онъ шелъ нѣсколько согнувшись. Но едва незнакомецъ проговорилъ нѣсколько словъ, едва настоятель взглянулъ въ его большіе темные глаза, какъ уже понялъ, что не съ простымъ паномъ имѣетъ дѣло. Незнакомецъ любезно поблагодарилъ за встрѣчу и охотно принялъ приглашеніе къ обѣду. Когда они обошли по галлереѣ кругомъ райскаго двора и вошли въ трапезную, раздался звонъ монастырскаго колокола, сзывавшаго монаховъ и рабочихъ съ полей къ обѣду и полуденному отдыху.

Посреди длинной сводчатой палаты тянулись ряды дубовыхъ столовъ съ оловянной посудой и ряды скамей. Здѣсь уже ожидали всѣ монахи, молодые и старые. Послѣ обычной молитвы всѣ сѣли за столъ; на главномъ мѣстѣ—настоятель съ гостемъ; оба на рѣзныхъ дубовыхъ креслахъ.

Гость во все время трапезы былъ очень привѣтливъ. Говорилъ о монастырѣ, о соборѣ. Онъ думалъ, что соборъ построенъ итальянцами. Когда-же настоятель сказалъ ему что нѣтъ, что все въ монастырѣ построено своими, чехами, что соборъ перестроенъ изъ прежняго малаго, но что пер-

вые монахи были здѣсь дѣйствительно итальянцы изъ Монте Кассино, гость заявилъ, что онъ бывалъ въ Монте Кассино. Онъ много говорилъ объ Италіи и Римѣ, и говорилъ такъ краснорѣчиво, что кто сидѣлъ поближе, забывалъ ѣсть.

Слушая гостя, настоятель началъ тревожиться. Еще раньше, узнавъ, что кто-то пріѣхалъ изъ Градца, онъ рѣшилъ, что это кто нибудь изъ придворныхъ, такъ какъ слышалъ, что наканунѣ въ Градецъ прибылъ Императоръ со свитою. И теперь, соображая слова послушника, что пріѣзжій прошелъ прямо въ церковь, настоятель вспомнилъ, что Императоръ Карлъ, имѣлъ привычку, куда бы ни пріѣхалъ, первымъ дѣломъ идти въ церковь.

Привѣтливость незнакомца, его краснорѣчіе, знаніе свѣта и вообще все его поведеніе возбуждали почтеніе и удивленіе. Когда гость положилъ ножъ и умылъ руки въ блестящемъ мѣдномъ тазу, настоятель отвелъ его въ оконное углубленіе и попросилъ не гнѣваться, если онъ спроситъ о его имени.

Гость объявилъ, что скажетъ свое имя въ соборѣ, и просилъ настоятеля взять съ собою двухъ старѣйшихъ монаховъ. Настоятель поклонился, позвалъ избранныхъ имъ монаховъ, и всѣ четверо снова пошли въ соборъ. Храмъ былъ высокій и сводчатый; о трехъ ладьяхъ (отдѣленіяхъ), раздѣленныхъ колоннами, которыя поддерживали смѣлые крестообразные своды. Многочисленныя окна недостаточно освѣщали огромное пространство храма; живопись и рѣзьба на стѣнахъ терялись въ полумракѣ.

Передъ главнымъ алтаремъ всѣ преклонили колѣна. Затѣмъ гость всталъ, и обернувшись къ монахамъ сказалъ:

— Почтенный отецъ желалъ знать мое имя. Объявляю его тебѣ и присутствующимъ братьямъ: Передъ вами стоитъ Карлъ, Римскій Императоръ, и чешскій король, господинъ вашъ.

Настоятель сталъ извиняться, что не съ достаточнымъ почетомъ принялъ своего государя. Хотя онъ и догадывался, какая честь выпала на долю монастыря, но не рѣшался

этому вѣрить. Карлъ съ ласковою улыбкою успокоилъ настоятеля, говоря, что онъ вовсе не желалъ быть узнаннымъ, потому и не взялъ придворныхъ изъ Градца; никому даже не сказалъ, куда ѣдетъ.

— Я потому поступилъ такъ,—продолжалъ король,—что хотѣлъ поговорить съ вами на свободѣ. Отецъ настоятель, точно ли эти братья старѣйшіе и надежнѣйшіе въ твоемъ монастырѣ?

— Таковы они суть.

— Въ такомъ случаѣ, почтенные отцы, я вамъ на семъ священномъ мѣстѣ сообщу, зачѣмъ я пріѣхалъ. Я слышалъ, что въ вашемъ монастырѣ сохраняется большой кладъ. Если это такъ, то я надѣюсь, что вы его отъ меня не скроете. Я же съ своей стороны даю слово, что не дотронусь до него. Я хочу только видѣть его.

Монахи вздрогнули. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, настоятель попросилъ императора позволить имъ посовѣтоваться. Посовѣтовавшись, настоятель сказалъ:

— Да будетъ извѣстно Твоему Величеству, что такой кладъ есть. Но никто изъ братій, а ихъ здѣсь 55, о немъ не имѣютъ понятія. Только мнѣ и этимъ двумъ братьямъ о немъ извѣстно. Если-бы кого изъ насъ Господь Богъ призвалъ къ себѣ, еще одному о кладѣ томъ повѣдать надлежитъ, чтобы было всегда трое: настоятель и два старшихъ брата. Но да будетъ Тебѣ извѣстно и то, что мы тяжкою клятвою связаны, и не смѣемъ о томъ кладѣ повѣдать ни словомъ, ни взглядомъ. При томъ достичь до него очень трудно, и для Твоей Милости неудобно.

Карлъ продолжалъ настаивать, и клялся, что ни одному человѣку не повѣдаетъ объ этомъ. Монахи опять стали совѣщаться и настоятель объявилъ королю:

— Не подобаетъ намъ ослушаться своего монарха, и потому, пусть будетъ по желанію Твоему, но только при двухъ условіяхъ: либо Твоему Величеству мы укажемъ мѣсто, но не покажемъ клада; либо покажемъ кладъ, но мѣсто тебѣ останется неизвѣстнымъ.

— Лучше посмотрю на кладъ,—рѣшилъ императоръ.

Тогда монахи попросили его, чтобы онъ довѣрился имъ. Сперва повели его въ ризницу, потомъ спустились въ довольно темный подвалъ вымощенный кафелями. Одинъ изъ монаховъ высѣкъ огня, и зажегъ двѣ восковыя свѣчи; другой подошелъ и надѣлъ на короля глухую маску. Видѣть Карлъ не могъ, но слышать слышалъ, какъ изъ пола вынимались кафели. Потомъ монахи подвели короля къ отверстію и просили быть осторожнымъ, предупреждая, что сейчасъ придется спускаться по висячей, очень неудобной лѣстницѣ. Спускались долго, долго, до большой глубины; когда же достигли дна подвала, повернули короля, и стали водить его туда и сюда, чтобы онъ не запомнилъ откуда пришелъ. Затѣмъ пошли длиннымъ корридоромъ съ спертымъ затхлымъ воздухомъ. Карлу казалось, что и конца этому корридору не будетъ. Наконецъ остановились и сняли съ короля маску. Оглядѣвшись, Карлъ увидѣлъ себя въ душномъ подвалѣ, освѣщенномъ двумя мерцающими свѣчами. Настоятель открылъ желѣзный сундукъ и взорамъ монарха представилась масса серебра чеканнаго и въ слиткахъ. Въ слѣдующемъ склепѣ лежало множество слитковъ чистаго золота. Вступивъ въ третій склепъ, Карлъ остановился въ оцѣпенѣніи; самый драгоцѣнный кладъ находился здѣсь, серебряные и золотыя чаши, кресты и кадила, отдѣланныя драгоцѣнными камнями; словомъ, такое множество сокровищъ, что и пересчитать невозможно.

Когда Карлъ досыта на все это налюбовался, настоятель сказалъ:

— Господинъ нашъ, этотъ кладъ мы хранимъ для тебя и наслѣдниковъ твоихъ. Возьми, что тебѣ любо.

Императоръ отказывался, но настоятель сказалъ, что не гоже будетъ уйти ему, не взявъ ничего на память и подалъ дорогой перстень съ дивно сверкавшимъ брилліантомъ. Императоръ принялъ подарокъ съ благодарностью.

На обратномъ пути, пройдя черезъ три склепа, Карлу опять надѣли маску, поводили туда и сюда, провели корри-

доромъ къ лѣстницѣ, взобрались наверхъ, задѣлали полъ, погасили свѣчи и снявъ съ него маску, провели изъ ризницы въ соборъ.

Помолившись передъ алтаремъ, императоръ поблагодарилъ монаховъ и спросилъ:

— Почтенные отцы; вотъ что нужно еще знать мнѣ: могу ли я сказать своимъ пріятелямъ, или кому иному, что я видѣлъ въ своемъ королевствѣ, не говоря гдѣ, несмѣтныя сокровища подъ землею?

Настоятель и монахи согласились.

На прощанье, Карлъ, глядя на свой перстень, сказалъ:

— Этотъ вашъ даръ такъ мнѣ дорогъ, что я не сниму его съ своего пальца и унесу съ собою въ могилу.

Было уже довольно поздно, когда король вышелъ изъ собора. Мѣшкать было некогда. Онъ простился съ монахами, сѣлъ на коня, и въ сопровожденіи двухъ слугъ, поѣхалъ вверхъ по Лабѣ къ Градцу.

Придворные не замедлили выпытать у слугъ императора, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ.

— Обѣдалъ, потомъ пошелъ съ настоятелемъ и двумя монахами въ соборъ, и долго тамъ молился.

Больше никто ничего не узналъ. Самъ Карлъ хранилъ молчаніе. Только передъ смертью попросилъ онъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ не снимать, съ руки его перстень говоря, что это память изъ сокровищницы Опатовицкаго монастыря, въ которомъ онъ былъ много лѣтъ тому назадъ.

* *
*

Въ концѣ царствованія Вячеслава IV, сына Карла, блаженной памяти, пріѣхалъ въ Опатовицкій монастырь нежданный гость, панъ Янъ Местецкій изъ Опочна, съ двумя верховыми слугами. Было это въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, подъ вечеръ. Поблекшіе луга и оголенныя вѣтви деревьевъ уже хватило морозомъ.

Дулъ холодный вѣтеръ, и не было ничего удивительнаго въ томъ, что запоздавшій рыцарь заѣхалъ въ монас-

Мелькали фигуры монаховъ, которыхъ преслѣдовали солдаты.

тырь попросить ночлега. Онъ объявилъ, что хотѣлъ добраться до Градца, но погода ужасная, вѣтеръ пронизываетъ до костей, такъ что и шуба не помогаетъ; вѣроятно будетъ бурная ночь.

Настоятель, Петръ Лазуръ, старикъ привѣтливый и гостепріимный, принялъ рыцаря, приказалъ накормить его двухъ слугъ, а также и тѣхъ трехъ дружинниковъ, которые, по словамъ пана Метецкаго, немного отстали и не замедлятъ пріѣхать. И дѣйствительно скоро пріѣхали дружинники, озябшіе, съ лицами, зардѣвшимися отъ вѣтра. Въ ту пору ихъ панъ сидѣлъ уже съ настоятелемъ и монахами въ трапезѣ, освѣщенной восковыми свѣчами, по близости огромной зеленой печи, отъ которой валило тепломъ.

Рыцарь разсказывалъ о соборѣ въ Констанцѣ, о Янѣ Гусѣ изъ Гусинца, но больше всего о Прагѣ, на которую наложенъ былъ интердиктъ, т.-е. запрещеніе совершать богослуженіе и таинства. Онъ не пожалѣлъ рѣзкихъ словъ о новомъ ученіи, порицалъ прихожанъ, бунтующихъ противъ духовенства, не похвалилъ и короля, который все это терпитъ.

Прибылъ новый гость, панъ Отто изъ Бергова. Онъ сообщилъ, что его загнало сюда ненастье, отъ котораго онъ поспѣшилъ укрыться подъ гостепріимный кровъ монастыря, и просилъ пріюта на ночь для себя и пятерыхъ слугъ. Какъ будто бы удивившись, что онъ встрѣтилъ здѣсь пана Местецкаго, панъ Отто выразилъ удовольствіе, что на завтра будетъ имѣть спутника до Градца.

Второго гостя настоятель принялъ также любезно какъ и перваго и остался бесѣдовать съ ними, когда братья уже разошлись по кельямъ. Паны сидѣли за бутылкою вина у камина, гдѣ было особенно пріятно въ эту бурную ночь. А на дворѣ вылъ такой вѣтеръ, что окна дрожали. Если панъ Местецкій умѣлъ говорить, то и панъ Отто ему не уступалъ. Они здорово пили, часто подливая золотистую влагу въ свои чаши; лица у нихъ разгорѣлись и глаза заблестѣли.

Вдругъ извнѣ донеслись до слуха присутствующихъ трубные звуки. Словно въ тонъ имъ загудѣлъ и вѣтеръ прон-

зительно и рѣзко. Оба пана схватили настоятеля за руки и панъ Местецкій мрачно проговорилъ:

— Слышишь трубные звуки, отче? Это значитъ, что наши ребята овладѣли воротами и впустили остальныхъ. Ихъ тридцать штукъ; они ждали за воротами во мракѣ ночи. Слышишь, опять. Теперь они всѣ здѣсь; ты и братія въ нашей власти.

— Чего же вамъ надо? спросилъ пораженный ужасомъ настоятель.

— Сокровища, которыя вы здѣсь скрываете. Ничего тебѣ не будетъ, если покажешь, гдѣ они находятся. Я знаю, что подъ землей.

— Говори гдѣ! крикнулъ панъ изъ Бергова.

— Не знаю.

На лѣстницѣ послышался шумъ, крикъ, бряцаніе оружія.

— Не жди помощи, грозился панъ Местецкій. Слышишь? Это наши люди. Говори, гдѣ кладъ.

— Не скажу! отвѣчалъ настоятель твердымъ голосомъ.

— Замучимъ тебя!

— Да будетъ воля Божья! Но я не могу, не смѣю сказать.

Панъ изъ Бергова вышелъ изъ трапезы и позвалъ свою челядь. Четверо молодцевъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, вошли въ палату. Панъ Местецкій передалъ имъ настоятеля. Въ эту минуту раздался звукъ монастырскаго колокола, бившаго въ набатъ. Нѣкоторые монахи успѣли добѣжать до колокольни и сзывали ближайшую деревню на помощь.

Красный свѣтъ озарилъ монастырскія окна. Во всѣхъ углахъ монастыря, въ кельяхъ, на галлереѣ, на дворахъ мелькали фигуры монаховъ, которыхъ преслѣдовали солдаты съ зажженными лучинами въ рукахъ. Солдаты выбивали двери келій и уносили имущество. Настоятеля связаннаго, бросили въ подвалъ, и при свѣтѣ факеловъ, пытали его. Солдаты растягивали его по стремянкѣ *), а паны, по очереди, допрашивали.

---

*) Малярная лѣстница съ перекладинами вмѣсто ступеней

— Гдѣ кладъ? Говори, если хочешь остаться живымъ.

Но настоятель мужественно переносилъ пытки, и не выдалъ тайны даже тогда, когда ему свѣчами стали жечь бокъ.

Проснулся пасмурный, туманный день. Въ Опатовицкомъ монастырѣ было тихо и пустынно. Онъ былъ ограбленъ. Дорогую утварь, деньги, украшенія собора—все унесли паны и челядь ихъ. Когда же поселяне прибѣжали въ монастырь, они нашли раненыхъ монаховъ и настоятеля, замученнаго до смерти.

Разрушеніе въ монастырѣ было велико, но подземныя сокровища уцѣлѣли и свѣдѣнія о нихъ ушли въ могилу вмѣстѣ съ настоятелемъ.

* * *

Благодаря смутамъ и междуусобіямъ раздиравшимъ страну, панъ Местецкій и другъ его Отто не потерпѣли за свое злодѣяніе заслуженнаго наказанія. Пять лѣтъ спустя панъ Местецкій снова прибылъ въ Опатовицкій монастырь, но уже не грабителемъ, а защитникомъ его. Для охраны монастыря отъ послѣдователей гуситскаго ученія онъ привелъ горнизонъ императора Сигизмунда, на службу котораго поступилъ, измѣнивъ своимъ соотечественникамъ. На этотъ разъ искать кладъ ему было некогда; онъ спѣшилъ на войну. Оставшійся горнизонъ два раза вступалъ въ схватку съ градчанами, и во второй схваткѣ, въ 1420 г., палъ Градецкій воевода Лукашъ. Вскорѣ пришло извѣстіе что Пражане съ Градчанами осадили Кутну гору и гарнизонъ Сигизмунда ушелъ изъ Опатовицкаго монастыря.

На мѣсто горнизона Сигизмунда пришли Градчане съ братствомъ Оребскимъ, послѣдователями Гуса. Они жестоко отплатили Опатовицамъ за двукратное пораженіе, Старый, живописный монастырь былъ сожженъ.

Башни богатаго храма съ ихъ блестящими крестами, возвышавшіяся надъ цвѣтущею прилабскою долиною лежали теперь въ развалинахъ. Колонны галлерей валялись

вокругъ райскаго двора, поросшаго сорною травою. Могильная тишина царила тамъ, гдѣ нѣкогда монахи пѣли хвалебную пѣснь Богу.

Погибъ монастырь, но сокровища его уцѣлѣли. Серебро, золото, драгоцѣнные камни, богатая утварь, дѣло рукъ искусныхъ художниковъ, остались подъ землею въ мѣстѣ никому неизвѣстномъ, и преданія о нихъ передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе жили еще и тогда, когда отъ монастырскихъ развалинъ и слѣда не осталось.

* * *

Монастырскія развалины исчезли подъ водою. Однажды, во время сильнаго наводненія, Лаба затопила монастырь, потомъ перемѣнила русло, и часть монастырскихъ развалинъ осталась подъ водою на днѣ рѣки. Лаба протекала прежде у монастыря; теперь текла черезъ него, и когда вода была низка и спокойна, люди ходили смотрѣть остатки построекъ, виднѣвшихся въ глубинѣ.

Но часть развалинъ осталась на сушѣ. Въ этомъ мѣстѣ поставили мельницу, а тамъ, гдѣ прежде былъ алтарь, выросла липа. Мельники и работники ихъ, сидя подъ вечеръ, лѣтнею порою, у мельницы, часто разговаривали объ императорѣ Карлѣ, о монастырскомъ кладѣ, гдѣ онъ, въ какомъ мѣстѣ. Вотъ кабы до него добраться подъ водою, славно можно бы поживиться, разсуждали они.

Невольно посматривали они на липу, широко раскинувшую свою густую крону. Вѣтеръ, шумѣвшій въ листьяхъ, напоминалъ шепотъ молитвъ, а сладкій ароматъ цвѣтовъ— ѳиміамъ, возносившійся къ небу у Божьяго алтаря. Въ полночный часъ вершина липы начинала свѣтиться, словно ее озарялъ свѣтъ восходящей луны. Постепенно свѣтъ разливался по вѣткамъ, отбрасывая свой отблескъ на темное ночное небо. Кому случалось наблюдать это явленіе, тотъ набожно крестился и преклонялъ колѣна, какъ у алтаря. Многіе слышали звуки божественныхъ пѣснопѣній, которыя при-

носились будто бы издалека, усиливаясь около липы; затѣмъ съ вѣтромъ уносились и у рѣки замирали.

* * *

Но и среди бѣла дня таинственное мѣсто это внушало суевѣрный страхъ людямъ, особенно мельнику, его семьѣ и работникамъ. Однажды, въ царствованіе Максимиліана, отца Рудольфа II, у Опатовицкой мельницы, въ самый полдень, вдругъ остановились колеса.

Всѣ прибѣжали къ рѣкѣ и дивились такому чуду. Колеса остановились потому, что на нихъ не текла вода; а не текла она потому, что повыше мельницы рѣка, въ одномъ мѣстѣ своего ложа вдругъ низвергнулась съ страшнымъ шумомъ и рокотомъ въ какую то пропасть.

Втеченіе добраго получаса рѣка стремительно неслась въ промытое ею отверстіе. Мельничныя колеса стояли неподвижно, словно заговоренныя. Затѣмъ рѣка снова потекла по своему ложу и завертѣла колеса. Долго стояли люди у того мѣста, гдѣ скрывалась рѣка и толковали объ этомъ странномъ явленіи. Всѣ были того мнѣнія, что подъ рѣкою находилось церковное подземелье. Рѣка разрушила своды, залила корридоры, ведущіе къ сокровищамъ и не находя исхода, снова потекла по старому руслу. Теперь навѣки погибли подземныя сокровища, и никто уже не будетъ на нихъ покушаться.

* * *

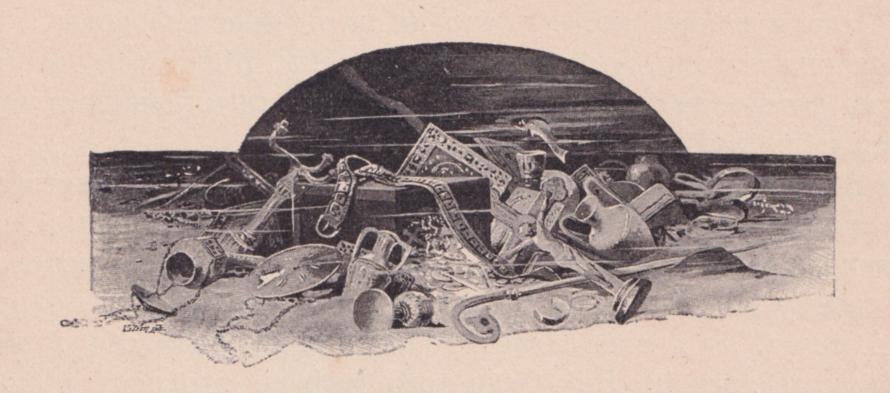
Многіе, однакоже, покушались; не свои, а чужеземцы. Въ смутное время, послѣ Бѣлогорской битвы, пріѣхали однажды въ Опатовицы четыре влаха; сказали, что они водолазы, посланные королемъ Фердинандомъ искать кладъ.

Никто имъ не препятствовалъ. Одѣвшись, нырнули они въ Лабу въ томъ мѣстѣ, гдѣ виднѣлись монастырскія развалины. Тамъ хотѣли они сперва осмотрѣть почву и остатки строеній. Долго, однако, тамъ не выдержали. Двое скоро выплыли на поверхность, двое замѣшкались. Товарищи ихъ

ждали, ждали, но не дождались; тѣ двое такъ и сгинули. Унесъ ли ихъ потокъ, завязли ли они въ развалинахъ—неизвѣстно; только и тѣлъ ихъ не нашли.

Остальные влахи уже не отважились продолжать поиски; сѣли на коней и отъѣхали ни съ чѣмъ.

Лежатъ Опатовицкія сокровища и поднесь въ нѣдрахъ земли, а Лаба усердно стережетъ ихъ.

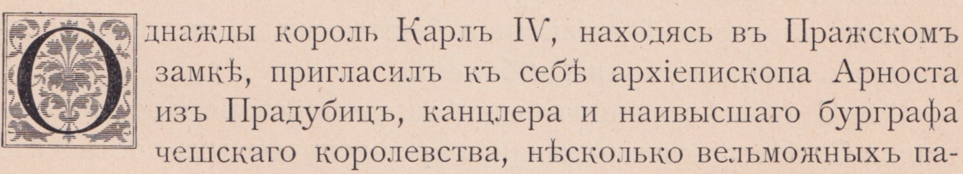

О старой Прагѣ.

О старой Прагѣ.

I.

Однажды король Карлъ IV, находясь въ Пражскомъ замкѣ, пригласилъ къ себѣ архіепископа Арноста изъ Прадубицъ, канцлера и наивысшаго бурграфа чешскаго королевства, нѣсколько вельможныхъ пановъ и дворянъ чешскихъ и нѣкоторыхъ знаменитыхъ ученыхъ магистровъ, въ томъ числѣ придворнаго астролога. Въ роскошной палатѣ, деревянный потолокъ которой былъ украшенъ рѣзьбою, живописью и позолотой, а стѣны – дорогими французскими обоями, сидѣлъ Карлъ со своими гостями за столомъ, гдѣ, при яркомъ свѣтѣ восковыхъ свѣчей, блестѣла золотая и серебряная посуда, тарелки, чаши и кубки, замѣчательной формы и отдѣлки.

Когда повечеряли и въ палатѣ сдѣлалось душно, всталъ императоръ и, пригласивъ гостей своихъ подышать свѣжимъ воздухомъ, вышелъ съ архіепископомъ на балконъ. За ними послѣдовали паны и магистры, продолжая оживленно разговаривать.

Когда же вступили на просторный балконъ, умолкъ цезарь и его гости. Умолкли пораженные красотою раскинувшагося у ногъ ихъ королевскаго города.

Прага дремала, залитая кроткимъ свѣтомъ полной луны. Въ мѣстахъ, куда не проникалъ свѣтъ, лежали густыя тѣни. Изъ тѣни на свѣтъ выступали кровли высокихъ домовъ, галлереи, костелы и башни. Луна серебрила окна строеній и въ ея таинственномъ свѣтѣ тонули городскіе сады, а деревья на островахъ принимали мягкія неясныя очертанія.

Все дышало глубокимъ покоемъ; только снизу доносился глухой шумъ мельничныхъ плотинъ. Король и вельможи, восхищенные красотою ночи, блуждали взорами по скатамъ холма Петржинъ, утопавшаго въ синеватомъ сумракѣ, по «Малому» городу, лежавшему какъ разъ подъ ними. Они смотрѣли на освѣщенное пространство, гдѣ выдѣлялся дворецъ архіепископа у рѣки и блестѣла позолоченая кровля его сторожевой башни; смотрѣли на старый мостъ, на рѣку, которая свѣтилась, какъ расплавленное серебро; затѣмъ— дальше на остальную Прагу, на «Жидовскій» и «Старый» городъ, окруженный стѣнами и бастіонами, за которыми возносились къ небу храмы и башни.

За Старымъ городомъ было больше простора. Костелы Лазаря и Св. Петра уже не жались среди скученныхъ построекъ, а стояли свободно, на Здеразскомъ холмѣ. Еще дальше дремала деревня Опатовицы, деревня Рыбникъ съ костеломъ Св. Стефана. На просторѣ широко лился лунный свѣтъ на сады и нивы съ зрѣющимъ колосомъ, на виноградники, уже задернутые бѣловатымъ туманомъ.

Всѣ молча любовались очаровательной картиной разстилавшейся передъ ними. Наконецъ король, глубоко растроганный, произнесъ:

— Прекрасна земля моя! Крѣпко люблю я ее, прекрасную изъ прекрасныхъ. Да будетъ благословенъ мой вертоградъ и красивѣйшее въ томъ вертоградѣ мѣсто—Прага. О Прага, можетъ ли что сравниться съ тобою!

И королевскія очи загорѣлись восторгомъ.

— Прекрасный городъ! промолвилъ Арностъ изъ Прадубицъ. Прекрасный и счастливый, благословленный Св. Вячеславомъ, а Твоею Милостью украшенный. Исполняется пророчество праматери Твоего Величества. Ростетъ Прага въ величiи и славѣ; князья кланяются ей. Почтена и возвеличена по всему свѣту, и слова ея да возрастетъ и впредь.

— Радъ бы я ее съ помощью Божiей возвеличить, проговорилъ взволнованнымъ голосомъ король. Вѣрю и надѣюсь.

Потомъ обратившись къ ученому астрологу, задумчиво смотрѣвшему вдоль, король сказалъ:

— Почтенный магистръ. Развѣ не прекрасна будущность этого города. Отчего же ты такъ мраченъ? Объяснись.

— Не хотѣлось бы мнѣ въ эту минуту объяснять Твоему Королевскому Величеству, что предвѣщаютъ небесныя знаменiя.

— Напротивъ, говори. Я хочу знать, что ты вычиталъ въ звѣздахъ.

— Мрачныя предзнаменованiя, милостивый король.

— Говори.

И опечаленный магистръ объяснилъ королю и его свитѣ значенiе предзнаменованiй.

— Открыто мнѣ путемъ небесныхъ знаменiй, говорилъ онъ, что Меньшiй городъ отъ огня погибнетъ, а Старый отъ воды. Все сгинетъ, и не останется камня на камнѣ.

Съ ужасомъ внимая мрачнымъ предсказанiямъ, придворные смотрѣли на короля, который казался смущеннымъ и взволнованнымъ.

— Не погибнетъ Прага! воскликнулъ онъ; будетъ цвѣсти и разростаться. Если сгинетъ Старый и Меньшiй городъ, вмѣсто нихъ я поставлю новый городъ. Глядите! вонъ тамъ будетъ новая, великая Прага!...

И король указалъ за старый городъ, вверхъ по широкой покатости, къ полямъ и садамъ, къ деревнямъ Рыбнику и Опатовицамъ. Всѣ присутствующiе почувствовали облегченiе и лица прояснились; а мудрый архiепископъ громко высказалъ то, что было въ сердцахъ у всѣхъ въ эту минуту

— Богъ да благословитъ Твое Величество!

* *
*

Какъ сказалъ Карлъ, такъ и сдѣлалъ. Онъ тотчасъ же началъ приготовленія къ заложенію новаго города; самъ вымѣривалъ землю, обозначалъ мѣсто бастіоновъ и дѣлалъ закладки. Присутствовалъ при планировкѣ улицъ, назначалъ мѣста для торжищъ и площадей; со строителями разговаривалъ и совѣтовался; часто пріѣзжалъ посмотрѣть какъ идутъ работы, бесѣдовалъ съ каменщиками и поденщиками, выспрашивалъ ихъ мнѣнія, одѣлялъ дарами и радовался, что работы идутъ успѣшно.

Однажды возвратившись изъ путешествія по нѣмецкимъ землямъ, король увидалъ, что въ его отсутствіе проложили новую улицу и уже строятъ дома. Разгнѣванный, онъ спросилъ, кто приказалъ вывести эту улицу.

— Никто не приказывалъ, Твоя Королевская Милость, отвѣчалъ струсившій строитель. Мы всѣ думали, что такъ будетъ хорошо. Прикажешь ее уничтожить?

— Пусть остается и называется «Неказалка» порѣшилъ императоръ. Такъ эта улица зовется и до сего дня.

Не по днямъ, а по часамъ росъ новый городъ. Строеній прибывало, что грибовъ послѣ дождя. Не горожане строили городъ, а самъ повелитель чешской земли. И тѣмъ роскошнѣе обстраивался онъ съ монастырями, церквами и башнями. Такимъ образомъ заложилъ Карлъ костелъ Св. Іеронима и при немъ монастырь Бенедиктинскаго ордена на томъ самомъ мѣстѣ на «Скалкакъ» гдѣ въ прежнія времена зеленѣла священная роща богини Морены. Для отдѣлки костела заказывали особыя кафели, какъ въ замкѣ Карлштинѣ. Костелъ былъ такъ великъ, что для него понадобились бревна цѣлаго лѣса. Цѣлыя двадцать лѣтъ строился костелъ и стоилъ не меньше каменнаго моста.

Когда же костелъ былъ оконченъ и въ немъ совершилось первое богослуженіе, и духовенство запѣло у алтаря на славянскомъ нарѣчіи, и литургія была совершена по старинному обряду, давно не совершавшемуся, возрадовались набожные чехи.

Радовался и благочестивый король, который нарочно вызвалъ славянскихъ монаховъ изъ далматинскихъ краевъ; радовался съ нимъ и весь народъ.

Монастырь съ костеломъ получили названіе «На Славянахъ;» такъ зовутся и до сего дня.

Еще не прошло сполна трехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ костелъ «На Славянахъ» огласился божественнымъ пѣснопѣніемъ на языкѣ предковъ, а ужъ Карлъ заложилъ новый

Онъ постоянно чертилъ, высчитывалъ.

храмъ на самомъ высокомъ мѣстѣ противъ Вышеграда. Проэктъ собора составилъ молодой пражскій зодчій. Внимательно разсмотрѣвъ проэктъ, король подивился какъ грандіозно и смѣло задумана была постройка.

И не онъ одинъ дивился. Дивились знающіе, искушенные опытомъ строители. Они говорили, что молодому товарищу ихъ не вывести подобнаго храма, въ особенности сводовъ. Такихъ сводовъ Прага до той поры не видывала. Но король утвердилъ планъ молодого художника, и тотъ ревностно принялся за дѣло.

Быстро росъ храмъ, расположенный осьмиугольною звѣздою. Уже поднялись стѣны; уже появились двойныя и трой-

ныя окна прекрасной готической формы; возникъ порталъ съ изящными лѣпными украшеніями и уже начали широкое пространство храма связывать смѣлыми, дотоль невиданными сводами, наподобіе купола.

Еще внутри собора стояли лѣса и сквозь сѣть досокъ и бревенъ не видно было сводовъ, а ужъ ученые зодчіе, покачивая головами, говорили, что молодой художникъ зарвался, что своды не выдержатъ, что это небывалая невиданная вещь, и что когда снимутъ лѣса, куполъ треснетъ и все обрушится.

Такія рѣчи сильно дѣйствовали на молодого художника. Змѣй сомнѣнія заползъ въ его душу и онъ началъ терять вѣру въ самого себя. Уже онъ не спѣшилъ на постройку съ такимъ пыломъ какъ прежде; а дома въ уединеніи, сталъ тревоженъ и раздражителенъ. Онъ постоянно чертилъ, высчитывалъ выдержатъ ли своды, и ни днемъ, ни ночью не имѣлъ покоя.

Заботы и тревоги отогнали отъ него сонъ. До глубокой ночи сидѣлъ онъ въ своей мастерской, а когда ложился, продолжалъ еще соображать и обдумывать. Приходили ему на умъ рѣчи товарищей—строителей, молодыхъ и старыхъ, ихъ намёки, предостереженія, сомнѣнія, усмѣшки. И когда онъ представлялъ себѣ, что будетъ, если ему не удастся докончить своды, либо они дѣйствительно разрушатся и вмѣсто славы онъ покроетъ себя стыдомъ... несчастный художникъ поднималъ съ подушки свою разгоряченную голову, вставалъ и начиналъ ходить по комнатѣ. Въ одну изъ такихъ ночей онъ не выдержалъ, вышелъ и побѣжалъ на новыя мѣста.

Тамъ, въ темнотѣ ночи, вздымалось его созданіе, еще не оконченное, еще опутанное лѣсами. Кругомъ царила тишина. Тихо было и внутри; тихо и пустынно. Не стучали молоты, не гудѣли голоса рабочихъ. Глухо раздавались шаги строителя, когда онъ вступилъ на середину храма, гдѣ вскорѣ должны были зазвучать священныя пѣснопѣнія.

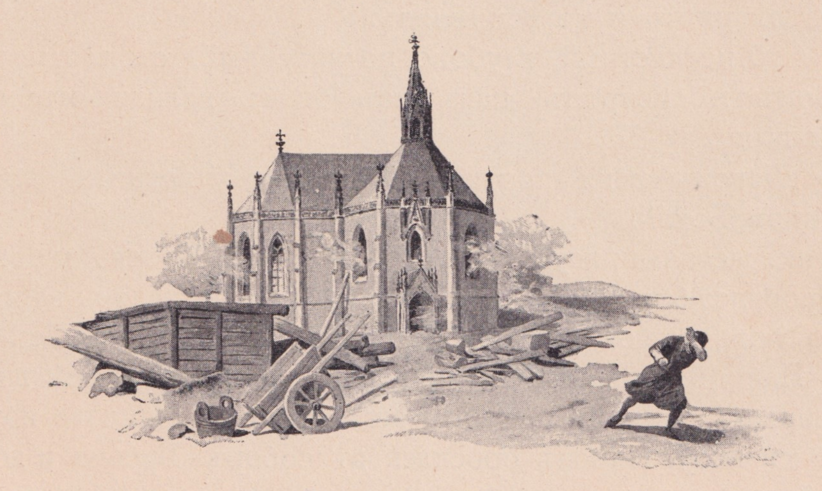
Сквозь окна безъ стеколъ глядѣлось звѣздное небо и лился тихій свѣтъ Поднявъ взоры кверху, смотрѣлъ моло-

Поднявъ взоры кверху смотрѣлъ молодой строитель.

дой строитель туда, гдѣ уже начиналъ образовываться звѣздообразный сводъ. Умственными очами онъ видѣлъ этотъ сводъ уже оконченнымъ: большая звѣзда и въ ней—двѣ малыя. Видѣлъ залитый солнечными лучами храмъ съ его скульптурою, живописью и позолотою. Вотъ входитъ король съ вельможами; за ними народъ. Всѣ любуются храмомъ. Взоры съ восторгомъ останавливаются на необыкновенно смѣлыхъ по замыслу сводахъ...

Мечты отлетѣли и передъ художникомъ предстала дѣй-

Онъ бросился бѣжать.

ствительность съ ея мучительными сомнѣніями. И вдругъ ничего этого не будетъ, а наоборотъ, своды рухнутъ и храмъ останется недоконченнымъ!..

Душа художника возмутилась. Онъ поднялъ руку и поклялся, что храмъ будетъ оконченъ, своды выведены, хотя бы ему пришлость призвать на помощь самого діавола. И діаволъ явился; онъ похитилъ слабую душу и докончилъ начатое дѣло. Строители со дня на день ждали, что своды обрушатся, но этого не случилось. Послѣдній клинъ былъ вбитъ и своды окончены. Оставалось только снять лѣса.

Но вотъ тутъ то и возникло затрудненіе. Ни одинъ человѣкъ, ни каменщикъ, ни поденщикъ не рѣшался этого сдѣлать. Напрасно молодой строитель уговаривалъ ихъ, обѣ-

щалъ награду; наконецъ самъ хотѣлъ разобрать лѣса; но его не допустили, какъ полагали, на вѣрную смерть, не дали даже ступить на лѣстницу.

«Такъ я запалю ихъ!» крикнулъ онъ внѣ себя.

Огромная толпа народа стояла вокругъ собора въ волненіи, ожидая, что будетъ. Всѣ были увѣрены, что сводъ рухнетъ, когда поддерживавшіе его лѣса будутъ сняты.

Страшный трескъ раздался въ соборѣ. Толпа въ ужасѣ бросилась прочь. Бѣжали и кричали, что рухнули своды. О строителѣ никто и не вспомнилъ.

А онъ несчастный, глубоко потрясенный, стоялъ передъ соборомъ и смотрѣлъ, какъ изъ оконъ валили огромные клубы дыма.

— Діаволъ меня попуталъ! мелькало у него въ головѣ; это гнѣвъ Божій!

И не желая присутствовать при гибели своего творенія, онъ бросился бѣжать, словно всѣ адскія силы гнались за нимъ.

Но вотъ не стало дыма, послѣдніе клубы разнесъ вѣтеръ. Народъ снова сталъ собираться къ собору, всѣ взоры устремились на куполъ, и что-же... Куполъ величаво возносился къ небу. Народъ бросился въ соборъ. Бревна и доски грудой лежали на землѣ, а надъ ними, надъ всей ширью огромнаго собора, раскинулся ничѣмъ не поддерживаемый звѣздообразный сводъ. Явился онъ при солнечномъ свѣтѣ во всемъ своемъ величіи, цѣлый и невредимый — блистательное доказательство талантливости строителя. Всѣ присутствующіе глядѣли, восхищались и радовались.

Вспомнили наконецъ, о строителѣ. Звали его, спрашивали о немъ, искали.

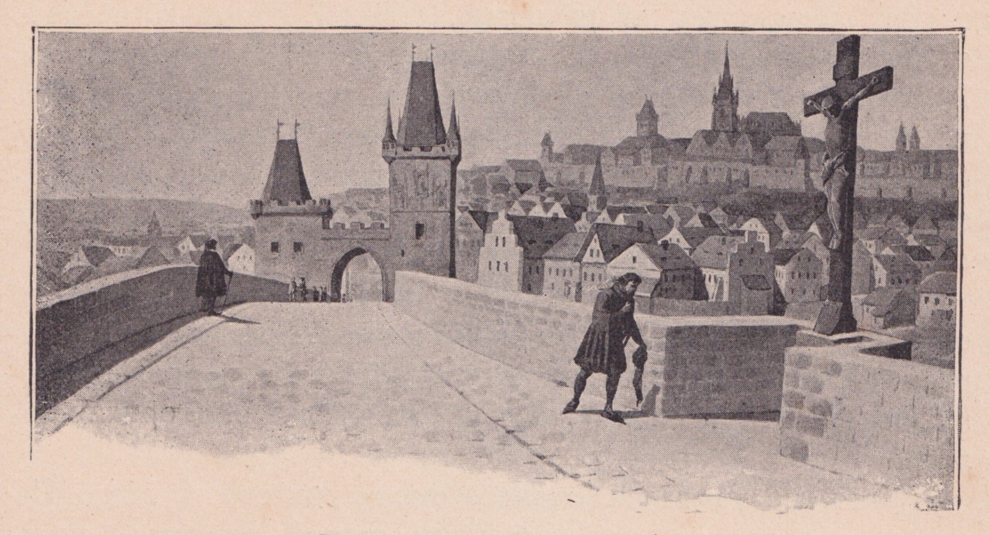
И нашли несчастнаго въ его собственномъ помѣщеніи мертвымъ. Съ отчаянія онъ лишилъ себя жизни.

То, что онъ видѣлъ умственными очами во время мучительной ночи, что представлялось ему въ сладостныхъ мечтаніяхъ, все то исполнилось. Храмъ былъ оконченъ. Каждый, кто входилъ въ него, отъ короля до простого поденщика, тотчасъ же обращалъ вниманіе на связывавшія его стѣны

смѣлыя арки свода; и каждый со вздохомъ вспоминалъ несчастнаго строителя, заплатившаго жизнью за свое геніальное произведеніе.

* * *

На Градчанахъ, въ королевскомъ кремлѣ, воздымалась новая постройка славнаго Императора Карла, храмъ Св. Вита. За рѣкой, на новыхъ мѣстахъ, быстро росъ новый го-

Водрузили деревянное распятіе.

родъ. На ряду съ этими памятниками своей набожности и любви къ искусству, король задумалъ и выполнилъ новую постройку, каменный мостъ черезъ р. Влетаву. Мостъ пережилъ вѣка; пережилъ эпохи славы и униженія чешскаго народа. Много измѣнилось со времени его постройки; споры и междоусобія посѣяли рознь между людьми одной крови и одного языка. Мостъ пережилъ бурныя волненія, народныя униженія и упадокъ народной силы и мощи; все выдержалъ этотъ памятникъ лучшихъ дней; онъ устоялъ какъ бы для того, чтобы поддержать слабыхъ духомъ — воспоминаніемъ о славномъ прошедшемъ.

Въ тѣ времена, изъ всѣхъ мостовъ въ свѣтѣ, самымъ прочнымъ и надежнымъ считался мостъ Карла IV. Известь, скрѣп-

лявшая его пилястры и арки была замѣшана на яйцахъ. Можно себѣ представить какая масса яицъ понадобилась на это громадное сооруженіе!

Ни въ Прагѣ, ни въ окрестностяхъ, конечно, яицъ не хватило. Карлъ отдалъ приказъ по всѣмъ городамъ и селеніямъ чешскимъ, чтобы каждое изъ нихъ доставляло извѣстное количество яицъ на постройку чешскаго моста. Прибывали они цѣлыми возами; ихъ разбивали и на нихъ замѣшивали глину.

Всѣ отозвались съ радостью. Селеніе Вальваръ послало свой возъ, вполнѣ увѣренное, что яйца хорошо сохранятся. Когда же рабочіе разбили два-три яйца, то глазамъ своимъ не хотѣли вѣрить, наконецъ принялись хохотать до упаду. Смѣялись строители, смѣялись каменщики, смѣялась вся Прага, и всюду со смѣхомъ разсказывали, что изъ Вальваръ привезли свареныя въ крутую яица.

Когда каменный мостъ былъ оконченъ, на немъ не было еще статуй. Только на одномъ изъ выступовъ водрузили деревянное распятіе, передъ которымъ, какъ говорятъ, совершались казни, и осужденные, у подножія его, творили послѣднюю свою молитву.

Карлъ не дождался полнаго окончанія своего дѣла. По мосту уже ѣздили, но со стороны стараго города на немъ не было еще возведено башенъ.

Деревянный крестъ былъ нѣсколько разъ возстановленъ. Говорятъ, что одинъ еврей, проходя мимо, засмѣялся, и за это приговоренъ былъ коронным судомъ къ изображенію надъ крестомъ золотыми буквами еврейской надписи. Нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ металлическій позолоченный крестъ.

На стѣнѣ, которая соединяетъ мостовыя башни съ монастыремъ, на сторонѣ, обращенной къ рѣкѣ, можно видѣть высѣченную мужскую голову съ бородою. Говорятъ, что это изображеніе перваго строителя моста, который такимъ образомъ увѣковѣчилъ себя. Практическую пользу бородачъ этотъ приноситъ и теперь, служа мѣрою воды. Въ одно изъ наводненій вода доходила бородачу до носа; въ наводненіе 1481 г. она покрыла его темя.

Идя по мосту къ замку королей чешскихъ, видна на лѣво, идущая по Петржину вверху зубчатая стѣна. Эта стѣна, повидимому ни на что не нужная, есть дѣло рукъ «семьи» Карла IV.

Однажды въ землѣ чешской былъ голодъ и большая смертность. Не хватало работы для прокормленія голоднаго люда. Въ эту тяжслую пору собралось въ Прагу болѣе двухъ тысячъ бѣдняковъ. Когда Карлъ выходилъ изъ церкви, они окружили его и со слезами умоляли дать имъ работы безъ вознагражденія, за одни харчи, лишь бы не умереть съ голоду. Король, тронутый ихъ несчастіемъ, велѣлъ имъ собраться на слѣдующій день на томъ же самомъ мѣстѣ и въ тотъ же часъ. Когда бѣдняки собрались, Карлъ приказалъ проводить ихъ на вершину Петржина и, пріѣхавъ туда самъ, приказалъ ломать камень и ставить стѣну отъ Влетавы черезъ Петржинъ къ Страховскому монастырю.

Работники не получали денегъ, но хлѣба и иныхъ харчей имѣли вдоволь; также давалась имъ обувь и одежда. Прослышали о томъ другіе голодающіе, и цѣлыми толпами привалили въ Прагу; дали и имъ работу. Карлъ часто пріѣзжалъ на Петржинъ въ свою «семью», какъ онъ называлъ бѣдняковъ. Тысячи людей благословляли его, день и ночь молились за него Богу.

Тотъ камень, который они ломали и тесали, превращался для нихъ въ хлѣбъ; поэтому стѣна на Петржинѣ называется «хлѣбная»; она уничтожила голодъ и нужду. А зубчатая она, будто-бы потому, что, благодаря ей, голодающимъ не пришлось «положить зубы на полку».

* * *

Жилъ въ Прагѣ одинъ богатый человѣкъ по имени Ротлевъ. Однажды купилъ онъ на Іеловой горѣ мѣстечко. Сообщилъ ему кто-то, что тамъ много золота. Нанялъ Ротлевъ рудокоповъ и началъ копать усердно, не жалѣя затратъ. Копалъ, копалъ, но до золота не докопался.

Щебнемъ и булыжникомъ шла шахта, а золота даже и признаковъ не было. Много денегъ закопалъ Ротлевъ; когда

же всѣ деньги у него вышли, онъ началъ дѣлать долги, лишь бы работа не стояла.

Друзья и пріятели предупреждали его, говоря, что онъ золота не найдетъ, а похоронитъ и то, что имѣетъ. Но Ротлевъ былъ увѣренъ, что найдетъ золото. Въ этой увѣренности онъ продавалъ свое имѣніе по кусочку и вырученныя деньги всаживалъ въ шахту. Дошло до того, что продавать стало нечего и платить рудокопамъ — нечѣмъ. Ротлевъ пришелъ въ отчаяніе. Горевалъ онъ не потому, что зарылъ все свое имущество, а потому, что не могъ рыть дальше. Онъ настойчиво твердилъ, что непремѣнно нашелъ бы жилу, если-бъ порыться еще хоть чуточку. Но никто уже ему не вѣрилъ, и всѣ смѣялись. Одна жена не сомнѣвалась въ немъ. Ей жаль было мужа, но чѣмъ могла она помочь? Какія имѣла драгоцѣнности—давно уже ему отдала. Изъ всего богатства она припрятала только, какъ драгоцѣнное воспоминаніе о счастливыхъ дняхъ юности, затканный золотомъ вуаль. Вуаль этотъ она получила въ подарокъ отъ мужа, когда онъ былъ еще женихомъ.

Но и съ нимъ пришлось ей разстаться. Ротлевъ взялъ вуаль и съ вырученными деньгами побѣжалъ въ шахту.

И вотъ—только-что принялись за дѣло, какъ напали на богатую золотую жилу. Это была такая мощная жила, что, разработавъ ее, Ротлевъ не только вернулъ въ короткое время все, что затратилъ, но и сверхъ того добылъ огромное количество золота. Участокъ, который принесъ ему счастье, онъ въ благодарность назвалъ «вуалемъ».

Въ Прагѣ, въ Старомъ городѣ, Ротлевъ построилъ великолѣпный домъ, одинъ изъ лучшихъ во всемъ городѣ. Трое воротъ вели къ нему на дворъ. Поверхъ подвальнаго этажа возвышались прекрасныя палаты, башни и галлереи. Впослѣдствіи король Вячеславъ купилъ этотъ домъ и подарилъ Карлову университету. Такимъ образомъ домъ этотъ, возникшій изъ рудниковъ, самъ сталъ рудникомъ, изъ котораго черпали сокровища знанія многія поколѣнія.

* * *

Осенью 1378 года тихо и пустынно было въ Карлштинскомъ замкѣ. Не опускались подъемные мосты, не раздавался на нихъ топотъ коней короля и его свиты. Королевскіе покои стояли замкнуты, ихъ окна не озарялись по вечерамъ веселымъ огонькомъ. Тихо было и пусто; лишь осенній вѣтерокъ, холодный и рѣзкій, гулялъ на свободѣ и разносилъ окрики часовыхъ съ четырехъ башенъ, вокругъ большой башни, съ пятой—у колодца и съ шестой—внизу подъ королевскимъ дворцемъ.

«Далѣ, отъ замка далѣ!» раздавалось съ нихъ каждый часъ въ ночное время. Уныло звучали эти протяжные крики во мракѣ глухой пасмурной ночи. Но не стало веселѣе и утромъ, когда разсвѣло и солнечные лучи озарили красные и желтые опавшіе листья.

Не звучалъ охотничій рогъ, не раздавался веселый собачій лай, не оживлялись крикомъ охотниковъ убранные въ осенніе цвѣта горы и долы. Старый дубъ на лѣсной дорожкѣ, по которой ходили изъ Карлштина въ костелъ Св. Яна, стоялъ печальный и одинокій. Не приходилъ добрый король Карлъ IV посидѣть на его мшистыхъ пняхъ точно въ креслѣ, какъ частенько онъ это дѣлывалъ въ прежнее время.

Поселяне проходили мимо и грустно посматривали на королевское креслице, на которомъ они, бывало, видѣли его. Пусто было на немъ. Пусто было и у королевскаго родника, тутъ же, по близости. У этого родника Карлъ всегда останавливался, чтобы испить чистой водицы. Теперь заносили его опавшіе листья явора, бука и вяза.

Великая скорбь царила на Карлштинѣ и окрестностяхъ.

Король лежалъ въ пражскомъ замкѣ на смертномъ одрѣ, съ котораго ему не суждено было встать. Онъ самъ зналъ это и спокойно ожидалъ смерти. У его ложа находились архіепископъ, сыновья и вся семья королевская. Умирающій король, благословляя слабѣющей рукою сына своего и наслѣдника Вячеслава, наставлялъ его править мудро и справедливо.

Вдругъ раздался на башнѣ Св. Вита ударъ колокола—разъ, два, три—торжественно, звучно. На третій ударъ ото-

звался „умирачекъ“ (колоколъ по умирающимъ) жалобнымъ, заунывнымъ звономъ.

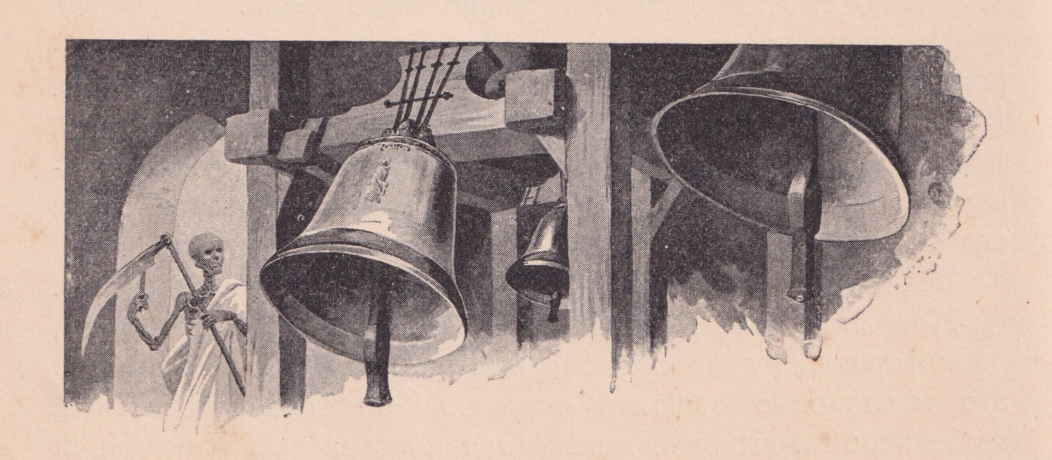
Всѣ стоявшіе вокругъ ложа вздрогнули. По лицу умирающаго разлилось выраженіе глубокаго блаженства.

— Слышите, — сказалъ онъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ,—меня призываетъ къ себѣ Всевышній. Господь да будетъ съ вами во вѣки вѣковъ, аминь!

Звонарь святовитской башни, услыхавъ звонъ, въ испугѣ бросился на колокольню. Башня была заперта, ключи при немъ, а, «умирачекъ» звонилъ.

Быстро взбѣжавъ по лѣстницѣ, звонарь отворилъ двери и остановился въ изумленіи; «умирачекъ» звонилъ самъ собой. Вскорѣ зазвонили и остальные. Такъ было на башнѣ святовитской, такъ было и на другихъ церковныхъ башняхъ.

Всѣ колокола звонили, и ихъ торжественный глаголъ возвѣстилъ удрученной Прагѣ о великой утратѣ. И подъ звуки торжественнаго благовѣста душа добраго короля, отца народа, вознеслась въ область вѣчнаго свѣта, въ царство небесное.

II.

Колдунъ Жито.

Въ первые годы правленія Вячеслава, сына Карла, во всемъ королевствѣ царило спокойствіе и порядокъ; даже сложилась поговорка, что во всякое время дня и ночи можно безъ опасенія нести золото на головѣ; никто его не отниметъ.

Король требовалъ, чтобы богатые служили примѣромъ бѣднымъ, и самъ слѣдилъ за этимъ. Онъ любилъ переряжаться и неузнанный ходить по городу. Одѣвался каменщикомъ, бѣднымъ ремесленникомъ, либо студентомъ и шелъ къ булочнику покупать хлѣбъ. Такимъ образомъ онъ самъ могъ убѣдиться, былъ ли хлѣбъ изъ хорошей муки и достаточнаго вѣса. Если же замѣчалъ, что хлѣбъ плохъ, онъ называлъ себя, приказывалъ забрать весь хлѣбъ и раздать неимущимъ. Съ булочника король бралъ штрафъ; иногда приказывалъ посадить его въ корзину и пополоскать въ Влетавѣ.

Также поступалъ онъ съ мясниками и съ другими недобросовѣстными торговцами. Иногда король ходилъ въ видѣ поденщика на виноградники, чтобъ и тамъ посмотрѣть, какъ

обращаются съ работниками. Цѣлый день работалъ онъ наравнѣ съ поденщиками и, узнавъ по опыту, какъ трудна эта работа, приказывалъ увеличить полуденный отдыхъ и вечеромъ раньше кончать работу.

Любилъ ходить ночью по Прагѣ переодѣтымъ; заходилъ въ корчмы, испытывая, вѣрны ли тамъ вѣсы и мѣры. Любилъ слушать разговоръ обывателей, ихъ мнѣнія. Въ корчмѣ «У Синей щуки» бывалъ чаще всего и не разъ пировалъ тамъ съ случайными пріятелями.

Любилъ также фокусниковъ и шутовъ. Особенно миловалъ онъ колдуна Жито, ловкаго малаго, который умѣлъ обойти кого угодно и по желанію измѣнять свою фигуру и лицо.

Отправится, напр., Жито къ королю въ темномъ суконномъ платьѣ, небрежно сшитомъ, а очутится въ богатомъ шелковомъ кафтанѣ, пестрыхъ штанахъ и башмакахъ съ блестящими пряжками, какъ у какого-нибудь заправскаго франта. Идетъ изъ дворца, и на немъ окажется длинный хитонъ пустынника.

За королевскимъ столомъ продѣлывалъ Жито всевозможныя штуки. Особенно доставалось отъ него королевскимъ шутамъ. Однажды за обѣдомъ, одинъ изъ шутовъ взявъ рыбы, вдругъ вскрикнулъ, и рыба выпала у него изъ рукъ. Руки у него превратились въ конскія копыта.

Задрожалъ бѣдный шутъ, а король и гости смѣялись надъ его отчаяніемъ, смѣялись до слезъ. Наконецъ король приказалъ Житу освободить шута отъ копытъ. Колдунъ началъ дѣлать надъ нимъ разныя движенія руками и заклинанія. Конскія копыта исчезли, но на мѣсто ихъ получились бычачьи. Наконецъ, тронутый отчаяніемъ шута, Жито возвратилъ ему прежній видъ.

Однажды понадобилось королю Вячеславу выѣхать изъ города. На дворѣ стоялъ уже его размалеванный экипажъ подъ балдахиномъ на четырехъ столбахъ. Четверка прекрасныхъ бѣлыхъ коней въ блестящей сбруѣ была запряжена въ карету, по два въ рядъ. По бокамъ выстроилась конная королевская свита и шутъ на пестрой кобылѣ. Недоставало

только Жита, которому заранѣе было приказано сопровождать королевскій поѣздъ. Король уже вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ, а Жита все еще не было. Садясь въ карету, король спрашивалъ о немъ, и узнавъ, что его нѣтъ, разсердился.

Вдругъ съ сосѣдняго двора послышалось громкое кукуреканье, точно десятки пѣтуховъ кричали взапуски. Вскорѣ изъ воротъ этого дома показался странный поѣздъ: двухколесная колесница, запряженная тремя парами черныхъ пѣтуховъ; первые—пониже, вторые—повыше, третьи—еще выше. Черныя перья ихъ отливали зеленовато-металлическимъ блескомъ, красные гребешки горѣли. По зобамъ у каждаго шли тонкіе ремешки вмѣсто вожжей, соединенные въ рукахъ у Жита, и колдунъ, стоя на колесницѣ, управлялъ своею странною запряжкою.

Король засмѣялся и замѣтилъ, что у Жита запряжка параднѣе, т. к. у него три пары, а у короля—всего двѣ. Двинулись въ путь; впереди король на четверкѣ бѣлыхъ коней, позади Жито—на пѣтухахъ. Гдѣ ни появлялся этотъ странный поѣздъ, масса народа собиралась посмотрѣть на него.

Такъ потомъ частенько ѣзжалъ Жито, и люди, заслышавъ, что Жито ѣдетъ, сбѣгались смотрѣть на него. Такъ и шло, пока Жито не выкидывалъ какой-нибудь новой штуки, о которой говорила вся Прага, и даже до дальнѣйшихъ концевъ земли.

Сдѣлалъ Жито тридцать соломенныхъ жгутовъ и обратилъ ихъ въ свиней, да такихъ жирныхъ и откормленныхъ, что на диво. Выгналъ онъ ихъ пастись у рѣки, гдѣ паслись свиньи одного богатаго, но жаднаго пекаря, Михала. Съ завистью смотрѣлъ Михалъ на Житово стадо и очень обрадовался, узнавъ, что Жито дешево продаетъ его. Сговорились въ цѣнѣ, и Михалъ выплатилъ деньги. Передавая стадо, Жито предупредилъ Михала:

— Свинки славныя, видишь самъ; хорошо откормленныя только не выносятъ воды; помни это.

Но пекарь не обратилъ вниманія на слова Жита и погналъ купленное стадо черезъ рѣку вбродъ. Только что ступили свиньи въ рѣку, какъ нырнули, а на мѣсто ихъ выплыли соломенные жгуты и понеслись по теченію. Пекарь бѣгалъ по берегу, кричалъ и бранился, указывая на жгуты, что уплываютъ-де;—и уплыли. Взбѣшенный пекарь побѣжалъ искать Жита. Искалъ его на королевскомъ дворѣ, разспрашивалъ, кликалъ, и, наконецъ, нашелъ въ корчмѣ. Королевскій колдунъ сидѣлъ въ сводчатой горницѣ, въ углубленіи окна. Ноги протянулъ впередъ, спиной оперся о стѣну. Около него стояла пустая кружка, и онъ казалось, спалъ.

Разъяренный пекарь, увидавъ Жито, еще у дверей началъ кричать и браниться. Жито такъ спокойно спалъ, словно не крикъ раздавался въ комнатѣ, а жужжанье мухи. Пекарь подбѣжалъ къ Житу, началъ трясти его, но колдунъ не просыпался. Тогда въ сердцахъ, пекарь дернулъ его за ногу и поблѣднѣлъ, какъ полотно. Нога, вырванная изъ колѣннаго сустава, осталась у него въ рукахъ. Въ эту минуту проснулся Жито и, схвативъ пекаря за горло, повлекъ его на судъ. Приходилось покориться; увѣчье было налицо. Корчмарь и посѣтители видѣли, какъ пекарь вырвалъ ногу. Что было дѣлать? Ничего иного, какъ покорно попросить прощенія и заплатить за увѣчье.

Жито этимъ удовольствовался и дукаты сгребъ въ кошель. Потомъ взялъ ногу, поставилъ ее на мѣсто и твердымъ шагомъ, ни крошечки не хромая, вышелъ изъ суда какъ побѣдитель. То-то посмѣялись надъ одураченнымъ пекаремъ. Вѣсть о новой продѣлкѣ Жита облетѣла весь край, и пекарь сдѣлался притчей во языцѣхъ; даже пословица сложилась: «Выгадалъ какъ Михалъ на свиньяхъ».

* *
*

Вскорѣ послѣ того пришлось Житу пережить нѣсколько тяжелыхъ дней. Пріѣхалъ къ королю въ гости баварскій воевода, и чтобъ позабавить короля, привезъ фокусниковъ.

Вылѣзъ какъ мышь мокрый.

Баварскіе фокусники были люди опытные, бывалые и свое дѣло хорошо знали. Король ими тѣшился, но не забывалъ и своего Жита. Долженъ былъ Жито передъ воеводою показать свое искусство. И вотъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, баварцы тоже дѣлали; ни въ чемъ они не уступали, и Житу никакъ не удавалось пересилить ихъ. Злился Жито и, наконецъ, выдумалъ такую штуку, передъ которой иноземцы совсѣмъ спасовали.

На королевскомъ дворѣ устроенъ былъ помостъ, на которомъ фокусники, свои и пріѣзжіе, должны были передъ королемъ и его гостями, передъ всѣмъ дворомъ и Пражанами показывать свое искусство. Еще за обѣдомъ Жито продѣлалъ забавную штуку: На возвышенномъ мѣстѣ, за королевскимъ столомъ, сидѣли царственныя особы, ихъ гости и другіе вельможи; а ниже, за особымъ столомъ—королевскіе шуты, Жито и два пріѣзжихъ фокусника. Вдругъ подъ окномъ крикнулъ кто-то по-нѣмецки. Баварцы, сидѣвшіе у окна, встали и выглянули, чтобъ посмотрѣть, кто тамъ кричитъ. Тутъ-то они и попались.

Никого подъ окномъ не оказалось. Баварцы хотѣли снова сѣсть, но не тутъ то было; они не могли высвободить головъ изъ оконной ниши. Въ одно мгновеніе выросли у нихъ вѣтвистые оленьи рога, которые не допускали пошевелить головой. Въ бѣшенствѣ крутили они головами, но высвободиться не могли. Рога не пускали и отъ движенія стукались въ оконные своды.

То-то было шума и смѣха. Вячеславъ былъ очень доволенъ, что Жито отличился. Натѣшившись досыта, онъ приказалъ ему освободить баварцевъ.

Послѣ обѣда фокусники продѣлывали свои штуки на помостѣ, въ присутствіи несмѣтнаго количества зрителей. Всѣ дивились ихъ необыкновеннымъ, чисто дьявольскимъ фокусамъ. «Но гдѣ же Жито?» спрашивали всѣ другъ у друга. Сейчасъ тутъ былъ и исчезъ неизвѣстно куда. Видно, не угнаться ему за баварскими фокусниками, онъ и спря-

тался. Можетъ быть боялся, что король прикажетъ ему вступить въ состязаніе съ ними и онъ осрамится.

Вдругъ послышался за воротами голосъ Жита. Толпа заволновалась. Всѣ разступились, чтобы пропустить смуглаго черномазаго Жита въ красной одеждѣ. Жито вступилъ на помостъ и засучилъ рукава. Толпа насторожилась. Колдунъ засунулъ себѣ пальцы въ ротъ и сталъ растягивать его. Тянулъ, тянулъ и растянулъ пасть величины необычайной. Баварскіе фокусники смотрѣли на эти продѣлки, недоумѣвая, что будетъ дальше.

По знаку Жита, двое бывшихъ съ нимъ слугъ схватили самаго знаменитаго изъ баварскихъ фокусниковъ и подали его своему господину. Жито взялъ баварца словно куколку, расправилъ ему руки, и положилъ по бокамъ; потомъ, раскрывъ свою необычайную пасть, сталъ впихивать его туда головой впередъ. Баварецъ только ножками дрыгалъ. Но вотъ исчезли и ножки; остались только туфли, которыя Жито сбросилъ.

Зрители неистовствовали. Кричали, хлопали руками такъ что въ королевскомъ дворцѣ окна дрожали. Но вотъ Жито подвинулъ къ себѣ огромную кадку съ водою, стоявшую на помостѣ, и, наклонившись надъ нею, выплюнулъ баварца.

Баварецъ булькнулъ въ воду, которая высоко всплеснулась, повозился въ ней и вылѣзъ какъ мышь мокрый.

Зрители кричали, шумѣли и хохотали, держась за бока. Хохотали до слезъ, указывая на баварца, вылѣзавшаго изъ кадки. Вода текла съ него потоками и бѣдняга, совсѣмъ пристыженный, поспѣшилъ скрыться.

Тѣмъ и кончилось. Баварцы ничего ужъ не рѣшались дѣлать. Всѣ съ почтительнымъ страхомъ смотрѣли на Жито. Король подозвалъ своего знаменитаго колдуна и при всѣхъ похвалилъ его. Когда Жито сходилъ съ помоста, толпа встрѣтила его восторженными криками и торжественно проводила за ворота.

Таковъ былъ самый знаменитый фокусъ Жита. А передъ смертью-кумушкой онъ все таки спасовалъ; и не онъ ее, а она его одолѣла. Явился сатана, которому онъ продалъ свою душу и унесъ его въ свои владѣнія.

III.

О королѣ Вячеславѣ IV

Спокойствіе и порядокъ, которыми отличались первыя пятнадцать лѣтъ правленія Вячеслава IV были внезапно нарушены. Король не поладилъ съ думскими и земскими совѣтниками, сталъ на эти должности назначать своихъ любимцевъ, людей менѣе знатныхъ, и совѣтовался съ ними, не обращая вниманія на прежнихъ совѣтниковъ, которые, по стародавнему обычаю, назначались изъ потомковъ старѣйшихъ дворянскихъ родовъ.

Возбужденные противъ короля, дворяне вступили въ союзъ съ его братомъ Сигизмундомъ, королемъ венгерскимъ, и начались смуты. Дѣло зашло такъ далеко, что чешскіе паны схатили своего короля, когда онъ ѣхалъ изъ Жебрака

въ Прагу, отвезли его въ Староградскую ратушу и заперли въ темницу, извѣстную подъ названіемъ Шпинка.

Въ этой темницѣ король просидѣлъ пятнадцать недѣль, томился и сильно скучалъ.

Лѣто было жаркое. Около Св. Варѳоломея, король послалъ одного изъ караульныхъ къ думскимъ совѣтникамъ, испрашивая разрѣшеніе выкупаться въ одной изъ ближайшихъ къ тюрьмѣ бань. Совѣтники долго совѣтовались и, наконецъ, согласились.

Король получилъ разрѣшеніе ходить въ купальню у каменнаго моста, но не какъ король, а какъ простой обыватель, въ скромной одеждѣ и въ сопровожденіи четырехъ караульныхъ.

Караульные добросовѣстно исполняя свои обязанности, приняли всѣ мѣры, чтобы король не могъ уйти: одинъ караульный стоялъ у дверей, другой—стерегъ его платье, два остальные вошли съ нимъ въ воду. Выйдя изъ воды, король спросилъ своихъ стражей, не можетъ ли онъ выйти на галлерею освѣжиться; духота, дѣйствительно, была очень сильна.

Стражи разсудили, что безъ одежды королю убѣжать никакъ невозможно, и согласились. Завернувшись въ простыню, король вышелъ на галлерею у самой рѣки. Рѣка шумѣла, сверкая на солнцѣ. На другомъ берегу зеленѣли кусты и деревья, зеленѣлъ Петржинъ, блестѣли золоченые коньки королевскаго замка. Такъ хорошо было подъ яснымъ небомъ, на волѣ, все выглядѣло такъ весело и нарядно, озаренное жаркими лучами Божьяго солнышка, что король затужилъ пуще прежняго. Затужилъ больше, нежели у себя въ темницѣ.

Въ сторонѣ, у берега, привязанъ былъ челнъ; въ челнѣ лежали весла. Въ эту минуту вышла на галлерею женщина, служившая въ банѣ. Король знакомъ подозвалъ ее и шепотомъ спросилъ, умѣетъ ли она грести. Когда же она отвѣтила утвердительно, король шепнулъ:

— Перевези меня на другую сторону, и я щедро награжу тебя. Только живѣй, пока стражи мои не вышли изъ мыльной.

Король сбѣжалъ къ берегу, женщина—за нимъ. Онъ—въ лодку, она—въ лодку. Отвязала лодку, оттолкнулась отъ берега и принялась грести, что было мочи. Прежде чѣмъ караульные успѣли выйти изъ бани, челнъ присталъ къ другому берегу подъ прикрытіемъ нависшихъ надъ водою деревьевъ. Пловцы быстро выскочили и, пробираясь между кустами, вдоль рѣки, достигли деревни Хухли.

Тутъ сѣли снова въ челнъ и Сусанна, такъ звали банщицу, стала грести къ другому берегу, куда они и доплыли благополучно. Теперь король былъ въ безопасности. Лѣсъ и вечерняя мгла скрыли его. Заблудиться ему было трудно, т. к. охотясь въ этихъ мѣстахъ, онъ зналъ мѣстность вдоль и поперекъ. Спустя два часа бѣглецы уже стояли у края Кунратицкаго лѣса при подъемѣ на возвышенность, гдѣ находился новый королевскій замокъ и въ немъ гарнизонъ, преданный королю. Окна были освѣщены, и свѣтъ падалъ на темное пространство, окружающее замокъ. Когда сторожа, впопыхахъ, доложили бургомистру, что у воротъ замка стоитъ Его Милость самъ король, бургомистръ не хотѣлъ сначала вѣрить, но, убѣдившись, встрѣтилъ повелителя своего съ большимъ почетомъ, велѣлъ принести ему королевское платье и устроилъ пышный пиръ. На пиръ этотъ Вячеславъ пригласилъ Сусанну банщицу, а послѣ ужина подарилъ ей сто дукатовъ, прибавивъ:

— Это только за перевозъ; а за остальное я остаюсь твоимъ должникомъ.

И радовались бургомистры и вѣрные подданные Вячеслава, что король ихъ опять на свободѣ.

Вячеславъ не забылъ Сусанны. Когда онъ опять водворился на престолѣ и помирился съ совѣтниками, онъ велѣлъ уничтожить старую баню у моста и выстроить новую, роскошную, которую и отдалъ въ пользованіе Сусаннѣ съ придачею значительной ежегодной пенсіи, подтвердивъ, что все это въ награду за ея испытанную преданность.

Кромѣ того, всѣмъ содержателямъ бань онъ далъ грамоту, которою они приравнивались къ остальнымъ ремеслен-

нымъ цехамъ, приказавъ чтобы на ихъ цеховомъ значкѣ было изображено завязанное узломъ полотенце на золотомъ полѣ. Баня эта существуетъ у каменнаго моста и понынѣ, а Сусанну напоминаетъ изображеніе женщины въ бѣлой юбкѣ съ шайкой и вѣникомъ на проѣздной яркѣ мостовой башни.

* * *

Мысль короля Вячеслава, прежде такая ясная и веселая, начала замѣтно мутиться. Испытавъ много разочарованій, онъ сталъ недовѣрчивъ. Недовѣріе это особенно возросло съ тѣхъ поръ, какъ враги хотѣли его отравить, и только во-время данное противоядіе спасло его. Король остался живъ, но здоровье его было подорвано; внутренній жаръ его мучилъ, и онъ старался утопить его въ винѣ. Пилъ много, и когда кровь, разгоряченная виномъ, бросалась ему въ голову, на него находили припадки бѣшенства, доходившіе иногда до жестокости.

Мрачно было у него на душѣ. Со страхомъ думалъ онъ о будущемъ, и страхъ съ каждымъ днемъ увеличивался. Боялся своихъ вельможъ, венгерскаго короля своего брата, его союзниковъ. Боялся тяжкихъ споровъ за вѣру, раздѣлявшихъ королевство на враждебныя партіи; недоумѣвалъ, что изъ всего этого выйдетъ, чѣмъ все кончится и что станется съ нимъ самимъ.

Мрачныя мысли одолѣвали короля особенно ночью во время безсонницы. Въ одну изъ такимъ мучительныхъ ночей велѣлъ онъ позвать своего придворнаго астролога, ученаго магистра. Угрюмо сидѣлъ Вячеславъ въ своей опочивальнѣ у окна, выходившаго на дворцовую площадь. Отсюда виденъ былъ недостроенный храмъ Св. Вита, въ лѣсахъ.

Вошелъ придворный астрологъ въ темной одеждѣ. Король знакомъ подозвалъ его къ окну.

— Можешь ли угадать будущее? спросилъ онъ мрачно. Скажи, что со мною будетъ, что меня ожидаетъ.

Старый магистръ, подумавъ съ минуту, протянулъ руку по направленію неоконченнаго храма и его высокой башни, чернѣвшей на фонѣ звѣзднаго неба.

— Да стережется Твоя Милость этой башни.

— Почему?—тревожно спросилъ король.

— Въ звѣздахъ начертано и Предвѣчнымъ Судіею установлено, что Ты умрешь передъ*) Святовитской башней.

— Какимъ образомъ? Обрушится она на меня, или упадетъ съ нея камень и размозжитъ мнѣ голову? Говори.

Но астрологъ не могъ сказать ничего болѣе; звѣзды безмолвствовали. Раздраженный король всталъ и гнѣвно крикнулъ:

— А если я разрушу эту башню, тогда что?

— Объ этомъ мнѣ ничего не извѣстно, милостивый повелитель мой.

— Такъ знай, ученый магистръ,—и король засмѣялся недобрымъ смѣхомъ;—башню я разрушу, и когда она исчезнетъ, трудно мнѣ будетъ умереть передъ нею.

Тутъ же онъ призвалъ старшаго строителя, и не обращая вниманія на его удивленіе, скорбь и ужасъ, приказалъ немедленно приступить къ сломкѣ башни. Едва разсвѣло, король велѣлъ осѣдлать коня и уѣхалъ съ нѣсколькими придворными изъ Градчанъ въ Новый замокъ у Кунратицъ.

Каменщики неохотно принялись за работу. Тяжело имъ было разрушать прекрасную башню. Тихо шла работа, но башня всетаки убывала.

Король все сидѣлъ въ Кунратицкомъ замкѣ; былъ задумчивъ и скученъ; даже охота не тѣшила его. Важныя новости приходили въ его затишье. Волненіе умовъ охватило все королевство; на горахъ собирались сходки; словомъ—все предвѣщало великую смуту.

Шли дни за днями. Въ воскресенье, 30-го іюля, послѣ полудня, прискакалъ гонецъ изъ Праги и сообщилъ королю, что утромъ была процессія «подобоевъ»**) во главѣ съ свя-

*) На чешскомъ языкѣ игра словъ „передъ“ означаетъ также „прежде“ „раньше“.

**) Послѣдователи Гуса, признававшіе причастіе только *подъ обоими* видами, т.-е. Тѣла и Крови Христовой.

щенникомъ Яномъ Желивскимъ, который несъ Тѣло Іисусово.

Процессія взяла силою костелъ Св. Стефана, а послѣ богослуженія направилась къ Новоградской ратушѣ, требуя освобожденія всѣхъ тѣхъ, которые во время религіозныхъ смутъ попали въ темницу. Думскіе совѣтники не хотѣли и слышать объ этомъ. Тогда толпа ворвалась въ ратушу, схватила совѣтниковъ и выбросила ихъ изъ высокихъ оконъ на улицу. Здѣсь ихъ приняли на ножи и копья и умертвили всѣхъ до единаго.

Услышавъ это извѣстіе, король поблѣднѣлъ и затрясся. Отъ волненія онъ долго не могъ выговорить слова. Вдругъ изъ груди его вырвался дикій крикъ, и онъ упалъ, пораженный ударомъ. Вскорѣ его не стало.

Такъ и случилось, какъ предсказалъ астрологъ; король умеръ передъ (т.-е. раньше) Святовитской башней, которую не успѣли еще разрушить; королевская смерть сохранила ее.

Съ радостью побросали каменщики свое постылое дѣло, но часть башни была уже разрушена, и много позднѣе возведенная вновь ея вершина, на взглядъ, сильно отличается отъ общаго характера постройки.

* * *

Король Вячеславъ не имѣлъ и послѣ смерти покоя. Только спустя нѣсколько лѣтъ прахъ его былъ перенесенъ и положенъ около его болѣе счастливаго отца. Тихо было въ королевской гробницѣ, тихо и надъ нею, кругомъ и около. Не стучали топоры и молоты, не скрипѣли пилы на лѣсахъ, окружающихъ недостроенный храмъ. Въ каменоломняхъ было пусто. Не громыхали возы съ пескомъ и камнями, не раздавался говоръ рабочихъ ни вверху, ни внизу. Постройка величественнаго храма, начатая Карломъ, остановилась надолго, почти на цѣлое столѣтіе.

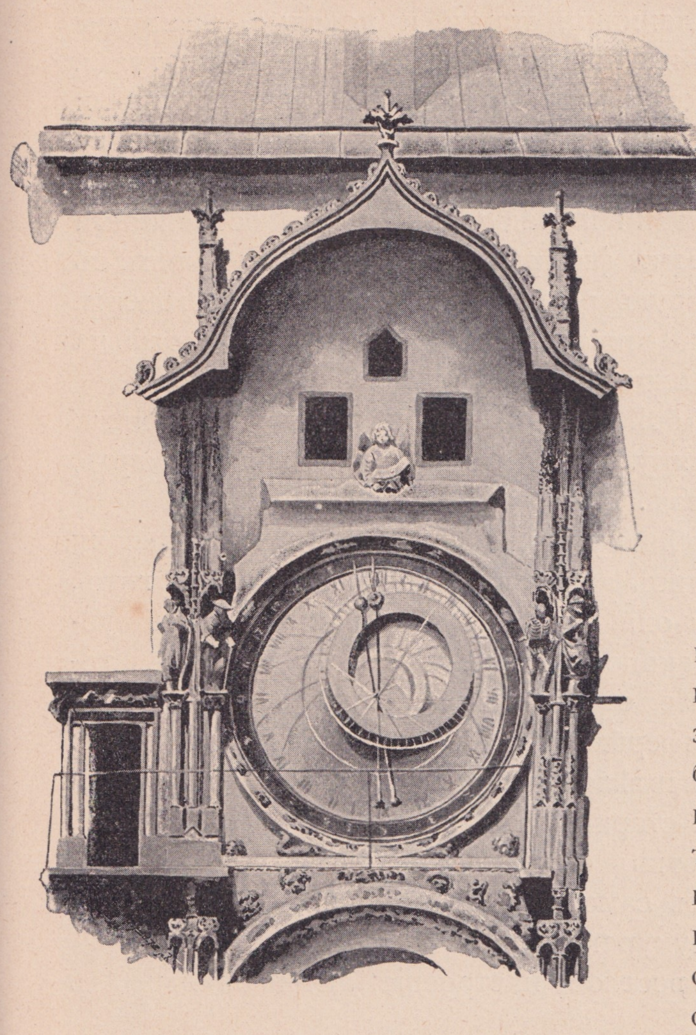
Люди, однако, вѣрили, что такъ не будетъ длиться, что храмъ будетъ оконченъ въ томъ видѣ, какой хотѣлъ придать ему Карлъ IV, и что достроитъ его великій и мощный

правитель. Окончивъ храмъ Св. Вита, правитель этотъ выгонитъ навѣки—вѣчные турокъ изъ Европы, возьметъ Царьградъ и водворитъ Христіанское богослуженіе въ соборѣ Св. Софіи.

Леопольдъ I, римскій императоръ и чешскій король, узнавъ объ этомъ старинномъ пророчествѣ и мечтая выгнать турокъ изъ Европы, рѣшился докончить храмъ Св. Вита, чтобы пророчество могло исполниться.

Уже приложилъ онъ руку къ окончанію Карлова дѣла, уже начали дѣлаться приготовленія къ постройкѣ, какъ вдругъ турки вторглись въ Венгрію, и чтобы отразить ихъ, онъ долженъ былъ пожертвовать на военныя надобности суммы, приготовленныя для постройки.

IV

Башенные часы.

Ни сеймъ народный не собирался въ Староградской ратушѣ, ни земскій сходъ, ни тяжба особенно интересная не разбиралась тамъ, а народъ валомъ валилъ къ ратушѣ и не въ какой-нибудь опредѣленный часъ, а отъ утра до вечера не переставая. Кто приходилъ, тому не хотѣлось уходить, стоялъ и ждалъ часъ за часомъ, и не на вольной волюшкѣ, а среди толпы, которая отовсюду тѣснила его.

Стремились всѣ къ ратушѣ потому, что на ея башнѣ появилось диво-дивное—новые часы.

Повсюду говорили о нихъ; въ королевскомъ дворцѣ, въ городахъ и мѣстечкахъ, въ панскихъ замкахъ и крестьянскихъ хижинахъ, въ корчмахъ и на улицахъ, словомъ, всюду толковали о томъ, что староградскіе часы такъ необыкновенны, что другихъ такихъ и на свѣтѣ нѣтъ.

Горожане и ремесленники, старые и молодые, женщины и студенты—всѣ останавливались передъ башней ратуши, поднимались на цыпочки, вытягивали шеи и выпучивали глаза на огромный циферблатъ съ 24 цифрами, по числу часовъ въ сутки, смотрѣли на кругъ подъ циферблатомъ съ знаками зодіака, кругами и радіусами; и въ особенности на стоявшія по сторонамъ фигуры смерти, турка и скряги съ мѣшкомъ денегъ. Вокругъ ратуши не умолкали разговоры, восклицанія, и все это сливалась въ общій гулъ похожій на шумъ прорвавшейся плотины.

Но вотъ раздался бой часовъ, и толпа мгновенно стихла. Множество рукъ протянулось къ часамъ, указывая на смерть, которая била въ набатъ.

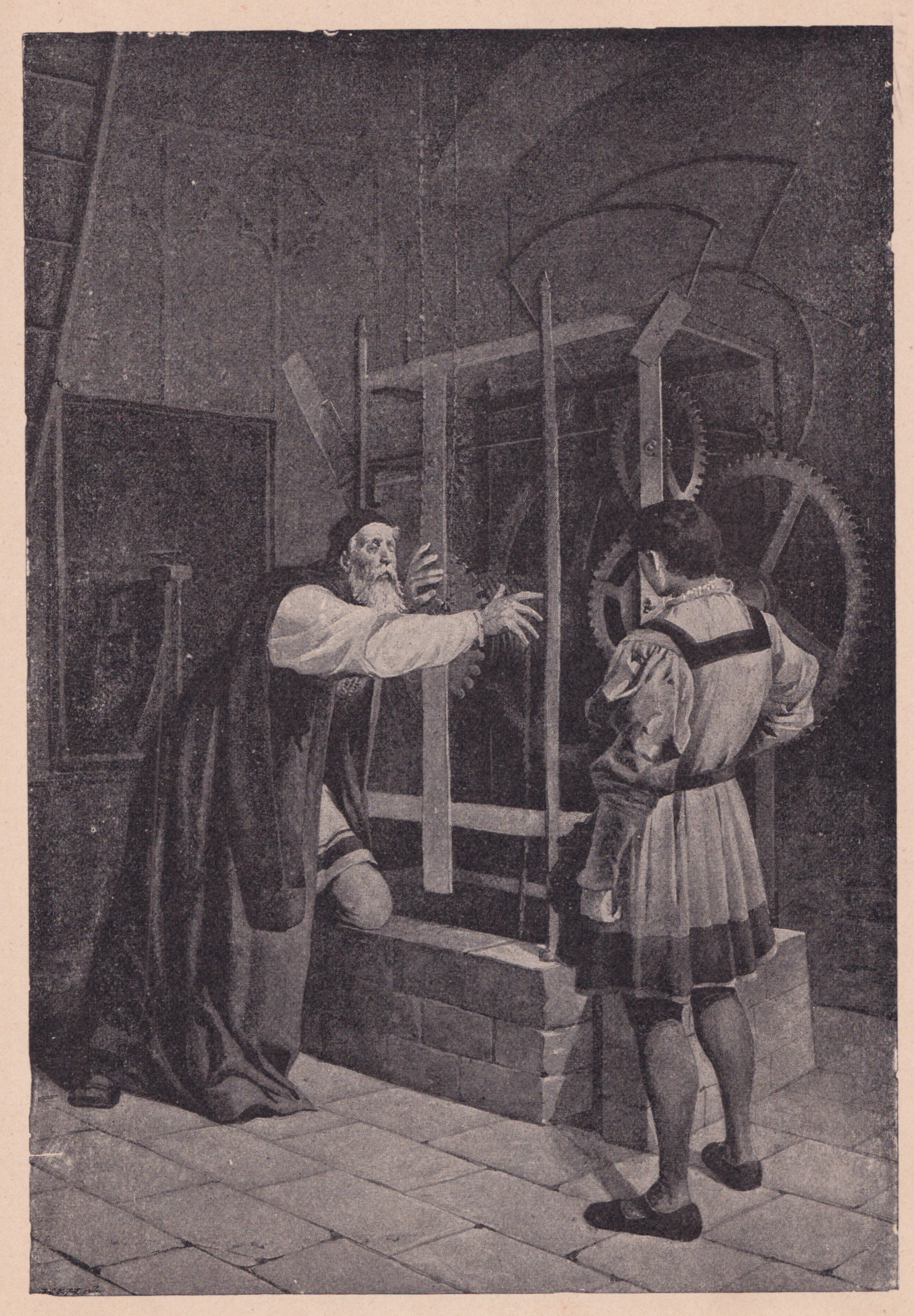
И вдругъ, ко всеобщему удивленію, отворились наверху два оконца и показалисъ апостолы. Шли одинъ за другимъ, всѣ двѣнадцать. Шли они отъ запада къ востоку, повернувшись къ народу, и, наконецъ прошелъ самъ Христосъ, благословляя толпу. Многіе снимали шапки, иные крестились. Статуи по бокамъ циферблата тоже пришли въ движеніе: скряга съ мѣшкомъ вертѣлся и корчился, смерть открывала костлявыя челости, а старикъ, возлѣ нея, крутилъ головой, словно протестуя противъ ея власти.

Но вотъ открылось самое верхнее оконце; въ немъ появился пѣтухъ и закукурекалъ.

Толпу охватило веселое настроеніе; люди смѣялись и весело покрикивали.

Шумѣла и гудѣла толпа непрерывно, какъ бурливый потокъ. Всѣ говорили о строителѣ часовъ какъ о человѣкѣ одаренномъ особымъ Божьимъ даромъ и превознесенномъ надъ другими людьми; называли магистра Гануша. Онъ то и создалъ эту необыкновенно хитромудрую вещь.

Доктора и магистры въ темныхъ плащахъ и беретахъ, стоявшіе около часовъ тоже хвалили мастера. Стояли тутъ важныя лица, и худыя и толстыя, говорили по-латыни и по чешки, и все о кругахъ и знакахъ. Глядя на пѣтуха, смерть и прочія статуи, они презрительно ульбались, говоря,

Не долго поработали въ механизмѣ костлявые пальцы.

что эти пустыя игрушки годны только для потѣхи простого люда, что часы и безъ этихъ фокусовъ поражаютъ своимъ механизмомъ, особснно по части астрономіи, показывая движеніе солнца, градусъ на которомъ оно находится ежедневно, часъ, въ который восходитъ и заходитъ. Еще показываютъ они какъ высоко солнце стоитъ надъ горизонтомъ, насколько отдалено оно отъ насъ зимою и насколько близко къ намъ лѣтомъ.

Ученый магистръ, дававшій эти объясненія студентамъ, умолкъ. Изъ ратуши вышли думскіе совѣтники съ бургомистромъ во главѣ и направились къ часамъ. Толпа разступилась. Всѣ, простой людъ, магистры, бакалавры и студенты устремили взоры на совѣтниковъ, и въ особенности на старѣйшаго изъ нихъ въ темной магистерской одеждѣ. Онъ шелъ возлѣ бургомистра, тихо ступая и имѣлъ блѣдное лице и темные волосы.

Толпа заволновалась. Всякому хотѣлось протискаться впередъ, т. к. обнаружилось, что пожилой блѣднолицый магистръ былъ никто иной, какъ самъ Ганушъ, строитель необыкновенныхъ часовъ.

Магистры почтительно привѣтствовали своего знаменитаго сочлена. Тотъ застѣнчиво кланялся и благодарилъ. Когда совѣтники остановились противъ башни, Ганушъ принялся объяснять имъ устройство часовъ.

Говорилъ о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, о знакахъ зодіака, шести надъ землею и шести подъ землею.

Еще объяснялъ магистръ Ганушъ ту часть часовъ, которая замѣняла календарь, обозначая простыми и золотыми буквами обыкновенные дни и праздники.

Всѣ внимательно слушали; магистры и доктора важно кивали головами.

Когда магистръ Ганушъ кончилъ, начались громкія привѣтствія и поздравленія. Онъ держалъ себя такъ, какъ будто дѣло не его касалось и предложилъ сановникамъ и магистрамъ пойти въ башню, чтобъ посмотрѣть механизмъ поближе, попросивъ ихъ обратить вниманіе на то, какъ колеса будутъ дѣлать свое дѣло, какъ каждому изъ нихъ указано.

Пошли; и когда посмотрѣли на колеса большія и малыя, на рычаги, вѣсы, и, вообще, на весь хитрый механизмъ, то не мало подивились, какъ это людская голова могла все это выдумать, разсчитать, размѣстить колеса и колесики, шипы и винтики, каждому найти надлежащее мѣсто.

Удивились еще больше, когда Ганушъ показалъ четыре страны свѣта, изъ которыхъ каждая имѣла свой механизмъ. Особенно поражала четвертая часть, самая замысловатая, съ календарнымъ колесомъ, имѣвшимъ 365 зарубокъ. Колесо это, двигаясь на одну зарубку въ день, совершало свой оборотъ одинъ разъ втеченіе года.

И весь этотъ сложный механизмъ работалъ правильно и стройно, словно бы одаренъ былъ разумомъ и душою. Разумъ строителя направлялъ его. Только магистръ Ганушъ зналъ въ подробности свой механизмъ, только одинъ онъ. Состоявшій въ числѣ думскихъ совѣтниковъ часовщикъ откровенно признался, что онъ ничего тутъ не понимаетъ и что все это создано мастеромъ по вдохновенію. Онъ же, хоть и старый опытный часовщикъ, но если бы ему поручили управлять этимъ механизмомъ, онъ навѣрно сошелъ бы съ ума.

Одинъ изъ университетскихъ магистровъ прибавилъ, что онъ былъ въ Италіи и во Франціи и видѣлъ много часовъ, но такихъ не видывалъ нигдѣ.

— Я смѣло утверждаю, что во всемъ свѣтѣ до сихъ поръ не было такихъ часовъ, добавилъ онъ, развѣ что магистръ Ганушъ гдѣ нибудь теперь устроитъ ихъ.

Бургомистръ смутился и переглянулся съ совѣтниками. У всѣхъ въ головѣ была одна и тоже мысль. А магистръ Ганушъ скромно замѣтилъ, что онъ счастливъ и благодаритъ Бога, который помогъ ему привести къ благополучному окончанію это сложное дѣло.

Бургомистръ удалился изъ башни далеко не въ томъ настроеніи, въ какомъ пришелъ. Запала ему въ голову тревожная мысль; и не одному ему, а и другимъ думцамъ: Ну какъ Ганушъ соорудитъ такую же штуку для другихъ городовъ и не придется Прагѣ величаться своей диковинкой.

Слухъ о чудныхъ Пражскихъ часахъ разошелся по всей чешской землѣ; дошелъ и до чужихъ краевъ. Кто ни пріѣзжалъ въ Прагу, всѣ спѣшили подивиться на башенные часы, и каждый вернувшись домой, разсказывалъ о ихъ чудномъ механизмѣ.

Явились къ магистру Ганушу изъ разныхъ мѣстъ чешскихъ и чужеземныхъ предложенія соорудить такіе же часы. Страхъ напалъ на бургомистра и думскихъ совѣтниковъ. Они ни за что не хотѣли допустить, чтобы такіе часы появились въ другихъ странахъ. Прага одна должна была имѣть ихъ на диво всему міру.

И сошлись совѣтники на тайное совѣщаніе; толковали такъ и этакъ. Прослышали они, что Ганушъ далъ себя обойти чужеземцамъ, прельстился ихъ золотомъ, и уже работаетъ надъ новыми часами, еще болѣе хитрыми, чѣмъ эти. Не въ мочь стало совѣтникамъ, и чтобъ обезпечить себя, они задумали злодѣйское дѣло.

* *
*

Магистръ Ганушъ сидѣлъ въ своей мастерской у большого стола и чертилъ на листѣ бумаги какой то сложный проэктъ. Двѣ свѣчи горѣли на столѣ, окна закрыты были ставнями, въ печкѣ пылалъ огонь. Была ночь; на улицѣ темно и пусто; въ домѣ тихо. Не слышно было ни единаго звука.

Магистръ такъ углубился въ свою работу, что не слыхалъ какъ снаружи заскрипѣли ступени подъ чьими то шагами. Отворились двери и три человѣка, замаскированные и закутанные въ плащи съ ногъ до головы, вошли въ комнату. Магистръ, пораженный, спросилъ у вошедшихъ, что имъ нужно. Но вмѣсто отвѣта, они бросились на него, погасили свѣчи и, зажавъ ему ротъ, потащили къ пылающему камину...

Въ домѣ всѣ спали. Никто не слышалъ, что дѣлалось наверху въ помѣщеніи магистра. Никто не видѣлъ, какъ замаскированные люди пришли и какъ они ушли. Мелькнули точно тѣни и исчезли въ ночной темнотѣ.

Утромъ увидали слѣды ихъ и ихъ гнуснаго дѣла. Нашли магистра, лежащаго безъ чувствъ съ завязанными глазами. Вскорѣ все стало ясно; злодѣи ослѣпили несчастнаго магистра и завязали ему глаза.

Вѣсть объ ужасномъ злодѣяніи облетѣла Прагу. Съ негодованіемъ говорили о злодѣяхъ, но напрасно искали ихъ. Словно въ землю они провалились. Люди таинственно шептались, передавая другъ другу, что сказалъ магистръ Ганушъ когда пришелъ въ себя: чтобы злодѣевъ тѣхъ не искали, что ихъ не найдутъ, хотя они и близко.

Больше онъ ничего не сказалъ, хотя всѣмъ казалось, что онъ могъ бы сказать. Грустный, какъ слѣпая птица въ уголкѣ курятника, сидѣлъ бѣдный слѣпецъ въ углу своей мастерской, гдѣ бывало онъ такъ много и такъ плодотворно работалъ. Недвижно стояли его аппараты, на стѣнѣ висѣли пилки, напильники и другіе инструменты, и пыль слоями ложилась на книги, пергаменты съ вычисленіями и чертежами. Все для него погрузилось въ глубокую тьму. Потухшіе глаза ничего не видѣли; не видѣли даже свѣта. Мучился бѣдный Ганушъ, скучалъ по работѣ, которая была его жизнью. Безъ нея онъ чахнулъ и умиралъ медленною смертью.

Съ горечью думалъ онъ о неблагодарности своихъ согражданъ. Словно огненными буквами врѣзались ему въ мозгъ слова одного изъ злодѣевъ: «теперь ты никому такихъ часовъ не сдѣлаешь».

Одно желаніе было теперь у магистра: чтобы скорѣе ему наступилъ конецъ. Позвавъ одного изъ бывшихъ своихъ учениковъ, онъ съ помощью его поплелся въ башню.

Передъ башней собралась толпа въ ожиданіи боя часовъ. Пришелъ знаменитый магистръ, но никто не узналъ его, такъ онъ измѣнился. Щеки ввалились, борода и волосы посѣдѣли. Попавшіеся ему у ратуши нѣсколько думцевъ отъ него отвернулись. Ни одинъ не встрѣтилъ его, хотя онъ и послалъ сказать, что придумалъ усовершенствованіе въ вѣсахъ, которое придетъ приладить самъ.

Поднявшись въ башню, Ганушъ велѣлъ ученику подвести себя къ самой сложной четвертой части. Онъ не могъ видѣть ни колесъ, ни колесиковъ, ни шиповъ, ни винтиковъ; но онъ хорошо слышалъ какъ они ходили и исправно работали.

И стоялъ слѣпецъ больной и хилый, преждевременно посѣдѣвшій, стоялъ сгорбившись около своего творенія, слушалъ его голосъ и думалъ о людской неблагодарности, о совѣтникахъ, которые за его великую заслугу отплатили ему слѣпотою; ради безумнаго хвастовства не пожалѣли его и совершили надъ нимъ свое жестокое гнусное дѣло.

Снаружи раздался бой часовъ; смерть звонила; смерть звала. Наступила пора выхода апостоловъ...

Ганушъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Поднявъ правую руку надъ механизмомъ, онъ замеръ. Потомъ сдѣлавъ шагъ впередъ всунулъ руку во внутрь.

Онъ такъ хорошо зналъ механизмъ, что и безъ помощи глазъ могъ найти, что ему было нужно.

Не долго поработали въ механизмѣ костлявые пальцы. Вдругъ колеса безпорядочно завертѣлись, и весь механизмъ словно потрясенный, взволновался, захрипѣлъ, задребезжалъ, засопѣлъ, зашипѣлъ, и . . . сталъ!

Сразу все стихло. Колоколъ умолкъ, апостолы остановились на полпути, всѣ фигуры замерли . . . пѣтухъ не кукурикнулъ.

Толпа, стоявшая у башни, подняла шумъ и крикъ. Совѣтники изъ ратуши бросились въ башню . . . Механизмъ безмолвствовалъ, а возлѣ него, на полу, лежалъ творецъ его, блѣдный, безъ движенія. Едва успѣли донести его домой, онъ испустилъ духъ.

А часы стояли, и никто не могъ исправить ихъ*).

---

*) Позднѣе часы эти были исправлены и улучшены. Они дѣйствуютъ на Пражской ратушѣ и понынѣ.

V.

О Далиборѣ изъ Козоедъ.

Втеченіе многихъ лѣтъ было тихо и скучно въ замкѣ Св. Вячеслава на Градчанахъ. Запустѣлъ онъ въ смутное время гуситскихъ войнъ; храмъ Св. Вита былъ ограбленъ, а роскошныя палаты Карла IV больше и больше приходили въ упадокъ. По временамъ, когда король, снизу, изъ стараго города наѣзжалъ со своимъ дворомъ, замокъ не надолго оживлялся.

Бывалъ тамъ изрѣдка молодой Владиславъ Погробекъ и славный его наслѣдникъ, король Юрій, блаженной памяти. Затѣмъ Владиславъ II Ягеллонъ. Всѣ они наѣзжали на самое короткое время. Но затѣмъ наступила большая перемѣна. Владиславъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго правленія нашелъ, что его староградскій замокъ не достаточно надеженъ и рѣшилъ переселиться въ старинное гнѣздо королей чешскихъ на Градчанахъ. Запущенный замокъ былъ обновленъ и украшенъ, сдѣланы пристройки, въ томъ числѣ великолѣпная тронная зала. Въ соборѣ Св. Вита устроена была королевская часовня, отдѣланная изящными скульптурными украшеніями. Голыя стѣны храма король также повелѣлъ отдѣлать роскошно.

Въ королевскихъ покояхъ появилась дорогая мебель, картины, французскія обои. Въ одной изъ палатъ висѣли портреты королей и князей чешскихъ.

Но не объ одномъ дворцѣ заботился король. Онъ также украшалъ и укрѣплялъ городъ. По его приказанію исправили стѣны, углубили рвы, повысили валы; на Михульцевой башнѣ сдѣлали очень высокую кровлю, покрыли ее полированными кафелями, а на конькѣ водрузили серебрянаго льва.

Вскорѣ послѣ того Владиславъ велѣлъ за домомъ наивысшаго бурграфа, близъ заднихъ воротъ надъ Оленьимъ овра-

гомъ, выстроить для охраны укрѣпленій высокую круглую башню. Въ этой башнѣ устроили три тюрьмы, одна надъ другою. Самая нижняя находилась подъ землею и была безъ оконъ и дверей. Заключенныхъ спускали туда на веревкѣ, черезъ отверстіе въ средней тюрьмѣ.

Башня отстроилась, но заключенныхъ въ ней еще не было. Не было у нея и названія, которое она должна была получить отъ перваго заключеннаго, переступившаго ея порогъ. Не долго, впрочемъ, оставалась она безъ названія.

Въ ту пору много терпѣлъ отъ возмутительнаго безправія сельскій людъ. Паны и земаны притѣсняли его и налагали непосильную барщину. Людямъ стало не въ моготу. Многіе побросали дома, родныя деревни, бѣжали въ лѣсъ и дѣлались разбойниками. Иные бунтовались противъ пановъ своихъ.

Крестьяне пана Адама Плосковскаго изъ Драгоницъ тоже взбунтовались. Панъ Адамъ былъ крутъ и изобрѣтателенъ на всякія притѣсненія. Напали крестьяне на его укрѣпленный замокъ и вломились въ него. Панъ жестоко оборонялся, но нападающіе осилили его, ранили и взяли въ плѣнъ. Чтобы сохранить свою жизнь, онъ далъ имъ вольную запись и честью завѣрялъ, что не будетъ жаловаться.

Въ сосѣдствѣ владѣтеля Плосковскаго жилъ въ своемъ укрѣпленномъ замкѣ молодой земанъ, Далиборъ изъ Козоедъ, потомокъ стариннаго знаменитаго рода. Его предокъ вмѣстѣ съ своимъ повелителемъ палъ въ битвѣ при Креси (во Франціи).

Къ этому то Далибору пришли освобожденные крестьяне пана Адама и объявивъ, что они овладѣли замкомъ Плосковскимъ, просили Далибора принять его, а вмѣстѣ и ихъ въ свое подданство, обѣщая во всемъ ему повиноваться, какъ своему избранному и милостивому господину. Они знали, что Далиборъ уже не разъ принималъ угнетенныхъ, помогалъ имъ и защищалъ.

Узнавъ, что у Плосковскихъ крестьянъ есть вольная запись отъ прежняго пана, молодой владыка охотно ихъ при-

нялъ. Но панъ Адамъ не такъ то охотно уступилъ свои права. Несмотря на запись и честное слово, онъ нарушилъ то и другое и обратился къ помощи правительства.

Земаны обвинили Далибора въ своеволіи, а крестьянъ въ бунтѣ, собрали милицію литомиржицкаго края и приступили къ дѣлу.

Многочисленные отряды милиціи ударили на бунтовщиковъ, многихъ убили, многихъ схватили и жестоко наказали; Далибора, ихъ союзника, также взяли. Такимъ образомъ, великодушный защитникъ притѣсненнаго люда самъ попалъ въ оковы. Въ оковахъ его свезли въ Прагу и ввергли въ среднюю темницу новой круглой башни.

Далиборъ былъ первымъ узникомъ, переступившимъ порогъ башни; его именемъ и назвали ее. Въ Прагѣ только и разговоровъ было, что о молодомъ земанѣ, о башнѣ, которой онъ далъ свое имя, и о причинѣ, почему онъ туда попалъ. Кичливые паны были рады: по дѣломъ-де ему, не мирволь непокорнымъ мужикамъ.

Тяжело и скучно было Далибору въ башнѣ. Сводчатая горница съ толстыми стѣнами и маленькими окошками замѣняла ему его владѣнія. Прежде, изъ своего замка на возвышенности, онъ могъ обозрѣвать большое пространство. Теперь же едва видѣлъ кусочекъ неба вверху и глубокій заросшій ровъ, внизу. Листья уже краснѣли; наставала тоскливая осень.

Тихо было въ башнѣ, и тихо кругомъ. Птицы умолкли; только вѣтеръ шумѣлъ между деревьями и кустами. Короткій осенній день казался въ тюрьмѣ длиннымъ, а длинная ночь—безконечною. Тоска и печаль грызли сердце молодого земана.

Въ тѣ времена заключенные сами должны были добывать себѣ пропитаніе. Кто не имѣлъ средствъ, или не получалъ помощи отъ близкихъ, терпѣлъ голодъ. Для неимущихъ—десятскіе собирали подаяніе. Одно время существовалъ обычай водить заключеннаго на цѣпи по городу изъ дома въ домъ для выпрашиванія подаяній. Вывѣшивались также изъ

Очарованные слушатели не могли оторваться отъ башни.

окна тюрьмы мѣшечки, въ которые доброхотные датели клали пищу и деньги.

Далиборъ старался съэкономить деньги, получаемыя на продовольствіе, чтобы купить скрипку. Получивъ ее, онъ началъ играть. Прежде онъ смычка въ руки не бралъ, а теперь изъ рукъ не выпускалъ; учился играть, игралъ безъ отдыха; и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше, чище и пріятнѣе становились звуки, и время шло быстрѣе.

Тюремщики и караульные часто стояли за дверьми и слушали. Многіе изъ городскихъ властей и чиновниковъ тоже приходили послушать какъ научился Козоедскій земанъ играть въ темницѣ. Когда о томъ узнали въ городѣ, стали приходить на валъ сперва любопытные, потомъ Ѳомы невѣрные. День ото дня приходило народу больше и больше; зачастую собиралась цѣлая толпа съ обѣихъ сторонъ башни.

Наступила весна. Подулъ теплый вѣтерокъ. Древесныя почки стали лопаться и распускаться. Петржинъ и окрестныя вершины зазеленѣли, зазеленѣлъ и Оленій оврагъ. Вездѣ и всюду зазвучали сладкіе весенніе звуки. Но и пѣніе пташекъ показалось ничтожнымъ въ сравненіи съ чудными звуками, которые лились изъ башни. Скрипка пѣла, стонала и плакала въ рукахъ искуснаго музыканта. Толпа въ волненіи слушала; не мало глазъ увлажнялось слезами.

Подчасъ раздавались изъ башни духовныя мелодіи, молитвенные напѣвы. Въ нихъ звучала покорность судьбѣ и надежда на милосердіе Божіе. Иногда слышались веселые мотивы, застольныя или воинственныя пѣсни.

Часто Далиборъ наигрывалъ старинныя пѣсни о королѣ Янѣ и о рыцаряхъ погибшихъ съ нимъ. Въ ихъ числѣ былъ славный предокъ несчастнаго плѣнника.

Очарованные слушатели не могли оторваться отъ башни; и когда изъ окна спускался грубый холщевый мѣшокъ, всѣ охотно клали туда свою лепту. Сначала думали, что земанъ живетъ на свои средства, но потомъ убѣдились, что пришла къ нему нужда. Не хотѣлъ знатный панъ ходить по городу и просить милостыню, а помощи ни откуда не получалъ. Ни-

чего у него не осталось, кромѣ скрипки, и скрипка выручала его: спущенный мѣшокъ всегда возвращался къ нему наполненный деньгами и иными дарами. Слушатели рады были чѣмъ нибудь утѣшить бѣднаго рыцаря. Кто подавалъ ему мягкую подушку подъ голову, кто одѣяло; а о пищѣ и напиткахъ и говорить нечего. Зато какъ услаждалъ онъ своею игрою этихъ добрыхъ людей, когда подъ вечеръ они собирались у башни. Съ какимъ волненіемъ они слушали, а потомъ, расходясь, толковали, что никто во всей Прагѣ не играетъ такъ, какъ этотъ земанъ. Нужда научила Далибора этому искусству. Днемъ игралъ онъ для людей, а для себя часто и ночью.

Когда утихалъ городской шумъ и синеватыя облака застилали небо, когда въ кроткомъ свѣтѣ луны купались кусты и деревья въ Оленьемъ оврагѣ—изъ круглой башни начинали раздаваться звуки Далиборовой скрипки. Слезы были въ тѣхъ звукахъ, слезы и скорбь, а подчасъ и грозныя вспышки гнѣва. Облегченіе доставляли они, но не освобожденіе. До Бога было высоко, до короля далеко, а паны не имѣли жалости.

Долгое время сидѣлъ Далиборъ въ своемъ заключеніи; наконецъ, призвали его къ суду. Судъ во всемъ своемъ составѣ обвинилъ его въ захватѣ чужого имѣнія и призналъ поступокъ его незаконнымъ и неблагороднымъ. Его приговорили къ смерти.

Такъ ему и объявили. Не только не позволили ему оправдаться, но даже не захотѣли слушать. Кто первый допустилъ возмутительное безправіе и взбунтовалъ народъ? вопрошали они. Тогда какъ онъ, Далиборъ, только за несчастный народъ заступился. Но развѣ они одобряли такое заступничество? Напротивъ, эта то заслуга и была въ ихъ глазахъ преступленіемъ!

Приговоръ постановили, но день и часъ исполненія его скрыли.

Въ ночь передъ казнью, въ послѣдній разъ огласилась мрачная тюрьма звуками Далиборовой скрипки. Прозвучали они точно стонъ—и замерли надъ Оленьимъ оврагомъ....

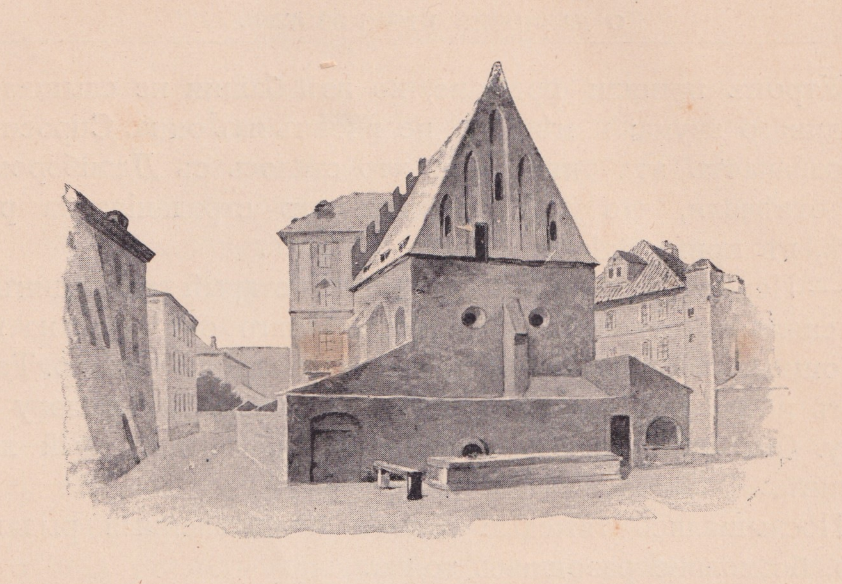
Утромъ пришли пражане, но изъ башни не слышалось ни единаго звука; и мѣшокъ не висѣлъ изъ окна. Спросили, что означаетъ эта тишина, и что сталось съ Далиборомъ? Имъ отвѣчали, что уже кончились его страданія; на разсвѣтѣ, въ пригородѣ, онъ былъ казненъ.

— Передъ уходомъ,—разсказывалъ старый тюремщикъ,— онъ снялъ со стѣны свою скрипку, долго смотрѣлъ на нее и прощался съ нею. Бодро онъ шелъ на лобное мѣсто. Тамъ всталъ на колѣни и положилъ свою кудрявую голову на плаху. Окончилъ жизнь мужественно, какъ истинный христіанинъ.

Послышались тяжелые вздохи и сдавленныя рыданія. Тихо, безмолвно разошлась толпа.

А башня у заднихъ городскихъ воротъ и до сихъ поръ стоитъ незыблема, и воспоминаніе о несчастномъ земанѣ и искусномъ скрипачѣ неразрывно связано съ нею.

VI.

Жидовскій городъ.

Жидовскій городъ былъ частью Стараго города. Онъ прилегалъ къ нему, почти сливался съ нимъ, но въ то же время былъ совершенно обособленъ. Его отдѣляли шестеро воротъ, которыя во время страстной недѣли должны были стоять запертыми и днемъ и ночью. За этими воротами все было не такъ, какъ въ остальномъ городѣ: постройки ветхія, больше изъ дерева, чѣмъ изъ камня, стиль старый; какія то странныя пристройки, выступы, крылечки, темные смрадные дворики. Улицы тоже странныя, узкія, кривыя, извилистыя, и всѣ немощеныя. Обыватели тоже особенные; иного облика и иного языка. Одеждой отличались они отъ другихъ людей и другъ отъ друга. Самые оригинальные были евреи, въ шапкахъ съ желтымъ рогомъ и въ плащѣ, украшенномъ большимъ кругомъ изъ краснаго сукна.

Ни одинъ еврей не имѣлъ права жить въ самой Прагѣ; но отъ поколѣнія къ поколѣнію шло повѣрье, что униженные обыватели Жидовскаго города были первыми поселен-

цами Праги, что они имѣли тутъ поселокъ еще раньше, чѣмъ Любуша заложила свой Пражскій градъ. Евреи хвастались, что ихъ старо-новая *) синагога, у дверей которой, на приступкѣ, они присягали на Св. Родалѣ, (старый законъ) древнѣе храма Св. Вита и всѣхъ остальныхъ храмовъ пражскихъ.

Каждый съ невольнымъ почтеніемъ смотрѣлъ на это старое зданіе съ узкими окнами и высокимъ конькомъ черепичной кровли, потемнѣвшей отъ времени. Возвышаясь точно стражъ надъ узкими кривыми уличками, стояла синагога,— этотъ мрачный памятникъ пережитыхъ бурь и волненій.

Евреи вѣрили, что въ стѣнахъ синагоги есть камни отъ разрушеннаго храма Іерусалимскаго, принесенные самими ангелами на мѣсто, избранное народомъ Божіимъ. «Ангелы, говорили они, наказывали нашимъ предкамъ, чтобы синагога осталась нерушима, и чтобы та часть, гдѣ заложены камни Іерусалимскіе, никогда не измѣнялась».

Если же случалось евреямъ покушаться на какія либо измѣненія, ихъ дерзкія попытки не оставались безъ наказанія; либо на работѣ бывали они изувѣчены, либо умирали внезапно.

Существовало о синагогѣ и другое преданіе. Первая синагога была будто бы деревянная. Когда она пришла въ ветхость, собрались старѣйшины, и совѣтомъ постановили ставить новую на мѣстѣ, гдѣ возвышался маленькій пригорокъ. Когда стали рыть ровъ для фундамента, то напали на подземную стѣну, сложенную изъ огромныхъ тесанныхъ глыбъ. Чѣмъ дальше рыли тѣмъ больше убѣждались, что это стѣна старинной синагоги. Вскорѣ нашли пергаментный свитокъ съ еврейскими письменами, и тогда всѣ сомнѣнія исчезли.

Въ то время находились въ Прагѣ два Іерусалимскихъ еврея. Они то и посовѣтовали своимъ пражскимъ единовѣрцамъ ставить синагогу по плану Іерусалимскому, т.-е. окна дѣлать такъ, чтобы они широки были снаружи и постепенно

*) Къ старой пристроили новую, почему она и называется старо-новою.

съуживались во внутрь; самую святыню на столько углубить въ землю, чтобы въ нее нужно было спускаться по ступенямъ, потому что въ писаніи сказано: «Изъ глубины взываю къ тебѣ, Господи!»

Такъ и сдѣлали. Синагогу поставили по даннымъ указаніямъ и стоитъ она непоколебимо *). Поколѣнія за поколѣніями приходятъ сюда молиться и пѣть псалмы.

Приходили туда и невѣрные; насиловали и оскорбляли еврейскую святыню. Дважды уже угасалъ тамидъ (неугасимый огонь), а священная Скинія, скрываемая за дорогою завѣсою, была ненавистниками христіанами опрокинута.

Первый разъ пострадала синагога при королѣ Янѣ, который велѣлъ искать въ ней скрытыхъ еврейскихъ сокровищъ. И люди его откопали на 2000 гривенъ серебра и золота. Много крови еврейской было пролито при королѣ этомъ, но еще больше при внукѣ его, Вячеславѣ IV, когда чернь въ Пасхальную ночь разграбила и сожгла Жидовскій городъ, убивъ до 3000 жителей.

Своды еврейской святыни огласились криками ужаса и скорби. Кровь жертвъ залила стѣны и забрызгала украшавшія ихъ священныя надписи.

Въ воспоминаніе этой ужасной ночи въ синагогѣ, въ день «примиренія» совершается «селиха» — плачь о погибшихъ братьяхъ. Этотъ «плачь» въ поэтической формѣ сложенъ раввиномъ Абигдоромъ Каро, очевидцемъ грозныхъ событій.

Достовѣрнѣйшимъ памятникомъ этихъ событій служитъ сама синагога. Съ тѣхъ поръ никто не чистилъ ея стѣнъ, не бѣлилъ; раввины не допустили дотронуться до нихъ, чтобы навсегда запечатлѣлась кровь вѣрующихъ, и чтобы современники и потомки чтили ее, какъ кровь мучениковъ.

Не мало и другихъ бурь и невзгодъ пережила старая синагога. Когда въ 1558 г. охватилъ Жидовскій городъ большой пожаръ, синагога, какъ твердыня, стояла незыблема надъ этимъ пламеннымъ озеромъ. Огонь пожиралъ все кругомъ.

*) По историческимъ даннымъ съ XIII столѣтія.

Отовсюду валили столбы чернаго удушливаго дыма и летѣли головни и искры. На синагогу не упало ни одной искорки, и ни одна черепица на кровлѣ ея не треснула и не свалилась. На конекъ ея усѣлись двѣ бѣлыя голубки, да такъ и остались. Ни жестокій жаръ огня, ни удушливый дымъ не согнали ихъ оттуда. Сидѣли онѣ тамъ долго, пока совсѣмъ не миновала опасность. Потомъ, одна за другой взмахнули бѣлыми крылышками и исчезли въ облакахъ.

* * *

Однажды, болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ, возвращался осенью въ Прагу примасъ (староста) Жидовскаго города рабби Исаакъ. Возвращался онъ изъ одного округа, куда ѣздилъ по дѣламъ.

Приходилось ему ѣхать лѣсомъ. Ни онъ, ни кучеръ не знали дороги и заблудились. Плутали, плутали, и никакъ не могли выбраться на настоящій путь.

Стало смеркаться, а въ густомъ лѣсу сумерки наступили еще скорѣе. Никакой дороги не стало видно. Вдругъ, вдали, между деревьями замелькалъ синеватый огонекъ. Кони остановились, засучили ушами, зафыркали и начали пятиться. Между тѣмъ, свѣтъ ширился и разростался въ яркое пламя.

На кучера напалъ страхъ, но примасъ не потерялъ присутствія духа. Онъ велѣлъ кучеру завязать лошадямъ глаза и ждать, пока онъ сходитъ посмотрѣть, что такое творится между деревьями, и пошелъ прямо на огонь.

Пришелъ онъ на небольшую лѣсную полянку и увидалъ дивное-диво: необычайно огромную груду золотыхъ и серебряныхъ денегъ. Два карлика, оба съ бѣлыми бородами, брали эти деньги пригоршнями и ссыпали ихъ въ мѣшокъ.

Они были такъ заняты своимъ дѣломъ, что не замѣтили пришельца. Постоявъ и подивившись на карликовъ, примасъ рѣшился спросить, для кого они собираютъ въ мѣшокъ деньги. Едва успѣхъ онъ это сказать, какъ одинъ изъ карликовъ нахмурился и злобно сказалъ:

— Не тебѣ, ужъ не тебѣ!

Сказалъ—и исчезъ. Исчезло серебро, исчезло золото и только нѣсколько дукатовъ блестѣло въ травѣ.

Другой карликъ остался. Любопытный еврей сталъ допрашивать и его, для кого они собирали деньги.

— Не для тебя; отвѣчалъ и этотъ.

— Такъ для кого же?

— Для одного лица изъ твоихъ присныхъ. Незачѣмъ бы тебѣ спрашивать. Только помѣшалъ намъ и повредилъ нашему дѣлу.

— Кто же этотъ счастливчикъ? Скажи пожалуйста.

— Не смѣю.

— Ну, если не хочешь сказать имени, то какъ нибудь намекни.

— И этого не смѣю.

— Такъ скажи, по крайней мѣрѣ, когда этотъ кладъ объявится.

— Когда твоя дочь выйдетъ замужъ.

— Моя дочь? спросилъ примасъ, пораженный удивленіемъ. Да что моей дочери за дѣло до всего этого?

— Не догадаешься; нечего и стараться.

— Такое богатство! Великій Боже! А мнѣ—ничего! Дозволь мнѣ, по крайней мѣрѣ, подобрать эти монеты, что валяются на травѣ.

— Ничего я не могу позволить, сердито крикнулъ карликъ. Впрочемъ, вотъ что: не хочешь ли помѣняться.

Примасъ съ радостью согласился. Онъ положилъ три дуката и взялъ три лежавшіе на травѣ. Когда онъ поднялъ голову, поляна была пуста. Исчезъ карликъ, исчезъ и таинственный свѣтъ. Кругомъ царила темнота и въ вершинахъ деревьевъ шумѣлъ вѣтеръ.

Рабби Исаакъ поспѣшилъ оттуда поскорѣй выбраться. Кучеру онъ не сказалъ ничего, только торопилъ его ѣхать. Кони уже не боялись и весело бѣжали. Скоро на небѣ прояснило и они, выѣхавъ изъ лѣса, очутились на настоящей дорогѣ. Ѣхать было далеко. Ѣхали цѣлую ночь, и только къ утру добрались до воротъ Жидовскаго города.

Овладѣла рабби Исаакомъ тяжкая дума: кто тотъ счастливецъ, которому суждено все это богатство и какую роль въ этомъ дѣлѣ можетъ играть его дочь. Разглядывая три дуката, взятые изъ лѣса, онъ думалъ, да раздумывалъ и совершенно напрасно ломалъ себѣ голову. Ненасытное любопытство не переставало его мучить. Наконецъ, пришло ему на мысль, не откроется ли ему истина какимъ нибудь сверхъестественнымъ образомъ. Завернувъ таинственныя деньги въ бумажку, каждый дукатъ отдѣльно, онъ бросилъ одинъ изъ окна на улицу и сталъ ждать.

Много людей проходило мимо примасова дома взадъ и впередъ, но ни одинъ не обратилъ вниманія на бумажку. Уже день былъ на исходѣ, примасъ хотѣлъ уже послать слугу поднять дукатъ, какъ вдругъ прибѣжалъ мальчишка оборванный и грязный. Увидавъ бумажку, онъ однимъ прыжкомъ очутился около нея, наклонился, взялъ дукатъ и убѣжалъ.

Примасъ не допускалъ мысли, чтобы такой оборванецъ и замарашка сталъ владѣтелемъ клада. На слѣдующій день онъ бросилъ другой дукатъ, и опять сталъ караулить. Опять люди взадъ и впередъ ходили, а бумажки не видали. Подъ вечеръ прибѣжалъ тотъ же мальчишка и забралъ второй дукатъ; тоже было и съ третьимъ.

Это ужъ, конечно, не простой случай, а знаменіе, думалъ примасъ, и захотѣлъ разузнать поподробнѣе о мальчишкѣ, подобравшемъ его дукаты. Во всемъ Жидовскомъ городѣ было объявлено, что примасъ обронилъ три дуката и надѣется, что потеря будетъ честно возвращена.

Едва мешересъ (полицейскій) огласилъ о потерѣ, какъ къ примасу прибѣжалъ тотъ самый мальчикъ, который поднялъ дукаты. Онъ принесъ только два и очень извинялся, что третій далъ матери для торговли. Какъ только она выторгуетъ этотъ дукатъ, онъ сейчасъ же его принесетъ. Онъ возвратилъ бы и всѣ три, еслибъ зналъ раньше кому они принадлежатъ. Три ночи подрядъ мальчикъ видѣлъ во снѣ, что долженъ идти къ примасову дому, гдѣ найдетъ три дуката, завернутые въ бумажку.

Рабби Исаакъ уже не сомнѣвался, что мальчикъ Мардохей, сынъ бѣднаго еврея Салума Маизла, есть избранный владѣтель клада. Онъ похвалилъ мальчика за честность, отдалъ ему остальные два дуката, и предложилъ ему у него остаться. Обѣщалъ одѣвать его и учить, какъ собственнаго сына. Юный Мардохей поблагодарилъ и отказался. Мать-де цѣлый день въ лавкѣ, а отецъ слѣпой.

— Я у него одинъ и безъ меня некому водить его въ синагогу; а онъ туда три раза въ день ходитъ, пояснилъ мальчикъ.

— Найму для него поводаря, сказалъ примасъ.

— Чужіе не могутъ такъ услужить, какъ свои. И юный Мардохей не остался.

Однажды примасъ зашелъ къ его родителямъ и предложилъ имъ посылать къ нему сына ежедневно, на нѣсколько часовъ. Онъ хотѣлъ отдать его обучаться торговлѣ, чтобы ему легче было потомъ добывать кусокъ хлѣба.

— Мальчикъ вашъ мнѣ очень нравится, говорилъ примасъ; и если онъ такимъ же останется, я охотно отдамъ за него свою дочь.

Салумъ и его жена считали себя въ высшей степени польщенными посѣщеніемъ богатаго примаса; а послѣдніе его слова едва не вскружили имъ головы. Съ благодарностію приняли они предложеніе рабби Исаака и клятвенно обѣщали никому не говорить объ этомъ.

Такъ и попалъ пятнадцатилѣтній Мардохей въ домъ богатаго примаса. Всякій день водилъ онъ своего отца въ синагогу и помогалъ матери въ торговлѣ; въ то же время преуспѣвалъ въ наукахъ. Когда ему минуло 20 лѣтъ, примасъ женилъ его на своей дочери, которая очень полюбила славнаго молодого человѣка.

Спустя дней семь послѣ свадьбы, примасъ выѣхалъ изъ Праги, взявъ съ собой молодого зятя. Не говоря ни слова, онъ повезъ его въ лѣсъ, гдѣ имѣлъ такое странное видѣніе. Но прошла ночь, и ничего не случилось; ни карликовъ, ни груды золота они не видали.

Въ тревожномъ состояніи духа вернулся рабби Исаакъ въ Прагу. Но онъ все еще не терялъ надежды, полагая, что въ другой разъ они будутъ счастливѣе. Но и въ другой и въ третій разъ было то же самое. Забрела примасу мысль въ голову, что бѣсъ его попуталъ; что благодаря его козням, онъ выдалъ дочь за нищаго, и эта мысль сильно угнетала его.

Мало по малу несчастная мысль до того овладѣла имъ, что онъ уже не могъ скрывать ее. Зять, котораго онъ такъ любилъ, сдѣлался ему ненавистенъ. Съ каждымъ днемъ онъ становился къ нему холоднѣе и, наконецъ, сталъ прямо грубо обращаться съ нимъ.

Тяжело было молодому Маизлу выносить такое обращеніе. Наконецъ, онъ рѣшился уйти изъ дома примаса, гдѣ онъ сталъ въ тягость. Жена ему не перечила, и молодая чета выселилась.

Мардохей Маизлъ взялъ въ руки торговлю матери желѣзомъ, и повелъ дѣло такъ ловко, что скоро сдѣлался наипервѣйшимъ торговцемъ не только въ Жидовскомъ городѣ, но и во всей Прагѣ. Молодой купецъ работалъ и Богъ благословлялъ труды его. Ставъ богатымъ человѣкомъ, онъ не возгордился и не очерствѣлъ. Онъ заботился о бѣдныхъ, щедро раздавалъ милостыню и выкупалъ должниковъ изъ тюрьмы.

Однажды лѣтомъ, передъ жатвою, пришелъ къ нему въ лавку незнакомый крестьянинъ. Выбравъ нѣсколько земледѣльческихъ орудій, серповъ и косъ, онъ признался, что передъ жатвой у него нѣтъ денегъ. Не будетъ ли Маизлъ такъ добръ и не повѣритъ ли ему въ долгъ. Маизлъ, которому крестьянинъ показался достойнымъ довѣрія, далъ ему орудія. Крестьянинъ, обрадовавшись, сказалъ:

— Ну, подлинно, ты человѣкъ хорошій, коли мнѣ, незнакомому, вѣришь. Вотъ что: есть у меня дома старый желѣзный сундукъ, больно тяжелый. Не могу его отворить; ужъ помучился я съ нимъ не мало. Не возьмешь ли его за долгъ?

Маизлъ согласился, и на третій день крестьянинъ привезъ сундукъ. Онъ былъ, дѣйствительно, такъ тяжелъ, что

проданный на вѣсъ, доставилъ столько денегъ, что и за орудія было заплачено и на долю крестьянина досталась малая толика.

Поздно вечеромъ хотѣлъ Маизлъ открыть сундукъ; но едва онъ вложилъ долото, крышка сама собою отскочила. И что было подъ нею, Господи Боже мой! Маизлъ словно окаменѣлъ. Безсмысленно глядѣлъ онъ на серебро и золото, которымъ былъ наполненъ сундукъ. Опомнившись, онъ опустилъ крышку, заперъ сундукъ и никому, даже женѣ, не сказалъ ни слова о своемъ открытіи. Ждалъ день, недѣлю, мѣсяцъ, годъ, не вспомнитъ ли крестьянинъ о своихъ деньгахъ и не придетъ ли за ними. Но никто не приходилъ. Маизлъ не зналъ имени крестьянина, не зналъ откуда онъ. Спустя годъ, онъ счелъ себя въ правѣ распорядиться деньгами по своему усмотрѣнію.

Первымъ дѣломъ онъ пошелъ къ старому раввину и далъ ему большую сумму на постройку новой синагоги, поставивъ условіемъ, чтобы имя жертвователя осталось неизвѣстнымъ. Когда же строеніе было готово и новый молитвенный домъ освященъ, раввинъ указалъ собравшемуся народу на Мардохея, стоявшаго скромно въ уголку, и сказалъ: «Вотъ кому обязаны мы новой синагогой».

Всѣ бросились къ Маизлу, величали его, прославляли. Первымъ изъ всѣхъ былъ рабби Исаакъ, его тесть. Теперь онъ совсѣмъ помирился съ зятемъ, и когда Маизлъ открылъ ему тайну желѣзнаго сундука, примасъ воскликнулъ:

— Крестьянина не жди. Это былъ одинъ изъ тѣхъ карликовъ, которыхъ я видѣлъ въ лѣсу.

И онъ разсказалъ зятю свое видѣніе и объяснилъ, зачѣмъ онъ возилъ его въ лѣсъ послѣ свадьбы.

— Кто бы думалъ, что это все такъ случится!—восклицалъ рабби Исаакъ. Удивительно! Слава Іеговѣ во вѣки вѣковъ!

Мардохей Маизлъ остался богачемъ до смерти. Онъ не былъ скрягой, помогалъ своимъ единовѣрцамъ и, вообще, много дѣлалъ добра. Въ память его названа одна изъ улицъ Жидовскаго города; Маизлова улица существуетъ и понынѣ.

Новая синагога также носитъ его имя. Кромѣ того, Маизлъ построилъ въ Жидовскомъ городѣ ратушу, новыя бани, пріютъ для сиротъ, вымостилъ дотолѣ немощеныя грязныя улицы и расширилъ кладбище. Такъ трудился онъ на пользу общую до самой смерти (1601).

* * *

Въ царствованіе Рудольфа II, жилъ въ Жидовскомъ городѣ рабби Іуда Левъ бенъ Безалель, мужъ ученый и опытный. Онъ былъ высокаго роста и потому его называли «великимъ рабби». Онъ былъ глубоко свѣдущъ не только въ талмудѣ и кагалѣ, но и въ математикѣ и астрономіи. Многія таинства природы, скрытыя отъ простыхъ смертныхъ, ему были извѣстны. Извѣстно было ему и нѣчто высшее, такъ что люди дивились силѣ его волхвованія.

Слухи о немъ шли широкою волною и дошли до дворца Св. Вячеслава, ко двору короля Рудольфа. Его придворный астрологъ, Тохо-де-Брага, очень уважалъ своего ученаго собрата Іуду Льва. Самъ монархъ познакомился съ нимъ страннымъ образомъ.

Однажды ѣхалъ онъ въ каретѣ съ Градчанъ на Старый городъ, сопровождаемый конной свитой. Это было какъ разъ въ то время, когда онъ издалъ указъ о выселеніи евреевъ изъ Праги. Рабби Іуда ходилъ ко двору просить о своихъ единовѣрцахъ, но его къ королю не допустили. Зная навѣрно, что король поѣдетъ по каменному мосту, рабби Іуда сталъ ждать его.

Когда народъ увидалъ на мосту пышный королевскій поѣздъ, карету, запряженную четверней въ чеканной сбруѣ и блестящую свиту, то онъ сталъ кричать, чтобы рабби сошелъ съ дороги, но рабби Іуда словно не слышалъ. Онъ остановился посреди моста, какъ разъ передъ лошадьми. Народъ кричалъ на ученаго мужа, бросалъ въ него камнями и грязью, но вмѣсто грязи и камней на рабби Іуду падали цвѣты, осыпая его голову, плащъ и спадая къ ногамъ его.

Приближался королевскій поѣздъ. Бенъ Безалель не отступилъ ни на шагъ. Ко всеобщему удивленію, кони не только не смяли его, но сами остановились передъ нимъ, хотя кучеръ и не думалъ ихъ останавливать.

Теперь рабби сдвинулся съ мѣста, и съ обнаженной головой обошелъ карету сбоку и на коврѣ изъ розъ и другихъ цвѣтовъ опустился на колѣни и сталъ просить пощады своимъ единовѣрцамъ.

Король, пораженный его появленіемъ и обстановкою, при которой оно случилось, велѣлъ ему придти въ замокъ. Это была великая милость; въ замкѣ же онъ получилъ другую милость, ту о которой просилъ: евреямъ позволено было остаться.

Послѣ того много разъ рабби былъ приглашаемъ во дворецъ.

Однажды королю захотѣлось, чтобы рабби Іуда показалъ ему праотцевъ, Авраама, Исаака, Іакова и сыновей его. Рабби долго отказывался, но, наконецъ согласился исполнить просьбу своего повелителя, но просилъ, чтобы никто не улыбнулся, когда появятся священныя фигуры патріарховъ.

Король и придворные собрались въ отдѣльной горницѣ и въ волненіи ждали. Въ оконномъ углубленіи стояла высокая величавая фигура рабби Іуды. Вдругъ, онъ исчезъ какъ бы въ туманѣ, изъ котораго ясно выступила фигура старца, превышавшаго вышиной обыкновенный человѣческій ростъ. Величавая фигура плавно пронеслась мимо присутствующихъ и словно растаяла во мракѣ. За Авраамомъ появились Исаакъ, Іаковъ и сыновья его, одинъ за другимъ. Присутствующіе съ благоговѣйнымъ страхомъ смотрѣли на великихъ праотцевъ еврейскаго народа. Вдругъ, изъ мрака словно вынырнулъ Невфалимъ, сынъ Іакова, рыжеватый и въ веснушкахъ. Онъ шагалъ такъ поспѣшно, такъ мало величественнаго было въ его фигурѣ, что король не могъ удержаться отъ смѣха. Но едва улыбка появилась на его лицѣ, какъ исчезъ Невфалимъ, исчезъ туманъ изъ котораго возникали фигуры, и въ палатѣ раздались крики ужаса. Придворные поднялись

Опустился на колѣни и сталъ просить пощады.

съ мѣстъ и дрожащими руками указывали на расписной потолокъ.

Потолокъ погнулся и замѣтно началъ осѣдать. Блѣдные отъ страха, придворные хотѣли броситься къ выходу, но не могли двинуться съ мѣста. Они стояли, какъ прикованные, и въ отчаяніи звали Безалела. Звалъ его и король.

Рабби выступилъ изъ оконнаго углубленія, воздѣлъ руки и потолокъ остановился. Онъ пересталъ опускаться, но и не поднимался. Король бросился вонъ; за нимъ и свита его.

Потолокъ на свое мѣсто не всталъ; какъ опустился, такъ и остался. Король никогда больше не входилъ въ эту палату и велѣлъ запереть ее...

Рабби Іуда не впалъ, однако, въ немилость. Напротивъ, онъ дождался великой чести: самъ король навѣстилъ его. Такой чести еще не видывалъ Жидовскій городъ. Рабби Іуда умѣлъ быть благодарнымъ и изъ благодарности преподнесъ своему королю и его двору не мало сюрпризовъ.

Домъ его былъ невзглядный, старый и неотдѣланный. Но едва король и его свита вступили низкими дверьми въ горницу, какъ съ перваго же шага начали удивляться и удивленію ихъ конца не было. Они очутились не въ обыкновенной горницѣ простого обывательскаго дома, а въ палатѣ достойной дворца, съ куполомъ, роскошно разрисованнымъ.

Лѣстница, ведущая въ верхній этажъ, была не изъ дерева, какъ въ другихъ домахъ, а изъ мрамора, и блестѣла какъ зеркало въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не была покрыта ковромъ. По ней посѣтители взошли въ прекрасную комнату, обитую дорогими обоями и украшенную картинами. Отсюда въ широкорастворенныя двери виднѣлся цѣлый рядъ богато отдѣланныхъ комнатъ и въ концѣ ихъ выходъ на изящную галлерею въ итальянскомъ вкусѣ.

Почтительно сопровождая короля, рабби Левъ ввелъ его въ обширную палату, гдѣ былъ накрытъ столъ, и просилъ его со свитою откушать его хлѣба-соли.

Король принялъ приглашеніе, и рабби угостилъ своихъ гостей такою трапезою, которая сдѣлала бы честь королев-

скому столу. Король, озадаченный чудодѣйственною мощью, благодаря которой рабби Іуда превратилъ въ роскошный дворецъ свой скромный домъ, оставался здѣсь долго и ушелъ очень довольный.

Не разъ потомъ онъ являлъ ученому раввину свою пріязнь и милость, а тотъ, чтобъ увѣковѣчить память о королевскомъ посѣщеніи велѣлъ надъ дверью своего дома изваять льва вмѣстѣ съ гроздьями винограда.

Но еще удивительнѣе появленія праотцевъ на Градчанахъ, было созданіе слуги Іуды. Мощный рабби сдѣлалъ его изъ глины и оживилъ, вложимъ ему въ уста «шемъ» (цидулку съ еврейскимъ волшебнымъ заговоромъ).

Големъ работалъ за двоихъ; служилъ, воду носилъ, дрова кололъ, подметалъ и, вообще, исполнялъ всю грубую службу. Притомъ онъ не нуждался ни въ пищѣ, ни въ отдыхѣ. Но каждый разъ, когда наставалъ шабашъ и въ пятницу вечеромъ прекращалась всякая работа, рабби вынималъ у него изо рта «шемъ» и големъ сразу превращался въ глиняную статую. Но послѣ шабаша его хозяинъ вкладывалъ ему въ уста «шемъ» и онъ снова оживлялся.

Однажды рабби Левъ бенъ Безалель, торопясь въ староновую синагогу на шабашъ, забылъ вынуть изъ устъ голема шемъ. Едва вошелъ онъ въ святилище и началъ псаломъ, какъ прибѣжали люди изъ его дома и изъ сосѣднихъ домовъ, кричали и жаловались, что големъ бунтуетъ, никого къ себѣ не подпускаетъ и грозитъ всѣхъ перебить.

Рабби Іуда остановился въ нерѣшительности. Шабашъ наступилъ, псалмопѣніе уже началось. Всякая работа, самая ничтожная, считалась въ этотъ священный часъ великимъ грѣхомъ. Но сообразивъ, что псалма, которымъ начинался субботній день онъ еще не докончилъ и настояшій шабашъ еще не начался, рабби бросился домой. Еще издали услышалъ онъ страшный шумъ и трескъ. За рабби слѣдовала толпа любопытныхъ, но только издали, боясь подойти близко. Въ домѣ своемъ рабби нашелъ полное разрушеніе; разбитую посуду, поломанные стулья, столы, сундуки и скамьи, раскиданныя книги.

Такъ какъ въ покояхъ нечего уже было ломать, големъ отправился на дворъ оканчивать дѣло разрушенія. Перебивъ куръ, циплятъ, кошку и собаку, онъ принялся вырывать съ корнемъ столѣтнюю липу. Онъ былъ красенъ отъ напряженія, его черные кудрявые волосы растрепались и онъ выворотилъ липу, словно простую палку, воткнутую въ землю.

Рабби Іуда пошелъ прямо къ нему. Воздѣвъ руки, онъ сталъ глядѣть на него въ упоръ. Големъ затрясся, выпучивъ глаза, и уставившись на своего господина, замеръ. Рабби подошелъ къ нему и однимъ взмахомъ руки вынулъ у него изо рта шемъ. Голема словно подкосило. Свалился и лежалъ какъ истуканъ. Смотрѣвшіе издали евреи не могли удержать крика радости.

Убѣдившись, что големъ безвреденъ, они подошли, и со смѣхомъ начали шевелить его и толкать. Рабби тяжело вздохнулъ, и не промолвивъ ни слова, пошелъ въ синагогу оканчивать шабашъ.

Прошелъ священный день субботы, но бенъ Безалель не вложилъ шемъ въ уста своего слуги. Такъ и остался големъ глинянымъ болваномъ, попалъ какъ то подъ стреху старой синагоги, и распался тамъ на куски.

* *
*

Минули вѣка и многое въ Жидовскомъ городѣ измѣнилось. Тяжелыя гоненія прекратились, и обыватели воспрянувъ духомъ, почистились и обновились. Только старо-новая синагога осталась какъ была, безъ перемѣны; и съ нею вмѣстѣ, между домами новой постройки, уцѣлѣлъ еще другой памятникъ старины — вертоградъ мертвыхъ. Сошлись тутъ многія поколѣнія еврейскаго города, начиная отъ стародавнихъ временъ, когда, какъ говорятъ, еще и Праги то не было, и до того времени, когда при Іосифѣ II евреямъ полегчало и имъ дозволено было совершать погребеніе и творить «кадишъ» надъ отверзтой могилой.

Въ тѣни бузины и акацій стоятъ обветшалые надгробные памятники, и богатые, и убогіе. Иные состоятъ изъ прос-

тыхъ досокъ, склоненныхъ другъ къ другу въ видѣ кровли. Почти каждый памятникъ обозначенъ особымъ знакомъ.

Тутъ виденъ виноградъ, признакъ общій всѣмъ евреямъ; умывальный тазъ, означающій, что здѣсь почиваетъ потомокъ колѣна Левіина; рука – знакъ рода Ааронова; тамъ изображеніе женщины, тутъ льва, волка, оленя. На иныхъ значится только имя и фамилія усопшаго.

Всюду еврейскія надписи, короткія и длинныя. Между именами еврейскими встрѣчается немало нѣмецкихъ, а на старинныхъ памятникахъ XVI стол., когда евреи сильно тяготѣли къ чехамъ, есть много именъ чешскихъ. Тутъ почиваетъ еврей Краса; тамъ Чехъ, Черный, Незамыслъ, Мата, и еврейки: Добрушка, Чарка, Слава и даже Любуша.

Въ прежнія времена былъ обычай класть на памятники деньги, даръ милосердія для такихъ бѣдняковъ, которымъ стыдно просить милостыню. На иныхъ могилахь лежитъ груда камней больше или меньше, смотря по почету, какимъ пользовался усопшій. Посѣщая могилу, благочестивый еврей считалъ долгомъ положить камешекъ на память и оправить грудку.

Всѣ поколѣнія Жидовскаго города сошлись въ этомъ вертоградѣ: бѣдные и богатые, славные и безславные.

Тутъ почивалъ ученый раввинъ Абигдоръ Каро, сочинившій плачъ по убіеннымъ евреямъ при королѣ Вячеславѣ, Мардохей Маизлъ, сынъ Салумовъ, благодѣтель и жертвователь; славный Іуда Левъ бенъ Безалель и иные замѣчательные мужи еврейской общины.

Мирно почивали они въ тѣни благоухающихъ кустарниковъ, и ничто не нарушало ихъ покой.

Только одинъ не нашелъ въ вертоградѣ мертвыхъ успокоенія, и набожный возгласъ «Salom alechem» (покой вамъ) не раздавался надъ его позабытой могилой.

Этотъ еврей еще въ молодости отчудился отъ своего рода, принялъ христіанство, и сталъ священникомъ въ соборѣ Св. Вита. Когда же насталъ его послѣдній часъ, затосковалъ онъ о своемъ племени и возгорѣлъ желаніемъ быть погребеннымъ въ вертоградѣ мертвыхъ. Была тамъ, когда то,

Старое жидовское кладбище.

погребена его невѣста, еврейка. Умеръ онъ евреемъ и евреи положили его, какъ онъ желалъ, рядомъ съ дорогой для него могилой. Но покоя, котораго онъ имѣлъ и въ жизни мало, не нашелъ онъ и въ могилѣ. Каждую ночь вставалъ и шелъ къ Влетавѣ, гдѣ ждала его лодка и перевозчикъ скелетъ.

Была ли ночь лунная, или безлунная, скелетъ перевозилъ отступника на другой берегъ. И шли они въ храмъ Св. Вита; священникъ садился за органъ и игралъ, а скелетъ дулъ въ мѣхи. Скорбно-жалостный вопль души звучалъ въ этихъ звукахъ и гулко раздавался въ пустомъ пространствѣ обширнаго храма. Томящаяся душа взывала къ Богу, умоляя о прощеніи, но мольба ея не была услышана. Когда на Святовитской башнѣ билъ часъ ночи, органъ смолкалъ, и грустный органистъ возвращался къ рѣкѣ. Скелетъ перевозилъ его на другой берегъ и онъ ложился въ могилу, чтобы слѣдующею ночью опять встать, пойти въ храмъ и въ жалостныхъ звукахъ излить свою скорбную душу.

VII.

Мрачныя мѣста.

Въ ночь на 21 Іюня 1621 г.*) мрачная туча нависла надъ Прагой. Въ страхѣ трепетали обыватели; тоска сжимала ихъ сердце. Городскія ворота были заперты; на улицахъ царила мертвая тишина; никто не смѣлъ выходить изъ дома. Только отрядъ чужеземныхъ солдатъ, большею частью саксонцевъ, обходилъ дозоромъ. Гулко раздавались шаги и грозно бряцало оружіе.

На Староградской площади, въ ночной тиши, стояли подводы; съ нихъ снимали бревна, доски и сносили на рыночную площадь, гдѣ работали плотники. Глухой звукъ топоровъ, паденіе досокъ и бревенъ нарушали тишину. Въ ночномъ міракѣ, при свѣтѣ факеловъ, воздвигалось что то выше и выше; и затѣмъ при блѣдно-мертвенномъ освѣщеніи пробуждающагося дня ясно обозначился покрытый чернымъ сукномъ помостъ, съ водруженнымъ позади него распятіемъ.

Страшный помостъ былъ еще пустъ. Но вотъ взошло солнце и съ замка грянула пушка, возвѣщавшая начало экзекуціи. Помостъ окружило конное и пѣшее войско, а на самомъ помостѣ встали мрачныя замаскированныя фигуры гробовщика и помощника палача. Наконецъ, явился и самъ палачъ.

Пришли королевскіе судьи и усѣлись на свои мѣста. Вызвали перваго изъ осужденныхъ предводителей народнаго движенія. Панъ Шликъ вступилъ на помостъ.

Солдаты забарабанили, но въ городѣ и въ домахъ продолжала царить гробовая тишина. Сердца вѣрныхъ чеховъ разрывались отъ жалости. Плакали навзрыдъ и молились за храбрыхъ чешскихъ пановъ, защитниковъ правъ народныхъ. Всѣмъ имъ надлежало въ этотъ день умереть.

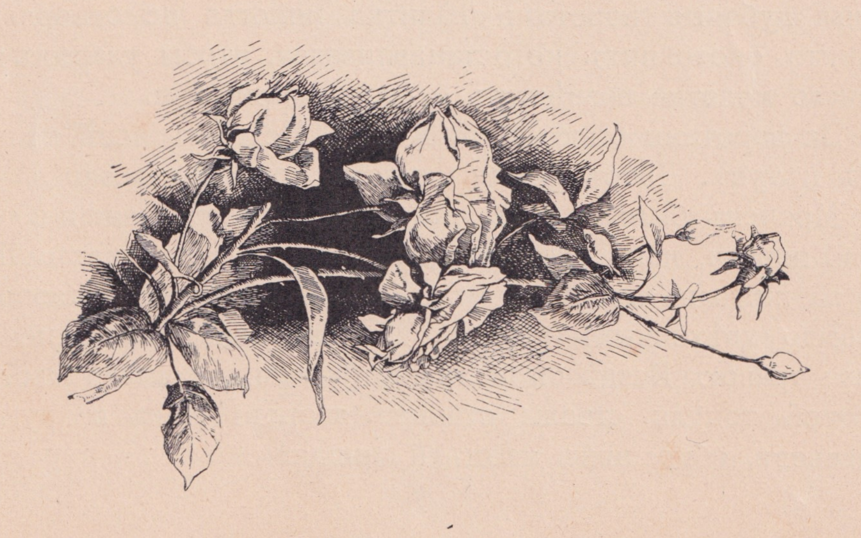
*) Послѣ Бѣлогарской битвы.

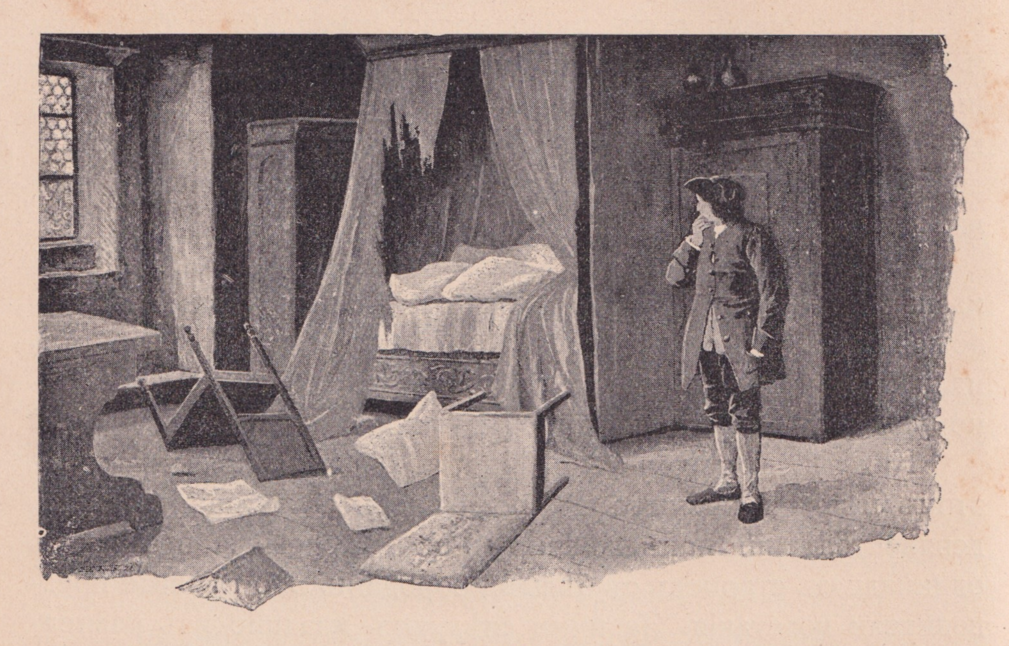
Во все время пока продолжалась казнь, били барабаны и трубили трубы, чтобы не слышно было рѣчей осужденныхъ. Всѣ они бодро шли на смерть. Головы двѣнадцати главныхъ вождей, водруженныя на желѣзные шесты, выставлены были на мостовой башнѣ, и только тѣла отданы вдовамъ и сиротамъ для погребенія.

На томъ мѣстѣ Староградскаго рынка, гдѣ совершилась казнь, поставили вѣрные чехи шестнадцать камней расположенныхъ четыреугольникомъ. Прохожіе никогда не ступали на эти камни, а обходили ихъ изъ уваженія къ мрачному мѣсту и пролитой крови мучениковъ.

Каждый годъ, въ ночь передъ казнью появляются на этомъ мѣстѣ казненные. Впереди идетъ старѣйшій изъ нихъ девяностолѣтній панъ Каплиржъ изъ Зюлевицъ и за нимъ одиннадцать старцевъ съ бѣлыми бородами. Это главные предводители возстанія. За ними слѣдуютъ младшіе изъ казненныхъ; въ томъ числѣ сорокалѣтній, сильный и мужественный Янъ Кутнауръ. Онъ былъ повѣшенъ на бревнѣ, высунутомъ изъ окна ратуши и умеръ геройски съ пѣсней на устахъ.

Тихо сойдутся они на мѣстѣ казни, въ молчаніи пройдутъ по площади до Тинскаго храма, и преклонивъ колѣна передъ алтаремъ, примутъ причастіе, по старому обряду, тѣла и крови Христовой, и затѣмъ—исчезнутъ.

VIII.

Домъ Фауста.

Въ стародавнее время стоялъ этотъ домъ на Скальцахъ въ концѣ скотскаго рынка. Давно уже никто въ немъ не жилъ, и потому онъ выглядѣлъ хмуро и угрюмо. Кровля, бывшая когда то красной, почернѣла, стѣны облупились, окна покрылись пылью и стекла затянулись паутиной. Тяжелыя дубовыя ворота и калитка никогда не отворялись и никто около нихъ не останавливался, чтобы ударомъ желѣзнаго молотка возвѣстить о своемъ прибытіи.

За воротами было пусто и тихо. Не лаялъ песъ, не кричалъ пѣтухъ. Дворъ между камнями поросъ травою.

Мраченъ былъ и садъ, тянувшійся позади дома и сбоку, вдоль дороги, какъ разъ до монастыря на «Славянахъ». Никто за нимъ не присматривалъ, не было въ немъ газоновъ, не было цвѣточныхъ клумбъ. Дорожки давно исчезли, поросли травою. Вездѣ была трава; буйная высокая трава, въ которой тонули стволы старыхъ яворовъ, липъ и другихъ деревьевъ, обросшихъ мхомъ и лишаями.

Весною, когда въ травѣ желтѣли цвѣты цикорія, а потомъ бѣлѣли одуванчики, садъ выглядѣлъ веселѣе. Но, осенью, когда опавшій листъ засыпалъ весь садъ, когда небо обремененное тучами, низко висѣло надъ землею, а вѣтеръ гулялъ между оголенными вершинами—мрачно было въ саду, мрачно и въ домѣ.

Тоскою вѣяло отъ сада и отъ дома и эта странная тоска передавалась людямъ. Въ этомъ проклятомъ мѣстѣ блуждалъ духъ Фауста, который за гробомъ, также какъ и при жизни, не имѣлъ покоя. Давнымъ давно докторъ Фаустъ проживалъ въ этомъ домѣ. Онъ занимался черной магіею и вызывалъ духовъ. Онъ продалъ свою душу бѣсу и за то бѣсъ во всемъ помогалъ ему, исполнялъ всѣ его желанія. Но насталъ часъ и бѣсъ сказалъ: «Довольно, теперь пойдемъ!»

Но Фаусту не хотѣлось идти. Онъ оборонялся какъ могъ и какъ умѣлъ; заклиналъ, просилъ, но все напрасно. Бѣсъ его ухватилъ когтями и вылетѣлъ съ нимъ вонъ; не дверьми, а прямо чрезъ крышу. И такъ, Фаустъ что посѣялъ, то пожалъ; продалъ чорту свою душу, чортъ его и взялъ!

А дыра, которою онъ вылетѣлъ, въ потолкѣ и осталась. Не разъ ее задѣлывали и заштукатуривали. Но въ ту же ночь штукатурка осыпалась, и дыра зіяла по прежнему. Потомъ на дыру махнули рукой; а когда сталъ появляться духъ Фауста, то и вовсе домъ оставили. Каждую ночь бурный духъ являлся и пугалъ людей. Ни одинъ человѣкъ, ни одинъ наемникъ не могли выдержать въ этомъ домѣ.

Такъ и осталось пустовать старое зданіе. Пустовало и глохло. Никто туда не входилъ, а скорѣй старался обходить, особенно подъ вечеръ или ночью.

Однажды осенью, въ сумерки, остановился у воротъ Фаустова дома молодой человѣкъ, студентъ. Что онъ не имѣлъ пристаница, это было ясно видно по его старой треуголкѣ, поношенному сюртуку, засаленнымъ штанамъ по колѣна, заштопаннымъ чулкамъ и стоптаннымъ башмакамъ. Онъ былъ совсѣмъ бѣдный, почти что нищій. Какъ бездомный песъ, онъ не имѣлъ пріюта. Заплатить ему было нечѣмъ и

его отовсюду гнали. Долго онъ бродилъ по Прагѣ, отыскивая пристанища, просилъ обождать платы, но никто не хотѣлъ его слушать, никто не сжалился, никто не пріютилъ. Такъ проходилъ онъ цѣлый день, и утомленный, обезкураженный остановился передъ Фаустовымъ домомъ. Какъ онъ сюда попалъ, онъ и самъ не зналъ.

Смеркалось. Моросилъ дождь и дулъ рѣзкій вѣтеръ. Поношенный кафтанъ, хоть и застегнутый на всѣ пуговицы, не представлялъ надежной защиты отъ вѣтра, а стоптанные башмаки—отъ дождя. Студентъ начиналъ мерзнуть. Дождь усилился, темнота тоже. Надвигалась бурная осенняя ночь, а пріюта не было.

Не имѣлъ бѣднякъ гдѣ преклонить голову. Осмотрѣвшись, онъ остановилъ свой взглядъ на старомъ домѣ. «Оттуда меня не выгонятъ!» подумалъ онъ съ горечью. Постоявъ съ минуту въ нерѣшительности, онъ взялся за задвижку. Дверь подалась и онъ вошелъ въ сводчатый подъѣздъ. Сюда не проникалъ ни вѣтеръ, ни дождь. Разъ ужъ онъ отважился войти, то почему не идти ему было и далѣе.

По лѣсницѣ, украшенной странными статуями, студентъ поднялся въ корридоръ. Корридоръ былъ длинный, и конецъ его терялся въ темнотѣ. По сторонамъ шли двери, ведущія въ покои. Тутъ было такъ тихо, что со двора и изъ сада едва доносился шумъ вѣтра.

Постоявъ съ минуту въ нерѣшительности, студентъ повернулъ ручку одной изъ ближайшихъ дверей и вошелъ въ комнату. Подъ ея сводчатымъ потолкомъ было темно. Мракъ сгущался тѣмъ болѣе, что стѣны до половины обиты были дубовыми досками и вся мебель, столъ, шкафъ и скамьи были изъ темнаго дерева. У стола стояло кресло съ высокой спинкой.

Постоявъ у двери, студентъ пошелъ дальше и сѣлъ въ кресло; осмотрѣлся, прислушался. Все было тихо; только завывалъ вѣтеръ, и дождь мелкой дробью хлесталъ въ окно. Студентъ сидѣлъ и ждалъ, не явится ли что нибудь сверхъестественное: но ничто не явилось. Усталость превозмогла, а шумъ дождя и вѣтра убаюкали. Студентъ уснулъ.

Спалъ онъ до полуночи, спалъ и послѣ полуночи, спалъ до разсвѣта, и никто не нарушилъ его сна. Проснувшись, онъ не сразу сообразилъ гдѣ онъ, а сообразивъ, удивился, что спокойно провелъ ночь. Ободрившись, онъ пошелъ осматривать покои. Сосѣдняя горница была хорошо меблирована, а стѣны увѣшаны картинами, почернѣвшими отъ времени. Изъ рамъ мрачно глядѣли на студента бородатыя мужскія лица; но ничто не напоминало доктора Фауста, о которомъ студентъ непрестанно думалъ.

Въ слѣдующей комнатѣ, подъ пологомъ изъ выцвѣтшей ткани, стояла кровать. На полу валялись подушки, лежали опрокинутые стулья и раскрытая книга въ переплетѣ изъ бѣлой кожи, пожелтѣвшей отъ времени; а въ потолкѣ зіяла дыра съ неровными краями, точно съ силой выломанная.

Студентъ вздрогнулъ. Онъ вспомнилъ разсказъ о томъ, что чортъ унесъ Фауста дырой въ потолкѣ и теперь видѣлъ это страшное мѣсто. Вѣроятно защищаясь, Фаустъ повалилъ и мебель; книгу онъ, можетъ быть, швырнулъ въ чорта. Студентъ не рѣшился войти, и постоявъ на порогѣ, поспѣшно заперъ дверь и пошелъ въ слѣдующій покой.

Здѣсь увидалъ онъ лѣстницу-стремянку, которая висѣла съ потолка до полу. Едва студентъ ступилъ на нее, какъ въ потолкѣ открылось отверстіе. Крайне заинтересованный, студентъ вбѣжалъ по лѣстницѣ, и ступивъ на край отверстія, услышалъ за собой странный шорохъ. Въ испугѣ оглянувшись, онъ увидалъ, что лѣстница свилась какъ бумажный свитокъ и юркнула въ отверстіе.

Студентъ очутился въ просторной палатѣ съ куполомъ, разрисованнымъ небесными свѣтилами. По стѣнамъ шли темные шкафы съ книгами въ старыхъ переплетахъ и столы, на которыхъ стояли стклянки съ разноцвѣтными жидкостями: красными, желтыми и яркозелеными. Посреди палаты стоялъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ; на столѣ— опять колбы, реторты и разная утварь изъ желтой и красной мѣди; листы пожелтѣвшаго пергамента, чистые и исписанные; раскрытая книга; на ней цинковый подсвѣчникъ съ обгорѣ-

лою свѣчею. Все выглядѣло такъ, какъ будто недавно кто-то тутъ былъ.

Въ этой палатѣ студентъ оставался долѣе всего. Когда же ступилъ на край отверстія, которымъ вошелъ, деревянная лѣстница развернулась сама собою, и студентъ благополучно спустился внизъ. Осторожно обходя спальную комнату, студентъ вышелъ другими дверьми въ переднюю. Тутъ стояла статуя молодого барабанщика съ барабаномъ у бедра. Студентъ сталъ разсматривать его и нечаянно дотронулся до барабана. Неожиданно барабанщикъ встрепенулся какъ живой, и забарабанилъ. Палочки у него въ рукахъ такъ и ходили, и барабанщикъ барабанилъ такъ усердно, что стекла дрожали. Студентъ испугался и бросился съ лѣстницы, а барабанщикъ все барабанилъ.

Студентъ бросился на крыльцо, а оттуда—на дворъ. Въ углу, около сада находился запущенный колодезь, обросшій мхомъ и лишаями. Опавшіе листья яворовъ, липъ и кленовъ засыпали до половины каменное чудовище, охранявшее колодезь.

Студентъ прошелъ въ садъ, но долго тамъ не замѣшкался; между старыми деревьями и заглохшими кустами въ пасмурный осенній день, весело не было.

Студентъ возвратился въ домъ. Тамъ все было тихо. Барабанщикъ уже не барабанилъ, и студентъ больше до него не дотрогивался. Онъ снова поднялся въ верхнюю палату, сталъ разглядывать пергаменты и бумаги. Подъ ними оказалась полированная чаша изъ чернаго мрамора, а въ ней талеръ; новенькій, блестящій, точно сейчасъ отчеканенный.

Студентъ обрадовался и испугался въ одно и то же время. У него въ кошелькѣ было пусто и въ желудкѣ также. Соблазнъ былъ великъ. «А ну, какъ это Фаустъ, или самъ діаволъ!...»

Трусилъ, не рѣшался; но кончилъ тѣмъ, что взялъ талеръ и пошелъ въ городъ. Вечеромъ онъ вернулся сытымъ, но изрядно таки трусилъ: не явился бы ему нѣкій духъ, чтобы наказать за смѣлость; сѣлъ въ кресло, какъ наканунѣ

и уснулъ. Спалъ не такъ крѣпко, какъ въ предыдущую ночь; просыпался. Но никто не пришелъ; ни Фаустъ, ни чортъ.

Поднявшись утромъ наверхъ, студентъ нашелъ опять въ черной чашѣ талеръ. Наканунѣ тамъ былъ всего одинъ; оставшаяся мелочь лежала у студента въ карманѣ. А вотъ теперь и другой; такой же новенькій. Откуда онъ взялся? Видно ужъ Фаустъ, или другой какой духъ заботится о немъ. Такъ разсуждалъ студентъ и взялъ талеръ.

Ушелъ въ городъ и принесъ сдачу отъ размѣненнаго талера. Опять прошла ночь. Утромъ опять поднялся на верхъ, заглянулъ въ чашу... Въ ней сверкалъ новенькій талеръ. Теперь ужъ студентъ убѣдился, что талеръ предназначался ему, и онъ можетъ спокойно взять его.

И такъ повторялось каждое утро. Этихъ денегъ для студента было болѣе чѣмъ достаточно. Сдачу онъ откладывалъ и понемногу обзавелся новой одеждой и обувью. Жилищемъ онъ тоже былъ обезпеченъ. Теперь ужъ онъ не боялся Фаустова дома, совершенно привыкъ къ этому тихому обиталищу, гдѣ о немъ заботился какой то невидимый духъ, который, вдобавокъ, не безпокоилъ его своимъ присутствіемъ. Для зимы на дворѣ и въ саду топлива было вполнѣ достаточно. Студентъ топилъ камины и съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ весело трещалъ огонекъ. Много читалъ онъ книгъ изъ фаустовой библіотеки, читалъ также и ту, которую нашелъ на большомъ столѣ. Осмѣлился, наконецъ, заглянуть въ книгу, которая валялась на полу спальной. Это была черная магія. У студента волосы встали дыбомъ.

Иногда ему становилось тоскливо въ этомъ уединеніи, но выселяться не хотѣлось. Тутъ ему было покойно, а ежедневная находка талера обезпечивала его существованіе. Въ университетъ онъ ходилъ рѣже и рѣже. Товарищи удивлялись, что съ нимъ сталось. Онъ такъ измѣнился, сдѣлался такимъ франтомъ. Ужаснулись, узнавъ, гдѣ онъ живетъ, и не хотѣли къ нему идти, хотя онъ и звалъ ихъ. Нѣкоторыхъ, однако, одолѣло любопытство, и они пришли. Студентъ водилъ ихъ всюду, отъ подвала до чердака, показывалъ всѣ

покои; спальню, въ которой постель была уже оправлена, такъ какъ онъ самъ въ ней спалъ и дыра забита ковромъ! провелъ товарищей по саду; словомъ, показалъ имъ все, что онъ самъ за время пребыванія въ этомъ домѣ открылъ.

И разсказывали студенты о чудесахъ таинственнаго жилища: о барабанщикѣ, который барабанилъ, о странныхъ статуяхъ, напѣвающихъ тихія мелодіи, о чудовищѣ у колодца, о заколдованной ручкѣ у дверей одного покоя, которая при прикосновеніи метала искры, обжигая тронувшую ее руку, о палатѣ съ куполомъ, откуда лѣстница сама спускалась и сама убиралась, о странной утвари и стклянкахъ, о чародѣйныхъ книгахъ и о желѣзныхъ дверяхъ, ведущнхъ въ неизвѣстное подземелье.

Только о черной чашѣ и ежедневной находкѣ талера студентъ не сказалъ ни слова. Онъ только посмѣивался, когда пріятели уговаривали его не оставаться въ этомъ заколдованномъ жилищѣ, что все хорошо до поры до времени, что можетъ быть худо, если злой духъ вдругъ проявитъ себя.

И не напрасно они говорили это. Студенту и въ голову не приходило, что въ черной чашѣ съ ежедневной находкой талера заключалась его пагуба. Онъ такъ привыкъ, безъ всякаго труда съ своей стороны, получать этотъ талеръ, что сверхъестественный подарокъ уже пересталъ удивлять его. Скоро ему недостаточно стало талера; онъ возмечталъ о большемъ.

Онъ совершенно позабылъ, въ какомъ видѣ пришелъ сюда. Требованія его возросли, а работать не хотѣлось. Онъ налегъ на книги черной магіи и сталъ изучать ихъ. Тамъ объяснялись способы вызыванія духовъ. Студентъ пока не вызываль ихъ: онъ боялся. Но жадность и корысть побудили его къ этому.

Серебро уже не тѣшило его; даже полная чаша талеровъ не удовлетворила бы его. Золота хотѣлось ему и онъ надѣялся съ помощью страшной книги добыть его.

Однажды онъ кутилъ съ пріятелями и угощалъ ихъ, упрашивая пить больше, не жалѣя его денегъ. Онъ хвастался,

что стоитъ ему захотѣть и у него вдоволь будетъ золота, и не занятаго, а своего собственнаго. Духъ, который доставлялъ ему талеры, будетъ по его требованію доставлять дукаты.

Поздно вечеромъ студентъ возвратился домой, немного подгулявши. Товарищи хотѣли идти съ нимъ, но онъ не пожелалъ. Ему хотѣлось остаться одному и попытаться достичь желаемаго. Товарищи проводили его до воротъ, видѣли какъ онъ вошелъ, какъ тяжелая калитка закрылась за нимъ—и больше ужъ не видали его; ни они, ни кто другой. Не появился студентъ ни въ университетѣ, ни въ кружкѣ товарищей.

Нѣкоторые изъ студентовъ, бывавшихъ въ Фаустовомъ домѣ, пошли навѣдаться о товарищѣ. Все было тихо, студентъ не откликался. Посѣтители вошли въ спальню и остановились пораженные ужасомъ. Постель была въ безпорядкѣ; подушки разбросаны. На полу валялось разбросанное платье, разорванный на куски плащъ, опрокинутые стулья, старая черная книга и подсвѣчникъ съ обгорѣлой свѣчей. Ясно было, что тутъ происходила борьба. Взглянули вверхъ—и обомлѣли. Коверъ, закрывавшій дыру, былъ сброшенъ, разорванъ, и дыра зіяла! На краю явственно было видно свѣжее кровяное пятно.

Посѣтители перекрестились и поспѣшили вонъ изъ діавольскаго жилища. Они поняли, что товарищъ ихъ погибъ. Бѣсъ унесъ его въ ту же дыру, въ которую когда то унесъ Фауста.

⁂

Таковы сказанія старой Праги, матери чешскаго народа. Ея слава и ея униженіе были славою и униженіемъ всего племени. Вѣками стояла она, и вѣка украсили ее. Дорога и мила она всѣмъ вѣрнымъ чехамъ. Каждое мѣсто въ ней—глаголъ временъ, лѣтопись народа. Все здѣсь говоритъ сердцу.

Да здравствуетъ Прага, золотая славянская Прага!

О Жижкѣ.

Пойдемъ теперь дальше и послушаемъ сказанія временъ позднѣйшихъ.

Теперь ужъ и слѣда не осталось отъ деревни Троцнова, возлѣ которой стояла усадьба Троцновская, по тогдашнему «дворъ».

Стоялъ онъ на возвышенности, кругомъ которой зеленѣли поля, луга, дубовые лѣса; а за ними вдали синѣли Крумловскія горы.

Дворъ стоялъ уединенно; старый деревянный теремъ, съ кровлею поросшею мхомъ. Въ немъ проводилъ юные свои годы знаменитый герой чешскаго народа. Тамъ онъ и родился.

За дворомъ и за прудомъ, поодаль, возлѣ поля на лѣсной окраинѣ, стоялъ на пригоркѣ могучій дубъ. Подъ нимъ то и родился герой. Это было лѣтомъ, во время жатвы, когда троцновская хозяйка шла присмотрѣть за жнецами.

Тутъ то и увидалъ свѣтъ сынъ ея Янъ Жижка, сильный тѣломъ и духомъ, крѣпкій какъ дубъ.

Росъ и укрѣплялся онъ въ тихомъ уединеніи Троцновской усадьбы. Въ юношескіе годы онъ поступилъ въ школу, въ городѣ Прахатицы, въ ту самую школу, куда ходилъ Янъ изъ Гусинца, бѣдный мальчикъ, впослѣдствіи знаменитый проповѣдникъ и мученикъ. Янъ ходилъ ежедневно вдоль рѣки Бланицы и часто, утомленный, отдыхалъ на прибрежномъ камнѣ, который и посейчасъ на томъ же мѣстѣ.

Уже въ зрѣлыхъ годахъ Янъ Жижка лишился отца и унаслѣдовалъ Троцновскій дворъ. Но не долго онъ жилъ на покоѣ. Генрихъ изъ Розенберка, владѣтель богатый и сильный, имѣвшій смѣлость противиться самому королю, не признавалъ правъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей; а владѣтель Троцновскій стоялъ за свои права и независимость. Понятно, что онъ взялся за оружіе и сдѣлался непримиримымъ врагомъ Розенберкскаго пана и Будейовицкихъ нѣмцевъ, съ которыми также ссорился.

Силы были неравныя. Небогатому земану трудно было справиться съ богатымъ паномъ и овладѣть королевскимъ городомъ. Мстилъ онъ какъ умѣлъ, и когда въ этой борьбѣ враги его сожли его дворъ и разорили усадьбу, онъ ушелъ въ лѣса и продолжалъ, насколько могъ, непріязненныя дѣйствія, пока друзья не пріютили его и не замолвили о немъ королю.

Попавъ въ милость къ королю Вячеславу, Жижка остался при дворѣ подкоморіемъ (камергеромъ) королевы Софіи. Вскорѣ послѣ того, онъ покинулъ Прагу и вступилъ въ ряды польскаго войска, чтобы воевать противъ нѣмецкаго рыцарскаго ордена. У Танненберка нѣмцы были разбиты на голову.

Въ этомъ сраженіи Жижка велъ себя какъ герой, и тутъ, какъ говорятъ, онъ потерялъ глазъ.

Пробывъ нѣкоторое время въ Польшѣ, онъ возвратился къ Пражскому двору. Находясь на службѣ королевы, онъ часто провожалъ ее въ Виѳлеемскую часовню, гдѣ говорилъ

проповѣди знаменитый Янъ Гусъ изъ Гусинца. По сердцу пришлось Троцновскому земану ученіе Гуса и полюбился самъ проповѣдникъ. Онъ, какъ добродѣтельный мужъ и рыцарь, вполнѣ раздѣлялъ взгляды Гуса, громившаго распущенность тогдашняго общества и духовенства.

Глубоко скорбѣлъ Жижка, узнавъ о неправедномъ осужденіи благочестиваго магистра, о его жестокомъ заключеніи въ Констанцской тюрьмѣ, гдѣ его сковали по рукамъ и ногамъ и, къ стыду всего народа, приговорили къ сожженію на кострѣ.

Горечь и злоба наполнили сердце Жижки противъ всѣхъ противниковъ Гуса, какъ иноземцевъ, такъ и своихъ соплеменниковъ; особенно противъ послѣднихъ. Часто думалъ Жижка объ ужасной смерти Гуса и его друга Іеронима Пражскаго и не разъ въ глубокой задумчивости ходилъ по двору королевскаго замка.

Однажды встрѣтилъ его король и спросилъ, отчего отъ такъ грустенъ.

— Тяжко мнѣ, милостивый Король,—отвѣчалъ Троцновскій земанъ;—тяжко и горько, что наши чешскіе вожди и учители, несмотря на императорскую охранную грамоту, такъ несправедливо и жестоко были осуждены и сожжены. Можно ли быть веселымъ послѣ этого.

— Думаешь ли ты, милый Янъ, что мы можемъ тутъ что нибудь сдѣлать? Если видишь къ этому какой либо путь, дѣйствуй; мы тебѣ поможемъ.

Жижка поймалъ короля на словѣ и началъ дѣйствовать.

* * *

Почти всѣ пражане и большая часть народа были въ то время увлечены нравственнымъ ученіемъ Гуса, а также проповѣдью его о причащеніи подъ двумя видами, т. е. тѣла и крови Христовой. Когда же пражскіе священники отказались причащать вѣрующихъ подобнымъ образомъ, рыцарь Микулашъ Гусь, во главѣ огромной толпы народа, приступилъ къ королю Вячеславу на улицѣ, близъ костела Аполлинарія, и

просилъ, чтобы большая часть костеловъ была открыта для причащающихся подъ обоими видами.

Король, напуганный этой шумной толпой, приказалъ Микулашу Гусю оставить Прагу; смѣнилъ думскихъ совѣтниковъ а новымъ приказалъ возвѣстить пражанамъ королевскую волю: дабы въ день Св. Мартина они все вооруженіе и доспѣхи снесли на Вышеградъ и положили у ногъ короля.

Совѣтники были въ недоумѣніи. Не послушаться короля — онъ разгнѣвается; послушно сложить оружіе—значило лишиться своей мощи и силы.

Изъ затрудненія выручилъ ихъ Янъ Жижка. Онъ посовѣтовалъ совѣтникамъ собрать думу и, объявивъ королевскій приказъ, предложить всѣмъ облечься въ воинскіе доспѣхи, взять оружіе и всей толпой отправиться на Вышеградъ. Можетъ быть, король, увидѣвъ такихъ бравыхъ молодцовъ, пожалѣетъ обезоружить ихъ. Такъ и сталось.

Въ день Св. Мартина, пражане, въ полномъ вооруженіи и доспѣхахъ, подъ предводительствомъ Жижки, явились въ Вышеградъ. Всѣ выстроились подъ знаменами на дворцовой площади въ полномъ строевомъ порядкѣ. Доспѣхи и оружіе сверкали на солнцѣ, знамена величававо колебались въ воздухѣ. Ближайшіе къ Жижкѣ шепнули ему: «Говори, брате!»

Жижка выступилъ впередъ, и обратившись къ королю, сказалъ:

— Милостивый король! Стоимъ мы здѣсь, твои вѣрные подданные, каждый въ доспѣхахъ и при оружіи, такъ какъ тебѣ угодно было, чтобъ мы его принесли.

Вотъ оно, бери его, или прикажи, что съ нимъ дѣлать. Куда бы ты ни послалъ насъ, противъ любого непріятеля, пойдемъ съ радостью и будемъ охранять Твою Милость и Твое королевство до послѣдней капли крови.

Король, который сначала съ тревогой смотрѣлъ на сборище вооруженныхъ людей, теперь успокоился и съ милостивой улыбкой отвѣчалъ:

— Ты хорошо говоришь, брате. Скажи этимъ людямъ, что я имъ вѣрю; пусть спокойно расходятся по домамъ.

И повернули всѣ въ полномъ порядкѣ обратно къ Новоградской ратушѣ, гдѣ и разошлись. Такимъ образомъ, они оружіе сохранили и короля не прогнѣвили; все—благодаря мудрому совѣту Троцновскаго земана. Съ тѣхъ поръ значеніе Жижки въ глазахъ пражанъ еще болѣе усилилось, а послѣ смерти Вячеслава IV (въ 1419 г.) оно достигло высочайшей степени.

Тяжелое тогда было время. Многое множество непріятелей ополчилось противъ чешскаго народа; но самымъ жестокимъ былъ король Сигизмундъ Венгерскій, братъ Вячеслава. Онъ открыто заявлялъ, что охотно отдалъ бы все венгерское королевство, лишь бы въ чешской землѣ не осталось ни одного чеха.

Когда дѣло коснулось гибели цѣлаго племени и его языка, возсталъ храбрый, одноокій Янъ Жижка. Возсталъ, и во имя Божіе ополчился противъ враговъ своего народа, противъ враговъ Яна Гуса и противниковъ причащенія подъ обоими видами.

Повсюду скликалъ онъ людей къ оружію, возбуждалъ къ возстанію противъ общаго непріятеля; чтобы всѣ, кто можетъ, старъ и младъ, ежечасно были готовы встать на защиту родины; чтобы въ минуту опасности никто не падалъ духомъ и не думалъ о томъ, что немногіе стоятъ противъ многихъ, невооруженные противъ вооруженныхъ, неодѣтые противъ одѣтыхъ.

Войско Жижки состояло преимущественно изъ крестьянъ. Съ ними онъ побѣждалъ испытанныхъ рыцарей и обученныхъ солдатъ. Никогда не бѣжалъ онъ съ поля сраженія. Не велика была его дружина числомъ, но сильна духомъ; а талантъ полководца дополнялъ остальное. Иногда прибѣгалъ онъ къ военной хитрости.

Такъ, въ 1421 г. въ мартѣ мѣсяцѣ двинулся онъ изъ Пильзена въ Ѳаворъ, недавно возникшій городъ, со своими людьми, которыхъ было не болѣе 400 человѣкъ, включая женщинъ и мальчиковъ-пращниковъ. Боевыхъ повозокъ было всего двѣнадцать, коней—девять. За этой то горстью

слабо вооруженныхъ воиновъ гналась конница изъ отряда, такъ называемыхъ, «желѣзныхъ пановъ», подъ предводительствомъ великаго магистра Страконицкаго.

У Судомержицъ, страны съ обширными лугами и прудами, паны настигли Жижку. Страшно было смотрѣть на этихъ желѣзныхъ рыцарей; но Жижка не упалъ духомъ. Убѣдившись, что съ его маленькимъ отрядомъ, вооруженнымъ по большей части цѣпами, вступить въ бой съ двумя тысячами хорошо вооруженныхъ воиновъ невозможно, Жижка обогнулъ прудъ, который былъ въ то время спущенъ, и прислонилъ свои повозки къ плотинѣ. Женщинамъ же приказалъ погрузить въ прудъ, въ траву и камыши ихъ юбки, платки и покрывала.

Едва окончили это дѣло, какъ показался отрядъ желѣзныхъ рыцарей. Поля, луга и спущенный прудъ кишѣли ими. Ихъ металлическое вооруженіе сверкало на солнцѣ; въ воздухѣ развѣвались безчисленныя знамена. Былъ праздникъ Благовѣщенія, время—между полуднемъ и сумерками. Желѣзные мужи, подобно рою саранчи, бросились къ пруду, за которымъ крестьянское войско устроило свое маленькое укрѣпленіе. Рыцари смѣялись и кричали, что, не вынимая меча изъ ноженъ, уничтожатъ этотъ жалкій отрядъ, потопчутъ его и разнесутъ на конскихъ копытахъ.

Но не тутъ то было. Кони увязали въ грунтѣ пруда и только задерживали всадниковъ. Всадники спѣшились, но и имъ въ тяжелыхъ доспѣхахъ трудно было двигаться. Они стали спотыкаться, а поближе къ плотинѣ зацѣплять шпорами за разостланное женское платье и запутываться. Чѣмъ поспѣшнѣе они старались выпутаться, тѣмъ сильнѣе заматывались и падали. Напиравшіе сзади падали на передовыхъ и давили ихъ. Произошло смятеніе, безпорядокъ. Этой то минутой и воспользовались «братья». Бросившись на враговъ, они такъ измолотили ихъ цѣпами, что отъ броней и шлемовъ куски летѣли во всѣ стороны.

Началась жестокая схватка. Вдругъ случилось дивное-диво: солнце затмилось, и настала великая тьма. Кто кого

билъ—не было видно. Желѣзные рыцари рубили направо и налѣво и наконецъ, объятые ужасомъ, бросились наутекъ.

Бѣжали позорно, ворча себѣ подъ носъ: «Наши копья ихъ не берутъ, мечи не сѣкутъ, стрѣлы отскакиваютъ отъ нихъ».

Ночь Жижка провелъ на мѣстѣ битвы; утромъ же отправился въ Өаворъ, гдѣ былъ принятъ съ великими почестями.

У Судомержа Жижка выручилъ свое войско женскими платками и юбками, а въ другомъ мѣстѣ, на пути непріятеля, набросалъ нарочно изготовленные маленькіе якоря. Кони накололи себѣ ноги объ острія якорей и тотчасъ же обезножили. Одни падали, другіе становились на дыбы. Боевой порядокъ былъ нарушенъ, и непріятелю пришлось отступить.

Иногда Жижка пускался на такую хитрость: онъ подковывалъ своихъ коней наоборотъ, чтобы направить непріятеля на ложный путь. Но больше всего онъ прославилъ себя системою боевыхъ повозокъ, изъ которыхъ онъ, въ случаѣ нужды, устраивалъ укрѣпленія.

И людей своихъ Жижка научилъ управляться съ этими повозками, сообразно требованіямъ данной минуты. Чаще всего онѣ служили прикрытіемъ. Но если случалось дружинѣ стоять на возвышенности, господствовавшей надъ непріятелемъ, повозки нагружали камнями, передъ ними становилась конница и прикрывала ихъ. Когда же непріятель подступалъ близко, конница разступалась, и возы начинали катиться внизъ, чѣмъ дальше, тѣмъ стремительнѣе; стучали, гремѣли и наваливались на непріятельскіе ряды. Иногда онѣ опрокидывались, и камни, разсыпавшись, убивали и ранили множество народа. Пользуясь смятеніемъ непріятеля, войско Жижки бросалось на него и выигрывало сраженіе.

Жижка былъ въ то время уже пожилымъ человѣкомъ; по сложенію—средняго роста, крѣпкій, плечистый, съ круглымъ широкимъ лицомъ, волосами коротко остриженными и черной повязкой на лѣвомъ глазу. Въ военное время онъ

ѣздилъ на бѣломъ конѣ, въ доспѣхахъ и съ предводительской булавой въ рукѣ. Въ мирное время носилъ круглую кожаную шапку, отороченную мѣхомъ, безрукавый кафтанъ и юбку, а на ногахъ—лапти.

Когда онъ ѣхалъ, окруженный своими подгетманами, впереди шелъ священникъ съ звѣздицей, водруженной на расщепленный шестъ. Священникъ былъ въ облаченіи; въ облаченіи же онъ служилъ обѣдню, какъ и всѣ послѣдователи Гуса. Ѳавористы начали въ послѣднее время вольнодумствовать, и священники ихъ совершали богослуженіе въ обыкновенномъ платьѣ. Жижка терпѣть этого не могъ и называлъ Ѳаворскихъ священниковъ сапожниками.

Много взялъ Жижка городовъ и замковъ и всю корысть отдавалъ «братьямъ», оставляя себѣ только «паутину». Когда братья шли грабить побѣжденный замокъ, Жижка шелъ снимать паутину. Такъ называлъ онъ коптившееся въ каминныхъ трубахъ мясо, окорока, солонину и т. п. Всю эту паутину онъ накладывалъ на возы и возилъ съ собою, чтобы въ часъ нужды продовольствовать братьевъ.

* * *

Братъ Жижка былъ ярымъ мстителемъ за Гуса. Замки, монастыри и костелы враговъ онъ разорялъ и жегъ безъ милосердія. Но его сердцу доступна была и жалость. Однажды въ Прагѣ онъ осадилъ монастырь Св. Анны, намѣреваясь уничтожить его. На порогѣ Св. вратъ упала на колѣни монахиня, его родственница, умоляя дядю именемъ Бога сжалиться надъ нею, надъ сестрами и надъ монастыремъ. Жижка сжалился, и монастырь Св. Анны уцѣлѣлъ.

Не такъ посчастливилось большому Седлецкому монастырю у Кутнагоры. Жижка отдалъ его своей дружинѣ на разграбленіе, наказавъ, во что бы то ни стало, щадить соборъ, замѣчательный по архитектурѣ и отдѣлкѣ.

Одинъ изъ воиновъ, нарушивъ приказаніе предводителя, забрался подъ крышу и поджегъ соборъ. Когда показалось пламя, Жижка сильно разгнѣвался и сталъ допытываться

кто это сдѣлалъ, обѣщая за это дѣло много золота. Поджигатель явился. Тогда разгнѣванный вождь приказалъ отдать ему обѣщанное золото, но сперва расплавить его и влить ему въ глотку. Шибко жаль было Жижкѣ богатаго собора.

Не мало помучился Жижка съ замкомъ Волчинцемъ, который онъ осадилъ по пути къ горѣ Осташѣ надъ Медгуемъ, гдѣ силезцы такъ жестоко мучили и били гуситовъ.

Волчинецъ стоялъ среди лѣсовъ на высокой скалѣ при сліяніи Медгуя и Ждярскаго потока.

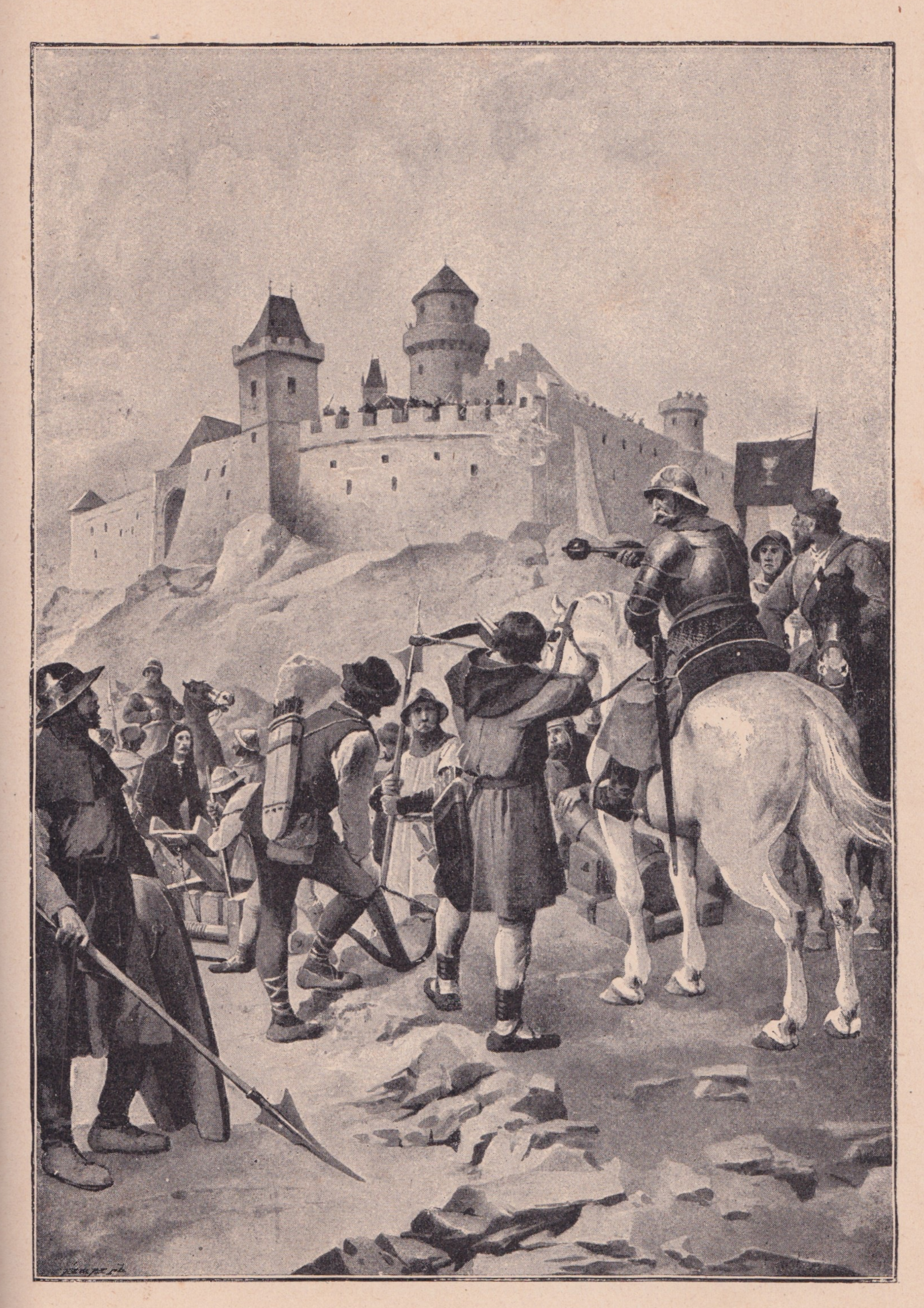
Красивый замокъ этотъ казался заколдованнымъ; ни стрѣла, ни пуля не имѣли надъ нимъ власти. Гуситы хорошо прицѣливались, пушки ихъ неустанно гремѣли днемъ, а часто и ночью. По лѣсамъ раздавались словно громовые раскаты, но все папрасно. Пули отскакивали отъ бастіоновъ, стѣнъ и башенъ, какъ горохъ; оставалось только уходить.

Когда умолкали пушки, въ лагерь Жижки доносились изъ замка чарующіе звуки. Кто то тамъ игралъ на скрипкѣ. Скрипачъ сидѣлъ у окна башни; его было хорошо видно. Жижка приказалъ наилучшему стрѣлку пустить въ него стрѣлу. Стрѣлокъ натянулъ тетиву, стрѣла полетѣла и скрипачъ исчезъ. Съ нимъ вмѣстѣ замолкли и звуки. Тогда по приказанію Жижки стрѣлы посыпались изъ всѣхъ луковъ на стѣны и пробили брешь. Солнце не успѣло закатиться, какъ побѣдные крики братьевъ раздавались уже въ замкѣ.

Ограбили его и сожгли. Цѣлую ночь зловѣщее пламя освѣщало окрестные лѣса и хижины. Замокъ сгорѣлъ, а скрипачъ, такъ долго охранявшій его своими волшебными звуками — исчезъ.

Прошли года; развалины прекраснаго замка поросли лѣсомъ, и шумъ деревьевъ замѣнилъ звуки очарованной скрип ки.

Такимъ воинственнымъ ходомъ шелъ Жижка по землѣ чешской противъ друзей и союзниковъ короля Сигизмунда. Многіе города и замки сами сдавались ему. Въ 1421 г., при осадѣ замка Раби, въ Пильзенштѣ, Жижка былъ раненъ стрѣлою въ глазъ, въ его единственный глазъ. Роковая стрѣла, лишившая зрѣнія славнаго вождя чешскаго, принадлежала

Стрѣлокъ натянулъ тетиву.

земану Коцовскому изъ Коцова. Разсказываютъ также, что Жижкѣ попала, будто-бы, въ глазъ щепка отъ груши, расколотой непріятельской стрѣлой. Пораненіе было такъ тяжко, что Жижка едва остался живъ. Матѳей Лауда изъ Хлумчанъ, гетманъ Ѳаворскій, отвезъ его въ Прагу, гдѣ лѣкаря спасли ему жизнь, но зрѣнія не возвратили. Для славнаго воина свѣтъ померкъ навсегда.

На воротахъ замка Раби, гдѣ постигло Жижку несчастье, нарисована картина. Жижка на конѣ съ булавой въ рукѣ ведетъ войско на приступъ; изъ замка панъ Коцовскій прицѣливается въ Жижку.

Съ тѣхъ поръ уже не могъ Жижка на конѣ предводительствовать войскомъ; но управлялъ боемъ онъ такъ-же искусно, какъ прежде, сидя въ повозкѣ подъ знаменемъ съ изображеніемъ чаши. Сидѣвшіе возлѣ него братья и подгетманы подробно описывали ему мѣстность и расположеніе горъ, скалъ, лѣсовъ, луговъ, долинъ и равнинъ. Передъ битвой онъ распредѣлялъ войско и во время битвы руководилъ дѣйствіями. Побѣдивъ союзниковъ короля Венгерскаго въ Чехіи и Моравіи, Жижка пошелъ противъ самого Сигизмунда. Это было въ 1423 г. осенью, въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Справивъ четыре става повозокъ и заготовивъ какъ можно болѣе пушекъ, Жижка перешелъ границу чешскаго королевства, перевалилъ черезъ горы и вторгся въ Венгрію. Жестоко отплатилъ онъ венграмъ и королю ихъ за насиліе и нехристіанскіе поступки, учиненные въ Чехіи, особенно въ 1420 г., когда не щадили ни женъ, ни дѣтей.

Когда Жижка спустился съ горъ къ Дунаю, люди въ страхѣ разбѣжались и угнали скотъ. Не стало у Жижки продовольствія, и неоткуда было взять его.

Слѣдуя по берегу Дуная, дружина Жижки дошла до деревни, покинутой обывателями. Обыватели уплыли на плотахъ и лодкахъ на сосѣдній островъ и угнали туда скотъ, оставивъ въ хлѣвахъ немногихъ телятъ и поросятъ, которые не были въ состояніи переплыть на островъ.

Венгры тѣшились мыслью, что уберегли отъ чеховъ свой скотъ, и нелѣпо вели себя: кричали, визжали, кивали чехамъ, насмѣшливо зазывая ихъ къ себѣ. Идите, молъ, скота у насъ много. Они отлично знали, что у гуситовъ нѣтъ ни плотовъ, ни лодокъ, и издѣвались.

Но Жижкѣ не нужно было плотовъ и лодокъ; инымъ способомъ добрался онъ до мадьярскихъ стадъ. Въ сумерки приказалъ онъ братьямъ взять изъ хлѣвовъ телятъ и поросятъ, и притащивъ ихъ къ берегу, хорошенько бить, чтобъ животныя погромче и пожалобнѣе ревѣли.

Вскорѣ надъ Дунаемъ раздался такой неистовый ревъ поросятъ и телятъ, что въ ушахъ звенѣло. Когда эти звуки достигли ушей коровъ и свиней, перевезенныхъ на островъ, не выдержали родительскія сердца. Коровы и свиньи, какъ бѣшеныя, поскакали въ воду. Ихъ примѣру послѣдовали изъ подражанія и тѣ животныя, у которыхъ никакого потомства на берегу не осталось. Напрасно венгры кричали, грозили, бранились—ничего не помогало. Рѣка сплошь покрылась плывущими животными, и воздухъ огласился мычаньемъ, блеяньемъ, ревомъ и хрюканьемъ. Вскорѣ стадо выплыло на берегъ, и чехи, весело покрикивая, погнали его въ свой лагерь къ пылающимъ кострамъ.

До той поры венгры передъ Жижкою постоянно отступали, заманивая его въ глубь страны, чтобы погубить навѣрняка. Но онъ скоро уразумѣлъ ихъ тактику и повернулъ обратно въ моравскую землю.

Жижка съ своимъ войскомъ находился въ большой опасности. За нимъ гналась венгерская конница, стараясь окружить, напасть на лагерь, загнать въ рѣки и потопить. Но слѣпой вождь находчивостью своею разрушалъ всѣ ихъ козни и счастливо достигъ Моравы.

Этотъ набѣгъ на венгровъ былъ однимъ изъ славнѣйшихъ подвиговъ Жижки; онъ же былъ и самый опасный. Но Господь Богъ помогъ ему одолѣть врага и счастливо выбраться изъ Венгріи.

Возвращаясь черезъ Моравію въ чешскую землю, Жижка

Каждый воинъ набралъ въ шлемъ глины.

съ дружиной своей остановился близъ Литомышля отдохнуть. Наступилъ полдень, часъ обѣда и отдыха. Старикъ чувствовалъ себя утомленнымъ. Тутъ братья, желая успокоить любимаго вождя, приготовили ему укромное мѣстечко.

Каждый воинъ набралъ въ шлемъ глины и высыпалъ ее на избранномъ мѣстѣ. Глина отъ нѣсколькихъ сотъ шлемовъ образовала порядочный пригорокъ. Сравнявъ его, свели туда Жижку, чтобы онъ спокойно покушалъ. Уходя, пригорокъ не раскидали; онъ существуетъ и понынѣ подъ названіемъ Жижкинъ столъ. Существуетъ повѣрье, что несчастіе постигнетъ того, кто осмѣлится разрушить Жижкинъ столъ.

* * *

По пути въ Моравскую землю, Жижка осадилъ городъ Пржибиславъ и замокъ. Здѣсь, въ лагерѣ, онъ сильно разнемогся. Чувствуя, что уже не встанетъ, Жижка позвалъ своихъ вѣрныхъ «братьевъ», въ томъ числѣ Викторина Подебрада и его сына Юрія, своего крестника, и заклиналъ ихъ именемъ Бога защищать и охранять вѣру и справедливость.

Октября 11-го числа 1424 г. Жижка умеръ подъ грушевымъ деревомъ, а кто говоритъ—подъ дубомъ, такъ какъ подъ дубомъ онъ родился.

Великая скорбь охватила всѣ сердца. Бородатые закаленные воины плакали навзрыдъ. Вся дружина стала именовать себя сиротами, считая, что она потеряла родного отца.

Тѣло умершаго вождя положили въ костелѣ Св. Духа, въ Градцѣ надъ Лабою. Позднѣе его перенесли въ Чаславъ въ соборъ Петра и Павла. Противъ его гробницы виситъ каменное блюдо, на которомъ, одни говорятъ, онъ ѣлъ, а другіе—что состоявшій при немъ священникъ совершалъ на этомъ блюдѣ таинства.

Такъ окончилъ свои дни Янъ Жижка, національный герой, творецъ гуситскихъ войнъ. Много городовъ и замковъ сдалось ему, и нигдѣ онъ не былъ разбитъ наголову. Онъ

сражался не только за чистоту апостольскаго ученія, но и за свободу языковъ чешскаго и славянскаго.

Послѣ его смерти обыватели Градца соорудили себѣ знамя съ изображеніемъ Жижки на бѣломъ конѣ въ рыцарскихъ доспѣхахъ съ булавою, какъ онъ всегда ѣздилъ. И когда градчане подъ этимъ знаменемъ воевали, то никогда не проигрывали сраженія.

* *
*

Ни одинъ изъ чешскихъ дѣятелей не оставилъ въ сердцахъ своихъ соплеменниковъ такихъ глубокихъ воспоминаній, какъ троцновскій герой. Даже мѣсто, гдѣ онъ скончался, сохранилось въ памяти народа подъ названіемъ Жижкино поле. Въ позднѣйшее время, когда память народнаго героя враги его старались очернить и затмить, нашлись люди, пытавшіеся распахать это поле, но изъ этого ничего не вышло. Волъ, запряженный въ плугъ, сдѣлавъ нѣсколько бороздъ, упалъ и издохъ. Жижково поле осталось цѣлиною и поросло кустарникомъ. Кустарникъ росъ такъ буйно, что захватывалъ сосѣдніе участки. Рѣшились его вырвать; но только что приступили къ дѣлу, какъ мотыга выскочила изъ рукъ работника и ранила его въ ногу. Взялись за топоръ; топоръ отскочилъ и изувѣчилъ рабочаго. Кустарникъ такъ и остался. Позднѣе на этомъ мѣстѣ поставленъ былъ памятникъ съ начертаніемъ битвъ, въ которыхъ участвовалъ Жижка.

Въ памяти народа уцѣлѣлъ также Троцновскій дворъ и дубъ, подъ которымъ родился Жижка. Дубъ этотъ существовалъ долго, и народъ почиталъ его и берегъ. Такъ какъ Жижка считался непобѣдимымъ воиномъ, обладавшимъ сверхъестественной силой, многіе искали эту силу на его родинѣ, въ дубѣ, подъ которымъ онъ родился. Ходили туда, рѣзали вѣтви, вырубали топорища и ручки для молотковъ, вѣруя, что орудія эти будутъ обладать большей силой и прочностью. Когда дубъ засохъ и отъ ствола остался только пень, приходили кузнецы и крестьяне, вколачивали въ пень гвозди и вѣрили, что имъ отъ этого прибавится силы и

храбрости. Когда же и пень истлѣлъ, брали щепки и вколачивали ихъ вмѣсто клиньевъ между топоромъ и топорищемъ. Теперь отъ этого дуба и слѣда не осталось.

Всѣ строенія, монастыри и замки, разрушенные въ разное время, особенно въ Тридцатилѣтнюю войну, народъ приписываетъ Жижкѣ. Всякую старую насыпь, хотя бы она относилась къ древнѣйшимъ временамъ, называютъ Жижковой насыпью. Тоже и относительно валовъ. Если вы спросите о нихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Жижка проходилъ походомъ, вамъ непремѣнно отвѣтятъ, что это Жижковы окопы. Воспоминанія о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ останавливался, гдѣ отдыхалъ, откуда дѣлалъ набѣги, сохранились въ памяти народной и передаются отъ поколѣнія въ поколѣніе.

У Рихмбурка есть прудъ «Шпалинецъ». Вамъ скажутъ, что этотъ прудъ называется такъ потому, что здѣсь Жижка спалилъ монаховъ, взятыхъ при осадѣ Подлажицкаго монастыря. Въ самомъ Рихмбуркѣ есть Жижкова скала. Она находится какъ разъ противъ замка, а отдѣляется отъ него узкимъ ущельемъ. Расказываютъ, что Жижка велѣлъ высѣчь въ ней углубленіе, чтобъ поставить пушку и стрѣлять въ замокъ, въ стѣнахъ котораго сидятъ и до сихъ поръ два каменныхъ ядра изъ гуситскихъ орудій.

По дорогѣ изъ Радки къ Вамберицамъ, на краю лѣса, можно видѣть скалу съ подобіемъ человѣческой головы въ шлемѣ и съ повязкой на глазу. Эта скала зовется «Жижкова голова» не только у чеховъ, но и у нѣмцевъ тѣхъ странъ.

Въ Находѣ есть «Жижковъ столъ», большой плоскій камень на известковой подставкѣ. У этого стола, говорятъ, Жижка ѣлъ, когда возвращался изъ Моравы. На Находскій замокъ онъ не покушался, а только поглядѣлъ на него и сказалъ, что это осиное гнѣздо того не стоитъ.

Есть еще Жижковъ столъ въ краю Градецкомъ Этотъ столъ, говорятъ, былъ золотой, а посуда, которая служила Жижкѣ—серебряная. Когда Жижка за тѣмъ столомъ трапезовалъ, воины стояли кругомъ и пѣли. Потомъ, по приказанію вождя, посуду зарыли въ землю и пошли дальше.

Золотой столъ и серебряная посуда находятся тамъ и понынѣ. Никому не удалось дорыться до нихъ.

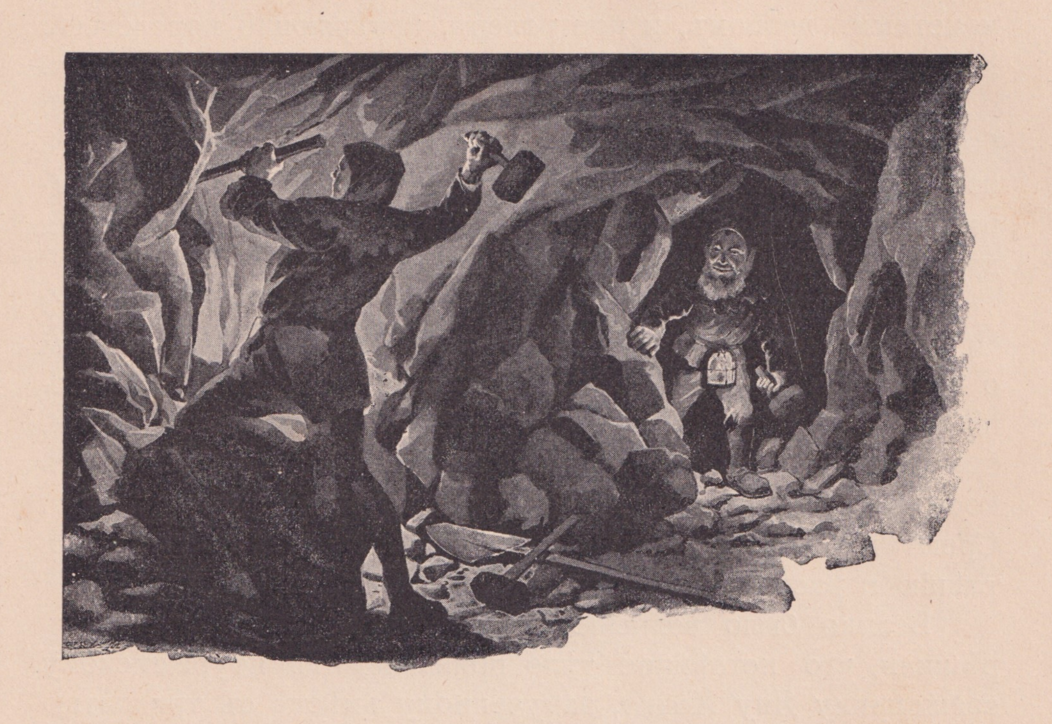
Зато Жижковы подковы находятъ сколько угодно. Кто бы ни нашелъ въ землѣ подкову, ни мало не сомнѣвается, что она Жижкова. Отличительнымъ признакомъ ея служатъ круглыя дыры.

Кромѣ столовъ, скалъ и насыпей, есть еще Жижковы деревья, больше всего липы, въ тѣни которыхъ отдыхалъ полководецъ.

Такимъ образомъ исполнились о Янѣ Жижкѣ слова лѣтописца:

«Слава о немъ разнесется до дальнихъ концевъ земли и будетъ пребывать вовѣки».

Кутногорскіе рудокопы.

Исполнилось пророчество Любуши; изсякнувшая металлоносная жила появилась вновь. Случилось это въ правленіе Владислава Ягеллона и Юрія блаженной памяти.

Много металлоносныхъ жилъ открылось у Кутной горы. Много шахтъ было заложено, много старыхъ расчищено. Общество золотопромышленниковъ множились; рабочіе рудокопы прибывали артель за артелью. Набожное пѣніе ихъ раздавалось изъ глубины шахтъ.

Благословенныя нѣдра горъ изобиловали металломъ, край богатѣлъ, дома въ городѣ выростали какъ грибы, городъ заселялся. Много пріѣзжало купцовъ и промышленниковъ. Шумно было на площадяхъ, на улицахъ и въ особенности на такъ называемомъ Влашскомъ дворѣ, гдѣ находилась государственная канцелярія, минцмистръ, управляющій

монетнымъ дворомъ, и контролеръ, повѣряющій королевскіе доходы отъ рудниковъ. Случалось, что наѣзжалъ и король.

Подъ канцеляріей и роскошными покоями королевскими были подвалы, полные дорогого металла, и мастерскія, гдѣ изъ серебряныхъ слитковъ чеканили чешскіе гроши съ надписью на одной сторонѣ: «Грошъ чешскаго люда», а на другой—«Воюющаго во славу Божію».

Процвѣтала Кутнагора и была вторымъ мѣстомъ послѣ Праги. Въ правленіе Владислава вспомнили Кутногорцы о чешскихъ мученикахъ, подобояхъ, которые во время гоненія на гуситовъ жестоко пострадали. Многіе были убиты, иные заживо брошены въ шахты. Кутногорцы извлекли ихъ кости изъ глубины шахтъ и предали честному погребенію. Среди груды костей найдено было тѣло, не предавшееся тлѣнію и распространявшее благоуханіе подобно миррѣ.

Велико было волненіе чеховъ, и всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что нетлѣнное тѣло принадлежитъ коуржемскому священнику Яну Ходко, замученному вмѣстѣ съ тридцатью другими священниками.

Это случилось въ 1492 г.

Изъ глубины шахтъ, даровавшихъ кутногорцамъ такую удивительную находку, вскорѣ послышался рокотъ приближающейся бури. Рудокопы заволновались. Что-де за порядки такіе, что бѣдный людъ тяжелымъ трудомъ содѣйствуетъ благосостоянію людей и безъ того богатыхъ. Нѣдра земли даютъ столько руды, что и королевская казна могла бы быть полна и рабочій людъ лучше вознагражденъ за трудъ. Рудокопы очень хорошо знали, что алчность чиновниковъ причина такой несправедливости. Всего серебра они не посылали въ Прагу; часть утаивали, а отъ заработка рудокоповъ утягивали.

Глубоко подъ землею, въ шахтѣ, которую едва освѣщало трепещущее пламя ночника, неутомимо работалъ рудокопъ, ломая шлаки и добираясь до рудоносной жилы. Иногда онъ останавливался и, приложивъ ухо къ землѣ, прислушивался, не зоветъ ли его кто по имени; или пугливо озирался, не

покажется ли гдѣ нибудь карликъ въ одеждѣ рудокопа съ фонаремъ у пояса и молотомъ въ рукѣ. Этотъ маленькій человѣчекъ былъ хозяиномъ въ нѣдрахъ горъ. Онъ любилъ подшучивать надъ рудокопами, но онъ же и наводилъ ихъ на рудоносную жилу.

Не томила бы рудокоповъ привычная работа, если-бъ не возмущали ихъ безчестные поступки чиновниковъ, которые всячески старались утянуть у нихъ что-нибудь изъ заработка. Случалось, что они удерживали цѣлую половину, и рудокопамъ нечѣмъ было прокормить свои семьи. Многіе находились въ крайней нуждѣ.

Горько имъ было. Тужили и открыто жаловались; статочное ли дѣло, чтобы богачи все богатѣли, а бѣдняки все бѣднѣли. И короля имъ было жалко. Видѣли они, какая масса добывается металла и какъ мало чиновники посылаютъ въ Прагу. Пытались, было, добиться справедливости, но ни чиновники, ни управляющіе ихъ и слушать не хотѣли. А когда они сходились, чтобъ потолковать о своихъ дѣлахъ, надсмотрщики съ помощью полиціи и солдатъ разгоняли ихъ. Подумали, погадали и рѣшили послать пословъ къ королю, который находился тогда въ Венгріи, въ Будинскомъ замкѣ.

Въ волненіи ждали рудокопы возвращенія пословъ, вполнѣ увѣренные, что какъ только король выслушаетъ пословъ, то все тотчасъ же приведетъ въ порядокъ и правда восторжествуетъ.

Послы, вышедшіе тайно съ горъ, также тайно и вернулись. Это было въ іюлѣ 1496 г. Всѣ рудокопы, не бывшіе въ шахтахъ, сбѣжались къ Влашскому двору послушать новости, принесенныя послами. Они утѣшали себя мыслью, что какъ только паны услышатъ эти новости, такъ и струсятъ.

Паны не струсили, но и рудокопы не возрадовались. Новости были неутѣшительныя. Король за нихъ не заступился, порядка не водворилъ и пословъ не выслушалъ по той простой причинѣ, что ихъ до него не допустили. Вотъ каковы были новости. Кромѣ того, послы сообщили, что рудокопы у Его Величества оклеветаны, что они не въ милости.

Такъ сказали имъ придворные, посовѣтовавъ по добру по здорову убираться восвояси, чтобы не попасть, какъ-нибудь ненарокомъ, въ тюрьму.

Словно громъ грянулъ изъ чистаго неба. Гнѣвный крикъ вырвался изъ всѣхъ глотокъ. Сто, тысяча, нѣсколько тысячъ кулаковъ грозили Влашскому двору, тысячи глотокъ проклинали чиновниковъ, называя ихъ предателями, лгунами, злодѣями, умѣющими только притѣснять честный людъ и обкрадывать своего короля.

Когда же на зубчатой стѣнѣ появился секретарь, собиравшійся что-то сказать народу, поднялся такой крикъ и гвалтъ, что секретарь счелъ за лучшее убраться по добру по здорову. И самъ минцмистръ ничего не могъ подѣлать. На его приказаніе разойтись, рудокопы принялись требовать повышенія платы, иначе грозили бросить работу. Пусть-де паны сами добываютъ себѣ богатство, какъ знаютъ.

Во всемъ городѣ запирали окна и двери. Всѣ страшно трусили. Въ эту ночь никто не сомкнулъ глазъ.

Рудокопы шумѣли всю ночь; выносили имущество, выводили женъ и дѣтей, скликали товарищей, которые оставались еще въ шахтахъ.

Ни полиція, ни администрація не могли водворить порядка. Горсть вооруженныхъ солдатъ не въ силахъ была справиться съ тысячами взбѣшенныхъ рудокоповъ. Горожане начали уже желать, чтобы они ушли, опасаясь кровопролитія и поджоговъ.

Подобно бурному потоку неслась толпа рудокоповъ раннимъ утромъ по Кутногорскимъ улицамъ. Шли они подъ знаменами со всѣми своими орудіями и горланили старинную гуситскую пѣсню, несмотря на то, что эту пѣсню королевскимъ указомъ запрещено было пѣть подъ страхомъ смерти.

Шесть тысячъ рудокоповъ вышли отъ города и поднялись на гору. Здѣсь они стали лагеремъ и, по совѣту старшинъ, окопались. На Кутнагорѣ стало тихо, но не весело. Паны боялись рудокоповъ и тужили, что работа остановилась.

Чины влашскаго двора были сильно раздражены сопротивленіемъ рабочихъ и придумывали, какъ бы ихъ наказать и заставить работать. Писали бумагу за бумагой, припечатывали и съ этими бумагами отправляли верховыхъ въ разныя стороны.

* * *

Минулъ день, другой, третій, и еще день, а рудокопы все стояли въ своемъ лагерѣ, на горѣ. Поджидали они, не пошлютъ ли за ними изъ города, чтобы воротились, принялись за дѣло, и не предложатъ ли имъ должное вознагражденіе. Никто, однако, не пришелъ; ни одна душа не показывалась на дорогѣ. Уже насталъ вечеръ пятаго дня. На насыпи вокругъ лагеря стали караульные, вооруженные молодые рудокопы.

А въ лагерѣ люди, особенно старшины, были въ большой тревогѣ. Они подозрѣвали, что кутногорцы строятъ козни, и, кромѣ того, боялись, что за недостаткамъ продовольствія имъ долго не продержаться въ лагерѣ.

Уснули поздно и не надолго. Передъ разсвѣтомъ разбудилъ ихъ окрикъ. Караульные кричали, что приближается какая-то толпа. Когда старшины взбѣжали на валъ и стали всматриваться, то въ утреннемъ полумракѣ увидали темную массу конныхъ и пѣшихъ людей. Шли они отъ полночи, отъ города Колина.

Съ другой стороны вала закричали, что идетъ еще толпа отъ Часлава; въ то-же время выступила толпа изъ города съ трубами и барабаномъ.

Теперь стало ясно, что все это полчище идетъ на рудокоповъ: и справа, и слѣва, и со всѣхъ сторонъ. Жители Часлава и Колина получили извѣщеніе отъ кутногорцевъ, что рудокопы бунтуютъ, замышляютъ убійства и уничтоженіе шахтъ, и поспѣшили на помощь.

Когда совсѣмъ разсвѣло, рудокопы увидали, что отъ Подебрадъ идетъ вооруженный отрядъ и много всадниковъ подъ предводительствомъ гетмана королевскаго Подебрадскаго замка, Онека Каменицкаго изъ Топицъ.

Лагерь рудокоповъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Подошва горы была словно затоплена войскомъ. Тутъ было по крайней мѣрѣ 4000 человѣкъ.

Рудокопы по указанію старшинъ раздѣлились на отряды и взяли оружіе, у кого было, а остальные—кирки и молоты и стали ждать непріятеля. Сговорились держаться въ оборонительномъ положеніи, но не нападать; пощады просить не хотѣли.

Нѣкоторымъ пришло въ голову, что не мѣшало бы объясниться съ гетманомъ. Можетъ быть, онъ не знаетъ, что происходитъ въ Кутнагорѣ, потому и начинаетъ враждебныя дѣйствія; а какъ узнаетъ, то, можетъ быть, уйметъ кутногорцевъ и поможетъ рудокопамъ дойти до короля, либо самъ объяснитъ ему, въ чемъ дѣло.

И вотъ, ко всеобщему удивленію гетманъ отдѣлился отъ своего отряда и подъѣхалъ къ окопамъ. Старшины вышли къ нему навстрѣчу, и одинъ изъ нихъ сѣдобородый Опатъ, говоря отъ лица товарищей, объяснилъ гетману, что они вовсе не бунтовщики и не желаютъ пролитія крови, а отстаиваютъ свое право и просятъ только, чтобы ихъ выслушалъ Его Милость король.

— Если это такъ, то идемте со мной въ Подебрады, и я объясню Его Милости, чего вы желаете, предложилъ гетманъ.

— Мы съ радостью пошли бы, но боимся за свою жизнь.

— Ничего вамъ не будетъ; вѣрьте моему слову.

Старшины повѣрили его рыцарскому слову и согласились. Сообщивъ товарищамъ о переговорахъ съ гетманомъ и простившись съ своими семействами, они пошли въ Подебрадъ. Было ихъ тринадцать человѣкъ. Остальные съ семействами возвратились въ Кутнагоры, чтобы тамъ ожидать извѣстій.

Не весело выглядѣли старшины, слѣдовавшіе за гетманомъ. Смутное предчувствіе тяготило ихъ душу. Не разъ оглядывались они назадъ. Стараясь вѣрить рыцарскому слову гетмана, они всетаки сознавали, что находятся въ его власти.

Гетманъ помѣстилъ ихъ въ службахъ Подебрадскаго

замка и снабжалъ всѣмъ необходимымъ. По двору они могли прогуливаться свободно, но этимъ и ограничивалась ихъ свобода. Дальше ходить было некуда: подъемный мостъ былъ всегда поднятъ.

На третій день гетманъ снялъ съ нихъ краткій допросъ и обѣщалъ тотчасъ же послать гонцовъ къ королю съ письменнымъ донесеніемъ, а по возвращеніи гонцовъ тотчасъ же ихъ увѣдомить. «Отвѣтъ, Богъ дастъ, будетъ добрый», говорилъ онъ и просилъ имѣть терпѣніе.

Гетманъ, дѣйствительно, послалъ донесеніе, но не такое, на какое надѣялись уполномоченные. Подкупленный кутногорцами, онъ подтверждалъ обвиненіе, взведенное на рудокоповъ влашскимъ дворомъ. Онекъ доносилъ, что рудокопы опасные бунтовщики, и что ради Кутнагоры, этого перла чешской короны, ихъ слѣдуетъ, для примѣра другихъ, лишить живота. Прежде чѣмъ воротились послы, гетманъ успѣлъ съѣздить въ Кутнагоры и, сообщивъ панамъ о своихъ подвигахъ, предложилъ приготовить для тринадцати старшинъ саваны, такъ какъ въ отвѣтѣ короля не сомнѣвался.

Для старшинъ приготовили саваны, а гетману отсыпали изрядное количество серебра. Вскорѣ по возвращеніи гетмана въ Подебрады, вернулись и гонцы изъ Венгріи. Прибыли въ тотъ самый вечеръ, но рудокопы объ этомъ ничего не знали. Утромъ гетманъ позвалъ трехъ старшинъ и приказалъ имъ идти въ Кривоклатъ. Тамъ, говорилъ онъ, открылась руда, и нужны знающіе люди, чтобъ наладить дѣло.

Обманутые такимъ образомъ рудокопы, простились съ товарищами до скораго и, какъ они думали, болѣе счастливаго свиданія. Не предчувствовали бѣдные, что свиданію этому на сей землѣ уже не состояться. Также не подозрѣвали они, что ихъ провожатый везетъ смертный приговоръ и приготовленные для нихъ саваны.

Десять оставшихся не имѣли никакого понятія объ указѣ, привезенномъ изъ Венгріи. Дня три спустя, рано утромъ, гетманъ позвалъ оставшихся старшинъ. Ихъ удивило такое

раннее распоряженіе. Вѣрно, вернулись гонцы изъ Венгріи, подумали они.

Въ канцелярію ихъ не повели, но поставили на дворѣ, противъ галлереи, огибающей канцелярію.

На дворѣ еще лежали ночныя тѣни, но стрехи и крыши башенъ уже позолотило восходящее солнце. Кругомъ двора стояли вооруженные солдаты; ихъ было очень много.

Старшины испуганно озирались, недоумѣвая, что все это значитъ. Недолго пришлось ждать имъ. Изъ канцеляріи вышелъ Онекъ Каменицкій въ черной шляпѣ съ чернымъ перомъ и золотымъ шнуромъ, въ черномъ кафтанѣ и черныхъ чулкахъ. За нимъ шелъ Ждярскій, судья города Подебрада, и чиновники замковаго правленія.

Гетманъ, держа въ рукахъ бумагу, объявилъ, что, по указу Его Милости короля, всѣ стоящіе тутъ рудокопы, а равно и тѣ, которые посланы въ Кривоклатъ, приговорены, какъ бунтовщики, къ смертной казни.

У старшинъ кровь застыла въ жилахъ, и не столько отъ страха, сколько отъ негодованія на вѣроломство гетмана.

— Ты безстыдный предатель, измѣнникъ своему слову, недостойный званія дворянина,—кричали несчастные, взволнованные до глубины души.

Мрачный какъ туча, гетманъ кивнулъ жолнерамъ. Они схватили осужденныхъ и отвели въ казарму, гдѣ ожидали уже палачи: Сохоръ, замковый и Колоухъ, городской, оба съ своими помощниками. Тамъ осужденныхъ переодѣли въ саваны, и священникъ пришелъ напутствовать ихъ на послѣднюю дорогу.

Когда пробило 9 часовъ, сковали ихъ по два вмѣстѣ и повели изъ замка. Гетманъ ѣхалъ впереди, окруженный стражею. За нимъ слѣдовали судьи и десятскіе.

По городу быстро разнеслась вѣсть о предстоящей казни, и огромныя толпы народа бросились сопровождать печальное шествіе.

Всѣ роптали на жестокій приговоръ и въ особенности на гетмана и сердечно жалѣли несчастныхъ рудокоповъ.

Гетманъ ѣхалъ впереди.

Босые, въ бѣлыхъ саванахъ, они совершали послѣднiй свой путь. У нихъ мутилось въ глазахъ, и звонъ по умирающимъ глухо отдавался въ ушахъ.

Они шли какъ въ туманѣ. Страшный конецъ наступилъ такъ быстро, такъ неожиданно! Никому изъ нихъ и въ голову не приходило, чтобы могло такъ случиться. Давно ли гетманъ успокаивалъ ихъ и увѣрялъ, что все хорошо кончится.

«Послѣ всѣхъ обидъ и безправія еще смерть! А жены, а дѣти? Нѣтъ, это невозможно, это было бы слишкомъ жестоко». Такія мысли роились въ ихъ разгоряченномъ мозгу. «Невозможно, немыслимо! А оковы? а звонъ по умирающимъ? Все это только для устрашенія; паны просто хотятъ попугать насъ. Дойдемъ до мѣста, и гетманъ объявитъ помилованіе».

Такъ утѣшали себя несчастные, раздувая въ сердцахъ своихъ послѣднюю искру надежды.

Минули Подебрадскій замокъ въ равнинѣ при Лабѣ, перешли мостъ, минули деревню Клукъ и пришли на роковое мѣсто среди большого луга. Старая груша раскинула надъ нимъ свою вѣтвистую крону. Еще шире раскинулся высокій дубъ. Могучія вѣтви его почти касались земли.

У этого дуба остановилось шествіе. Гетманъ, сидя на конѣ, крикнулъ палачу Колоуху:

— Дѣлай свое дѣло.

Эти слова потушили всякую надежду. Теперь увидали рудокопы, что имъ уже назадъ не вернуться, что все это не устрашеніе только, а грозная правда. Послѣдній путь совершенъ, и это ихъ послѣдняя станція; за нею—вѣчность!..

Гнѣвъ потухъ. Великая скорбь въ послѣдній разъ сжала сердца несчастныхъ, и мысль, освободившись отъ всего земного, вознеслась къ небесамъ.

— Боже правый!—взывали они, упавъ на колѣни.—Ты зришь неправду, совершенную надъ нами. Пошли небесную росу, чтобы она омыла невинную нашу кровь!

Этотъ крикъ изъ глубины души потрясъ присутствующихъ. Колоухъ, стоявшій наготовѣ съ мечемъ въ рукѣ, бросилъ его подъ грушу и въ волненіи крикнулъ:

— Не буду казнить!..

Но Сохоръ, палачъ замковый, не могъ ослушаться гетмана, своего господина. Онъ выступилъ впередъ и принялся за дѣло.

Старый Симонъ подошелъ первый и, ставъ на колѣни, наклонилъ голову. Надъ нею, словно балдахинъ, раскинулись зеленыя вѣтви дуба. Мечъ сверкнулъ въ рукѣ палача, струя крови брызнула высоко, окропила зеленую вѣтвь и крупными каплями закапала на землю.

За Симономъ пошли остальные. Когда же послѣднее обезглавленное тѣло упало на траву, на небѣ, дотолѣ ясномъ, появилось темное облачко. Съ ужасающей быстротою росло оно и, наконецъ, закрыло все небо. Раздался оглушительный ударъ грома, словно гласъ разгнѣваннаго неба; сильный вихрь закачалъ вершины дуба и груши, рвалъ съ нихъ вѣтки и листья и разбрасывалъ по сторонамъ. Народъ набожно крестился, вспоминая послѣднюю молитву казненныхъ, и спѣшилъ домой, со страхомъ повторяя: «Божій судъ! Божій судъ! Богъ услышалъ голосъ невинныхъ мучениковъ».

Едва окончилось погребеніе казненныхъ, какъ полилъ дождь; дождь жестокій, небывалый ливень. Лошадь гетмана, въѣзжая въ замокъ, поскользнулась и упала вмѣстѣ съ всадникомъ.

Дождь шелъ безпрерывно девять дней и девять ночей. Рѣки вышли изъ береговъ, затопили поля въ окрестностяхъ Подебрада и Кутнагоры, и уничтожили жатву.

Одновременно совершилась казнь въ Кривоклатѣ; но погибли только двое. Третій, Витъ Крхнавый, разорвалъ оковы, камнемъ оглушилъ палача и бѣжалъ. По обычаю того времени, осужденный, спасшійся отъ палача, считался неприкосновеннымъ.

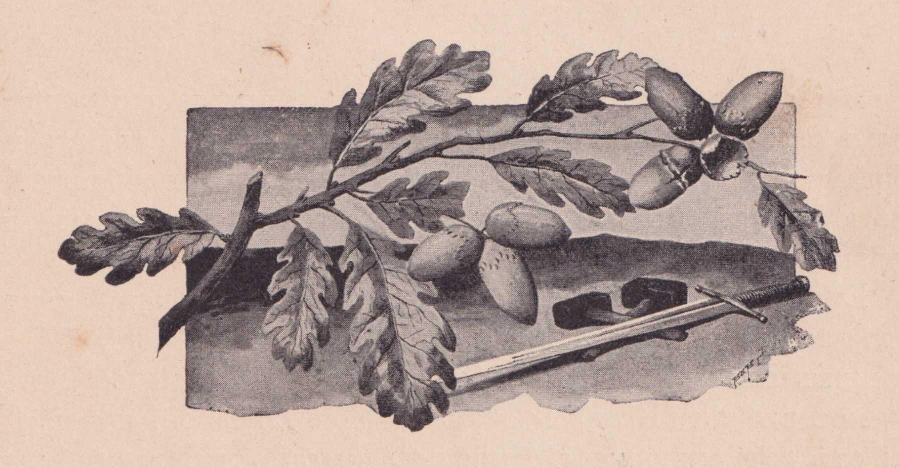
* * *

Когда король Владиславъ, вернувшись въ Чехію, узналъ всю правду о Подебрадскомъ судѣ, онъ тотчасъ же поѣхалъ въ Кутнагоры, вызвалъ чиновниковъ, гетмана, спасшагося

Вита Крхнаваго, другихъ рудокоповъ и всѣхъ разспросилъ. Онекъ изъ Топицъ и виновные чиновники были вздернуты на дыбу. Онекъ не выдержалъ и умеръ.

Кутногорскіе рудники, послѣ жестокой расправы съ рудокопами, быстро пришли въ упадокъ. На лобномъ мѣстѣ, гдѣ умерли мученики, появилось диво. На дубу, подъ которымъ совершилась казнь, стали рости жолуди величины необыкновенной и формою своего похожіе на головной уборъ рудокоповъ; а на вѣткѣ, обагренной кровью, появились красные листья. Во время неурожая, когда на другихъ дубахъ не было ни одного жолудя, этотъ дубъ былъ всегда покрытъ ими. Эти жолуди пользовались особой славой; издалека приходили за ними и, оправивъ въ серебро и золото, носили на шеѣ, какъ талисманъ.

Подобные жолуди не росли нигдѣ, кромѣ дуба у деревни Клукъ, на лобномъ мѣстѣ. Существовалъ онъ долго, до 1777 г., когда сильный ураганъ вырвалъ его съ корнемъ.

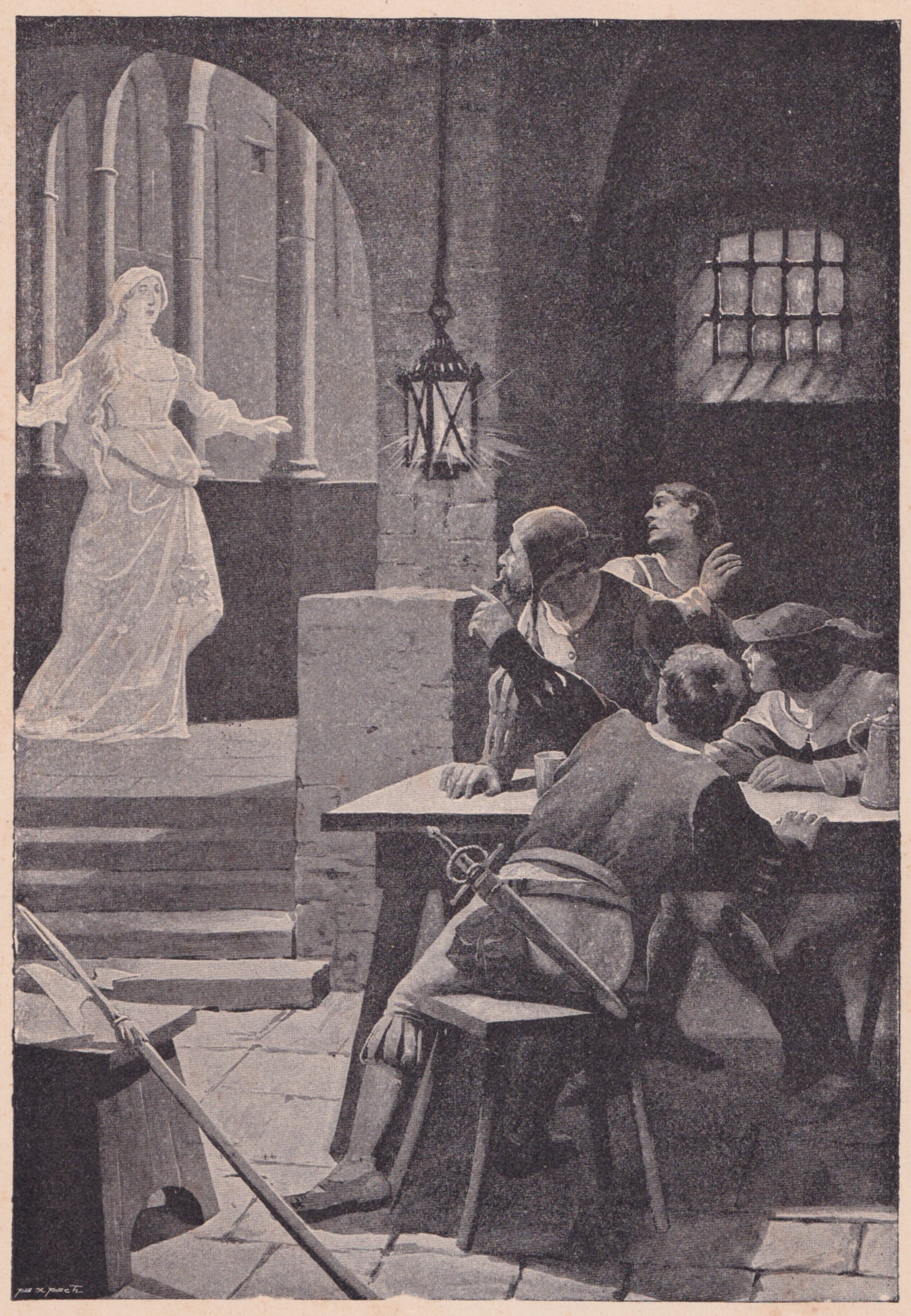

Бѣлая дама.

День за днемъ, годъ за годомъ, все къ смерти ближе. Долго стоитъ она у дверей, и вдругъ вбѣжитъ совсѣмъ неожиданно. Иногда она возвѣщаетъ о своемъ приближеніи. Многіе вѣрятъ въ эти предзнаменованія и разсказываютъ случаи, дѣйствительно, необыкновенные.

Если кому нибудь изъ строетицкихъ земановъ надлежало умереть, онъ видѣлъ бѣлаго воробья. Въ родѣ Пржиховскихъ слышался звукъ охотничьяго рога, лай собакъ и конское ржанье. Когда въ замкѣ Раби большой, почернѣвшій отъ времени шкафъ начиналъ ни съ того, ни съ сего трястись и издавать глухой звукъ, всѣ знали, что кто нибудь изъ близкихъ родственниковъ умеръ. Черниновы передъ смертью слышали странные звуки; какъ будто кто песокъ сыпалъ или дресву. Лобковичамъ слышался колокольный

Въ бѣлой одеждѣ и съ бѣлымъ покрываломъ на головѣ.

звонъ; а когда долженъ былъ угаснуть кто нибудь изъ рода Коловратовъ, надгробный камень надъ прахомъ предка, прославившагося при Карлѣ IV, начиналъ потѣть.

Во многихъ семьяхъ являлась бѣлая дама. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она показывалась, должно было случиться какое нибудь событіе, печальное или радостное. Предстояло кому нибудь родиться, либо умереть, либо сочетаться бракомъ, бѣлая дама всегда являлась въ одномъ и томъ же видѣ: высокая, величавая, въ бѣлой одеждѣ и съ бѣлыхъ вдовьимъ покрываломъ на головѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда она предвѣщала несчастіе, на рукахъ ея были надѣты черныя перчатки.

Являлась она во всякое время, но чаще ночью. Мелькала въ старой высокой башнѣ, куда не было приступа, такъ какъ деревянная лѣстница давно уничтожена была пожаромъ. И когда люди съ ужасомъ глядѣли на таинственное видѣніе, указывая на него пальцами другъ другу, видѣніе сразу не исчезало; бѣлая дама продолжала стоять у окна; потомъ начинала дѣлаться меньше и меньше, словно удаляясь вглубь башни, и, наконецъ, совсѣмъ исчезала.

Ночью она являлась тоже вся въ бѣломъ, величавая, но не страшная. Свободно шла она по корридорамъ со связкой ключей у пояса, шла быстро, словно куда то спѣшила; одинъ покой отворяла, другой—замыкала. Ни къ кому она не подходила; а если случалось кому встрѣтить ее въ таинственномъ блужданіи и поклониться ей, она отдавала поклонъ наклоненіемъ головы, либо словами, которыя звучали подобно шелесту листьевъ или дуновенію легкаго вѣтерка.

Роду пановъ изъ Градца и Розмберка, съ которымъ бѣлая дама была связана родственными узами, она выказывала особую заботливость и попеченіе.

Въ 1539 г. у пана Іошта изъ Розмберка, лежавшаго на смертномъ одрѣ родился сынокъ, Петръ Вокъ, послѣдній отпрыскъ стариннаго рода. Няня и кормилица оберегали новорожденнаго и не спускали съ него глазъ. Но кромѣ нихъ, была у него таинственная попечительница, заботливая и любящая.

Ночью, когда весь Крумловскій замокъ бывалъ погруженъ въ глубокій сонъ, въ томъ числѣ няня и кормилица, являлась бѣлая дама. Окна и двери комнаты, въ которой спалъ маленькій Петрикъ, были всегда закрыты. Явится бѣлая дама неизвѣстно откуда, встанетъ посреди комнаты, и мѣсто, гдѣ она стоитъ, освѣтится таинственнымъ, точно луннымъ свѣтомъ.

Подойдетъ бѣлая дама къ колыбели, откинетъ пологъ, и, наклонившись, долго смотритъ на Петрика, послѣдняго отпрыска славнаго рода Розмберка.

Заплачетъ ребенокъ, бѣлая дама возьметъ его на руки качаетъ, гладитъ, цѣлуетъ. Ребенокъ утихнетъ, бѣлая дама положитъ его въ колыбель и исчезнетъ; съ нею исчезнетъ и мѣсячный лучъ.

Однажды проснулась нянька и чуть не умерла отъ страха. Дрожа, смотрѣла она на таинственное видѣніе и не могла выговорить ни слова. Наконецъ, поняла она, что это та самая бѣлая дама, о которой она такъ много слышала, и стала умолять непрошенную няньку не дѣлать вреда дитяти.

Когда же видѣніе исчезло, она разбудила кормилицу и дрожащимъ голосомъ сообщила ей, что она видѣла. Обѣ въ трепетѣ подбѣжали къ колыбели, но тамъ было все въ порядкѣ. Петрикъ спалъ какъ сурокъ, щечки его алѣли, проснулся здоровъ и веселъ, и во весь день ничего съ нимъ не случилось.

Въ слѣдующую ночь няня и кормилица усѣлись около колыбели и рѣшились не смыкать глазъ. Въ страхѣ ожидали онѣ, посматривая на двери, на окна, прислушиваясь къ малѣйшему шороху. На старой башнѣ пробила полночь, и въ горницѣ высвѣтило. Въ центрѣ свѣта стояла бѣлая дама.

Тихо подошла она къ колыбели, заглянула въ нее; когда ребенокъ заплакалъ, взяла его на руки, качала и убаюкивала, пока онъ не уснулъ. Затѣмъ исчезла невѣдомо какъ, словно растаяла. Дитя спокойно спало и проснулось совсѣмъ здоровымъ.

На слѣдующую ночь обѣ женщины дежурили уже спокойнѣе; страхъ потерялъ свою остроту. Опять пришла бѣлая дама, и опять нянчила и ласкала дитя. Когда она исчезла, обѣ няньки тотчасъ же уснули, не бодрствуя до утра, какъ наканунѣ.

Каждую ночь приходила бѣлая дама, но няньки уже не обращали на нее вниманія и спали спокойно, вполнѣ увѣренныя, что таинственная посѣтительница не сдѣлаетъ вреда ребенку.

Случилось, что нянька занемогла, и на ея мѣсто взяли новую. Когда эта новая въ первый разъ увидала бѣлую даму, она такъ испугалась, что не осмѣлилась пикнуть. Кормилица, выслушавъ ея разсказъ утромъ, посовѣтовала ей спать спокойно; бѣлая женщина понянчится за нихъ съ ребенкомъ и вреда ему не сдѣлаетъ. Такой совѣтъ не понравился новой нянькѣ. Она отвѣчала, что блуждающему духу не довѣряетъ, и что если съ панычемъ что случится, она должна будетъ дать отвѣтъ и Богу, и господину.

На слѣдующую ночь новая нянька не легла спать и, сидя у колыбели, въ волненіи ждала полуночи. Призракъ явился какъ и прежде, въ самую полночь. Тихо, плавной поступью, подошла бѣлая дама къ колыбели и, замѣтивъ, что дитя не спокойно, взяла его на руки и начала убаюкивать. Въ эту минуту подошла къ ней новая нянька. Встревоженная, какъ насѣдка за своего цыпленка, она съ сердцемъ рванула дитя съ рукъ призрака. Бѣлая дама не выказала гнѣва. Она стояла неподвижно, пристально глядя на смѣлую няньку.

— Знаешь ли ты, дерзкая, что дѣлаешь. Я близкая родственница этого младенца и имѣю на него право. Неужели я не сумѣю за нимъ присмотрѣть.

Взоръ няньки обратился къ стѣнѣ, куда отошла бѣлая дама. Когда она сдѣлала на стѣнѣ знакъ креста, стѣна раздвинулась, и видѣніе исчезло. Въ ту же секунду свѣтъ потухъ, и мракъ окуталъ горницу.

Опомнившись, нянька едва была въ силахъ положить дитя въ люльку; такъ тряслись у нея ноги.

Съ тѣхъ поръ не видали бѣлой женщины ни няня, ни кормилица; больше не приходила она понянчить panыча. Когда Петръ Вокъ выросъ, онъ узналъ о своей таинственной попечительницѣ и о томъ, что она исчезла въ стѣну его дѣтской. Часто толковали объ этомъ, и вотъ однажды пану Петру пришло на мысль разрушить стѣну въ этомъ мѣстѣ. Когда же каменщики проломали стѣну, то наткнулись на богатый кладъ.

Это было наслѣдіе предковъ. Любуясь на находку, Петръ Вокъ съ благодарностью вспоминалъ бѣлую даму, которая о немъ такъ постаралась.

Также послужила бѣлая дама послѣднему изъ пановъ Градца, пану Іоахиму. Въ 1604 году лежалъ панъ Іоахимъ тяжко больной, и никто не сомнѣвался, что онъ долженъ умереть. Была зима, январь мѣсяцъ. Ночью поднялся сильный вѣтеръ, такъ что оконныя рамы дрожали. Духовникъ пана Іоахима внезапно проснулся. Показалось ему, что кто то его кличетъ. Вскочивъ съ постели, онъ быстро одѣлся. Вдругъ отворилась дверь, и въ дверяхъ встала, какъ смутная тѣнь, бѣлая дама.

— Не мѣшкай, иди за мною,—прошептала она. Священникъ хотѣлъ высѣчь огня, но дѣло не ладилось; руки дрожали. Бѣлая женщина взяла у него фонарь, дунула на фитиль, и яркій свѣтъ озарилъ всю горницу. Съ фонаремъ она вышла и быстро направилась въ костелъ; духовникъ шелъ за нею.

Невольный ужалъ объялъ священника, когда онъ вступилъ подъ своды храма. Храмъ былъ освѣщенъ какъ при торжественномъ богослуженіи. По знаку бѣлой дамы священникъ взялъ дароносицу и пошелъ къ больному. У его дверей свѣтъ потухъ, и бѣлая женщина исчезла. Священникъ уже зналъ, что ему дѣлать. Быстро вошелъ онъ въ комнату больного. Сидѣлка крѣпко спала, а больной боролся со смертью. Священникъ причастилъ его и напутствовалъ къ переходу въ жизнь вѣчную.

* *
*

Въ замкѣ на Генриховомъ Градцѣ вспоминали о бѣлой дамѣ въ день угощенія бѣдныхъ сладкой кашей. Пиръ для бѣдныхъ всего помѣстья устраивался въ замкѣ ежегодно въ великій, такъ называемый «зеленый», четвергъ страстной недѣли. Въ огромной сводчатой кухнѣ красной башни, въ теченіи нѣсколькихъ дней пылалъ огонь, и въ огромныхъ котлахъ варилось несмѣтное количество всякихъ яствъ. Огонь не угасалъ. Огромными столбами поднимался дымъ черезъ пять отверстій въ коптильню и оттуда уже выходилъ наружу.

Въ зеленый четвергъ, часовъ въ 7—8 утра, звонили на круглой башнѣ. Старосты, сторожа и иныя деревенскія власти уже знали, что онѣ должны идти въ замокъ, поддерживать порядокъ на трапезѣ. За замкомъ ожидала толпа крестьянъ тысячи въ четыре, въ пять, а въ тяжелые годы, послѣ войны, приходило ихъ до девяти тысячъ.

Вторичный звонъ въ 9 часовъ утра возвѣщалъ, что все уже готово и распорядители на своихъ мѣстахъ. Послѣ третьяго удара колокола, толпа, словно вода прорвавшейся плотины, валила къ воротамъ. Но пускали не всѣхъ сразу, а партіями; послѣ каждой партіи запирали ворота.

На первомъ дворѣ бѣдные гости получали булки и въ принесенную съ собою кружку наливали имъ пива. Потомъ вели ихъ въ кухню и одѣляли хлѣбомъ и кускомъ вареной рыбы. На послѣднемъ дворѣ гости садились за столъ. Имъ давали похлебку, рыбьи внутренности, мясо съ кореньями и, наконецъ, сладкую кашу изъ пшеничной крупы, сваренную на пивѣ съ медомъ и сдобренную маковымъ масломъ.

Когда первая партія была накормлена, её выводили изъ замка другими воротами и строго слѣдили, чтобы кто нибудь не вздумалъ вернуться. Потомъ отворяли первыя ворота и впускали новую партію. Такимъ образомъ всѣ бѣдняки были накормлены досыта.

Первый пиръ для бѣдныхъ устроила бѣлая дама, когда она еще не блуждала въ видѣ духа по замку, а была владѣтельницею его во плоти, доброю и сострадательною.

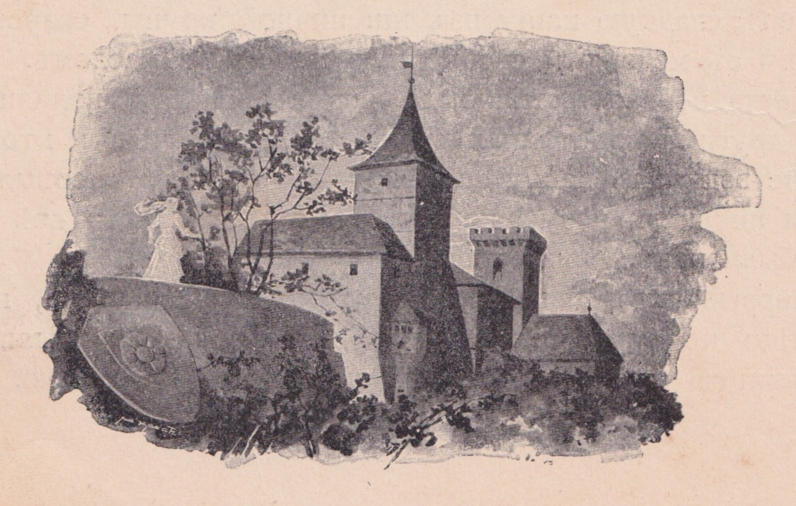
Въ то время перестраивалась часть замка. Бѣлая дама ходила наблюдать за постройками и въ поле—за жнецами. Подбодряя людей, чтобъ хорошенько работали, она обѣщала угостить ихъ сладкой кашей. Строеніе было окончено къ осени, и владѣтельница устроила пиръ, какъ обѣщала.

Съ тѣхъ поръ, ежегодно, осенью, въ замкѣ угощали бѣдныхъ; такъ завѣщала владѣтельница потомкамъ своимъ.

Нерѣдко случалось, что во время трапезы, когда люди сидѣли уже за дымящимися мисками, вдругъ съ неба начинали падать хлопья снѣга въ аппетитную похлебку, въ рыбьи блюда и въ сладкую кашу. Ради этого бѣлая дама установила, чтобы пиръ для бѣдныхъ былъ въ зеленый четвергъ. Такъ оно и пошло.

Бѣлая дама давно уже не появлялась, и въ зеленый четвергъ на дворѣ Генрихова замка теперь тихо. О пиршествѣ бѣдняковъ напоминаетъ только старая сводчатая кухня и ея крестообразное окно, изъ котораго выдавалась бѣднякамъ сладкая каша.

Есть еще одно мѣсто, гдѣ живетъ память о бѣлой дамѣ; это часовня Пресвятой Дѣвы Маріи, на третьемъ дворѣ возлѣ женскаго терема. Сюда часто приходила молиться бѣлая женщина за свою семью и за весь родъ; и ея любовь къ своему роду не угасла и за гробомъ. Покидая могилу, обходитъ бѣлая дама жилища своихъ потомковъ, заботится о ихъ дѣтяхъ, предупреждаетъ о радостяхъ и печаляхъ, а также о днѣ и часѣ, когда кто нибудь изъ нихъ будетъ призванъ на судъ Божій.

Въ послѣдній разъ помолились.

Розовая лужайка.

Въ затишьѣ, между волнующейся рожью, за которою чернѣютъ сосновые лѣса, лежитъ небольшая лужайка шаговъ въ двадцать длины и пятнадцать ширины. На ея окраинѣ буйно разрослись розовые кусты. Розы эти особенныя; нигдѣ такихъ нѣтъ; на иной почвѣ онѣ не растутъ. Пробовали пересаживать ихъ, но не принимались. Пробовали уничтожать, выкапывали, а на весну появлялись отпрыски, быстро разростались и захватывали все большее и большее пространство. Отъ нихъ-то и получило названіе это уединенное мѣсто, посвященное скорбной памяти о благочестивыхъ предкахъ. Розовая лужайка находится на возвышенности, съ часъ пути отъ Литомышля на западъ.

Съ этой возвышенности открывается прелестный видъ на всю окрестную страну: на лѣса, изъ которыхъ выглядываетъ Маковская башня; на деревни, пріютившіяся среди

зелени; на лѣсистые холмы и на старый Литомышльскій замокъ величественной архитектуры.

Въ былое время, лѣтъ 400 тому назадъ, когда существовалъ еще старый замокъ, въ немъ жили паны Костковы изъ Поступицъ, преданные друзья чешскихъ «братьевъ». Большая часть обывателей сосѣдняго города состояла изъ «братьевъ»; тамъ же находился домъ братскихъ собраній.

Когда Фердинандъ I поборолъ сопротивленіе дворянъ и конфисковалъ ихъ имѣнія, паны Костковы тоже поплатились, и «братья» должны были выселиться. Одинъ изъ нихъ, Янъ Августъ, въ одеждѣ крестьянина долго скрывался въ Литомышлѣ, но нечаянно выдалъ себя. Позабывъ свой маскарадъ, онъ вынулъ изъ кармана шелковый платокъ и вытеръ на лбу потъ. Это увидали помощники гетмана Шейноги, арестовали Яна вмѣстѣ съ секретаремъ его и отвезли въ Кривоклатскую тюрьму, гдѣ они оба просидѣли около четырнадцати лѣтъ.

Въ правленіе Максимиліана, сына Фердинандова, настали лучшіе дни. Братья возвратились изъ изгнанія и разселились въ Литомышлѣ и окрестностяхъ. Но недолго пользовались они спокойствіемъ. Въ 1618 г. разразилась надъ Чехіею ужасная буря: религіозныя войны и затѣмъ роковая Бѣлогорская битва.

Кто не былъ католикомъ и не соглашался стать имъ— долженъ былъ выселяться. Та же участь постигла и «братьевъ». Но прежде чѣмъ выселиться, они рѣшили тайно собраться и, помолившись вмѣстѣ, проститься съ родною землею. Для этой цѣли избрали они лужайку въ лѣсу.

Ради безопасности собрались они ночью, среди темнаго безмолвнаго лѣса, подъ сводами звѣзднаго неба. Въ послѣдній разъ на родной землѣ они подъ обоими видами причастились, въ послѣдній разъ помолились съ пѣснопѣніемъ и простились съ родиною. Многіе брали горсть родной земли, цѣловали ее, орошая слезами. Изъ этихъ-то слезъ и выросли розы во свидѣтельство вѣры въ Бога и любви къ родинѣ.

Въ ту же ночь зарыта была золотая чаша, изъ которой

причащались братья. Тамъ и по днесь лежитъ она въ глубинѣ земли.

Современемъ люди позабыли о «братьяхъ», но мѣсто, гдѣ они совершали послѣднее богослуженіе, осталось въ почетѣ. Лужайка въ то время была больше и лѣса вокругъ нея гуще. Постепенно лѣса сводились, поля расширялись. Хотѣли запахать и лужайку,—такъ какъ она между полями была какъ бѣльмо на глазу; но само Провидѣніе заботилось о ней. Съ ней случилось то же, что съ Жижковой поляной у Пржбислава; то плугъ ломался, то конь падалъ.

Наконецъ, посѣяли тамъ ленъ. Выросъ, созрѣлъ; вытаскали его, вымочили и высушили; а когда стали трепать, вспыхнулъ ленъ яркимъ пламенемъ. Загорѣлась сушильня, отъ нея всѣ постройки въ усадьбѣ помѣщика, который засѣялъ лужайку льномъ; и въ томъ пожарѣ погибла молодая дѣвушка, дочь помѣщика. Послѣ того никто не рѣшался запахать розовую лужайку *).

Когда русскіе въ 1813 г., въ поступательномъ дѣйствіи противъ Наполеона, проѣзжали по этому мѣсту, они разспрашивали о немъ. Узнавъ исторію лужайки, они тотчасъ же спѣшились, преклонили колѣна и горячо помолились.

Въ одномъ древнемъ сказаніи говорится, что придетъ время, когда на лужайкѣ будетъ битва и такая жестокая, что кровь потечетъ ручьями. Потомъ сойдутся семь королей и установятъ вѣчный миръ на томъ самомъ мѣстѣ между розами, гдѣ «братья», противники войны и пролитія крови, прощались съ родиною.

На лужайкѣ цвѣтутъ розы, окрестъ волнуются нивы. Тихо въ укромномъ уголкѣ. Невольно вспоминаются «братья», и жалость сжимаетъ сердце при мысли о томъ, какъ они прощались съ родиной и окропляли ее слезами.

«Богъ надъ тобою, милая родина,
«Грустно съ тобой разставаться!»

поется въ одной старинной пѣснѣ чешскихъ изгнанниковъ.

---

*) Теперь посреди нея стоитъ крестъ, огороженный рѣшеткою.

Божій судъ.

Большую дорогу, ведущую черезъ Шумавскій лѣсъ отъ Домашлицъ въ нѣмецкую землю, оберегали съ незапамятныхъ временъ Ходовы, чешское племя крѣпкое, удалое и закаленное. Ихъ деревни тянулись длинною линіею по низинамъ вдоль пограничныхъ лѣсовъ и по возвышенностямъ при важнѣйшихъ тропахъ и горныхъ проходахъ.

Ходовы, старочешскіе пограничные сторожа, обходили границы и слѣдили, чтобы нѣмцы не переходили пограничную линію, не рубили чешскихъ лѣсовъ и вообще никакихъ безпорядковъ не дѣлали. Во время набѣговъ непріятеля, Ходовы защищали тропы и дороги, перекапывали ихъ, ставили засѣки и принимали участіе во всѣхъ стычкахъ и битвахъ, которыя случались въ ихъ окрестностяхъ. Добрымъ другомъ была для нихъ «чеканка», длинная палка съ острымъ наконечникомъ внизу, крючкомъ и молоткомъ наверху, позднѣе—

ружье; вѣрнымъ товарищемъ—собака. Оружіе Ходовы носили всегда и даже въ тѣ времена, когда остальнымъ чехамъ носить оружіе не дозволялось.

Когда случалось чешскому королю проѣзжать черезъ землю Ходовыхъ, поселяне выходили къ нему навстрѣчу при оружіи, подъ бѣлымъ знаменемъ съ псиною головою. По этому знамени они получили прозвище «псовичи» и еще «булаки», потому что вмѣсто «былъ» они говорили «булъ». Встрѣтивъ короля, они подносили ему по стародавнему обычаю бочку меду и провожали его въ качествѣ почетной стражи черезъ лѣса до границы.

За свою тяжкую и подчасъ не безопасную службу пользовались Ходовы особыми правами и привилегіями. Съ искони вѣковъ они были людьми свободными и, кромѣ короля, не признавали никакой власти. Работъ и иныхъ службъ ни для кого не отправляли; въ охраняемыхъ лѣсахъ жили вольно и свободно въ нихъ охотились.

Въ городѣ Домашлицахъ имѣли свой собственный судъ. Во главѣ этого суда стоялъ Ходовскій старшина, утверждаемый королемъ. Въ Домашлицкомъ замкѣ хранили Ходовы свое знамя, печать и грамоты, дарованныя королями Яномъ Люцембургскимъ, Карломъ IV, Вячеславомъ IV, Юріемъ Подебрадомъ и иными властителями.

Въ послѣдній разъ отправляли Ходовы свою военную службу въ роковой годъ 1620-ый, дѣлая засѣки на баварской границѣ. Въ послѣдній разъ раздавался въ Шумавскихъ лѣсахъ окрикъ ихъ стражей; въ послѣдній разъ развѣвалось надъ ними бѣлое знамя съ псиною головою.

Совершилась бѣлогорская битва. Общее бѣдствіе отразилось и на вольномъ затишьѣ Ходовыхъ. Въ злосчастный день 21 іюня 1621 г. Ходовы лишены были свободы и приписаны Вольфу Ламмингеру изъ Альбенрейта, императорскому комиссару. Девять лѣтъ спустя, всѣ Ходовы съ ихъ деревнями проданы были ему же въ потомственное владѣніе за 56,000 злотыхъ.

Новый панъ не зналъ и не хотѣлъ знать вольностей и

привилегій Ходовыхъ и обращался съ ними какъ съ своими рабами. Но мужественные Ходовы не желали покориться, уступить свои стародавнія права и судились съ новой властью, которую признавать не хотѣли. Судъ длился долго. Вольфъ Ламмингеръ успѣлъ умереть, а сынъ его Максиміліанъ выигралъ дѣло. Ходовымъ выдали рѣшеніе, по которому ихъ претензіи на привилегіи признавались незаконными, а сами привилегіи несуществующими. Кромѣ того, имъ предписывалось подъ страхомъ наказанія «perpetuum silentium», иными словами—отреченіе отъ своихъ правъ на вѣчныя времена.

Рѣшеніе суда глубоко поразило Ходовыхъ. На время они притихли; но это не значило, что они отказались отъ своихъ правъ. Ихъ грамоты, какъ сокровища, хранились у вѣрныхъ людей. И пока цѣлы были грамоты, Ходовы вѣрили, что придетъ конецъ неправдѣ и они восторжествуютъ.

Ламмингеръ, панъ Трхановскій, узналъ, на что надѣются Ходовы, и потребовалъ грамоты. Это требованіе еще больше утвердило Ходовыхъ въ мысли, что ихъ дѣло правое, иначе—зачѣмъ бы пану требовать грамоты, и рѣшили не выдавать ихъ. Ламмингеръ пригрозилъ взять грамоты силою и угрозу привелъ въ исполненіе. Но не все попало въ его руки. Двѣ наиважнѣйшія грамоты Ходовымъ удалось спрятать и, надѣясь на нихъ, они начали новую тяжбу съ Ламмингеромъ, или Ломикаромъ, какъ они его называли.

Первымъ дѣломъ послали депутатовъ къ императору въ Вѣну. Прошли слухи, что императоръ принялъ пословъ милостиво. Ходовы воспрянули духомъ и, не дождавшись рѣшенія, отказались отъ повинностей Ламмингеру и не ходили на работы. Ламмингеръ жаловался, называя Ходовыхъ бунтовщиками и людьми опасными, а потому изъ Пильзена былъ присланъ окружный гетманъ Гора.

Со всѣхъ деревень созваны были Ходовы на Трхановъ, мѣстопребываніе пана. Дворъ замка бѣлѣлъ ихъ свитами. Было такъ тѣсно, что люди стояли плотно другъ къ другу, ширакъ *) къ шираку, и кое-гдѣ баранья шапка. Всѣ въ

*) Широкополая войлочная шляпа.

волненіи ждали, что имъ скажетъ окружный гетманъ. Большинство было увѣрено, что тяжба выиграна.

Въ окнѣ показался гетманъ въ парикѣ съ локонами и въ длинномъ кафтанѣ, вышитомъ золотомъ. Возлѣ гетмана стоялъ секретарь, который и прочиталъ Ходовымъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое рѣшеніе. Правъ своихъ они давно уже лишились; предписаніе о «perpetuum silentium» нарушили и потому заслужили строгое наказаніе. Но всѣ проступки будутъ имъ прощены, если они покорятся и обѣщаютъ повиноваться своему господину.

Глубоко потрясены были Ходовы этимъ рѣшеніемъ. Можно было ожидать, что они бросятся на Ламмингера. Пока они сосредоточенно молчали, изъ ихъ рядовъ выступилъ крестьянинъ изъ Уѣзда, Янъ Козина, ярый защитникъ правъ своего племени. Онъ въ глаза сказалъ гетману, что не вѣритъ тому, что имъ было прочитано, что это вопіющая несправедливость.

Ходовы рѣшили продолжать тяжбу и отстаивать свою свободу. О сопротивленіи ихъ было заявлено въ Прагу, апеляціонному суду, и оттуда приказано, чтобы Ходовы послали семь уполномоченныхъ способныхъ и надежныхъ. Въ числѣ избранныхъ находился и Козина. Въ Пражскомъ аппеляціонномъ судѣ о привилегіяхъ съ ними говорить не стали, а твердили только о ихъ непокорности Ламмингеру, въ донесеніи котораго непокорность эта выросла въ цѣлый бунтъ. Ходовы отстаивали свои права, показывали привезенныя съ собою двѣ грамоты. Но судьи печати изъ грамотъ вырѣзали, а бумаги разорвали, объявивъ, что онѣ не имѣютъ никакого значенія. Требовали отъ уполномоченныхъ, чтобы они присягнули на вѣрность Ламмингеру, и когда они на это не согласились, ввергли ихъ въ темницу.

Тѣмъ временемъ управляющій Ламмингера, Кошъ, дѣйствуя по приказанію своего господина, довелъ Ходовыхъ своими насиліями до того, что они напали на него и помощниковъ его. Кошъ ворвался въ домъ одного изъ отсутствующихъ уполномоченныхъ и силою отобралъ письмо изъ Вѣны.

Онъ хотѣлъ то же сдѣлать и въ Уѣздѣ, родинѣ Козины, но его не допустили и противъ него возстали. Кошъ велѣлъ своимъ людямъ стрѣлять въ народъ. Ходовы людей обезоружили, панскаго бурмистра въ плѣнъ взяли, а самъ Кошъ едва унесъ ноги. Ламмингеру это было на руку; онъ вызвалъ войско. Ходовы сплотились, и завязалась кровавая схватка. Въ концѣ концовъ Ходовы должны были уступить силѣ.

* * *

Не одинъ изъ Ходовыхъ пролилъ кровь за дорогую свободу стародавнихъ временъ, но ничего изъ этого не вышло. Сила превозмогла. Во время схватки многіе были взяты и размѣщены по тюрьмамъ, какъ воры и разбойники. Остальные Ходовы изъ всѣхъ деревень созваны были, какъ разъ передъ жатвою, въ Трхановскій замокъ, гдѣ всѣ сельчане и халупники (безземельные крестьяне) должны были присягнуть на Св. Евангеліи за себя и потомковъ своихъ въ вѣрности ясновельможному пану Ламмингеру изъ Альбенрейта и его потомкамъ. Этою клятвою они признавали себя закрѣпощенными и навсегда отказывались отъ прежнихъ правъ.

Печально, понуривъ голову, шли Ходовы въ Трхановъ. Они сознавали, что борьба безполезна, и упали духомъ. Глухимъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ присягали они. Въ Прагѣ того же потребовали отъ уполномоченныхъ, заключенныхъ въ темницы. Узнавъ, что дома дѣлается, они уступили, но не всѣ. Старый Кристофъ Грубый и Янъ Козина не присягнули.

— Ломикаръ можетъ заставить насъ работать, — объявилъ Козина,—но какже намъ возможно признать наши права недѣйствительными? Наши права дѣйствительны. Пусть Богъ разсудитъ.

Тѣ, которые присягнули, были отпущены по домамъ. Кристофъ Грубый и его племянникъ, Янъ Козина, остались въ темницѣ.

Но Ламмингеръ не успокоился. Ему не достаточно было постановленія аппеляціоннаго суда. Онъ подалъ въ уголовный судъ и добился своего. Уголовный судъ постановилъ: трехъ главныхъ зачинщиковъ и бунтовщиковъ повѣсить, остальныхъ—поставить къ позорному столбу и заключить въ темницу.

Въ Вѣнѣ приговоръ смягчили и присудили повѣсить одного. Кристофъ Грубый, когда-то вліятельнѣйшій изъ ходовскихъ старшинъ, не вынесъ заключенія и умеръ. Изъ двухъ оставшихся жребій палъ на Козину, какъ на самаго рѣчистаго, дерзкаго и упорнаго.

Для исполненія приговора привели его въ Пильзенъ. Когда приближался день казни, Ламмингеръ приказалъ изъ всѣхъ деревень Ходовыхъ собрать 68 сельчанъ и прислать ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми въ Пильзенъ присутствовать при казни, чтобы они и дѣти ихъ памятовали, какъ наказывается непокорность Трхановскому пану.

Пріѣхалъ и самъ панъ въ Пильзенъ. Хотѣлось ему насладиться дѣлами рукъ своихъ. Козина мужественно ждалъ смерти, утѣшая себя мыслью, что если Ламмингеръ у судьи этого міра выиграли тяжбу, то на судѣ Божіемъ выиграетъ онъ, Козина, такъ какъ его дѣло правое и онъ осужденъ невинно.

Въ день казни, 28 ноября 1695 г., собралось въ Пильзенъ многое множество народа. Толпа валила по слѣдамъ осужденнаго; сперва его родные, потомъ земляки—шестьдесятъ восемь Ходовыхъ, высокихъ и статныхъ мужей въ тулупахъ, свитахъ, но безъ оружія. Дѣти плелись за родителями, съ состраданіемъ глядя на несчастнаго Козину. Изнуренный долгимъ заточеніемъ, онъ шелъ окруженный воинами, высоко поднявъ голову.

Шествіе двинулось за городъ. Барабанъ, обтянутый чернымъ сукномъ, уныло гудѣлъ въ тонъ звону по умирающимъ.

За городомъ, на возвышенности, стояла висѣлица. Войско окружило лобное мѣсто. Въ срединѣ помѣстились судьи и чиновники. Высшіе чиновники были на коняхъ; въ томъ числѣ и Ламмингеръ изъ Альбенрейта.

Привели осужденнаго. Толпа разомъ стихла. Среди тишины громко раздавался плачъ родныхъ Козины и земляковъ его. Юнакъ бодро всталъ подъ висѣлицу и поцѣловалъ крестъ, поданный ему духовникомъ. Затѣмъ, окинувъ взглядомъ толпу, онъ увидалъ того, кто былъ причиной его гибели—Ламмингера.

Козина выпрямился, взглянулъ врагу своему прямо въ лицо и воскликнулъ зычнымъ голосомъ, который въ разрѣженномъ морозномъ воздухѣ далеко былъ слышенъ.

— Ломикаръ! Ломикаръ! Года не минетъ, какъ мы оба предстанемъ на судъ Божій. Онъ разсудитъ, кто изъ насъ...

Гетманъ распорядитель махнулъ обнаженной саблей, палачъ совершилъ свое дѣло, и Козина умолкъ навсегда.

Блѣдный, какъ смерть, смотрѣлъ на казнь Ламмингеръ и затѣмъ, поворотивъ коня, ускакалъ съ лобнаго мѣста. Весь народъ преклонилъ колѣна и, глубоко взволнованный, молился за отшедшую душу. Плакали и рыдали не только Ходовы, но и совсѣмъ чужіе люди, съ ужасомъ повторяя вызовъ казненнаго Трхановскому пану.

* *
*

Ламмингеръ въ Трхановскій замокъ не поѣхалъ, а послалъ сказать женѣ, чтобы она пріѣзжала къ нему въ Пильзенъ. Только на слѣдующую осень онъ вернулся въ замокъ. Всѣ тѣ, которые его видѣли, нашли, что онъ очень измѣнился, похудѣлъ, сталъ мраченъ и задумчивъ. Одинъ никуда не ѣздилъ, но всегда съ провожатыми; сильно онъ не довѣрялъ Ходовымъ.

Дома, въ уединеніи, онъ часто и подолгу ходилъ по комнатѣ, въ тревожномъ нервномъ состояніи. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ его; когда же утомленный онъ засыпалъ, то стоналъ и кричалъ подъ впечатлѣніемъ страшныхъ сновъ. Слова Козины не выходили у него изъ головы. Годъ подходилъ къ концу; ничто не предвѣщало Ламмингеру близкую смерть, и онъ сталъ надѣяться, что слова осужденнаго были пустою угрозою. Но приходили минуты, когда онъ опять начиналъ

Черезъ столовую прошла блѣдная фигура.

волноваться. Козина являлся ему во снѣ блѣдный, съ горящими глазами, и вызывалъ на судъ Божій.

Чтобы развлечься Ламмингеръ созывалъ гостей въ Трхановскій замокъ, устраивалъ охоты и потомъ шумные пиры. Ходовы теперь окончательно притихли; ходили на барщину, а во время охоты устраивали облавы въ тѣхъ самыхъ лѣсахъ, гдѣ они сами и предки ихъ, въ былое время, охотились какъ полновластные владѣльцы. Октябрь уже минулъ, наступилъ ноябрь.

Однажды, послѣ охоты, сидѣлъ Ламмингеръ со своими гостями за обѣдомъ. На дворѣ разыгралась буря. Ламмингеръ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, такъ какъ въ послѣднее время вполнѣ увѣрился, что слова Козины были пустою угрозою. Разгоряченный виномъ, онъ началъ съ гостями разсуждать о томъ, чего не рѣшался прежде выговорить громко о предсмертномъ вызовѣ Козины.

— Плохой же ты пророкъ, Козина,—крикнулъ онъ съ насмѣшливымъ хохотомъ.—Ты-то ужъ тамъ, а я еще здѣсь...

Вдругъ онъ вскрикнулъ и упалъ въ кресло.

Въ это самое мгновеніе забушевалъ вихрь, закачались деревья, задрожали окна, двери сами отворились настежь, и черезъ столовую прошла блѣдная фигура...

Трхановскій панъ пересталъ существовать.

Онъ пошелъ туда, куда позвалъ его Козина...

Всѣ гости, кавалеры и дамы, объятые ужасомъ, дрожали.

Извѣстіе о смерти Ламмингера быстро долетѣло до Ходовыхъ. Всѣ прославляли правду Божію и благоговѣйно крестились, повторяя: «Божій судъ! Божій судъ!»

Послѣ похоронъ вдова Ламмингера съ дочерью уѣхала изъ Трханова, а въ концѣ года она продала все помѣстье.

Мужественный Янъ Козина остался жить въ памяти своихъ сородичей. Въ знакъ траура, Ходовы стали носить черный снурокъ на своихъ бѣлыхъ свитахъ. Пострадавшій невинно Козина почитается у нихъ какъ св. мученикъ.

Яношекъ.

Королевская планина» *), господствующая надъ обширными лѣсами и красивыми долинами Грона, гора историческая. Ея широкій плоскій верхъ безлѣсенъ. Безпрепятственно гуляетъ по ней вѣтеръ, и свободно свѣтитъ солнце. Палимый солнцемъ и обдуваемый вѣтромъ, торчитъ изъ вереска и травы старый, обросшій мхомъ, каменный столъ. Когда то, очень давно, видалъ онъ гостей, и окрестности королевской планины оглашались криками охотниковъ и звуками рога. Это было въ ту пору, когда посѣщалъ эти мѣста веселый король Венгерской земли, Матѳей.

Каждый разъ, когда онъ охотился въ окрестныхъ горахъ и лѣсахъ на медвѣдей и дикихъ кабановъ, онъ останавливался тутъ со своею многочисленною дружиною. Король

*) Безлѣсное плоскогорье съ пастбищами, гдѣ лѣтомъ отъѣдается скотъ.

былъ въ охотничьемъ платьѣ съ золотымъ рогомъ на перевязи; его магнаты въ богатыхъ долманахъ со шнурами, въ блестящихъ кованыхъ поясахъ, въ дорогихъ мѣховыхъ шапкахъ, украшенныхъ перомъ, съ копьями въ рукахъ и тесаками у пояса, загорѣлые, съ бритыми подбородками и огромными усами садились вокругъ каменнаго стола, а у ихъ ногъ помѣщались псы съ высунутыми языками, жадно глотая воздухъ. Королевскіе слуги и люди изъ долины вынимали изъ корзинъ и ставили на столъ яства и напитки. Король пировалъ со своими панами, бросая восхищенные взгляды на роскошный просторъ, раскинувшійся внизу.

Взглядъ его скользилъ по горнымъ цѣпямъ, по темнымъ лѣсамъ, по зелени долинъ, залитыхъ солнечнымъ свѣтомъ. Тамъ бѣлѣли замки съ красными черепичными кровлями; тутъ скромно выглядывали изъ зелени хижины земледѣльцевъ. Широко и далеко раскинулась прекрасная страна.

Послѣ обѣда снова раздавался звукъ призывного рога. Вставали король и магнаты, слуги и дружина; снова садились на коней и исчезали въ лѣсу. И долго еще разносились по окрестности ихъ покрики, звуки роговъ и лай псовъ.

Такъ бывало при королѣ Матѳеѣ.

Послѣ его смерти затихла королевская планина; каменный столъ былъ заброшенъ на долгое время. И въ долинахъ многое измѣнилось. Въ замкахъ и помѣстьяхъ бушевали паны, а въ деревняхъ давила крестьянъ неволя и непосильный трудъ. Люди терпѣли отъ возмутительной несправедливости. Паны и земаны изнуряли ихъ работою, барщиною. а насильственная сдача въ солдаты не давала спать спокойно молодымъ юнакамъ.

Худо жилось людямъ, какъ нельзя хуже. Молодежь массами бѣжала изъ дома. Доведенные до крайности самоуправствомъ пановъ, люди бросали тихія деревни и укрывались въ горахъ и тамъ поневолѣ становились «горными хлопцами». Лѣса стали ихъ защитою, а королевская планина—вольнымъ полемъ.

Въ то смутное время королевская планина снова ожи-

вилась. За каменный столъ садилась дружина со своимъ атаманомъ. Не король это былъ, а горный хлопецъ, Яношекъ изъ Тархова, и съ нимъ не магнаты, вельможные паны въ долманахъ и кованыхъ поясахъ, а одиннадцать добрыхъ молодцевъ въ войлочныхъ широкахъ, зеленыхъ рубашкахъ и бѣлыхъ штанахъ; не съ мечами и дорогимъ оружіемъ, а съ ножами у пояса, двумя пистолетами за поясомъ, съ ружьемъ самострѣломъ и валашкою *). Звали этихъ молодцевъ: Суровецъ, Адамчикъ, Грайнога, Потучикъ, Гарай, Угорчикъ, Тарко, Муха, Дурица, Михалчикъ и Гайдошъ-хитрая лисица.

Останавливались они на королевской планинѣ больше осенью. Отъ весны и до глубокой зимы занимались они охотою особаго рода: ходили съ атаманомъ своимъ Яношкомъ наказывать за кривду, помогать и оберегать бѣдныхъ и несчастныхъ. Жалко было Яношку бѣдныхъ закрѣпощенныхъ словаковъ, своихъ сородичей. Когда не могъ помочь имъ, то мстилъ за нихъ.

Да и за себя тоже. Много вытерпѣлъ онъ отъ своего господина обидъ и кроваваго насилія. Претерпѣлъ и отецъ его, который не зналъ даже, что такое собственность. Горячимъ желаніемъ старика было, чтобы сыну жилось лучше, чѣмъ ему. Сынка своего, живого и смышленаго мальчика, отдалъ онъ, по совѣту приходскаго священника, въ школу, гдѣ Яношекъ учился латыни и другимъ наукамъ, чтобы современемъ стать священникомъ. Отецъ за него платилъ, отказывая себѣ во всемъ.

Магнатъ, его свѣтлость, провѣдалъ, что старый поселянинъ хочетъ сдѣлать своего сынка паномъ, т. е. извлечь его изъ подданства его свѣтлости. Не понравилось это магнату, и сталъ онъ притѣснять газду **), какъ только могъ. А свѣтлость была могущественна въ то время; могла безнаказанно чинить всякую кривду, и нигдѣ на нее справы не было.

Нерѣдко случалось, что, работая на своемъ полѣ въ самую горячую пору, отецъ Яношка долженъ былъ все бро-

*) Палка съ топорикомъ.

**) Словацкій крестьянинъ.

сить и бѣжать въ панскую усадьбу. Лугъ ли онъ косилъ, сѣно ли сушилъ, хлѣбъ ли убиралъ, его отзывали нарочно, задерживали. А сѣно его мокло, гнило; хлѣбъ проросталъ. Тяжко было также и съ десятиною*). Ничѣмъ не могъ угодить пану; все ему не нравилось. Принесетъ газда куръ и гусей, ихъ выгонять вонъ изъ замка, говоря, что малы и худы, и требуютъ, чтобы онъ доставилъ другихъ, хорошо откормленныхъ; а гдѣ ему было взять другихъ.

Разными способами притѣсняли бѣднаго газду, но ради сына онъ все терпѣливо сносилъ, и когда ему становилось не въ моготу и подчасъ казалось, что изъ горькой доли исхода нѣтъ, онъ утѣшался Яношкомъ. Сынъ-де будетъ паномъ; надъ нимъ не будутъ имѣть власти; онъ и отцу своему отслужитъ, чтобы старикъ передъ смертью могъ пожить спокойно.

Яношекъ охотно учился и преуспѣвалъ; и вдругъ неожиданно кончилось его ученье. Изъ деревни явился посолъ съ вѣстью, что его мать тяжко заболѣла и ждетъ не дождется свиданія съ сыномъ.

Яношекъ, которому было уже 21 годъ, тотчасъ пустился въ путь. Едва успѣлъ онъ прибыть домой и повидаться съ матерью, какъ вслѣдъ за нимъ вошелъ загорѣлый панскій гайдукъ съ огромными черными усами и строго наказалъ, чтобы завтра рано утромъ отецъ и сынъ студентъ шли на панскую работу сѣно сушить. Яношекъ, потрясенный болѣзнью матери, едва замѣтилъ появленіе гайдука и на слова его не обратилъ вниманія. Старикъ отецъ хорошо слышалъ приказаніе, но медлилъ. Умирающая жена каждую минуту могла отойти въ вѣчность; гайдукъ самъ это видѣлъ и, вѣроятно, заявитъ въ конторѣ. Конечно, ничего старику не будетъ, если онъ останется дома; причина уважительная. А Яношку и подавно. Вѣдь его не вызывали изъ города на барщину; притомъ онъ студентъ и скоро будетъ священникомъ. Куда же ему идти отъ умирающей матери. Есть же въ господахъ хоть искра жалости.

---

*) Десятая часть продуктовъ.

Но у его свѣтлости жалости не было. Въ полдень прибѣжалъ гайдукъ снова, и уже не одинъ, а съ нѣсколькими молодцами; бранился, кричалъ, не обращая вниманія на умирающую. Отца и сына связали и потащили въ замокъ за третью деревню. Тамъ въ избѣ со сводами стояли скамьи, а на скамьяхъ лежали пучки розогъ. Тамъ же ждалъ управляющій. Увидавъ газду и студента, онъ запылалъ бѣшенствомъ, осыпалъ ихъ ругательствами и велѣлъ, положивъ ихъ на скамьи, прикрутить ремнями. Самъ же усѣлся, скрестивъ ноги и, закуривъ трубочку, командовалъ:

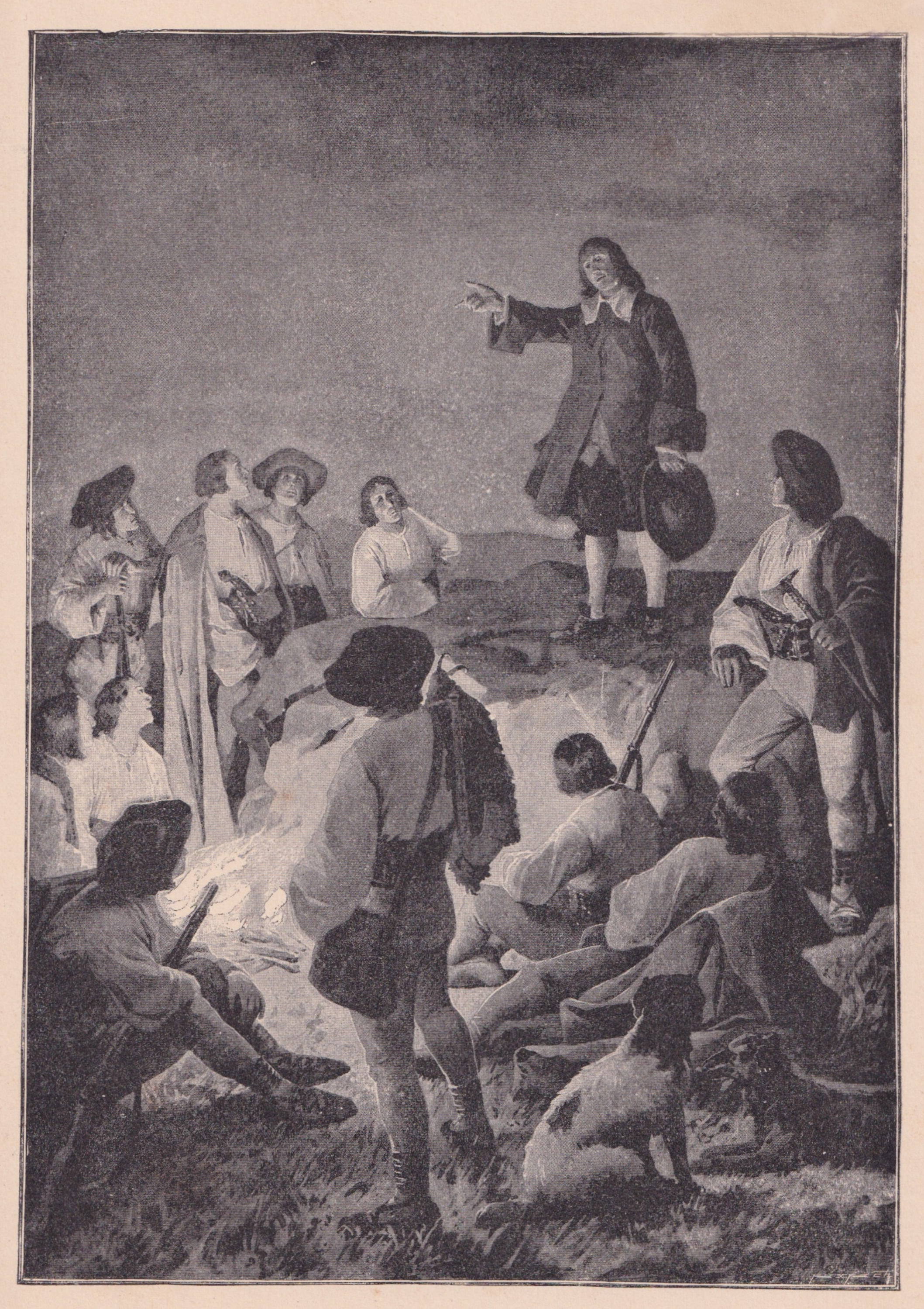
— Бейте этихъ ослушниковъ; а ты, десятскій, считай. По ста ударовъ каждому, да здоровыхъ. А ты,—обратился онъ къ Яношку съ насмѣшливой улыбкой,—увидишь, что такое латынь. Мы тебя поучимъ по-пански.

Гайдукъ принялся хлестать, что было мочи. Старый газда потерялъ сознаніе и не успѣлъ еще десятскій сосчитать сто ударовъ, какъ онъ уже испустилъ духъ. Сынъ выдержалъ. Но такъ какъ онъ не могъ стоять на ногахъ, его взвалили вмѣстѣ съ мертвецомъ на навозную телѣгу и повезли домой въ родную деревню. Мать была еще жива, но при видѣ замученныхъ мужа и сына—умерла.

Когда Яношекъ нѣсколько поправился и окрѣпъ, онъ исчезъ изъ деревни. Но въ школу онъ не возвратился; онъ бѣжалъ въ горы. Тамъ скрывался онъ у пастуховъ въ шалашѣ, и тамъ то явилась ему дивная помощь.

Однажды шелъ онъ съ ведрами отъ шалаша къ уединенному роднику за водою. Вѣрный его песъ, единственное наслѣдіе родного дома, шелъ за нимъ. Родникъ журчалъ подъ скалою, среди кустовъ терновника и дикихъ розъ. Вдругъ песъ залаялъ. Яношекъ дошелъ до родника и зачерпнулъ воды. Только тутъ обратилъ онъ вниманіе на неистовый лай своего пса. Песъ бросался на кусты, точно чуя въ нихъ что-то недоброе. Яношекъ отозвалъ пса и вошелъ въ кусты.

Среди кустарниковъ дикихъ розъ увидалъ онъ женскую фигуру въ бѣлой одеждѣ. Она стояла, какъ прекрасное ви-

Студентъ влѣзалъ на скалу и волей-неволей долженъ былъ говорить.

дѣніе. Поблагодаривъ Яношка за то, что онъ отогналъ пса, она спросила, чего бы онъ желалъ и чѣмъ бы она могла отслужить ему. Яношекъ понялъ, что имѣетъ дѣло съ вилой (волшебницей), и подумавъ немного, сказалъ: силы.

Да, сила была ему нужнѣе всего. Имѣя силу, онъ могъ карать жестокихъ пановъ за ихъ безчеловѣчные поступки съ бѣднымъ людомъ. Вила дала ему поясъ съ заговоренною жилкою и валашку, въ которой содержалась сила ста человѣкъ. Съ этого валашкою въ рукѣ Яношекъ сталъ непобѣдимъ.

⁂

Съ той поры сталъ ходить Яношекъ на добычу, мстить за себя и за бѣдный словацкій людъ. За то его и товарищей называли «добрыми хлопцами» и принимали какъ желанныхъ гостей.

Въ часъ опасности «добрые хлопцы» находили пріютъ, наверху—въ шалашахъ, внизу—въ деревняхъ. Зимою, когда снѣга заносили лѣса, «добрые молодцы» жили у добрыхъ газду въ качествѣ работниковъ, или ходили подъ видомъ ремесленниковъ. Но лишь букъ начиналъ зеленѣть, добрые хлопцы спѣшили въ горы, на добычу.

Яношекъ не жаждалъ крови. Онъ никого не убивалъ и товарищамъ не дозволялъ. Онъ выходилъ только на богатыхъ и сильныхъ.

— Отдай Богу душу, а намъ золото!—кричали добрые молодцы, потрясая оружіемъ. Съ особымъ удовольствіемъ Яношекъ пугалъ пановъ и земановъ.

— Заплати, пане, за крестьянскіе мозоли!—кричалъ онъ, выскакивая изъ засады.

Завладѣвъ добычею, Яношекъ раздѣлялъ ее поровну между товарищами; свою часть отдавалъ бѣднымъ и неимущимъ, либо пряталъ въ пещеры, дупла деревьевъ и трещины скалъ. Въ пещерахъ у него были богатые склады денегъ, одежды и оружія. Много дукатовъ закапывалъ онъ въ землю, чтобы ими не воспользовались ни паны, ни разбойники.

Любилъ онъ пѣніе и музыку. Часто сиживалъ въ шалашахъ между пастухами и охотно слушалъ, когда кто нибудь игралъ на дудкѣ. Любилъ слушать, когда дѣвушки, собравшись на лужайкѣ, пѣли; угощалъ ихъ и одаривалъ деньгами.

Когда случалось ему съ товарищами сдѣлать привалъ въ укромномъ безопасномъ мѣстечкѣ, въ лѣсу, въ лощинѣ, на королевской планинѣ, Яношекъ приказывалъ бойкому Гайдошу взять рожокъ съ тремя дырочками и играть. Самъ закуривалъ трубочку, выложенную рыбьими костями, либо мѣдными пластинками, и суровыя черты его прояснялись.

Но бывали на королевской планинѣ и другія развлеченія. Кто нибудь изъ товарищей приводилъ путешествующаго студента, котораго, встрѣтивъ въ лѣсу, заполонялъ. Всѣ хлопцы охотно ловили такихъ плѣнниковъ, такъ какъ знали, что это пріятно Яношку.

Блѣдный и дрожащій отъ страха, смотрѣлъ студентъ на добрыхъ молодцевъ, озаренныхъ краснымъ пламенемъ костра и вооруженныхъ съ ногъ до головы. Они стояли, опершись на свои валашки, а у ногъ ихъ лежали волкодавы, которые яростно рычали

Яношекъ говорилъ со студентомъ по-латыни, разспрашивалъ его, выпытывалъ, забавлялся его удивленіемъ и смущеніемъ, смѣялся его ошибкамъ, хвалилъ за хорошіе отвѣты. Если студентъ былъ изъ выдающихся, онъ заставлялъ его говорить проповѣдь.

Хлопцы прибавляли топлива, дрова весело трещали, дымъ поднимался высоко къ небу, пламя разгоралось, освѣщая планину и выступавшіе изъ тьмы горные великаны. Студентъ влѣзалъ на скалу и волей-неволей долженъ быть говорить. Онъ говорилъ торжественно: о жизни Христа Спасителя, о добрыхъ и злыхъ дѣлахъ и о загробной жизни.

И въ этой пустынѣ между горами, подъ звѣзднымъ небомъ было тихо и торжественно, какъ въ храмѣ. Многіе изъ хлопцевъ, глубоко тронутые, плакали, а самъ атаманъ стоялъ, склонивъ въ задумчивости голову. По окончаніи проповѣди,

Яношекъ обращался къ товарищамъ и напоминалъ, какою клятвою они связали себя: никого безъ надобности не притѣснять и неправду карать.

Послѣ проповѣди Яношекъ щедро угощалъ студента проповѣдника и на прощанье насыпалъ ему цѣлую шапку дукатовъ, либо приказывалъ хлопцамъ отмѣрить ему сукна на новое платье. Хлопцы приносили штуку сукна и мѣрили на свой аршинъ — отъ бука до бука, а такъ какъ буки на полянѣ были рѣдки, то студентъ едва въ силахъ былъ унести свой подарокъ.

На королевской планинѣ Яношекъ оставался всего дольше, это было его излюбленное мѣстечко, лежавшее между тремя округами. Не разъ паны посылали туда своихъ гайдуковъ и войско, чтобы изловить атамана. Но всѣ они со стыдомъ возвращались назадъ. Яношекъ отдѣлывался отъ нихъ одинъ, своею валашкою, которая рубила за сто человѣкъ. Въ Ринавской долинѣ Яношекъ убилъ генерала, предводительствовавшаго отрядомъ въ 600 человѣкъ, и всѣ солдаты разбѣжались.

Нерѣдко Яношекъ переряжался. То въ видѣ нищаго бродилъ онъ отъ деревни къ деревнѣ, то въ монашеской рясѣ посѣщалъ города. Иногда, переодѣвшись паномъ, онъ верхомъ являлся въ замокъ, пилъ, ѣлъ, пировалъ; потомъ, расправившись съ жестокими панами по-свойски, забиралъ что хотѣлъ и вмѣстѣ съ своими хлопцами, переодѣтыми въ слуги и гайдуки, отъѣзжалъ прочь. Былъ то тамъ, то тутъ. Иногда возвѣщалъ о своемъ прибытіи, а оказывался совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

Ускользалъ онъ изъ лапъ своихъ враговъ какъ угорь. Случалось, что онъ сидѣлъ съ ними въ корчмѣ; пилъ, ѣлъ и веселился, а они только на другой день узнавали, съ кѣмъ проводили время.

Такъ ходилъ онъ по горамъ много лѣтъ; мстилъ панамъ, помогалъ бѣднякамъ, охранялъ притѣсненныхъ. Въ его время во многихъ замкахъ стали лучше обращаться съ крѣпостными: не изъ милосердія, а изъ страха мщенія Яношка.

Но измѣна погубила его. Гайдошъ, хитрая лисица, открылъ панамъ, гдѣ можно накрыть Яношка; а измѣннику помогалъ газда, подкупленный панскими деньгами.

Этотъ газда дружилъ съ Яношкомъ долго. Однажды газда позвалъ «горнаго молодца» къ себѣ въ гости, и самъ пріѣхалъ за нимъ. Не подозрѣвая измѣны, Яношекъ сѣлъ съ газдой на его телѣгу. Когда пріѣхали, и онъ сталъ слѣзать, газда взялъ у него валашку, будто подержать ее; а въ избѣ уже ждали гайдуки и солдаты.

Едва Яношекъ ступилъ въ избу, какъ поскользнулся и упалъ; на полу нарочно насыпали гороху. Его схватили и связали. Но едва связали, онъ рванулся, разорвалъ веревки и сталъ хлестать ими направо и налѣво, говоря съ насмѣшкой: «Сколько десятковъ идетъ на одну мѣру?» Тяжко приходилось солдатамъ, и они попятились къ дверямъ. Въ эту минуту сморщенная старушонка крикнула визгливымъ голосомъ:

— Рубите его въ поясъ; въ поясъ рубите.—Одинъ солдатъ хватилъ такъ ловко, что сразу перерубилъ очарованную жилку. Лопнула жила, и Яношекъ потерялъ силу. Безъ валашки онъ уже не могъ защищаться. Снова связали его, взвалили на телѣгу и отвезли въ Врановскій замокъ. Тамъ въ смрадной темницѣ лежалъ онъ, прикованный къ стѣнѣ, пока не настала пора вести его на казнь.

Тяжко было ему; страдалъ онъ душой и тѣломъ. Не за себя страдалъ, не за свой животъ,—страдалъ за товарищей и за убогій людъ, который не могъ уже защищать. Вспоминалъ онъ вольную волюшку, вспоминалъ товарищей, какъ ходилъ онъ съ ними по лѣсамъ и горамъ, при ранней зорькѣ и при свѣтѣ звѣздъ, при солнечномъ сіяніи и при кроткомъ свѣтѣ луны; но горше всего сокрушался онъ о бѣдныхъ, притѣсненныхъ людяхъ.

«О несчастные! Кто заступится за васъ!» восклицалъ онъ. Ты одинъ, великій Боже, ихъ помощникъ и заступникъ.

Наконецъ, привели его на судъ и приговорили къ смерти. Окруженный солдатами, сопровождаемый огромною толпою

народа шелъ онъ къ висѣлицѣ. Въ послѣдній разъ взглянулъ онъ на лѣса и горы, на Божье солнышко. Молодой, полный силы, шелъ онъ на смерть, гордо поднявъ голову, и четыре раза обошелъ висѣлицу, чтобы паны видѣли, что онъ не боится смерти.

Такъ окончилъ жизнь Яношекъ, добрый горный хлопецъ.

* *
*

Куда же дѣлась чудотворная Яношкова валашка? Паны, которые овладѣли ею, укрыли ее за семью дверьми. Но взаперти валашка не усидѣла; сама принялась рубить двери. Прорубила однѣ, принялась за другія, тамъ за третьи, и такъ до послѣднихъ дверей. Послѣднія двери прорубила она, когда Яношка на судъ вели. Не поспѣла валашка ему на помощь; Яношекъ предсталъ на судъ Божій. Валашка исчезла и очутилась на излюбленной Яношкомъ королевской планинѣ. Врубилась тамъ въ тополь, да такъ и осталась.

А товарищество?

Плохо кончило товарищество. Лишенное предводителя, оно не могло противостоять силѣ. Одного за другимъ перехватали добрыхъ молодцевъ; перехватали и заточили; Якова Суровца колесовали. Не помогло ему и двухствольное ружье—самострѣлъ. Онъ самъ его сдѣлалъ и громовымъ выстрѣломъ изъ обоихъ стволовъ заразъ угощалъ своихъ враговъ.

Горные хлопцы сгинули, но воспоминаніе о нихъ, особенно о Яношкѣ, сохранилось въ народной памяти.

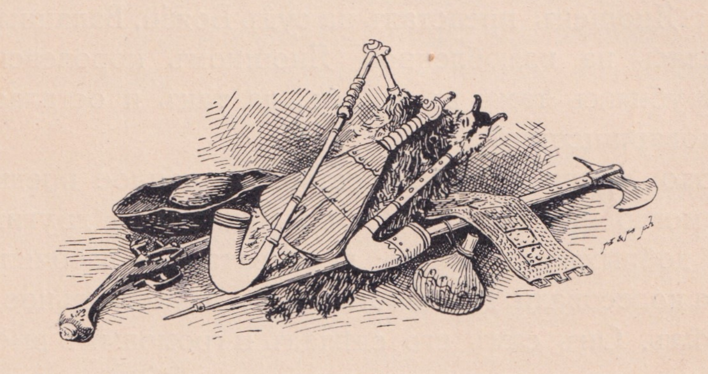
* *
*

Въ словацкихъ деревняхъ, во многихъ хатахъ висятъ картины съ изображеніемъ горныхъ хлопцевъ въ зеленыхъ рубашкахъ, бѣлыхъ штанахъ, съ валашкою въ рукѣ и ружьемъ за плечами. Когда въ длинные зимніе вечера старый газда разговорится о старинѣ, онъ непремѣнно вспомнитъ добрыхъ хлопцевъ, укажетъ на картинѣ музыканта Гайдоша, Суровца, махающаго валашкой надъ головой, Грайногу, который съ легкостью зайца перескакивалъ черезъ молодые

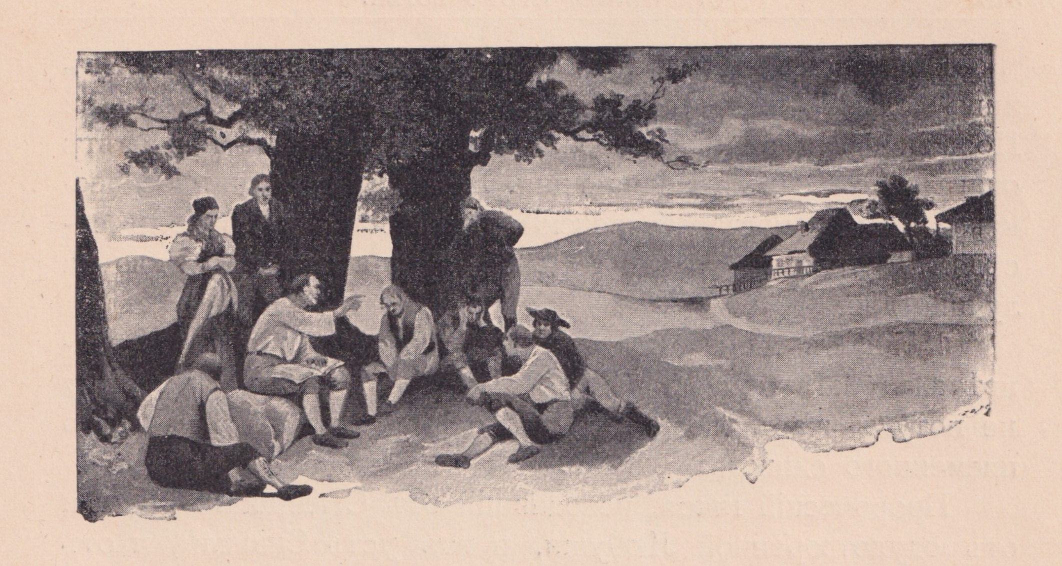
буки и ели, всѣхъ остальныхъ, и въ особенности Яношка. Оживленно повѣствуетъ старикъ о его силѣ и о томъ, сколько онъ переиспыталъ, какъ мстилъ панамъ-обидчикамъ и какъ паны погубили его.

Тихо въ избѣ. Всѣ внимательно слушаютъ, слушаютъ и вздыхаютъ. Всѣмъ жалко добрыхъ молодцевъ. А сѣдой газда махнетъ рукой и скажетъ:

— Богъ воздастъ ему! За то потерпѣлъ, что своихъ словаковъ защищалъ. Есть старинное пророчество; вѣрьте ему, дѣтушки; Яношекъ придетъ снова словакамъ на помощь. И хорошо тогда будетъ! Ужъ поскорѣй бы хоть пришелъ.

Старинныя пророчества.

Закрывается книга старинныхъ сказаній; умолкаетъ ихъ мощный глаголъ.

Являлись они намъ во всей краснорѣчивой правдѣ своей: то озаренныя минувшей славой чешскаго народа, то омраченныя его бѣдствіями и печалями. Мрачная тѣнь отъ этихъ бѣдствій лежитъ на немъ и понынѣ.

Тяжко было въ землѣ чешской, тяжко и трудно. Въ рабствѣ изнывалъ народъ. Тяготы и налоги придавили его, высосали его силу. Униженный, онъ сгибалъ вью и вымаливалъ хоть крупицу состраданія и облегченія.

Бѣдствія шли за бѣдствіями: болѣзни, голодъ, войны. Родной языкъ былъ поруганъ; сами чехи стыдились его.

Люди упали духомъ и только отъ Бога ждали спасенія. Спасенія ждали какъ чуда. Корень этой надежды питался пророчествами о лучшихъ временахъ, и на таинственномъ древѣ этихъ стародавнихъ пророчествъ появлялись новые побѣги.

Появлялись они въ лѣтнія ночи, когда въ тѣни старыхъ липъ сельскій людъ собирался потолковать о своей судьбѣ. Появлялись въ зимніе вечера, когда старый дѣдъ при свѣтѣ очага вспоминалъ минувшіе дни. Появлялись въ дни воскреснаго отдыха, когда деревенскій грамотей разсказывалъ сосѣдямъ, что было, и что будетъ, утѣшая ихъ надеждою на лучшіе дни.

Люди съ трепетомъ внимали ему, и въ душѣ ихъ расцвѣталъ благоуханный цвѣтокъ надежды, благодаря которому не потухъ жаръ любви къ родинѣ и не заглохло чувство племенного единства.

Пророческій гласъ, исходившій отъ Стадицкаго плуга и отъ одухотворенной Любуши, и изъ устъ Сивиллы, и отъ слѣпого юноши, утѣшалъ бѣдный страждущій людъ, а вѣра въ Св. Вячеслава, покровителя чешской земли, подкрѣпляла его. Послушаемъ же и мы тѣ пророчества, которыя подобно роднику, бьющему изъ скалы, утѣшали многія поколѣнія и освѣжали ихъ душу, опаленную огнемъ страданій.

Пророчество Сивиллы *).

Сивилла, царица Савская, отличалась необыкновеннымъ умомъ, мудростью и ученостью. Узнавъ, что въ Іерусалимѣ царствуетъ Соломонъ, по уму и мудрости не имѣвшій равнаго, Сивилла воспылала желаніемъ увидать его. Приказавъ положить на верблюдовъ богатые дары, Сивилла въ сопровожденіи вельможъ и отряда вооруженныхъ воиновъ отправилась въ путь. Дологъ и труденъ былъ этотъ путь, но, наконецъ, она достигла цѣли. Увидавъ Іерусалимъ, молодая царица сошла съ коня и босыми ногами продолжала путь. Дойдя до потока Кедрона, Сивилла увидѣла переброшенное черезъ него древо и, преклонивъ колѣно, облобызала его. Вѣщій духъ открылъ ей, что древо это предназначено для креста Господня, и Сивилла

*) Имя Сивиллы, царицы Савской, сдѣлалось впослѣдствіи нарицательнымъ для всѣхъ особъ женскаго пола, одаренныхъ даромъ пророчества.

не стала попирать его ногами, а перешла потокъ въ другомъ мѣстѣ, бродомъ. Когда же дошла до Голгоѳы, то у подошвы ея упала ницъ съ распростертыми руками и лежала такъ три часа, проливая слезы.

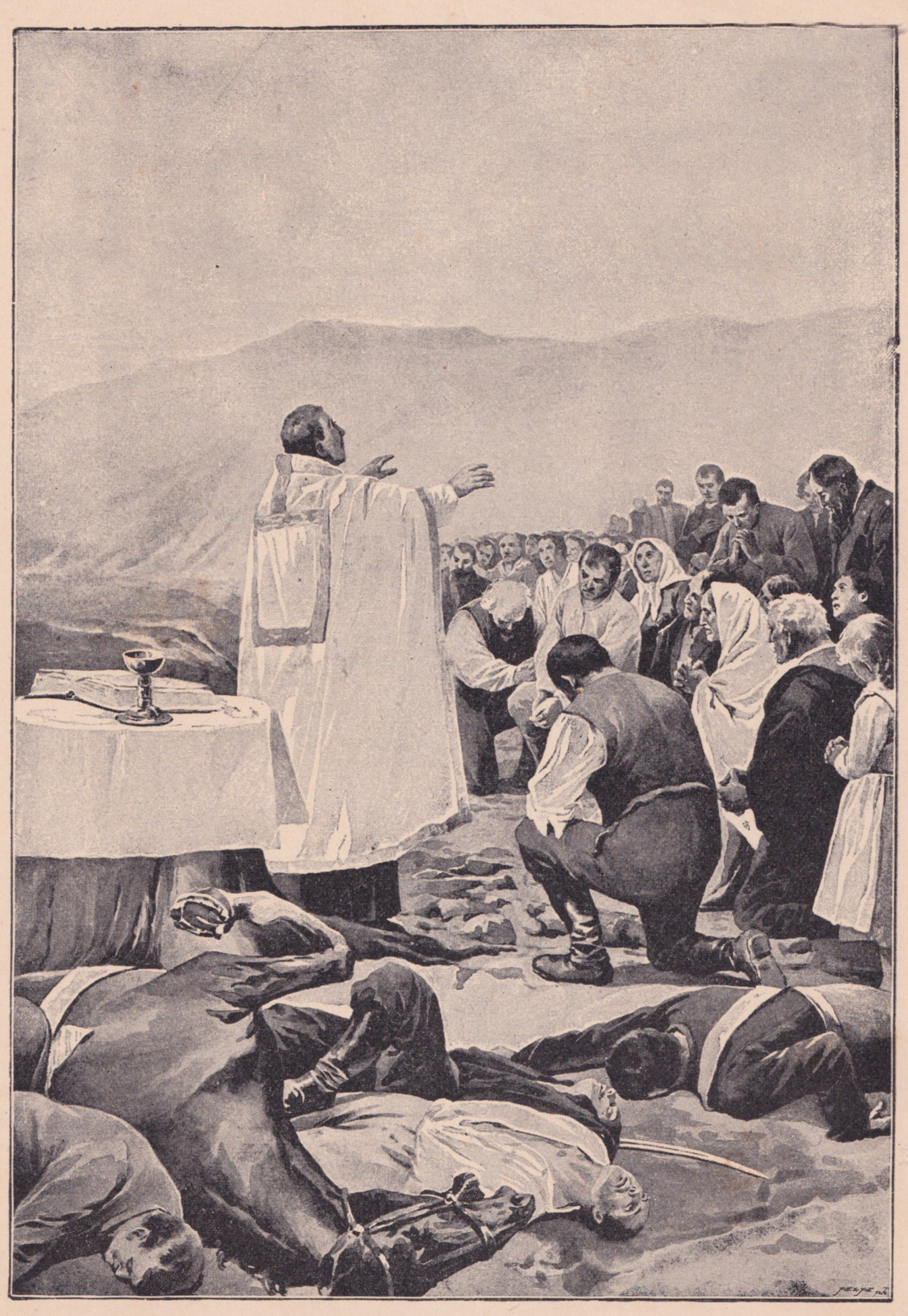
Соломонъ, узнавъ о прибытіи Савской царицы, вышелъ, окруженный своею свитою, ей навстрѣчу и принялъ ее съ большимъ почетомъ, говоря: «Привѣтствую тебя, желанная гостья!»

Прибывъ во дворецъ, царица поднесла привезенные дары Соломону: множество золота и самоцвѣтныхъ каменьевъ, утварь изъ благороднаго металла, сдѣланную руками искусныхъ мастеровъ; также немало цѣлебныхъ корней и вѣтвей, источавшихъ бальзамъ.

Около года пробыла Сивилла въ Іерусалимѣ, удивляя мудрѣйшаго царя своею мудростью, а еще больше дивнымъ даромъ пророчества, которымъ она была одарена. Прогуливаясь съ Соломономъ въ роскошномъ саду, въ тѣни оливъ, лавровъ и кипарисовъ, она вдругъ прерывала бесѣду и, охваченная вѣщимъ духомъ, начинала пророчествовать. Лицо ея измѣнялось и становилось блѣднымъ, почти прозрачнымъ; въ глазахъ горѣлъ внутренній огонь. Царь благоговѣйно слушалъ, а лѣтописецъ записывалъ.

Такъ предсказала она паденіе царства Іудейскаго, разрушеніе храма Іерусалимскаго, пришествіе Мессіи и распространеніе христіанства. Послѣднее пророчество ея коснулось чешскаго королевства.

«Царь великій!» вѣщала она. «Богъ одарилъ тебя такою мудростью, что равнаго тебѣ не было и не будетъ. Многіе придутъ цари и владыки, многія возникнутъ царства, но изъ всѣхъ ихъ славнѣе, богаче и плодороднѣе будетъ чешская земля. Народъ той земли построитъ много городовъ, и главою тѣхъ городовъ будетъ золотая Прага. Прекрасенъ будетъ этотъ перлъ чешской короны, пока народъ его не погрязнетъ во грѣхахъ и беззаконіяхъ. Тогда Богъ прогнѣвается на людей тѣхъ, отниметъ единоплеменнаго правителя и будетъ царствовать у нихъ чужеземецъ. Слезно будутъ молить они о единоплеменномъ королѣ, но не скоро получатъ его.

На высохшемъ днѣ кроваваго пруда священникъ отслужитъ обѣдню.

«Тяжко будетъ народу подъ чужеземнымъ игомъ. Въ рабство обратятъ его. Паны станутъ обременять его работою; четыре дня онъ долженъ будетъ работать на пана и только два на себя.

«Явится король, который введетъ новые порядки и облегчитъ народъ. Сельскій людъ будетъ его любить, но панамъ новые порядки не понравятся. При королѣ этомъ объявлена будетъ свобода вѣроисповѣданій.

«При слѣдующемъ королѣ убавятся вольности, данныя народу, а при его наслѣдникѣ начнутся войны. Наступитъ такое время, что у женъ будутъ отняты мужья и послѣдніе сыновья.

«Будетъ недородъ хлѣба, будутъ бури, ураганы, снѣга и воды великія. Но народъ еще не образумится, и Богъ покàраетъ его. Огнемъ и водою будетъ разрушена столица его, а чего не сдѣлаютъ стихіи, то докончитъ непріятель. Развалины города заростутъ кустарникомъ и бурьяномъ; лисицы и куницы будутъ укрываться въ немъ. Отъ славнаго города и знака не останется. Поѣдетъ по каменному мосту фурманъ и, указывая бичемъ на пустынное мѣсто, скажетъ своему сыну:

— «Вотъ тутъ была Прага, а вотъ тамъ стояла Староградская ратуша.

«Но прежде чѣмъ придетъ конецъ и наступятъ смутные дни, будутъ разныя знаменія. Дни станутъ короче, солнце убавитъ тепла и свѣта, люди въ тулупахъ будутъ жать хлѣбъ; налоги будутъ увеличены до такой степени, что никто не ляжетъ въ постель сытымъ. Народъ возстанетъ, и начнутся жестокія междоусобія. Люди скажутъ: «лучше намъ погибнуть на полѣ битвы, чѣмъ видѣть, какъ наши дѣти умираютъ съ голоду».

«Такъ наказаны будутъ паны, которые притѣсняли своихъ подданныхъ.

«Когда страна будетъ ослаблена всякими бѣдствіями, вторгнется въ нее непріятель со всѣхъ четырехъ концовъ; отъ столицы къ горѣ Бланику потечетъ кровавая рѣка. На

пути кроваваго потока будетъ высохшій прудъ. Кровь наполнитъ прудъ тотъ и будетъ хлестать черезъ плотину. Крики, стоны, громъ оружія будутъ слышны на 24 мили кругомъ. Двѣнадцать дней будетъ длиться битва; на тринадцатый Богъ пошлетъ помощь. Изъ горы Бланика выйдетъ несмѣтное воинство. На непріятеля нападетъ страхъ, и онъ бросится въ бѣгство.

«Божье войско прогонитъ непріятеля и исчезнетъ; куда—неизвѣстно. Къ Бланику оно не вернется, и никто его не встрѣтитъ. Вѣрные, оставшіеся въ живыхъ, будутъ обнимать другъ друга и радоваться, что Господь сохранилъ ихъ. На высохшемъ днѣ кроваваго пруда священникъ отслужитъ обѣдню, и всѣ будутъ славословить Господа.

«Всѣ вернутся въ свои жилища, и не будетъ между ними споровъ и розни. Станутъ жить въ любви, и всѣ будутъ какъ одна душа—и паны и работники. И будетъ 50 лѣтъ счастливыхъ и урожайныхъ. Вездѣ будетъ царить покой и Божье благословеніе».

— Скажи мнѣ, прекрасная царица, — спросилъ Соломонъ, когда Сивилла умолкла;—когда будетъ кончина міра и день судный?

— Сего не открылъ Богъ даже ангеламъ. Спрошу тебя, царь мудрый. Ты имѣешь подданныхъ добрыхъ и злыхъ; одинаково ли ты воздаешь имъ?

— Добрыхъ награждаю, злыхъ наказываю, — отвѣчалъ Соломонъ.

— Не такъ-ли и Господь Богъ дѣлаетъ? Будутъ люди праведны, Господь потерпитъ имъ; будутъ злы—онъ покараетъ ихъ.

Мудрѣйшій царь преклонился передъ молодой царицей. На мраморныхъ ступеняхъ въ тѣни оливъ и лавровъ стояла она, обвѣваемая утреннимъ прохладнымъ вѣтеркомъ, словно видѣніе не отъ міра сего.

Пророчество слѣпого юноши.

Когда Карлъ IV возвращался изъ нѣмецкихъ земель въ Прагу, онъ узналъ, что въ пограничныхъ Шумавскихъ лѣсахъ въ деревнѣ Коутѣ живетъ юноша-слѣпецъ, одаренный пророческимъ духомъ. Юноша былъ набоженъ и у окрестнаго населенія пользовался большимъ почетомъ.

Король поѣхалъ въ Коуту и пошелъ въ хижину слѣпого. Слѣпой сидѣлъ за столомъ.

— Кланяюсь тебѣ, честный юноша,—сказалъ король.

— Тебѣ низко кланяюсь, святый мужъ и король нашъ!— взволнованно отвѣчалъ юноша, вставая съ мѣста.

— Почему ты меня грѣшнаго называешь святымъ, и почему ты знаешь, что я король. Ты слѣпъ, и никто не могъ предупредить тебя о моемъ посѣщеніи.

— Ты точно мужъ Божій,—отвѣчалъ слѣпой;—о томъ свидѣтельствуютъ дѣла твои. Ты заботишься о бѣдныхъ людяхъ, строишь храмы. Всѣ тебя благословляютъ, какъ отца-благодѣтеля чешскаго народа. Ты бережешь родной языкъ, но увы! Не пройдетъ трехъ столѣтій, какъ языкъ нашъ будетъ униженъ и поруганъ.

Король и слѣпой юноша сѣли къ столу и принялись бесѣдовать.

— Милый юноша,—началъ король,—Богъ лишилъ свѣта твои очи тѣлесныя, но просвѣтилъ умственныя. Ты глядишь въ грядущія времена. Скажи мнѣ, что открылъ тебѣ вѣщій духъ о нашей родинѣ.

Вмѣсто отвѣта, слѣпой начертилъ на столѣ мѣломъ слѣдующія буквы:

К. В. С. А. В. Ю. В. Л. Ф. М. Р.

Эти буквы означали королей:

Карла IV, Вячеслава, Сигизмунда, Альбрехта, Владислава австрійскаго, Юрія, Владислава польскаго, Людвига, Фердинанда, Максимиліана, Рудольфа.

— При твоемъ сынѣ и наслѣдникѣ будутъ великія междоусобія,—пояснялъ слѣпой;—но земля чешская не погибнетъ и славно будетъ защищаться противъ непріятелей.

«Но съ годами измѣнятся чехи, и попортятся нравы ихъ. Въ одеждѣ и обычаяхъ чехи будутъ подражать иноземцамъ, а своихъ织 стародавнихъ обычаевъ станутъ стыдиться. Чиновники станутъ брать мзду. Гласъ бѣдняка не будетъ услышанъ; правы будутъ только богатые. Правда сгинетъ, порядокъ исчезнетъ, Богъ прогнѣвается, и не будетъ почивать его благословенія на родной землѣ. Наступятъ великіе тяготы и налоги; война отниметъ кормильцевъ у семьи. Нѣмцы будутъ господствовать въ Прагѣ. Чешскій языкъ будетъ униженъ, и сами чехи будутъ стыдиться его.

«Наступитъ великій голодъ. Подобно ливню, или тучѣ саранчи, непріятель обрушится на обезсиленный народъ. Претерпѣвшій же до конца—спасется.

Король тяжело вздохнулъ.—О, если-бъ было возможно предотвратить всѣ эти бѣдствія, я охотно пожертвовалъ бы жизнію!—воскликнулъ онъ.

— Ты мужъ святый, и Господь хранитъ тебя. Ты каешься, постишься и на своемъ Карлштинѣ молишься за народъ. Золотое ложе, на которомъ ты почиваешь, священно, и никого иного не снесетъ оно, даже твоего сына.

«Но не до конца прогнѣвается Господь на несчастный народъ. Изъ горы Бланика выйдетъ Божье войско на помощь братьямъ. Св. Вячеславъ на бѣломъ конѣ поведетъ его. Произойдетъ жестокая битва. Непріятель будетъ посрамленъ и изгнанъ. Нѣкоторые изъ враговъ укроются въ пещерахъ, но Св. Прокопій посохомъ своимъ выгонитъ ихъ, и чешскій народъ будетъ свободенъ.

«Водворится продолжительный миръ; чехи соединятся воедино, и зацвѣтетъ между ними братская любовь. Униженный языкъ будетъ вновь превознесенъ и препрославленъ. Люди будутъ гордиться своимъ происхожденіемъ и предками, будутъ трудиться и въ нуждѣ помогать другъ другу. И снова въ любви и правдѣ возвеличится наша родина, какъ возвеличена она при тебѣ, король и отецъ нашъ.

— Дай Богъ, чтобы и нынѣ и впредь земля чешская была счастлива и хранима Богомъ!—сказалъ король, пожимая руку юноши.—Поѣдемъ со мною въ Прагу, милый юноша. Будешь жить въ моемъ замкѣ, и я стану пещись о тебѣ.

Юноша поѣхалъ съ королемъ въ Прагу и оставался при немъ до самой смерти.

Пророчество Гавласа Павлати.

ъ мѣстечкѣ Высокомъ, у подошвы Крконошскихъ горъ, жилъ стопятнадцатилѣтній старецъ, Гавласъ Павлати. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ позвалъ дѣтей, внуковъ, правнуковъ и, благословивъ ихъ, сказалъ:

— Милыя дѣти! Настало время мнѣ разлучиться съ вами и перейти въ вѣчность. Довольно я на землѣ пожилъ. Сто пятнадцать лѣтъ Богъ терпѣлъ грѣхи мои. Была на моемъ вѣку пора хорошая. При Владиславѣ Ягеллонѣ плугъ пахаря вознаграждался сторицею. Но не одинъ хлѣбъ давала земля; серебра и золота добывалось столько, что на монетномъ дворѣ то и дѣло чеканили звонкую монету.

«А вамъ, дѣти, завѣщаю я откладывать денежку на черный день. Будетъ великій голодъ и дороговизна неслыханная. Будетъ моровая язва и такая жестокая, что въ иныхъ деревняхъ вымрутъ всѣ дочиста и волки безпрепятственно

будутъ ходить по хижинамъ и пожирать трупы. Нивы, полныя колоса, будутъ стоять и гнить, ибо некому будетъ убирать ихъ. Возгорятся войны такія жестокія, какихъ и при Жижкѣ не было. Вторгнутся чужеземцы и раззорятъ Чешскую землю. Передъ этимъ будутъ твориться всякія неправды. Паны станутъ притѣснять народъ, и не будетъ на нихъ ни суда, ни расправы. Будутъ бури, ураганы и морозы еще болѣе лютые, чѣмъ въ то время, когда я жегъ уголь у Ракитницы. Тогда даже и медвѣдь не могъ выдержать; пришелъ грѣться у моей угольной кучи. Я его кормилъ хлѣбомъ, гладилъ его. Онъ пришелъ погрѣться и на другую ночь. Я скормилъ ему весь хлѣбъ, который у меня былъ; а на третью ночь приготовилъ лыковую веревку, продѣлъ ему въ ноздри и повелъ въ Прагу.

«Вотъ каковы были морозы, а потомъ еще лютѣе будутъ.

«Не веселыя рѣчи говорю вамъ, дѣтушки. Но когда настанетъ время, люди увидятъ, что я говорилъ правду. Самъ народъ будетъ виною своихъ несчастій, ибо забудетъ Бога и правду. Васъ, милыя дѣтушки, минуетъ чаша сія, ибо только послѣ короля Фердинанда начнутся тяжкіе дни; такіе тяжкіе, что люди будутъ стонать и жаловаться, зачѣмъ родились на свѣтъ. Но когда возсядетъ на престолъ предковъ добрый и набожный король, бѣдствія кончатся».

Разныя пророчества.

Подъ развалинами Подштинскаго замка, посреди самой стремнины дикой Орлицы торчалъ огромный скалистый камень. Окрестные жители, весною и осенью, измѣряли по немъ прибыль воды. Иногда изъ расщелинъ, на поверхности этого камня, выступала красная влага и, точно кровь, стекала по бокамъ. Люди боялись этого знаменія. Оно предвѣщало бѣду: войну, голодъ, либо моровую язву.

Вѣками стоялъ этотъ камень среди волнующихся водъ, но и ему конецъ пришелъ.

«Прилетитъ сорока, расклюетъ камень, и на чеховъ обрушится горе: вторгнется непріятель, а съ нимъ притѣсненія и болѣзни».

Такъ гласило старинное пророчество.

Въ 1866 г. возводилось въ Подштинскомъ помѣстьѣ какое то зданіе, требовалось много дикаго камня, и управляющій приказалъ взорвать скалистый камень посреди Орлицы порохомъ. Сельскій людъ сожалѣлъ о скалистомъ камнѣ и не предвидѣлъ ничего добраго. Такъ и случилось.

Вскорѣ вторглись прусаки, а за ними всѣ бѣдствія, обыкновенно сопровождающія войну. Всѣ могли убѣдиться, что предсказаніе исполнилось: фамилія управляющаго была—«Сорока».

* * *

Давнымъ-давно надъ рѣкою Орлицей, тамъ, гдѣ теперь городъ Костелецъ, стоялъ богатый костелъ. На его башнѣ висѣлъ золотой колоколъ. За грѣхи людскіе костелъ, башня и колоколъ провалились сквозь землю.

Но костелъ опять воздвигнется надъ долиной, и золотой звонъ огласитъ наступленіе золотого вѣка. Но прежде чѣмъ настанетъ это время, молодой соснякъ на горѣ выростетъ въ мощный лѣсъ. И когда крайняя сосна высохнетъ и корень ея истлѣетъ, придетъ черная свинья, подроетъ корень, и изъ глубины земли поднимется золотой колоколъ и въ это отверстіе выйдетъ наружу.

* * *

Послѣ бурь и кровопролитныхъ войнъ настанетъ продолжительный миръ. Мечи и сабли будутъ висѣть на стѣнахъ какъ украшеніе. Случится это тогда, когда розовая лужайка вся заростетъ розами и среди нихъ сойдутся семь королей и установятъ вѣчный миръ.

* * *

Всему въ мірѣ наступитъ конецъ, а также и самому міру.

Случится это тогда, когда каменный крестъ на холмѣ у Солницы, съ каждымъ годомъ понемножку вростающій въ землю, совершенно сравняется съ землею.

* *
*

Высоко на горѣ въ графствѣ Кладскомъ сидитъ на скалѣ каменная женщина и держитъ недошитую рубашку. Всякій годъ въ великую пятницу, когда въ церкви читаютъ о страстяхъ Господнихъ, она дѣлаетъ одинъ стежокъ.

Что годъ, то стежокъ. Когда сдѣлаетъ послѣдній стежокъ и рубашка будетъ окончена, все сгинетъ, что подъ солнцемъ, и настанетъ судный день.

Бланицкіе рыцари.

Въ окрестностяхъ города Влашима стоятъ рядомъ двѣ лѣсистыя горы: «Малый» и «Большой Бланикъ». Послѣдній виденъ издалека, и взгляды чеховъ пытливо устремляются на него. Его вершина, задернутая тучами, предвѣщаетъ ненастье; если же вершина синѣетъ на ясномъ небѣ—будетъ вёдро.

На вершинѣ Большого Бланика, въ тѣни буковъ, елей и сосенъ виднѣется полуразрушенная отъ времени каменная стѣна. Замка, который она ограждала, нѣтъ и въ поминѣ.

Подъ этою стѣною въ нѣдрахъ горы спятъ вооруженные рыцари, «Святовацлавское войско». Спятъ они до того дня, когда понадобится ихъ помощь. Тогда проснутся они и ринутся въ бой.

Подъ скалистой вершиной Бланика, на восточномъ его скатѣ, есть скала, похожая на готическій сводъ. Это и есть

входъ во внутрь горы. Тутъ бьетъ сильный ключъ, изъ котораго Бланицкіе рыцари поятъ своихъ коней. Въ лунную ночь выѣзжаютъ они на лугъ подъ горою, и тогда бываетъ слышенъ глухой шумъ: бой барабана и звуки трубъ. Къ утру все стихаетъ. Рыцари и кони исчезаютъ за скалистыми воротами въ нѣдрахъ горы; но на лугу остаются слѣды ихъ: помятая трава и отпечатокъ конскихъ копытъ.

Кое-кому изъ смертныхъ довелось заглянуть въ таинственныя нѣдра, гдѣ спятъ рыцари.

Однажды крестьянская дѣвушка жала подъ Бланикомъ траву. Неожиданно передъ нею явился рыцарь и попросилъ ее пойти съ нимъ почистить ихъ помѣщеніе. Дѣвушка не испугалась и пошла. Ворота въ скалѣ были отворены. Дѣвушка увидала огромную высѣченную въ скалѣ палату, своды которой поддерживались могучими колоннами. По стѣнамъ и колоннамъ развѣшено было оружіе. Въ таинственномъ полумракѣ палаты царила тишина какъ въ церкви. Въ сторонѣ, у яслей, стояли осѣдланные кони, за каменными столами сидѣли рыцари. Ихъ головы опущены были на столъ; они спали. Кони тоже стояли неподвижно. Ни головой не качали, ни копытомъ не били, ни хвостомъ не махали.

Дѣвушка вошла и начала мести. Никто не шевельнулся. Какъ пришла, такъ и ушла, окончивъ свое дѣло. Когда она вернулась домой, всѣ принялись разспрашивать, гдѣ такъ долго была. Дѣвушка страшно испугалась, узнавъ, что уже годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ она ушла изъ дома. Когда она разсказала, гдѣ была, родные поняли, почему ей годъ за минуту показался. Черезъ три дня она умерла.

Также какъ и ее, позвалъ невѣдомый рыцарь одного кузнеца, чтобы шелъ подковать коней. Когда кузнецъ подковалъ, дали ему мѣшокъ съ соромъ, который онъ со злости тутъ же у горы и высыпалъ. Дома его ужъ оплакали, такъ какъ годъ тому назадъ онъ безслѣдно пропалъ.

Разсказавъ, что съ нимъ случилось, онъ вытрясъ мѣшокъ, и изъ него вывалились три дуката. Тутъ только кузнецъ понялъ, какого онъ сыгралъ дурака, высыпавъ у Бла-

ника соръ изъ мѣшка. Бросился туда, но увы!—напрасно; дукатовъ тамъ и въ поминѣ не было.

Разсказываютъ еще о пастухѣ, который, отыскивая заблудившуюся овцу, попалъ въ Бланикъ. Также побывалъ тамъ одинъ молодой человѣкъ. Оба пропадали по цѣлому году.

И стоитъ себѣ величественный Бланикъ, господствуя надъ окрестною уединенною страною, отдаленною отъ шумныхъ центровъ. На всей окрестности словно почиваютъ его тяжелыя думы. Святовацлавское войско спитъ; еще не пришелъ его часъ. Въ ту пору возстанетъ оно, когда въ Чешскую землю вторгнется такое количество непріятелей, что не будь помощи свыше, всю землю разнесли бы на конскихъ копытахъ.

Тогда появятся знаменія. На вершинѣ Бланика засохнутъ деревья, а давно засохшій дубъ зазеленѣетъ, и ключъ въ скалѣ забьетъ такъ шибко, что превратится въ горный потокъ. Тутъ-то и разгорится такое жестокое побоище, что спущенный прудъ наполнится кровью. И будетъ плачъ великій. Чехи геройски станутъ обороняться, но у нихъ силъ не хватитъ. Тогда откроются каменныя врата, и изъ нѣдръ Бланика ринется Святовацлавское войско. Св. Вячеславъ на бѣломъ конѣ поведетъ его на помощь чехамъ.

Непріятель, объятый ужасомъ, будетъ отступать къ Прагѣ, гдѣ и произойдетъ окончательное сраженіе. Кровь потечетъ рѣкою по каменному Карлову мосту. Св. Вячеславъ съ хоругвью въ рукѣ будетъ предводительствовать, а Св. Прокопій съ посохомъ помогать ему.

Непріятель будетъ окончательно изгнанъ, и чешскій народъ вздохнетъ свободно. Много чеховъ въ бояхъ тѣхъ погибнетъ, но тѣ, которые уцѣлѣютъ, будутъ крѣпки вѣрою и сильны любовію. Непріятель уже не будетъ имѣть власти надъ ними.

Изъ нѣдръ Бланика ринется Святовацлавское войско.

⁂

Таковы сказанія давнихъ лѣтъ и старинныя пророчества о землѣ Чешской.

Счаслива будь, о милая родина! да возрастутъ въ силѣ всѣ поколѣнія твои, да одолѣютъ противниковъ, да сохранятъ святое наслѣдіе предковъ: родной языкъ и старинныя законныя права свои.

Да мужаютъ грядущія поколѣнія тѣломъ и духомъ, чтобы стать крѣпкими какъ скалы и богатыми силою.

